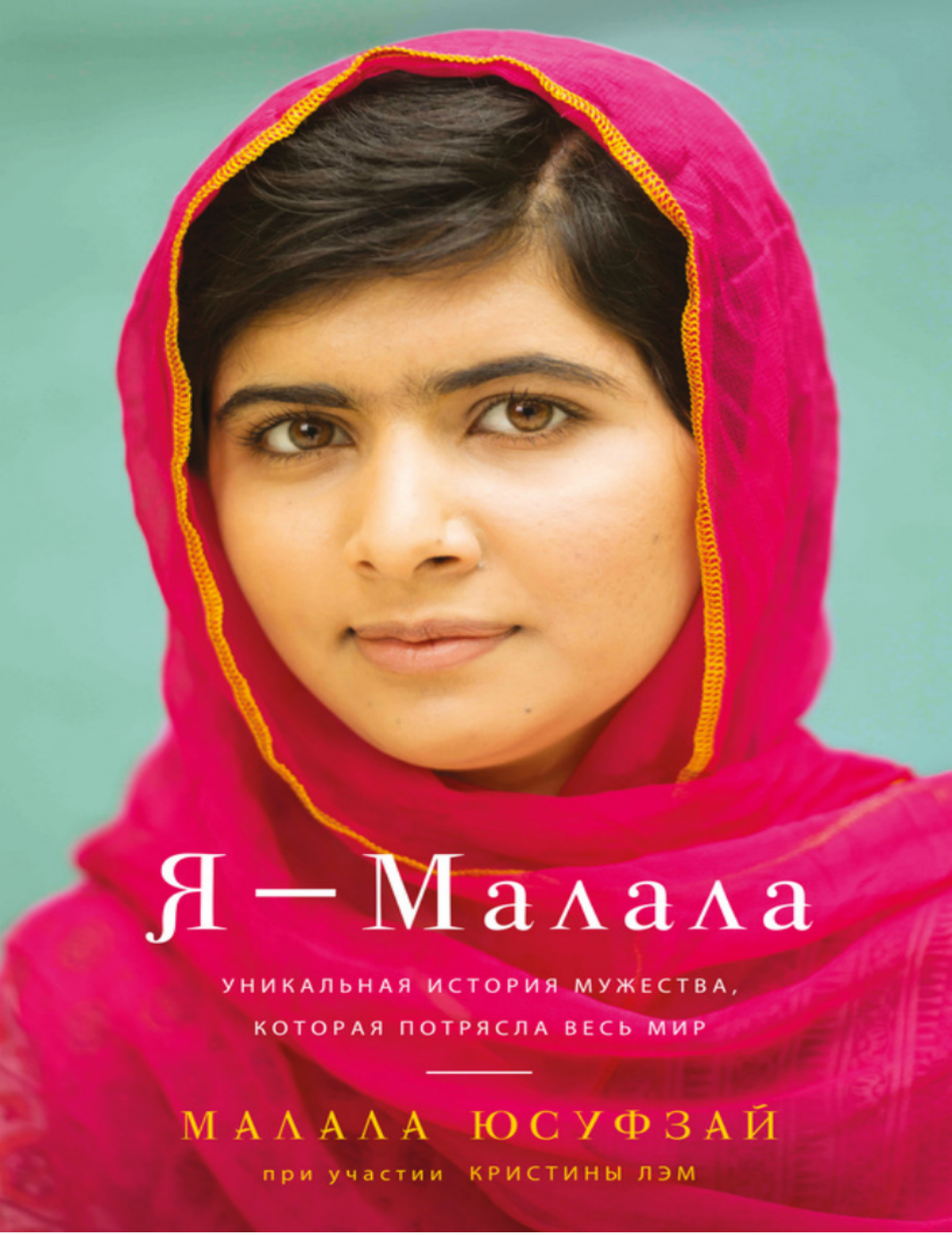

Я — Малала
УНИКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МУЖЕСТВА,
КОТОРАЯ ПОТРЯСЛА ВЕСЬ МИР
МАЛАЛА ЮСУФЗАЙ
при участии КРИСТИНЫ ЛЭМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Малала Юсуфзай была дважды номинирована на Нобелевскую премию мира.

Журнал «Таймс» включил ее в список 16 самых влиятельных подростков 2013 года.

Журнал «Пипл» назвал Малалу Героиней года в 2013 году.

Она стала лауреатом Национальной книжной премии Великобритании 2013 года в категории «Нон-фикшн».

В день, когда ей исполнилось 16 лет, она произнесла речь в Организации Объединенных Наций и ее стоя встречали и провожали аплодисментами.

Малала Юсуфзай – школьница из долины Сват в Пакистане, бросившая вызов движению Талибан и приговоренная талибами к смерти, – чудом выжила после покушения.

«Я – Малала» – захватывающая история девочки, противостоящей международному терроризму. Эта книга заставит вас поверить, что даже один человек способен изменить мир…

Впервые на русском языке!

- Малала Юсуфзай
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Пролог
  - ○ Часть первая
    - ■
    - ■ 1. Дочь родилась
    - ■ 2. Мой отец – сокол
    - ■ 3. Создание школы
    - ■ 4. В деревне
    - ■ 5. Почему я не ношу серьги, а пуштуны никогда не говорят «спасибо»
    - ■ 6. Дети в мусорной куче
    - ■ 7. Муфтий, который хотел закрыть нашу школу
    - ■ 8. Осень, когда произошло землетрясение
  - ○ Часть вторая
    - ■
    - ■ 9. Радио Мулла
    - ■ 10. Ириски, теннисные мячи и Будды долины Сват
    - ■ 11. Самый умный класс
    - ■ 12. Кровавая площадь

        - 13. Дневник Гюль Макай
        - 14. Призрачное перемирие
        - 15. Разлука с долиной
    - Часть третья
        -
        - 16. Долина печали
        - 17. Молитва о том, чтобы стать выше ростом
        - 18. Женщина и море
        - 19. Избранные мишени
        - 20. Кто из вас Малала?
    - Часть четвертая
        -
        - 21. Господи, я вверяю ее Твоей милости
        - 22. Путешествие в неизвестность
    - Часть пятая
        -
        - 23. Девочка, раненная в голову. Бирмингем
        - 24. Они украли ее улыбку
    - Эпилог
    - Словарь
    - Наиболее важные события в истории Пакистана и долины Сват
    - Благодарности
    - Интервью, которое Джуди Клейн взяла у Малалы Юсуфзай
    - Вклейка
- notes
    - 1
    - 2

Малала Юсуфзай
Я – Малала

Malala Yousafzai with Christina Lamb
I AM MALALA
Copyright © 2013 by Salarzai Limited
This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA.
All rights reserved

Jacket design by Mario J. Pulice and Ploy Siripant
Jacket photographs by Antonio Olmos

© Е. Большелапова, перевод, 2014
© И. Иванов, перевод предисловия, 2014
© Ю. Каташинская, карта, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство КоЛибри®

* * *

Посвящаю эту книгу всем девочкам, которые столкнулись с

несправедливостью, но были вынуждены молчать.

Вместе мы добьемся того, чтобы нас услышали

Автор и издатель предприняли все усилия, чтобы информация в данной книге была представлена точно. События, места и беседы основаны на воспоминаниях автора о них. Некоторые имена и уточняющие подробности были изменены для защиты личной жизни этих людей.

Карта Свата, Пакистана
и близлежащих территорий
АФГАНИСТАН
20 км
СВАТ
Сват
ШАНГЛА
БАДЖАУР
Каршат
Баркана
Матта
Шахпур
Мингора
Алпури
Имам Дери
(штаб-квартира
Фазлуллы)
Малаканд
ТАДЖИКИСТАН
КИТАЙ
Линия контроля
Кабул
Тора-Бора
Мардан
Абботтабад
КАШМИР
Пешавар
Исламабад
Равалпинди
АФГАНИСТАН
ВАЗИРИСТАН
Кандагар
Лахор
Кветта
ПАКИСТАН
ИНДИЯ
ИРАН
С
Карачи
0 100 200 300 миль
0 200 400 км
Аравийское море

Предисловие

Июль 2014 г. Бирмингем, Англия

С момента выхода моей книги прошел год, и два года – с того октябрьского утра, когда боевики Талибана стреляли по мне в школьном автобусе, в котором я возвращалась домой после занятий. С тех пор моя семья пережила множество перемен. Нас вырвали из горной долины в пакистанской провинции Сват и переместили в кирпичный дом в Бирмингеме – втором по величине городе Англии. Иногда мне это кажется настолько странным, что хочется себя ущипнуть. Теперь мне 17, но одна моя особенность не изменилась: я по-прежнему не люблю вставать по утрам. Самое удивительное, что нынче меня будит голос отца. Каждый день он поднимается первым и готовит завтрак для меня, мамы и моих братьев Атала и Кушаля. Разумеется, бесшумно завтрак не приготовишь. Я слышу, как отец готовит свежевыжатый сок, жарит яичницу, разогревает лепешки и достает из кухонного шкафа мед. «Это всего лишь завтрак!» – поддразниваю я его. Впервые в жизни отец стал ходить по магазинам, хотя терпеть этого не может. Человек, не знавший, сколько стоит пинта молока, сделался завсегдатаем супермаркета и точно знает, что на какой полке лежит! «Я стал совсем как женщина. Настоящий феминист!» – говорит он, и я в шутку бросаюсь в него чем-нибудь.

Мы с братьями ходим в разные школы. Наша мама Тор Пекай тоже учится. Для нее это самая грандиозная перемена в жизни. Пять дней в неделю она посещает языковой центр, где учится читать, писать и говорить по-английски. В детстве мама не получила образования и потому усиленно убеждала нас ходить в школу. «Нельзя, чтобы потом вы просыпались по утрам и понимали, как много вы упустили за эти годы», – говорит она. В повседневной жизни мама сталкивается со множеством проблем, поскольку ей и сейчас трудно объясняться в магазинах, на приеме у врача или в банке. Учеба придает ей уверенности в себе, ведь теперь она может общаться и вне дома, а не только с нами.

Год назад я думала, что мы здесь не приживемся, но сейчас начинаем воспринимать Бирмингем как дом. Он никогда не станет провинцией Сват, по которой я тоскую каждый день. Мне приходится много ездить, и, возвращаясь в наш новый дом, я действительно ощущаю его своим домом. Я даже перестала волноваться из-за постоянных дождей, хотя мне смешны жалобы моих друзей на жару, если термометр показывает 68 или 77 градусов по Фаренгейту. Для меня это весенняя погода. В новой

школе у меня появляются друзья, и все равно моей лучшей подругой остается Мониба. Мы часами болтаем с ней по скайпу, чтобы быть в курсе всех событий. Когда она рассказывает о праздниках в наших родных краях, я очень жалею, что меня там нет. Иногда я общаюсь с Шазией и Кайнат – двумя девочками, по которым тоже стреляли талибы. Сейчас обе учатся в Атлантик-колледже в Уэльсе. Им очень трудно жить так далеко от дома, в стране с совершенно другой культурой, но они сознают, что это дает им потрясающую возможность в осуществлении их мечтаний о помощи жителям родных мест.

Английская система школьного образования сильно отличается от пакистанской. В моей прежней школе меня считали смышленой девочкой. У меня возникло представление, что так оно всегда и будет. Стану ли я учиться усердно или спустя рукава – положение умной, сообразительной ученицы мне обеспечено. Я искренне думала, что везде буду ходить в отличницах. Однако в Великобритании учителя предъявляют к ученикам более высокие требования. В Пакистане мы частенько писали длинные ответы. Можно было писать о чем угодно. Иногда экзаменаторы уставали читать нашу писанину и после нескольких абзацев просто ставили нам высокие отметки. Представляете? В Англии вопросы нередко длиннее, чем ответы. Возможно, требования в Пакистане были ниже, поскольку само хождение в школу уже считалось чем-то выдающимся. У нас не было хороших школьных лабораторий, компьютеров и библиотек. Учитель перед белой доской и учебники – вот и все, что у нас было. На родине меня считали начитанной девочкой, ведь я прочла восемь или девять книг. Приехав в Англию, я встретила девочек, прочитавших сотни книг. На будущий год я получу аттестат о среднем образовании, затем сдам экзамены повышенного уровня сложности, чтобы поступить в университет и изучать там политологию и философию.

Я не оставляю надежды вернуться в родной Сват и вновь увидеть моих друзей, учителей, школу и наш дом. Возможно, должно пройти какое-то время, но я уверена: наступит такой день, когда мое желание станет осуществимым. Я мечтаю вернуться в страну, где родилась, и служить людям. Еще я мечтаю стать влиятельным пакистанским политиком. К сожалению, маулана Фазлулла – тогдашний командир сватских талибов, по приказу которого они стреляли в меня, – теперь командует всем пакистанским Талибаном. Это обстоятельство увеличивает риск моего возвращения в Пакистан. Но даже если бы мне ничего не угрожало, я все равно должна была бы сначала получить образование и как следует подготовиться к битве против невежества и терроризма, которую мы обязательно поведем.

В мои планы входит основательное изучение истории, встречи с интересными людьми и выслушивание их мнений.

Школьные занятия и события, в которых я участвую, отнимают почти все мое время, но я рада поболтать с друзьями за ланчем и на переменах. Они любят говорить о спорте, а я в это время читаю «Тайм» и «Экономист». Да и времени на разговоры у нас совсем немного. Учеба в английской школе – это сплошные нагрузки!

Благодаря потрясающим английским врачам я не могу пожаловаться на здоровье. Когда меня только выписали из больницы, я раз в неделю ходила на сеансы физиотерапии (они помогали мне быстрее поправиться) и нуждалась в постоянной поддержке. Врачи говорят, что мои лицевые нервы восстановились на 96 %. Имплант, установленный в ухе, улучшил мой слух. Врачи считают, что в будущем они применят новейшие технологии. У меня перестала болеть голова. Я занимаюсь спортом, хотя ребята по-прежнему стараются не бросать мяч рядом с моей головой. Я очень неплохо играю в английскую лапту и крикет, с чем мои братья, конечно же, не согласны.

Мои братья освоились на английской земле, хотя число моих стычек с Кушалем меньше не стало. Атал без конца нас смешит. У него очень образный язык и такое бешеное количество энергии, что мы все от него устаем. Недавно мы с ним повздорили из-за того, что брат взял подаренный мне айпод. «Малала, у тебя их целых два. Вот я и взял один». «Дело не в том, сколько их у меня, а в том, что нельзя брать чужие вещи без разрешения», – ответила я Аталу.

Для Атала заплакать – пара пустяков. Вот и тогда он пустил слезу. «Мне нужны в жизни хоть какие-то развлечения, – всхлипывал он. – Я живу в этом доме, как в тюрьме. Тебя называют самой смелой девочкой в мире, но я скажу: ты, Малала, самая жестокая девчонка во всем мире! Привезла нас сюда и жалеешь отдать мне какой-то айпод!»

Многие наши пакистанские друзья, возможно, считают, что нам очень повезло. Живем в Англии, в красивом кирпичном доме, ходим в хорошие школы. Наш отец работает в пакистанском консульстве атташе по вопросам образования и еще советником по глобальному образованию по линии ООН. Многие молодые амбициозные пакистанцы мечтали бы о такой работе.

Но когда вас изгоняют с родины, где родились ваши отцы и деды и где сотнями лет жили ваши предки, это очень болезненно. Вам не коснуться руками родной земли, не услышать мелодичное пение рек. Роскошные отели и приемы во дворцах не могут заменить чувство родного дома.

Это я очень отчетливо вижу на примере моей мамы. Физически она находится в Бирмингеме, но умственно – по-прежнему в Свате. У нее ужасная ностальгия. Иногда она почти весь день говорит по телефону с родными и подругами, оставшимися в Свате, тратя на это больше времени, чем на нас.

Но недавно Королевское медицинское общество устроило в Лондоне церемонию чествования врачей, спасших мою жизнь. Мама впервые сидела на сцене. Для нее это было огромным событием.

Все мы были глубоко тронуты теплым приемом, оказанным нам во многих странах, и прекрасными отзывами на книгу, которая помогла людям узнать и понять историю нашей семьи.

Получая премии, я отправляю деньги в Сват, чтобы помочь детям учиться, а взрослым – заняться мелким бизнесом. Например, открыть магазинчик или купить такси, чтобы зарабатывать деньги для своей семьи. Мы получаем множество писем. Одно пришло от пожилого человека из Японии. «Я стар и беден, но я хочу помочь», – написал он и приложил к письму купюру в 10 000 иен. К сожалению, он не указал обратного адреса, и мы не смогли его поблагодарить.

Вместе с «Фондом Малалы» я ездила в Кению, чтобы построить школу для детей народности масаи мара. Это удивительные люди: высокие, гордые. Их одежда состоит из ярко-красных покрывал. Масаи мара рассказывали потрясающие истории, в реальность которых мне было трудно поверить. Эти истории даже фантастичнее пуштунских сказок. Все масаи старшего поколения неграмотны, зато сейчас все их дети ходят в школу. Там есть свои трудности, поскольку правительство обеспечивает бесплатное обучение только до восьмого класса. А потом за учебу нужно платить.

Масаи рассказывали нам, что вплоть до недавнего времени мальчик-подросток проходил обряд обрезания, после чего он должен был отправиться в саванну, убить двух или больше львов и принести их туши. После этого старейшины выдергивали ему два передних зуба (вы только представьте, как это больно!), и если он переносил испытание без единого стона, то становился масайским воином.

Сегодня масайские обычаи изменились. Масаи рассказывали нам: если они убьют всех львов, то нанесут непоправимый урон дикой природе. Так что теперь воинами становятся не те, кто убивает львов, а кто получает высшее образование. Среди масайских воинов появились и женщины.

Свой семнадцатый день рождения я встретила в Нигерии, чтобы выразить солидарность со школьницами, похищенными

повстанцами группировки «Боко харам» в апреле этого года. Девочек похитили глубокой ночью, прямо из спальни их интерната. Они мои сверстницы. Они мечтали стать врачами, учителями, учеными. Эти девочки удивительные и очень смелые, поскольку в Северной Нигерии лишь четыре процента девочек оканчивает школу. Какие бы громкие события ни происходили в мире, они достаточно быстро забываются. Но мы не хотим, чтобы люди забывали про похищенных школьниц. «Фонд Малалы» обязательно осуществит в Нигерии еще один проект.

В рамках деятельности «Фонда Малалы» мы побывали в Белом доме и встретились с Бараком Обамой. Мы также встретились с Мишель и их старшей дочерью Малией. Нас угощали медом с пасеки Белого дома. Затем мы посетили Барака Обаму в Овальном кабинете. Кабинет этот довольно небольшой. Американский президент вышел нам навстречу, а во время беседы внимательно нас слушал.

Получив приглашение из Белого дома, мы сказали, что примем его, но при одном условии. Если предполагается всего лишь фотосессия, мы не пойдем. Но если Обама согласится выслушать то, что у нас на сердце, мы готовы прийти. Нам быстро ответили: вы можете свободно говорить на любые темы. И мы отправились в Белый дом! Встреча была достаточно серьезной. Мы говорили о важности образования. Мы обсуждали роль Соединенных Штатов в поддержке диктаторских режимов и атаки самолетов-беспилотников в таких странах, как Пакистан.

Я сказала Обаме, что вместо уничтожения терроризма посредством войны ему бы следовало сосредоточиться на уничтожении терроризма посредством образования.

Весь последний год я без устали работала как активист движения в поддержку образования и занималась организационными делами в «Фонде Малалы». Я ездила в зоны конфликтов, чтобы привлечь внимание мировой общественности к трагической судьбе детей, лишенных возможности учиться. Мы осуществили ряд проектов в Иордании, Пакистане, Кении и Нигерии. Я встречалась с мировыми лидерами и убеждала их повышать расходы на образование в их странах. Я убеждала руководителей развитых стран помочь в этом развивающимся государствам. Наша работа постоянно разрастается, но все равно нужно еще сделать очень и очень много. Я благодарю Бога, что у меня появилась такая площадка для проведения кампаний. Теперь это дело моей жизни, моя миссия и моя мечта.

Задействовав «Фонд Малалы», я решила обратить внимание общественности на тяжелое положение с обучением детей сирийских беженцев в Иордании. Я ездила к сирийской границе и

своими глазами видела десятки беженцев, торопящихся перебраться на иорданскую сторону. Они шли по пустыне; многие не успели ничего взять с собой. Одежда, которая на них, – это все, что у них было. Многие дети шли босиком. Зрелище их страданий так потрясло меня, что я не выдержала и расплакалась. В лагерях беженцев большинство детей не учатся. Иногда там попросту нет школ, а иногда ходить в школу небезопасно. Немало и таких семей, где отец погиб и детям не до учебы. Они вынуждены работать. Я видела этих ребят на обочинах дорог, под палящим солнцем. Чтобы прокормить семьи, они берутся за любую работу вроде переноски тяжелых камней.

Участь беженцев отзывается острой болью в моем сердце. Чем провинились эти люди, что такого они сделали, что были вынуждены бросить дома и искать пристанище на чужбине? Почему маленькие невинные дети должны страдать от подобных трудностей? Почему они лишены возможности учиться в школе и жить в мирной обстановке?

Я познакомилась с девушкой по имени Мизуна. Мы с ней одного возраста. Каждый день она ходит по палаткам и пытается убеждать взрослых отправлять их детей в школу. Она рассказала мне, что хочет стать журналисткой и своими статьями помогать людям понимать происходящее. Я спросила ее: «Если бы тебе была предоставлена полная свобода выбора, что бы ты выбрала?» Мизуна ответила: «Я бы хотела снова увидеть свой дом и прекратить эти войны».

Мы обращались во многие организации и сумели привлечь внимание к трагической судьбе беженцев и увеличить их поддержку. Мы начали ряд проектов с участием «Фонда Малалы», направленных на то, чтобы интегрировать сирийских беженцев в иорданские школы.

Я сама беженка, вынужденная жить далеко от родной страны. Как говорит мой отец, возможно, мы – самые привилегированные беженцы, имеющие прекрасный дом и все необходимое. Но это не уменьшает нашей тоски по родине. За прошедший год очень многое изменилось, однако я все та же Малала, что ходила в школу в Свате. Изменилась моя жизнь, но не я сама. Моя мама на подобные вопросы отвечает так: «Возможно, Малала и стала мудрее, а в остальном она такая же суматошная девчонка, у которой рубашки валяются в одном углу, а брюки – в другом. Я не знаю, куда у нее уходит время, потому что она постоянно кричит: „Я еще домашнее задание не сделала!“»… Есть мелочи, которые ничто не изменит.

Пролог
День, когда мой мир изменился

Я родилась в стране, созданной в полночь. В тот момент, когда я едва не погибла, был полдень.

Год назад я ушла в школу и не вернулась домой. В мою голову вошла пуля, выпущенная боевиком Талибана. В бессознательном состоянии меня вывезли из Пакистана. Некоторые люди считают, что я не вернусь домой уже никогда. Но я всем сердцем верю, что это не так. Навеки разлучиться с любимой страной – горе, которого не пожелаешь никому.

Каждое утро, открывая глаза, я мечтаю увидеть мою прежнюю комнату, наполненную любимыми вещами, комнату, где на полу валялась моя одежда, а на полках стояли призы, которые я завоевала за отличную учебу в школе. Потом я вспоминаю, что мой родной дом в долине Сват далеко, что я живу теперь в другой стране и что время здесь на пять часов отстает от пакистанского. Но по развитию моя любимая родина отстает от этой страны на века. Здесь есть все удобства, какие только можно себе вообразить. Из каждого крана течет вода, хочешь – холодная, хочешь – горячая. Масляные лампы не нужны, потому что свет включается днем и ночью, стоит только нажать на выключатель. Покупать на базаре газовые баллоны тоже не нужно, потому что на кухнях стоят электрические плиты. Но если кто-то не хочет стоять у плиты, в магазине всегда можно купить готовую еду.

Подходя к окну, я вижу высоченные дома, дороги, запруженные машинами, спешащими во всех направлениях, аккуратные зеленые изгороди, ровные лужайки и чистые тротуары. Я закрываю глаза и возвращаюсь в родную долину. Перед моим мысленным взором встают заснеженные горные вершины, прозрачные голубые реки, зеленые поля. Сердце мое радостно бьется, когда я представляю людей, среди которых жила прежде. Я мысленно возвращаюсь в свою школу, к любимым учителям и одноклассникам. Моя лучшая подруга Мониба подбегает ко мне, мы усаживаемся в сторонке и начинаем болтать и смеяться, словно я никуда не уезжала.

Но это всего лишь мечты. На самом деле я живу в Англии, в Бирмингеме.

Моя жизнь изменилась во вторник, 9 октября 2012 года. Школьные экзамены были в самом разгаре. Правда, я, лучшая ученица в классе, в отличие от большинства моих подруг экзаменов почти не боялась.

В то утро мы, как обычно, приехали в узкий грязный переулок вблизи улицы Хаджи Баба. Как обычно, нас доставили туда ярко расписанные рикши, извергающие дизельные пары, причем в каждую повозку набилось по пять-шесть девочек. С тех пор как к власти пришло движение Талибан, на нашей школе не было никакой вывески. Посторонний человек никогда бы не догадался, что скрывается за резной медной дверью в глухой белой стене.

Для нас, девочек, эта дверь была входом в другой мир. Проскользнув в нее, мы прежде всего срывали платки. Они исчезали с наших голов так стремительно, словно их уносил порыв ветра, разгоняющий тучи и открывающий солнце. Потом мы вприпрыжку бежали во внутренний двор, куда выходили двери всех классов. Побросав сумки на парты, мы вновь выбегали во двор для утреннего собрания. Мы замирали, стоя лицами на восток. Одна из девочек провозглашала «Ассаан баш!», что означает «Стойте спокойно!», и мы дружно щелкали каблуками и хором отвечали «Аллах». Потом она говорила «Ху ши яр!», что означает «Внимание!», и мы снова щелкали каблуками и повторяли «Аллах».

Наша школа была основана моим отцом еще до моего рождения. Тогда на стене, окружавшей ее, гордо красовалась надпись, выведенная красными буквами «Школа Хушаль». Теперь этой надписи не было, но мы, девочки, по-прежнему ходили в школу шесть дней в неделю. Мне исполнилось пятнадцать, я занималась девятый год. На уроках мы составляли химические уравнения, изучали грамматику урду, писали по-английски сочинения на всякие назидательные темы вроде «Поспешишь – людей насмешишь» и рисовали схемы кровообращения у человека. В большинстве своем мои одноклассницы хотели стать врачами. Трудно представить, что кто-то видел в нашей школе угрозу. Тем не менее за глухой стеной, в шумной безалаберной Мингоре, главном городе долины Сват, правили талибы, которые считали, что девочкам учение ни к чему.

Утро началось как всегда, хотя и немного позднее обычного. Так как шли экзамены, мы должны были быть в школе не в восемь, а в девять, чему я была очень рада. Я любила поспать, и сон мой не нарушали ни крики петухов, ни призыв к молитве. Наконец отец решил, что меня пора разбудить.

– Пора вставать, – говорил он, подходя ко мне. – Хватит нежиться, джани мун.

По-персидски «джани мун» значит «родная душа». Чаще всего отец звал меня именно так.

– Еще несколько минут, аба, прошу тебя, – бормотала я, пряча голову под одеяло.

После этого в комнату входила мама.

– Пишо, – окликала она.

Слово это значит «кошечка». Так мама называла меня с рождения.

Тут до меня доходило, что уже поздно.

– Бхаби, я опаздываю! – кричала я, вскакивая с постели.

Согласно нашим обычаям, человек считает братом каждого мужчину и сестрой – каждую женщину. Так у нас принято относиться друг к другу. Когда отец впервые привел маму в школу, все учителя называли ее бхаби, что значит «жена моего брата». С тех пор так и повелось. Мы все стали звать ее бхаби.

Я спала в большой комнате в передней части дома. Вся ее обстановка состояла из кровати и шкафа, который я купила на собственные деньги, полученные за участие в кампании за мир в нашей долине и право девочек на образование. На полках стояли золотистые пластиковые кубки и другие призы, которые я получила за успехи в учебе. Всего два раза я не смогла стать лучшей ученицей в классе, уступив почетное место своей сопернице, девочке по имени Малка-и-Нур. Я была полна решимости не допустить ее победы в этом году.

Школа располагалась неподалеку от нашего дома, и раньше я возвращалась оттуда пешком, но с начала нынешнего учебного года стала ездить на автобусе вместе с другими девочками. Поездка занимала всего около пяти минут. Автобус шел вдоль зловонной реки, куда горожане швыряли всякий мусор, затем мимо гигантского рекламного щита Института по пересадке волос доктора Хумаюна. Тут мы неизменно отпускали шуточки насчет того, что один из наших учителей, на лысой голове которого неожиданно пробилась робкая поросль, стал клиентом этого заведения. Ездить на автобусе мне нравилось – во-первых, не приходилось потеть, шагая под палящим солнцем, во-вторых, я могла поболтать с подругами и шофером по имени Усман Али, которого мы все звали Бхай Джан, что значит «брат». Он был большим весельчаком, и мы смеялись до слез, слушая его невероятные истории.

Я стала ездить на автобусе, потому что мама не хотела, чтобы я ходила по улицам одна. Весь год нам угрожали. Иногда мы получали анонимные письма, иногда угрозы печатали в газетах, иногда их на словах передавали нам люди. Мама боялась за меня, но я была уверена, что боевики Талибана не будут сводить счеты с девчонкой. Куда сильнее, чем за себя, я тревожилась за отца, ведь он постоянно выступал против талибов. Его близкий друг и единомышленник Захид Хан был тяжело ранен в августе этого года. Убийца выстрелил ему в лицо, когда Захид шел в мечеть на

молитву. Я знала, что отец слышал со всех сторон: «Будь осторожен, ты следующий».

По нашей улице автобус не ходил, и, возвращаясь домой, я выходила у реки, открывала железную калитку и по каменным ступенькам поднималась на другую улицу. Если на меня нападут, то непременно на этих ступеньках, считала я. От отца я унаследовала буйную фантазию и иногда на уроках, позабыв про объяснения учителя, представляла, как по пути домой меня подстерегает боевик. Как же мне поступить тогда, размышляла я. Может, стоит снять с ноги туфлю и ударить его прежде, чем он успеет выстрелить. Но если я так сделаю, между мной и террористом не будет никакой разницы. Наверное, надо попытаться его переубедить. Сказать что-нибудь вроде: «Хорошо, стреляйте в меня, но прежде выслушайте. Вы совершаете ошибку. Я ничего не имею против вас лично. Я просто хочу, чтобы у всех девочек была возможность ходить в школу».

Нельзя сказать, что я была запугана. Но все же каждый вечер я проверяла, заперты ли ворота, а перед тем, как уснуть, спрашивала у Бога, какая участь ожидает тех, кто покидает этот мир. Обо всем, что творилось у меня на душе, я рассказывала Монибе. Мы с ней с детства жили на одной улице, вместе ходили в начальную школу и привыкли делиться всеми радостями и горестями. Вместе слушали Джастина Бибера и смотрели фильмы саги «Сумерки», вместе мазали лица кремом, осветляющим кожу. Мониба мечтала стать дизайнером одежды, но знала, что ее родные никогда не согласятся на это. Поэтому она говорила всем, что хочет стать врачом. Если женщина в нашем обществе и получает возможность начать работать, для нее открыты лишь две профессии – врача и учителя. Мое положение было особенным – мне ни к чему было скрывать свои желания, и когда я решила, что буду не доктором, а изобретателем или политиком, я откровенно сказала об этом родителям. Мониба была в курсе всех моих проблем и беспокоилась за меня.

– Не переживай, – убеждала я ее. – Талибы не воюют с девчонками.

Увидев автобус, все мы бросились к нему. Некоторые девочки, прежде чем выйти из дверей школы, непременно накрывали головы платками. В салоне автобуса, белой «тойоты таун эйс», из тех, что у нас называют «дайна», было три длинные скамьи – две вдоль стен и одна посередине. Двадцать девочек и трое учителей с трудом помещались на этих скамьях. Я сидела слева, между Монибой и девочкой из младшего класса, которую звали Шазия Рамзан. Школьные сумки мы поставили на пол, а папки с экзаменационными листами прижимали к груди.

Мои воспоминания не слишком отчетливы, они словно подернуты пеленой. Помню, что в автобусе было очень жарко и душно. Жара никак не хотела отступать, и лишь далекие заснеженные вершины Гиндукуш напоминали о живительной прохладе. В задней части автобуса, где мы сидели, не было окон, только пластиковый люк в потолке, пожелтевший и покрытый пылью. Через него мы видели лишь кусочек голубого неба, раскаленный солнечный диск и пронизанные солнечными лучами облака пыли.

Я помню, что автобус, как обычно, свернул с главного шоссе у контрольно-пропускного пункта и обогнул заброшенную площадку для крикета. Тут мои воспоминания становятся особенно путаными и обрывистыми.

Пытаясь восстановить события в памяти, я почему-то неизменно вижу в нашем автобусе отца. В него тоже стреляют. Причем вижу это настолько отчетливо, что мне трудно поверить, будто это всего лишь игра воображения.

На самом деле все происходило иначе. Автобус резко остановился. Слева возвышалась поросшая травой гробница Шера Мухаммеда Хана, министра финансов при первом правителе Свата, справа – фабрика кондитерских изделий. От контрольно-пропускного пункта нас отделяло метров двести.

Какой-то молодой человек в светлой одежде, заросший бородой по самые глаза, подошел к водителю.

– Это автобус школы Хушаль? – спросил он.

Наверное, водитель удивился про себя глупости вопроса, ведь название школы было крупно написано на автобусе.

– Да, – ответил он.

– Мне необходима информация о некоторых ученицах, – заявил человек в белом.

– Обращайтесь в школьное управление, – отрезал водитель.

Тут к автобусу приблизился еще один молодой человек, тоже в светлой одежде.

– Наверное, это журналист, – сказала Мониба. – Хочет взять у тебя интервью.

С тех пор как я вместе с отцом стала бороться за право девочек на образование, журналисты, даже иностранные, часто брали у меня интервью, но никогда не делали этого прямо на дороге.

На голове у второго молодого человека была бейсболка, которая делала его похожим на студента колледжа. Он вспрыгнул на откидной борт автобуса, вошел в салон и навис над нами.

– Кто из вас Малала? – спросил он.

Никто не отвечал, но некоторые девочки посмотрели на меня.

Я, единственная из всех, сидела с открытым лицом.

Тогда он вытащил черный пистолет. Позднее я узнала, что это был кольт сорок пятого калибра. Девочки завизжали. Я крепко вцепилась в руку Монибы.

Мои подруги говорят, молодой человек выстрелил три раза. Первая пуля пробила мне лоб над левой бровью и вышла под левым плечом. Я повалилась на колени Монибы, из моего левого уха захлестала кровь. Две другие пули попали в девочек, сидевших рядом со мной. Одна – в левую руку Шазии. Другая – в правое предплечье Кайнат Риаз.

Позднее подруги рассказали мне, что у стрелявшего дрожали руки.

Когда мы добрались до больницы, мои длинные волосы и колени Монибы были насквозь пропитаны кровью.

Кто из нас Малала? Я – Малала, и это моя история.

Часть первая
До прихода талибов

Лучше мне получить твое тело, пробитое пулей, и известие, что ты пал с честью, Чем узнать, что ты струсил на поле битвы.

Тапа, традиционное двустишие пушту

سوري سوري په ګولو راشي د بې ننګئ آواز د رامه شه مئينه

1. Дочь родилась

Когда я появилась на свет, большинство наших знакомых сочувствовали моей матери и не считали нужным поздравлять моего отца. Я родилась на рассвете, как раз в тот момент, когда последняя звезда, мигнув, погасла. Мы, пуштуны, воспринимаем подобные вещи как благоприятное предзнаменование. У отца не было денег, чтобы отправить маму в больницу или пригласить акушерку, и маме помогала соседка. Первый ребенок моих родителей родился мертвым, а я известила о своем приходе в этот мир громким криком. Я родилась в стране, где в честь новорожденных сыновей открывают оглушительную ружейную пальбу, а новорожденных дочерей тихонько прячут в дальней комнате дома. Когда девочки вырастут, их ожидает один незавидный удел – стряпать и рожать детей, так что радоваться их появлению на свет нет никаких оснований.

Большинство пуштунов считают черным тот день, когда в их семье рождается девочка. Из всех родственников моего отца лишь его двоюродный брат Джехан Шер Хан Юсуфзай пришел поздравить с рождением дочери, да еще принес в подарок деньги. И не только деньги, но и большой лист бумаги, на котором было изображено наше фамильное древо, идущее от моего прапрадедушки. Разумеется, на ветвях этого древа красовались только мужские имена. Мой отец, Зияуддин, отличался от большинства пуштунов. Взяв лист с родословным древом, он нашел кружок с собственным именем и провел от него линию, на конце которой вывел «Малала». Мой двоюродный дядя взирал на это с изумлением, но отцу было наплевать. Он утверждал, что влюбился в меня с первого взгляда.

– Я сразу понял, это особенный ребенок, – повторял он и просил своих друзей бросать в мою колыбель сушеные фрукты, сладости и монеты, хотя подобные почести положены только мальчикам.

Меня назвали в честь Малалай из Майванда, величайшей национальной героини Афганистана. Пуштуны – это гордый народ, состоящий из множества кланов, разбросанных между Пакистаном и Афганистаном. В течение веков мы живем, руководствуясь сводом жизненных правил, называемым Пуштунвали. Согласно этим правилам, мы должны оказывать радушный прием всем гостям без разбора, а самым главным нашим достоянием является нанг, то есть честь. Потеря чести – это самое худшее, что может случиться с пуштуном. Позор невыносим для мужчин нашего племени. «Без чести мир не стоит

ни гроша» – гласит наша пословица. Внутриклановая вражда настолько распространена среди пуштунов, что слово «двоюродный брат» – «тарбур» – означает также «враг». Но когда дело доходит до того, чтобы дать отпор чужакам, претендующим на наши земли, мы забываем о раздорах. Все пуштунские дети с ранних лет знают историю о том, как Малалай подняла афганскую армию на бой с англичанами. Было это в 1880-х годах, во время второй англо-афганской войны.

Малалай была дочерью пастуха, живущего в Майванде – маленьком городе, расположенном в пыльной равнине к западу от Кандагара. Когда она была подростком, ее отец и человек, которому она была обещана в жены, как и тысячи других афганцев, ушли сражаться с британскими захватчиками. Вместе с другими женщинами Малалай отправилась на поле боя, чтобы перевязывать раны и подносить воду. Потери афганцев были огромны. Когда Малалай увидела, что знаменосец убит, она привязала на древко свое белое покрывало и устремилась в гущу сражения.

– Возлюбленные братья! – кричала она. – Если сегодня вы сумеете избежать смерти, по воле Аллаха ваши имена станут для потомков символом бесчестья!

Через несколько мгновений Малалай упала, сраженная пулей, но ее слова и храбрость вдохновили афганских воинов, и они переломили ход битвы. Англичане понесли одно из самых сокрушительных поражений за всю историю британской армии. Афганцы были так горды, что последний афганский падишах воздвиг в центре Кабула монумент в честь победы при Майванде. Прочтя «Записки о Шерлоке Холмсе», я с радостью узнала, что доктор Ватсон, прежде чем стать помощником великого сыщика, принимал участие в этой битве и даже был ранен. В общем, Малалай – это наша Жанна д'Арк. Множество женских школ в Афганистане носят ее имя. Мой дедушка, богослов и сельский имам, не одобрил решения моего отца назвать меня в честь национальной героини.

– Это скорбное имя, – сказал он. – Оно означает «погруженная в печаль».

Когда я была маленькой, отец часто пел мне песню, написанную знаменитым поэтом Рахманом Шахом Саидом, уроженцем Пешавара. Последний куплет завершался такими словами:

> О, Малалай из Майванда!
> Восстань вновь, чтобы пуштуны услышали песню чести.
> Твои вдохновенные слова перевернули мир.

Прошу тебя, восстань вновь!

Отец рассказывал историю Малалай всем, кто приходил в наш дом. Мне нравилось ее слушать, нравилась песня, которую пел отец, нравилось, как звучит мое имя, когда его произносят люди.

Место, в котором мы жили, представляется мне самым красивым в мире. Моя долина Сват – это сказочное королевство высоких гор, бурных водопадов и прозрачных, как хрусталь, озер. Неслучайно над въездом в нашу долину висит плакат «Добро пожаловать в рай». В древние времена долина Сват называлась Уддиана, что значит «сад». Здесь можно встретить луга, поросшие полевыми цветами, сады, в которых созревают самые изысканные фрукты, изумрудные копи и реки, где в изобилии водится форель. Сват часто называют Восточной Швейцарией – здесь организован первый в Пакистане лыжный курорт. Богатые люди приезжали в нашу долину со всей страны, чтобы насладиться чистым воздухом и прекрасными видами. Суфи, фестивали музыки и танца, которые проходят у нас ежегодно, тоже привлекали множество гостей. Среди них было достаточно иностранцев, которых мы зовем ангрезан – англичане, – из какой бы страны они ни приехали. Сама королева Англии однажды посетила нашу долину. Она останавливалась в Белом дворце, построенном из того же мрамора, что и знаменитый Тадж-Махал. Этот дворец был возведен по приказу нашего короля, первого вали, или правителя, Свата.

У нашей долины есть своя собственная история. Сегодня Сват – часть провинции Хайбер-Пахтунхва, или ХПК, как называют ее многие пакистанцы. А когда-то она была княжеством, так же как и соседние земли – Читрал и Дир. В колониальные времена наши короли присягали на верность Британской империи, но при этом являлись полновластными правителями своей страны. В 1947 году, когда Британия предоставила Индии независимость и разделила ее на две части, Индию и Пакистан, долина Сват вошла в состав Пакистана, но сохранила автономию. В долине Сват имели хождение пакистанские рупии, но правительству Пакистана она подчинялась лишь в вопросах внешней политики. Вали вершили правосудие, примиряли враждующие племена, собирали ушхур – десятипроцентный подоходный налог – и использовали эти средства для строительства дорог, больниц и школ.

Если соединить долину Сват прямой линией с Исламабадом, столицей Пакистана, получится расстояние всего в сто шестьдесят

километров, но кажется, что этот город расположен в другой стране. Дорога занимает не меньше пяти часов и тянется через перевал Малаканд, колоссальную горную гряду, где в древние времена наши предки, возглавляемые священнослужителем по имени мулла Сайдулла (англичане называли его Безумный Факир), сражались с британскими войсками. Среди англичан был Уинстон Черчилль, который впоследствии написал об этом сражении книгу. До сих пор одна из вершин называется пиком Черчилля, хотя в своей книге он отозвался о нашем народе не слишком лестно. В конце перевала находится гробница с зеленым куполом, куда люди бросают монетки в благодарность за благополучное завершение путешествия.

Многие из моих знакомых никогда не бывали в Исламабаде. До того как начались беспорядки, большинство жителей нашей долины, подобно моей матери, никогда не покидали Сват.

Мы жили в Мингоре, самом большом и фактически единственном городе долины. Прежде это был совсем маленький городок, но впоследствии сюда перебрались многие жители окрестных деревень, и город стал многолюдным и грязным. Здесь есть отели, колледжи, площадка для игры в гольф и знаменитый базар, где можно купить наши традиционные вышивки, изделия из самоцветов и все, что душе угодно. Через город, петляя и извиваясь, тянется река Маргхазар. В нее швыряют пластиковые бутылки и прочий мусор, поэтому вода в ней мутная и коричневая, совсем не такая, как в горных речках или в реке Сват, которая протекает за городской чертой. В реке Сват водится форель, многие горожане выезжают туда на выходные. Дом наш находился в районе, называемом Гулкада, что означает «место, где растут цветы». Но чаще этот район называли Буткара – «место, где стоят буддийские статуи». Рядом с нашим домом раскинулось поле, покрытое загадочными развалинами – разбитыми колоннами, безголовыми фигурами, статуями готовящихся к прыжку львов и, что самое удивительное, многочисленными каменными зонтиками.

Ислам пришел в нашу страну в XI веке, когда султан Махмуд Газневи, правивший в Афганистане, захватил долину Сват и подчинил ее себе. До этого жители Свата были буддистами. Буддисты прибыли в долину во II веке, и более 500 лет страну возглавляли буддийские правители. Согласно утверждениям китайских историков, на берегах реки Сват находилось 1400 буддийских монастырей, и чудный звон колоколов разносился по всей долине. Буддийские монастыри и храмы давно разрушены, но по всей долине вы можете обнаружить их руины, поросшие примулой и другими полевыми цветами. Мы часто устраивали

пикники в компании каменных статуй улыбающегося Будды, со скрещенными ногами восседавшего на цветке лотоса. Некоторые легенды утверждают, что Будда посетил этот прекрасный и мирный край и частицы его погребального пепла до сих пор почивают в долине.

Наше буддийское поле было отличным местом для игры в прятки. Как-то раз иностранные археологи, проводившие там раскопки, рассказали нам, что в прежние времена сюда стекались паломники из дальних краев. Здесь стояли прекрасные храмы с золотыми куполами, в которых были похоронены буддийские правители. Мой отец написал стихотворение «Реликвии Буткары», в котором объясняется, каким образом буддийские храмы и мусульманские мечети могут существовать бок о бок:

> Когда голос истины возносится с минаретов,
> Будда улыбается,
> И разрозненные звенья исторической цепи
> соединяются вновь.

Мы жили в тени горы Гиндукуш, куда люди ездят, чтобы охотиться на диких козлов и золотых петухов. Одноэтажный наш дом был построен из бетонных плит, слева располагалась лестница, ведущая на плоскую крышу, которая служила нам, детям, площадкой для игр. В сумерках отец и его друзья часто сидели там, попивая чай. Я тоже любила сидеть на крыше, наблюдать, как из кухонных труб в соседних домах поднимается дым, и слушать неумолчное стрекотание сверчков.

В нашей долине в изобилии растут фруктовые деревья, на которых вызревают самые вкусные на свете финики, гранаты и персики. В садах мы выращиваем виноград, гуавы и хурму. Никогда я не пробовала плодов слаще тех, что росли на сливовом дереве перед нашим домом. Птицам они тоже были по вкусу, и стоило нам зазеваться, они склевывали спелые сливы без остатка. Даже дятлы прилетали сюда, чтобы полакомиться сливами. Так что нам приходилось соревноваться с птицами.

Моя мама любила разговаривать с птицами. За домом находилась веранда, где собирались женщины. Мы хорошо знали, каково приходится голодным, поэтому мама всегда готовила еду с избытком и раздавала нуждающимся. А если что-то оставалось, она кормила птиц. Вся пуштуны любят петь двустишья – тапы. Перебирая рис, мама всегда напевала:

> Никогда не убивай голубей в саду.
> Если ты убьешь одного, другие никогда не прилетят.

Я любила сидеть на крыше, любоваться горными вершинами и мечтать. Выше всех выдавалась пирамидальная вершина горы Элум, которую мы считали священной горой. Она была так высока, что перистые облака окружали ее, подобно ожерелью. Даже в самые жаркие летние дни она была увенчана блистающей снежной короной. На школьных уроках истории мы узнали, что еще в 327 году до нашей эры, задолго до того, как в Сват пришли буддисты, долину захватил Александр Македонский, совершавший поход из Афганистана в Индию во главе своего огромного войска, насчитывавшего, помимо солдат, тысячи боевых слонов. Жители Свата скрылись в горах, надеясь, что там они будут ближе к своим богам и те защитят их. Но Александр был умным и опытным военачальником. Он приказал соорудить высокие деревянные помосты и установить на них катапульты. Стрелы и снаряды, пущенные с этих помостов, достигали горных вершин. Александр смог подняться на самую высокую гору и едва не коснулся рукой звезды Юпитер, символа царской власти.

Сидя на крыше, я наблюдала, как окрестности изменяются в разные времена года. Осенью прилетали холодные пронизывающие ветры. Зимой все было бело от снега, с крыши свисали острые, как кинжалы, сосульки, которые мы, дети, любили отламывать. Мы резвились в сугробах, лепили снеговиков и снежных медведей, ловили ртом снежинки. Весной начиналось настоящее буйство зелени. Аромат цветущего эвкалипта наполнял дом, белые цветы, осыпаясь, покрывали все вокруг, ветер приносил острый запах рисовых полей. Я родилась летом, и, может быть, поэтому именно лето – мое любимое время года, несмотря на то что лето в Мингоре всегда жаркое и засушливое, а замусоренная река распространяет зловоние.

Когда я родилась, семья наша жила очень бедно. Мой отец вместе с другом только что основал свою первую школу. Мы ютились в ветхой двухкомнатной лачуге вблизи школы. В одной комнате спали мы с отцом и матерью, другая была предназначена для гостей. Ни ванной, ни кухни у нас не было, мама готовила во дворе, разведя там костер, а стирать ходила в школу, где был водопровод. В доме у нас всегда было полно народу. Гостеприимство – важнейшая часть пуштунской культуры.

Через два года после меня родился мой брат Хушаль. Как и я, он родился дома, потому что больница была для нас слишком дорога. И первому своему сыну, и первой своей школе отец дал имя Хушаль в честь пуштунского национального героя Хушаля Хана Хаттака, воина и поэта. Мама мечтала о сыне и, родив

мальчика, была вне себя от радости. Мне братик казался маленьким и слабым, как былинка, но для мамы он был зеницей ока, ладла. Каждое его желание было для нее законом. Он постоянно требовал чая, нашего традиционного чая с молоком, сахаром и кардамоном. В конце концов маме надоело готовить чай, и она сделала его таким горьким, что у брата навсегда отбило вкус к этому напитку. Мама хотела купить для сына новую колыбель – когда я родилась, мы не могли себе этого позволить, и я качалась в старой колыбели, перешедшей к нам то ли из третьих, то ли из четвертых рук. На мамину просьбу отец ответил отказом.

– Малала выросла в этой колыбели, – сказал он. – И для мальчика она тоже вполне сгодится.

Почти пять лет спустя в нашей семье родился еще один мальчик – ясноглазый, непоседливый, как белка, Атал. После этого отец решил, что детей ему достаточно. Семья, где всего трое детей, по пуштунским стандартам считается очень маленькой, в большинстве семей по семь-восемь детей.

Играла я по большей части с Хушалем, потому что он был всего на два года младше меня. Мы постоянно дрались, и при всякой ссоре он с плачем бежал к маме, а я искала поддержки у отца.

– Что случилось, джани? – обычно спрашивал он.

Я выкладывала ему все свои беды, а отец всегда находил слова, чтобы меня утешить. Мы с отцом были очень похожи друг на друга, и между нами всегда царило полное взаимопонимание.

Моя мама очень красива, и отец обращается с ней бережно, точно с хрупкой фарфоровой вазой. В отличие от большинства мужчин он никогда не поднимает на жену руку. Мамино имя, Тор Пекай, означает «волосы цвета воронова крыла», но, несмотря на это, волосы у мамы каштановые. Мой дедушка Джансер Хан услышал это имя по афганскому радио незадолго до рождения дочери. Я бы очень хотела иметь такую же лилейно-белую кожу, как у мамы, такие же тонкие черты и большие зеленые глаза. Но, увы, я унаследовала от отца смуглую кожу, карие глаза и толстый нос. В нашей культуре принято давать людям прозвища. С самых первых дней мама звала меня пишо, «кошка», а двоюродные братья и сестры прозвали лачи, что по-пуштунски значит «кардамон». Вообще, смуглых у нас частенько называют бледнолицыми, а коротышек – высокими. Такое уж у нас оригинальное чувство юмора. Отца в семье звали хайста дада, что означает «красавец».

Когда мне было года четыре, я спросила отца:

– Аба, какого ты цвета?

– Не знаю, – ответил он. – Во мне перемешаны белое и черное.

– Значит, ты похож на чай с молоком, – заметила я.

Отец рассмеялся. Много лет спустя он рассказал мне, что в подростковые годы так переживал из-за своей смуглоты, что мазал лицо молоком буйволицы, надеясь, что кожа посветлеет. Только встретив мою мать, он избавился от комплексов по поводу собственной внешности. Любовь красивой девушки вселила в него уверенность в себе.

Согласно нашим традициям, брак устраивают старшие родственники, не слишком считаясь с чувствами молодых, но моих родителей соединила любовь. Я без конца могла слушать историю о том, как они встретились. Они жили в соседних деревнях, расположенных в отдаленной части верхнего Свата, называемой Шангла. В первый раз они увиделись, когда отец гостил у своего дяди. Достаточно было беглого обмена взглядами, чтобы понять – они понравились друг другу. Но откровенно выражать свои чувства они не могли, ибо это было под строжайшим запретом. Отец посылал маме стихи, которые она не могла прочесть, потому что не умела читать.

– И все же я влюбилась в его ум, – говорила она.

– А я – в ее красоту, – смеялся отец.

Но существовало серьезное препятствие, мешающее их счастью. Мои дедушки не ладили между собой. И когда мой отец объявил о своем желании просить руки моей матери, Тор Пекай, родственники с обеих сторон воспротивились этому намерению. Дедушка с отцовской стороны смирился первым и согласился послать в дом невесты цирюльника, который, согласно нашим обычаям, всегда исполняет должность свата. Малик Джансер Хан, мой дедушка с материнской стороны, ответил на предложение отказом. Но отец оказался упрямым и сумел убедить своего отца послать цирюльника еще раз. Худжра Джансера Хана служила местом сбора мужчин, любящих порассуждать о политике. Отец стал часто бывать там, и они с дедушкой лучше узнали друг друга. Отец невесты протомил жениха девять месяцев, но в конце концов дал согласие.

Моя мама происходит из семьи, где женщины были сильны, а мужчины – влиятельны. Ее бабушка – моя прабабушка – рано овдовела и осталась с маленькими детьми на руках. Ее старшему сыну, Джансеру Хану, было всего девять лет, когда он в результате клановой вражды оказался в тюрьме. Мать решила обратиться к могущественному родственнику, который мог поспособствовать освобождению мальчика, и для этого прошла пешком шестьдесят пять километров по горной тропе. Уверена,

случись подобная беда с кем-нибудь из нас, моя мама сделает то же самое. Она не умеет ни читать, ни писать, но отец всегда делится с ней всеми своими проблемами, рассказывает обо всех событиях минувшего дня, печальных и радостных. Мама дает ему советы, подсказывает, на кого из друзей можно полагаться, а на кого нет. Отец утверждает, что у нее безошибочная интуиция. Большинство пуштунских мужчин никогда не советуются со своими женами, считая это проявлением слабости.

– Он докатился до того, что обсуждает свои дела с женой! – говорят они с величайшим презрением.

Но мои родители смеются, когда слышат нечто подобное. Они счастливы, и все вокруг сразу видят, какая у нас дружная и любящая семья.

Моя мама очень набожна и молится пять раз в день, хотя и не ходит в мечеть, предназначенную только для мужчин. Она неодобрительно относится к танцам и считает, что они неугодны Богу. Но она любит украшения и красивую одежду, вышивки, золотые ожерелья и браслеты. Думаю, я слегка огорчаю ее тем, что нисколько не интересуюсь ни драгоценностями, ни нарядами. Ходить на базар я терпеть не могла, но зато обожала танцевать в компании своих школьных подружек, – конечно, когда никто нас не видит.

Когда мы с братьями росли, то большую часть времени, естественно, проводили с мамой. Отец постоянно отсутствовал, у него было множество дел – он занимался не только школой, но и литературным обществом, делами джирги – совета старейшин, а также проблемами, связанными с охраной окружающей среды и спасением нашей долины. Мой отец родился в глухой деревушке, но благодаря силе своей личности он сумел получить образование, создать себе имя и обеспечить достойную жизнь своей семье.

Людям нравилось слушать, как он говорит, и по вечерам у нас часто собирались гости. Мы все усаживались на полу вокруг огромного подноса, уставленного едой, и ели, согласно обычаю, только правой рукой, скатывая шарики из риса и мяса. Когда в комнате становилось темно, мама зажигала масляные лампы, и на стенах возникали огромные качающиеся тени. Душными летними вечерами нередко разражались грозы, и при каждом раскате грома и вспышке молнии я испуганно жалась к коленям отца.

Затаив дыхание, я слушала рассказы отца об истории нашего народа, о враждующих кланах, о пуштунских героях и святых. Он часто читал стихи, голос его звучал протяжно и мелодично, а на глазах порой выступали слезы. Подобно большинству жителей

долины Сват, мы происходили из клана Юсуфзай (иногда это название произносится как Узуфзай). Это один из самых больших пуштунских кланов, он берет свое начало в Кандагаре, и сегодня его представители живут и в Афганистане, и в Пакистане.

Наши предки пришли в долину Сват в XVII веке. Прежде они жили в Кабуле, и с их помощью императору из династии Тимуридов, свергнутому соплеменниками с трона, удалось вернуть себе власть. Император отблагодарил своих помощников, назначив их на важные должности при дворе и в армии. Но друзья и родственники предупреждали его, что людям из клана Юсуфзай нельзя доверять, так как, получив слишком много власти, они могут свергнуть правителя. Император внял этим предостережениям и решил избавиться от своих недавних сторонников. Он созвал их всех на пир, а когда они ели, велел стражникам убить их. В ту ночь были зарублены насмерть около шестисот представителей клана Юсуфзай. Лишь двоим удалось спастись. Они бежали в Пешавар, туда, где жили их родственники. Спустя некоторое время они отправились в долину Сват, чтобы заручиться поддержкой родственников, проживающих там, и двинуться походом против вероломного императора. Но красота долины так поразила их, что они решили остаться здесь, изгнав прочь представителей всех остальных кланов.

Таким образом, земля была разделена между представителями клана Юсуфзай – разумеется, только мужчинами. У пуштунов существовала своеобразная система, называемая веш. Согласно этой системе, каждые пять или десять лет семьи менялись своими деревнями, и земля перераспределялась между мужчинами клана. Благодаря этому каждый имел возможность поработать и на хорошей, и на плохой земле. Деревнями управляли ханы, а простые люди, крестьяне и ремесленники, являлись их арендаторами. Как правило, в качестве арендной платы они отдавали ханам часть своего урожая. В их обязанность входило также служить в ханской армии – каждая семья должна была предоставить правителю вооруженного воина. В распоряжении каждого хана находились отряды, насчитывающие сотни воинов, эти отряды участвовали в междоусобных сражениях и совершали опустошительные набеги на ближайшие деревни.

Так как в долине Сват не было единого правителя, вражда между ханами, между семьями и даже внутри семей там не прекращалась никогда. Наши мужчины привыкли находиться в постоянной боевой готовности. До сих пор все они имеют винтовки, хотя не носят их с собой, как это делают мужчины, живущие в других районах. Мой прадедушка часто вспоминал,

что в дни его юности редкий день обходился без перестрелки. В начале минувшего столетия жители нашей долины опасались, что их земли захватят англичане, державшие под контролем близлежащие районы. К тому же они устали от постоянного кровопролития. Для того чтобы прекратить междоусобицу, они решили найти справедливого и мудрого человека, который будет управлять долиной и разрешать все возникающие споры и проблемы.

Двум первым правителям не удалось справиться со стоявшей перед ними задачей, но в 1917 году вожди клана избрали своим главой человека по имени Миангул Абдул Вадуд, более известного как Бадшах Сахиб. Несмотря на то что он был совершенно неграмотным, он сумел установить в долине мир. Забрать у пуштуна винтовку – все равно что забрать у него душу, и, понимая это, Бадшах Сахиб не стал разоружать кланы. Вместо этого он создал регулярную армию и построил в горах форты. В 1926 году англичане признали его главой государства, и с тех пор он официально считался нашим вали. В период его правления в долине была налажена телефонная связь и построена первая школа. С веш – системой перераспределения земель – было покончено, так как постоянное перемещение имело слишком много негативных сторон: люди не могли продавать и покупать землю, у них не было стимула строить хорошие дома и разбивать фруктовые сады.

В 1949 году, два года спустя после создания Пакистана, Бадшах Сахиб сложил с себя все полномочия, передав их своему сыну, которого звали Миангул Абдул Хан Джеханзеб. Мой отец часто повторяет: «Бадшах Сахиб принес нам мир, а его сын – процветание». Правление Джеханзеба считается золотым периодом нашей истории. Он учился в британской школе в Пешаваре. Быть может, потому, что отец его был неграмотным, он очень заботился о народном образовании и построил множество школ, а также больниц и дорог. В 1950-х годах он положил конец системе арендных выплат ханам. Но свобода слова оставалась для нашей долины неведомым понятием. Всякий дерзнувший выразить недовольство действиями вали изгонялся из Свата прочь. В 1969 году, когда родился мой отец, вали отказался от власти, и наша долина стала частью Северо-Западной Пограничной Провинции Пакистана, которая через несколько лет получила название Хайбер-Пахтунхва.

Итак, я с рождения была дочерью Пакистана и гордилась своей страной, хотя прежде всего считала себя жительницей долины Сват и никогда не забывала о своей принадлежности к народу пуштунов.

На нашей улице жила семья, где была девочка моего возраста по имени Сафина и два мальчика, Бабар и Базит, ровесники моих братьев. Мы вместе играли в крикет на улице или на крыше. Но я знала: когда мы с Сафиной станем старше, нас, как и всех прочих девочек, обрекут на затворничество. Предполагается, что наша обязанность – убирать дом, готовить пищу и служить своим отцам и братьям. Мальчики и мужчины имеют право свободно разгуливать по городу, а женщины могут выйти со двора лишь в сопровождении родственника мужского пола, пусть даже пятилетнего мальчугана. Такова традиция.

Я очень рано поняла, что не хочу следовать этой традиции. Отец часто повторял:

– Малала будет свободна, как птица.

Я мечтала, как, подобно Александру Македонскому, поднимусь на вершину горы Элум и коснусь Юпитера. Наблюдая, как мои братья носятся по крыше и запускают воздушных змеев, умело дергая их за леску и заставляя их то взмывать в небеса, то опускаться ниже, я размышляла о том, может ли девочка стать свободной.

2. Мой отец – сокол

Я всегда знала, что у отца имеются проблемы с речью. Иногда слова застревали у него внутри, и он начинал заикаться, подобно испорченной пластинке, несколько раз повторяя один и тот же слог. Мы все терпеливо ждали, когда же он сумеет произнести слово до конца. Отец говорил, что в горле у него словно вырастает стена. Звуки «м», «п» и «к» были его злейшими врагами. Я иногда шутила, что отец зовет меня джани главным образом потому, что это слово ему легче произнести, чем мое имя Малала. Заикание – серьезная неприятность для всякого человека, в особенности для того, кто любит говорить и читать стихи. У моего отца этот дефект был наследственным – несколько его родственников страдали от заикания. К тому же, когда отец был маленьким, его отец, мой дедушка, значительно усугубил проблему, грозно возвышая голос всякий раз, когда сын начинал спотыкаться посреди слова.

– Сплюнь дрянь, которая у тебя во рту! – кричал он, и сын в результате застревал на полуслове намертво.

Моего дедушку с отцовской стороны звали Рохул Амин, что означает «честный дух». К тому же это священное имя архангела Гавриила. Дедушка так гордился своим именем, что, представляясь людям, всегда читал знаменитую суру, где это имя упоминалось. Он отличался вспыльчивым и нетерпеливым нравом и приходил в ярость из-за малейшей ерунды, например из-за разбитой чашки или забредшей в огород курицы. Лицо его наливалось кровью, и он начинал швырять на пол все, что попадалось под руку. Бабушку я не застала в живых, но отец вспоминал, как она иногда подшучивала над дедушкой.

– За то, что мы видим тебя только хмурым и сердитым, пусть Аллах после моей смерти пошлет тебе жену, которая не умеет улыбаться, – говорила она.

Заикание сына так тревожило бабушку, что, когда он был еще маленьким мальчиком, она повела его к некоему человеку, известному своей святой жизнью и способностью исцелять недуги. Сначала им пришлось долго ехать на автобусе, потом целый час подниматься пешком на холм, где жил целитель. Хорошо, что с ними был племянник бабушки, Фазли Хаким, который нес ребенка на плечах. Целителя звали Левано Пир, что означает «святой безумцев», потому что он помог многим лунатикам. Увидев отца, он первым делом приказал ему открыть рот и плюнул туда. Потом взял в рот комок гур, черной патоки, сделанной из сахарного тростника, обильно смочил собственной

слюной и отдал бабушке, приказав каждый день отламывать по кусочку и давать сыну. Увы, лечение не помогло. Пожалуй, отец стал заикаться еще сильнее, по крайней мере, так считали некоторые родственники. Когда отцу было тринадцать лет, он сообщил моему дедушке, что собирается участвовать в публичном состязании ораторов. Дедушка был поражен.

– Где уж тебе, заике, выступать на публике! – рассмеялся он. – Тебе требуется не меньше двух минут, чтобы просто поздороваться с человеком.

– Не волнуйся, – ответил отец. – Напиши речь, а я ее произнесу!

Дедушка был известен своим красноречием. Он преподавал богословие в государственной школе, расположенной в деревне Шахпур. К тому же он служил имамом в местной мечети. Когда он говорил, люди слушали как завороженные. Его проповеди по пятницам производили на молящихся такое сильное впечатление, что жители горных деревень специально приезжали на осликах или приходили пешком, чтобы послушать дедушку.

Отец мой происходит из большой семьи. Правда, брат у него всего один, зато сестер пятеро. Мой дядя Саид Рамзан намного старше отца, я зову его хан дада. Баркана, деревня, где они жили, была очень маленькой и бедной. Семья ютилась в ветхом одноэтажном доме с глиняной крышей, которая во время дождя сильно протекала. Как в большинстве семей, мальчики ходили в школу, а девочки сидели дома.

– Все, что оставалось моим сестрам, – ждать, когда их выдадут замуж, – вспоминал отец.

Помимо школы, сестры отца были лишены и других благ и преимуществ, предназначенных исключительно для сыновей. По утрам мальчики пили сливки или молоко, а девочки – пустой чай. Яйца тоже доставались только мальчикам. Если к обеду готовили курицу, девочки обсасывали крылышки и шейку, а мой отец, дядя и дедушка лакомились грудкой.

– С ранних лет я понял, что мне живется куда лучше, чем сестрам, – рассказывал отец.

В деревне, где он родился и вырос, было трудно найти себе развлечение. Там не было даже крикетной площадки, а телевизор имелся только в одном доме. По пятницам отец и дядя ходили в мечеть, где дедушка произносил молитвы, стоя на кафедре, а собравшиеся благоговейно внимали ему. Иногда голос его возвышался и обретал такую мощь, что балки под куполом мечети сотрясались.

Мой дедушка учился в Индии и видел там великих политиков и ораторов, таких как Мухаммед Али Джинна (основатель

Пакистана), Джавахарлал Неру, Махатма Ганди, Хан Абдул Джафар Хан, пуштунский лидер, возглавивший борьбу нашего народа за независимость. Баба́, как называла я дедушку, был даже свидетелем великого события – провозглашения независимости Индии от британских колонизаторов, которое состоялось в полночь 14 августа 1947 года. У дедушки было старое радио, которое до сих пор висит в доме дяди, и он любил слушать по нему новости. В своих проповедях он неизменно проводил параллели между пророчествами Корана, высказываниями Пророка, да пребудет с ним мир, историческими событиями и ситуацией в современном мире. Политика была его излюбленной темой. Долина Сват стала частью Пакистана в 1969 году, и в этом же году родился мой отец. Многие жители Свата были недовольны присоединением, особенно сильные нарекания вызвала пакистанская система правосудия, которая, по всеобщему мнению, была медлительна и неэффективна. Дедушка хотел добиться, чтобы пропасть между богатыми и бедными сократилась, он боролся против классовой системы и власти ханов.

Пакистан – молодая страна, но, к несчастью, ее история – это история войн и конфликтов. Моему отцу было восемь лет, когда к власти пришел генерал Зия-уль-Хак. До сих пор в Пакистане можно увидеть портреты этого жутковатого человека – гладко зачесанные назад волосы, темные круги под глазами, крупные, выдающиеся вперед зубы. По его приказу был арестован недавно избранный премьер-министр Зульфикар Али Бхутто. Его обвинили в государственной измене и повесили в тюрьме Равалпинди. До сих пор люди вспоминают о Бхутто как о выдающемся политике. Он происходил из богатой семьи, владел обширными манговыми плантациями. Тем не менее он стал первым пакистанским лидером, отстаивающим права простых людей. Его казнь потрясла всех и заставила весь мир воспринимать пакистанцев как кровожадных чудовищ. После этого трагического события Америка прекратила помощь Пакистану.

Для того чтобы завоевать поддержку своего народа, генерал Зия-уль-Хак начал кампанию по исламизации. Он заявил, что намерен превратить Пакистан в истинно мусульманскую страну, где армия будет стоять на страже не только географических, но и идеологических границ. Генерал Зия постоянно повторял, что безоговорочное подчинение правительству – один из основополагающих принципов ислама. Более того, он решил учить народ правильно молиться. По его распоряжению во всех районах страны, включая самые отдаленные, были основаны

комитеты по религиозным вопросам, так называемые салаты, и назначено около ста тысяч духовных инспекторов. До сих пор муллы не пользовались особым почетом – по воспоминаниям отца, даже на свадьбах они сидели с краю и уходили раньше других, – но при режиме Зия-уль-Хака они стали влиятельными фигурами. Теперь их вызвали в Исламабад для получения руководящих указаний. Даже мой дедушка ездил в столицу.

В период правления генерала Зия в жизни пакистанских женщин появилось еще больше ограничений. Джинна, основатель Пакистана, говорил: «Борьба никогда не будет успешной, если женщины не примут в ней участие наравне с мужчинами. В этом мире есть две силы – сила меча и сила пера. Но их превосходит третья сила, сила, которой обладают женщины». Но генерал Зия ввел закон, согласно которому свидетельство женщины на суде значило вполовину меньше, чем свидетельство мужчины. Вскоре тюрьмы наполнились преступницами, осужденными без всякой вины. Одна из них, тринадцатилетняя девочка, подверглась изнасилованию, забеременела и была осуждена за внебрачную связь, так как не смогла предоставить четырех свидетелей мужского пола, подтверждающих, что это было именно насилие. Таких примеров можно привести множество.

Без разрешения мужчины женщина не имела права даже открыть счет в банке. Пакистанские спортсменки достигли больших успехов в хоккее на траве, но по приказу генерала Зия они были вынуждены играть не в шортах, а в мешковатых длинных штанах. Многие виды спорта вообще оказались под запретом.

При генерале Зия было открыто множество медресе, духовных школ, и во всех школах предмет, называемый дениат, то есть изучение всех религий, был заменен исламиатом – изучением ислама. Такое положение сохраняется в пакистанских школах и по сей день. Были введены новые учебники истории, авторы которых, словно забыв о том, что Пакистан был основан в 1947 году, утверждали, что наша страна испокон веков являлась «главным мировым оплотом ислама», охраняющим истинную религию от происков иудеев и индуистов. При чтении этих учебников создавалось впечатление, что три войны с нашим злейшим врагом, Индией, закончились не поражением, а победой Пакистана.

В год, когда моему отцу исполнилось десять лет, все изменилось. Вскоре после Рождества 1979 года русские вторглись в Афганистан. Миллионы афганских беженцев хлынули через границу, и генерал Зия предоставил им убежище. Вокруг Пешавара возникли огромные палаточные лагеря беженцев,

некоторые из них существуют по сей день. Наша служба военной разведки, называемая ПМР (Пакистанская межведомственная разведка), начала грандиозную программу подготовки так называемых моджахедов, бойцов сопротивления, которых набирали среди афганских беженцев. Хотя афганцы считаются прирожденными воинами, полковник Имам, возглавлявший эту программу, жаловался, что создать из них организованные отряды так же трудно, как «взвесить дым».

Благодаря вторжению русских отношение к генералу Зия во всем мире изменилось – из международной парии он превратился в бесстрашного защитника свободы. Американцы снова стали друзьями Пакистана, а Россия в те дни считалась нашим главным врагом. Несколько месяцев спустя в соседнем Иране произошла революция, в результате которой шах был сброшен с престола. ЦРУ, лишившись своей крупнейшей базы на Востоке, сочло, что Пакистан может стать достойным преемником Ирана. В казну Пакистана хлынули миллиарды долларов из США и других западных стран. Пакистан получал также оружие, с помощью которого сформированные в нашей стране афганские отряды должны были разгромить коммунистическую Красную армию. Генерал Зия был приглашен в Белый дом, где встретился с Рональдом Рейганом, и на Даунинг-стрит, 10, где встретился с Маргарет Тэтчер. И американский президент, и премьер-министр Великобритании осыпали его похвалами и обещаниями помощи и поддержки.

В свое время премьер-министр Зульфикар Бхутто назначил генерала Зия командующим армией, так как полагал, что тот недостаточно умен и не может представлять угрозу его правлению. Премьер даже называл Зия обезьяной. Но Зия доказал, что обладает хитрым и изворотливым умом. Он сумел извлечь максимум выгоды из афганской ситуации не только в игре с Западом, желающим всеми средствами остановить распространение коммунистической заразы, но в игре с Востоком. Мусульмане от Судана до Таджикистана всеми силами стремились помочь братской стране, подвергшейся вражеской агрессии. Со всего арабского мира, в особенности из Саудовской Аравии, в Пакистан шли денежные потоки и прибывали добровольцы, желающие помочь своим братьям в праведной войне. Среди них был и саудовский миллионер по имени Усама бен Ладен.

Мы, пуштуны, народ, издавна проживающий на территории Афганистана и Пакистана, не признавали границы, проведенной англичанами более ста лет назад. При известии о советском вторжении кровь наша закипела от гнева, вызванного и

религиозными, и национальными причинами. Во время проповедей в мечетях муллы часто говорили об оккупации Афганистана, проклинали русских захватчиков и призывали всех правоверных мусульман исполнить свой долг и принять участие в джихаде. Можно сказать, что при генерале Зия джихад стал шестым столпом ислама, помимо тех пяти, что всем нам известны с рождения. Каждый правоверный мусульманин обязан, во-первых, неколебимо верить в Аллаха; во-вторых, пять раз в день совершать намаз, то есть молитву; в-третьих, подавать бедным закат – милостыню; в-четвертых, в течение месяца Рамадан от рассвета до заката блюсти роза – воздерживаться от пищи; в-пятых, хотя бы раз в жизни совершить хадж, паломничество в Мекку, если этому не препятствует какой-нибудь тяжкий телесный недуг. Мой отец утверждает, что идея джихада стала столь популярна на Востоке благодаря усилиям ЦРУ. В лагерях беженцев даже арифметике детей учили по американским учебникам, где все задачи и примеры имели откровенно милитаризованный характер. «Если в отряде было десять русских и пять из них убили мусульмане, сколько осталось?» – спрашивалось в одной из таких задач.

Многие молодые парни из отцовской деревни отправились сражаться в Афганистан. Отец помнит тот день, когда в деревню пришел маулана по имени Суфи Мухаммед и стал призывать молодых людей встать на защиту истинной веры и пойти на войну с русскими. Призыв его нашел горячий отклик, и вскоре отряд добровольцев, вооруженный старыми винтовками, топорами и базуками, двинулся в путь. Никто тогда и думать не думал, что много лет спустя организация, созданная этим мауланой, станет главным оплотом сватских талибов. Отцу тогда было только двенадцать, он был слишком мал, чтобы идти на войну. Но русская оккупация продолжалась более десяти лет, на протяжении почти всех 1980-х годов. За это время отец успел вырасти и воспылать желанием принять участие в джихаде. В зрелые годы он молился не слишком усердно, но в юности каждый день вставал на рассвете и отправлялся в соседнюю деревню, где была мечеть. Там он изучал Коран под руководством старшего талиба. В те времена слово «талиб» означало всего-навсего «студент-богослов». Вместе они изучили все тридцать глав Корана, причем не только читали, но и толковали их.

Талиб говорил о джихаде с воодушевлением, которое передалось моему отцу. Наша земная жизнь коротка и быстротечна, часто повторял он; у молодых людей, родившихся в деревне, почти нет возможности выбиться в люди. Отец был полностью согласен со своим наставником. Многим его

одноклассникам пришлось отправиться на юг и устроиться работать на угольные шахты, и отцу вовсе не хотелось следовать их примеру. Работа в шахте была очень тяжелой и опасной, и по нескольку раз в год в деревню привозили гробы с телами тех, кто погиб в результате аварий. Самое лучшее, что могли придумать деревенские парни, – отправиться в Саудовскую Аравию или Дубай и работать там на строительстве. Но отца подобная участь тоже не слишком привлекала. Более всего его манил рай, где каждого правоверного будут ублажать семьдесят две прекрасные девственницы.

– О Аллах, прошу Тебя, устрой войну между мусульманами и неверными, чтобы я мог умереть за Тебя и стать мучеником, – молил он каждую ночь.

В тот период ощущать себя мусульманином было для него важнее всего на свете. Он начал подписываться Зияуддин Панчпири (Панчпири – название религиозной секты) и всячески холил едва пробивавшуюся бороду. Порой ему даже приходила мысль стать террористом-смертником. Впоследствии отец вспоминал, что стал одной из многочисленных жертв кампании по промыванию мозгов. Но с ранних лет он был вдумчивым мальчиком, который не довольствовался тем, что лежит на поверхности. Отец все подвергал сомнению и любил задавать вопросы, хотя в государственных школах процветала зубрежка, а спрашивать о чем-либо учителей не полагалось.

Примерно в то время, когда отец мечтал стать мучеником и отправиться на небеса, он познакомился с маминым братом, Фаизом Мухаммедом, начал общаться с семьей своей будущей жены и посещать худжру моего дедушки с материнской стороны. Семья дедушки принадлежала к сторонникам светской националистической партии и была против участия в войне. Знаменитый пешаварский поэт Рахман Шах Саил, в свое время воспевший подвиг Малалай, моей прославленной тезки, написал тогда поэму, посвященную событиям в Афганистане. В этой поэме он называл идущую там войну «битвой двух слонов» – США и Советского Союза, – а пуштунов сравнивал с травой, вытоптанной их громадными ногами. Когда я была маленькой, отец часто читал мне эту поэму, но я слушала, не понимая ее смысла.

Фаиз Мухаммед много рассуждал о необходимости социальных перемен, о неизбежном крахе феодально-капиталистической системы, при которой все национальные богатства сосредоточены в руках нескольких семей, а бедные год от года становятся все беднее. Слова его произвели на отца сильное впечатление. Он чувствовал, что разрывается между двумя крайностями – с одной стороны, ему хотелось с оружием в

руках защищать ислам, с другой – проводить мирные социальные реформы. В конце концов он остановился где-то посредине.

Отец относился к своему отцу, моему дедушке, с благоговейным уважением и много рассказывал мне о нем. Но из его рассказов я поняла, что дедушка не всегда соответствовал тем высоким принципам, соблюдения которых неукоснительно требовал от других. Речи, которые произносил баба, оказывали на слушателей столь сильное воздействие, что он вполне мог бы стать выдающимся лидером, если бы обладал склонностью к дипломатии и уделял не так много сил соперничеству со своими многочисленными родственниками. Пуштуны, как правило, очень болезненно переживают, если их двоюродные братья добиваются большего успеха, богатства и влияния, чем они сами. У дедушки был двоюродный брат, ставший учителем в школе. Поступая на работу, он уменьшил свой возраст, что было нетрудно – в большинстве своем жители долины Сват не знают точной даты своего рождения и ведут отсчет лет по знаменательным событиям, таким как землетрясения. Но дедушка, узнав, что родич, который на самом деле был старше его годами, представился более молодым, пришел в ярость. Ярость эта была так велика, что он отправился в Мингору, целый день трясся на автобусе, а прибыв в город, отправился на прием к министру образования.

– Сахиб, – сказал он. – У меня есть двоюродный брат, который на десять лет старше меня. В документах он неверно указал год своего рождения, и теперь он на десять лет меня моложе.

– Этому делу можно помочь, маулана, – улыбнулся министр. – Давайте изменим дату вашего рождения. Чем плох, например, тот год, когда разразилось землетрясение в Кветте?

Дедушка согласился, и в его документах появился новый год рождения – 1935-й. Таким образом, он снова стал моложе своего родича.

Дети, естественно, тоже были втянуты в семейные разборки. Между отцом и его двоюродными братьями происходили постоянные стычки. Мальчишки знали, что отец отчаянно переживает по поводу своей неказистой внешности. То обстоятельство, что любимцами школьных учителей неизменно являлись красивые мальчики со светлой кожей, заставляло отца еще сильнее комплексовать по поводу собственной смуглости. Двоюродные братья неизменно подкарауливали отца по пути домой и дразнили коротышкой и горелой лепешкой. Согласно пуштунскому кодексу чести, за такие оскорбления нужно мстить, но отец был намного младше и слабее своих обидчиков.

Он всегда чувствовал, что, как бы ни старался, он никогда не заслужит одобрения своего отца. У дедушки был прекрасный почерк, и отец упражнялся часами, до ломоты в пальцах выводя красивые буквы, но баба ни разу не похвалил его.

Правда, моя бабушка умела подбодрить сына и вселить в него уверенность в себе – отец был ее любимчиком, и она не сомневалась в том, что его ждут великие свершения. Любовь ее к сыну была так сильна, что она отказывалась от мяса и молока, чтобы накормить его посытнее. Отец был прилежным учеником, но заниматься в деревне, где нет электричества, не так просто. Учить уроки приходилось при свете масляной лампы. Как-то раз отец заснул за книгой, а лампа опрокинулась. К счастью, бабушка обнаружила это прежде, чем вспыхнул пожар. Отец всегда говорил, что именно любовь и доверие матери помогли ему найти свой путь, по которому он зашагал с радостью и с гордостью. Этот путь он впоследствии указал мне.

Но один раз бабушка рассердилась на своего обожаемого сына. В их краях находилось священное место, называемое Дерай Саидан, и проповедники, живущие там, иногда ходили по деревням, собирая подаяние, главным образом муку. Как-то раз один из них постучал в дверь дедушкиного дома. Взрослых не было дома, а отец взломал засов на деревянном ларе, где хранилась мука, и щедро оделил просившего. Вернувшись домой, родители пришли в великий гнев и выпороли сына.

Пуштуны знамениты своей бережливостью, хотя по отношению к гостям их щедрость не знает пределов. Баба был скуповат и выходил из себя, стоило кому-нибудь из его детей нечаянно пролить молоко или суп. Сам он был очень аккуратным человеком и не понимал, почему остальные не могут быть такими же. Будучи учителем, он имел право получить для своих сыновей скидку при оплате школьных спортивных секций и клуба бойскаутов. Скидка была столь незначительна, что учителя в большинстве своем о ней просто забывали. Но дедушка не привык ничего упускать и заставил моего отца потребовать скидку. Разумеется, отцу вовсе не хотелось этого делать. Ожидая у дверей кабинета директора школы, он обливался потом, а когда наконец вошел, начал так сильно заикаться, что директор с трудом его понял.

– Мне казалось, я продал свою честь за пять рупий, – вспоминал отец.

Дедушка никогда не покупал сыну новых учебников. В конце года он просил своих лучших учеников отдать свои книги его сыну и посылал отца домой к этим мальчикам, чтобы он забрал учебники. Отец сгорал при этом со стыда, но иного выбора ему не

оставалось. Учиться ему приходилось по книгам, на которых были написаны имена других мальчиков.

– Не могу сказать, что передача учебников от старших учеников к младшим – плохой обычай, – говорил он. – Но мне ужасно хотелось иметь свои собственные книги, новенькие, купленные на деньги моего отца.

Постоянная досада, которую вызывала у отца дедушкина бережливость, стала причиной того, что он вырос очень щедрым, причем не только на деньги, но и на душевное тепло. Он положил конец семейным разборкам и сделал все, чтобы жить в мире со своими двоюродными братьями. Когда жена директора школы тяжело заболела, отец сдал кровь, чтобы спасти ее. Директор был потрясен его поступком и попросил у отца прощения за все обиды, которые нанес ему в прошлом. Рассказывая мне о своем детстве, отец непременно подчеркивал, что, хотя баба обладал тяжелым характером, он дал своему сыну такое великое благо, как образование. Хотя баба был имамом, он отправил своего сына не в медресе, а в государственную школу, где тот получил современные знания и выучил английский. Надо сказать, многие осуждали дедушку за это, но баба был не из тех, кто обращает внимание на пересуды. Он привил сыну любовь к учению и к знаниям, а также глубокое уважение к правам человека, которое отец передал мне. В своих проповедях по пятницам дедушка говорил о том, что феодальные отношения не одобряются исламом, что пропасть, разделившая богатых и бедных, должна быть уничтожена. Речь его всегда была чрезвычайно выразительна, он умел находить точные слова и емкие образы. Дедушка свободно говорил по-персидски и по-арабски, он читал отцу творения таких поэтов, как Саади, Аллама Икбал и Руми, и делал это с таким воодушевлением, словно ему внимала толпа слушателей.

Отец мой мечтал избавиться от заикания и обладать столь же звучным, красивым голосом, каким был наделен дедушка. Он знал, дедушка мечтает, чтобы сын его стал доктором. Но хотя отец был способным учеником и одаренным поэтом, ему плохо давались естественные науки и математика. Конечно, дедушка был этим разочарован, и поэтому отец решил заслужить его одобрение, приняв участие в ежегодном состязании ораторов, которое устраивалось в каждом округе. Когда он сообщил о своем намерении, все вокруг решили, что он сошел с ума. И учителя, и друзья пытались отговорить его, но отец твердо стоял на своем. Баба не сразу согласился написать речь для сына, но в конце концов все же поддался на уговоры. Отец тренировался без устали. Дома у него не было возможности уединиться, поэтому он

уходил в холмы и там, под открытым небом, выступал перед деревьями и птицами.

В округе, где они жили, развлечений было не много, поэтому состязание ораторов привлекло огромное количество людей. Выступили несколько юношей, известных своим красноречием. Наконец настал черед моего отца.

– Когда я шел к кафедре, руки у меня тряслись и колени дрожали, – вспоминал он. – Ростом я был так мал, что голова моя едва возвышалась над кафедрой. От страха перед глазами стоял туман и лица слушателей расплывались. Ладони взмокли от пота, а язык стал сухим, как наждачная бумага.

Отец с ужасом думал о коварных согласных, готовых застрять у него в горле и выставить его на посмешище. Но когда он заговорил, речь его полилась легко и свободно. Слова срывались с его губ, точно прекрасные бабочки. Конечно, голос его был менее звучным и раскатистым, чем у дедушки, но он говорил так увлеченно и страстно, что полностью овладел вниманием аудитории.

По окончании его речи слушатели разразились одобрительными выкриками и аплодисментами. Но самой большой радостью для отца стала довольная улыбка, которую он увидел на лице дедушки, когда получал первый приз.

– Мне впервые удалось сделать что-то, заставившее отца улыбнуться, – вспоминал он.

После этого мой отец участвовал во многих состязаниях ораторов. Дедушка писал для него речи, и отец почти всегда получал первые призы. Он сумел превратить свою слабую сторону в сильную и завоевал репутацию красноречивого и пылкого оратора. Дедушка был так горд, что несколько раз похвалил сына в присутствии других людей.

– Зияуддин – настоящий шахин (сокол), – сказал он. – Он взлетел высоко, выше всех прочих птиц.

– Можешь подписываться Зияуддин Шахин, – говорил он сыну.

Какое-то время отец так и делал, но потом прекратил, осознав, что сокол – жестокая хищная птица, хотя он и летает высоко. Тогда он стал называть себя Зияуддин Юсуфзай, по имени своего клана.

3. Создание школы

Моя мама пошла в школу, когда ей было шесть лет, но проучилась всего несколько месяцев. В деревне, где она жила, было большой редкостью, чтобы отец отправил дочь в школу. Мама оказалась единственной девочкой в классе. Ей нравилось идти по улице с сумкой, набитой учебниками, нравилось доказывать мальчикам, что она ничуть не глупее их. Но когда она видела, что ее двоюродные сестры целый день играют дома, ей становилось завидно. Стоит ли тратить время и силы на учение, если всю жизнь тебе предстоит нянчить детей, убирать и готовить еду. В конце концов мама продала свои учебники за девять анн, потратила деньги на сладости и больше никогда не переступала школьного порога. Отец не противился ее решению. Скорее всего, он даже не заметил, что дочь бросила школу. Каждое утро, позавтракав кукурузными лепешками со сливками, он вешал под мышку кобуру с немецким пистолетом и уходил из дома на весь день, чтобы вместе с другими мужчинами обсуждать политические события местного масштаба и разрешать споры. К тому же, помимо мамы, у него было еще семеро детей, так что забот хватало.

Лишь познакомившись с моим отцом, мама пожалела, что осталась неграмотной. Отец прочел множество книг, а она не могла прочесть даже стихотворения, которые он ей посвящал. К тому же он хотел открыть собственную школу, и мама, став его женой, всеми силами стремилась помочь ему в осуществлении этой мечты. Для того чтобы открыть школу, требовались деньги и семейные связи, а у отца не было ни того ни другого, поэтому ему долго не удавалось реализовать свои планы.

Отец был твердо убежден, что на свете нет ничего важнее знаний. Он помнил, как в детстве смотрел на реку, протекавшую через деревню, и с удивлением думал о том, почему вода в ней никогда не иссякает. Когда он узнал о круговороте воды в природе, это стало для него настоящим открытием.

В деревне, где жил отец, школа располагалась в маленьком, тесном домишке. Иногда занятия проходили во дворе, в тени дерева. Туалетов не было, и для того, чтобы удовлетворить естественные потребности, ученикам приходилось бегать в поле. И все же отец был счастлив, что имеет возможность учиться. Его сестры – мои тетки, – подобно миллионам других пакистанских девочек, в школу не ходили. А отец с юных лет понял, что образование – это величайшее благо. Он был убежден, что корень большинства пакистанских проблем – в низком уровне

образования. Благодаря господствующему повсюду невежеству политики дурачат людей, а недобросовестные чиновники безнаказанно творят произвол. Отец считал, что все дети, мальчики и девочки, богатые и бедные, должны получить необходимый минимум знаний. Он мечтал создать современную школу, где будут удобные парты, доски, компьютеры, библиотека, наглядные пособия на стенах и, что не менее важно, туалеты.

Но у дедушки были другие планы на младшего сына – он хотел, чтобы мой отец стал доктором. Сыновей у дедушки было всего двое, и он рассчитывал, что они оба будут пополнять семейный бюджет. Брат отца Саид Рамзан был значительно старше и уже много лет работал учителем в местной школе. Он и его семья жили у дедушки. Со временем ему удалось скопить немного денег и пристроить к дому для гостей маленькую бетонную худжру. После окончания занятий в школе дядя ездил в горы за дровами или работал в поле – семье принадлежало несколько буйволов, служивших тягловой силой. Он также помогал баба во всех тяжелых домашних работах – например, расчищал двор от снега и сбрасывал его с крыши.

Мой отец окончил школу с отличием, и ему предложили поступить в колледж Джеханзеб, лучшее учебное заведение в долине Сват. Однако дедушка отказался поддерживать сына материально. Сам он получил образование совершенно бесплатно – в качестве талиба жил в одной из мечетей в Дели, где местные жители снабжали студентов едой и одеждой. Учение в колледже Джеханзеб тоже было бесплатным, но отцу требовались деньги на жизнь. В Пакистане кредиты на образование не предоставляются, так что обращаться в банк не имело смысла. Колледж располагался в Сайду-Шарифе – городе, расположенном по соседству с Мингорой. Живя вдали от семьи, отец должен был рассчитывать только на себя. Никаких других колледжей в Шангле не было, и, откажись отец поступать в Джеханзеб, ему пришлось бы распроститься со своей мечтой покинуть деревню и открыть собственную школу.

Отец не представлял, как разрешить возникшую проблему, и едва не плакал от отчаяния. Его горячо любимая мать умерла незадолго до того, как он окончил школу. Он не сомневался, будь мать жива, она взяла бы его сторону. Что касается баба, он был неумолим, все попытки переубедить его были безуспешными. У отца оставалась последняя надежда – муж сестры, живущий в Карачи. Дедушка считал, что отец может поселиться у него и поступить в тамошний колледж. Сестра с мужем должны были вскоре приехать к дедушке, чтобы вместе оплакать кончину бабушки.

Отец с нетерпением ждал их приезда и молился о том, чтобы они дали согласие. Но дедушка неудачно выбрал время для разговора. Едва его зять, измученный трехдневным путешествием на автобусе, переступил порог дома, дедушка предложил ему принять в семью своего младшего сына, и тот ответил решительным отказом. Дедушка пришел в такую ярость, что за все время их пребывания не сказал ни слова ни зятю, ни дочери. Отец чувствовал, что последний шанс упущен и ему придется повторить судьбу старшего брата и стать учителем в местной школе. Школа, где работал Саид Рамзан, располагалась в горной деревне Севур, примерно в часе езды на лошади от дедушкиного дома. У этой школы не было даже своего здания. Более сотни учеников, в возрасте от пяти до пятнадцати лет, собирались в холле местной мечети.

В деревне Севур жили представители трех племен – гуджар, кохистани и миан. Представители миан испокон веков пользовались уважением как благородные люди, владеющие обширными землями, но гуджары и кохистани были простыми крестьянами, способными только ухаживать за буйволами. Дети их вечно ходили чумазыми и возились в пыли. Пуштуны, даже самые бедные, смотрели на них свысока.

– Этим грязным тупицам грамота ни к чему, – часто говорили крестьяне.

Учителя, разумеется, были очень недовольны, получив назначение в столь глухое место. Как правило, они договаривались между собой работать по очереди, чтобы избавиться от необходимости ездить в школу каждый день. Если в школе было двое учителей, каждый работал по три дня. Если трое – по два дня. Учителя были убеждены, что образование их подопечным совершенно не нужно, и главную свою обязанность видели в том, чтобы утихомирить детей при помощи палки.

Правда, мой дядя относился к своей работе более ответственно. Он уважал жителей горной деревни и ту суровую трудовую жизнь, которую они вели. Дядя не только ездил в школу каждый день, но и изо всех сил старался передать своим ученикам хоть какие-то знания. Когда мой отец кончил школу, у него не было другого выбора, кроме как помогать старшему брату. Но неожиданно ему улыбнулась удача. Еще одна из его сестер вышла замуж за человека, живущего в деревне Севур. Как-то раз к ним приехал родственник по имени Насир Паша. Он много лет провел в Саудовской Аравии, где работал на стройке, а деньги посылал семье. Насир Паша зашел в школу, увидел, как работает отец, и разговорился с ним. Отец рассказал ему, что ему предложили поступить в колледж Джеханзеб, но умолчал о том,

что у него нет средств жить вдали от семьи, так как не хотел бросать на дедушку тень. Но Насир Паша все понял без слов.

– Почему бы тебе не поселиться у нас? – предложил он.

Отец ответил, что сделает это с радостью. Насир Паша и его жена Джаджай стали для него второй семьей. Дом их находился в Спал Банди, горной деревне, расположенной по пути к Белому дворцу. Судя по воспоминаниям моего отца, это было очень красивое и романтическое место. Отец рассказывал, что, сойдя с автобуса, был поражен размерами этой деревни, многократно превосходящей его собственную. Ему даже показалось, что он попал в большой город. В семье Насира Паши он жил на положении гостя, а это означало, что хозяева окружали его всяческими заботами. Джаджай до какой-то степени заменила ему покойную мать. Когда один из деревенских жителей пожаловался ей, что отец флиртует с соседской девушкой, Джаджай горой встала на его защиту.

– Зияуддин чист, как горный родник, – сказала она. – Смотри лучше за собственными дочерьми.

В Спал Банди отец впервые увидел женщин, которые пользовались куда большей свободой, чем жительницы его деревни. Женщины в Спал Банди имели обыкновение встречаться в красивом месте на вершине горы и вести там долгие разговоры. Раньше отец и представить себе не мог, что женщины могут собираться за воротами своих домов. Здесь отец познакомился также с человеком по имени Акбар Хан, который одолжил ему денег. Подобно моей матери, Акбар Хан не получил образования, но был наделен истинной мудростью. Отец считал его своим наставником. О доброте, которую проявили к нему Акбар Хан и Насир Паша, он часто вспоминал, рассуждая о том, что помощь может прийти к каждому из нас с неожиданной стороны.

Мой отец поступил в колледж, когда Пакистан переживал один из судьбоносных моментов своей истории. В то лето, когда он учительствовал в горах, диктатор Зия-уль-Хак погиб в загадочной авиакатастрофе. Многие считали, что причиной катастрофы стала бомба, спрятанная в ящике с плодами манго. Вскоре после того, как отец поступил в колледж, были проведены национальные выборы. Беназир Бхутто, дочь премьер-министра, несколько лет назад казненного диктатором, одержала на этих выборах убедительную победу. Впервые не только в Пакистане, но и во всем исламском мире пост премьер-министра заняла женщина. Во многих пакистанцев это событие вселило оптимизм и уверенность в будущем.

Студенческие организации, запрещенные режимом Зия, возродились и начали активную деятельность. Мой отец вступил

в одну из них и быстро получил известность как талантливый оратор и полемист. Он стал генеральным секретарем Пуштунской студенческой федерации (ПСФ), которая требовала предоставить пуштунам права наравне с пенджабами. Традиционно пенджабы, выходцы из богатых и влиятельных провинций, занимали ключевые посты в армии и государственном аппарате.

Еще одна крупная студенческая организация называлась Ислами Джамаат-и-Талаба и представляла собой студенческое крыло религиозной партии Джамаат-и-Ислами. Во многих университетах Пакистана эта организация пользовалась большим влиянием. Она обеспечивала студентов бесплатными учебниками и предоставляла им гранты, но взгляды ее членов отличались крайней нетерпимостью. Занимались они в основном патрулированием университетов и срывом музыкальных концертов. Партия Джамаат-и-Ислами была близка к генералу Зия и на выборах потерпела сокрушительное поражение. Президента студенческой организации в колледже Джеханзеб звали Исхан-уль-Хак Хаккани. Хотя они с моим отцом были соперниками, относились они друг к другу с уважением и впоследствии стали друзьями. Хаккани говорил, что, происходи отец из богатой семьи, он наверняка стал бы президентом ПСФ, а со временем – крупным политиком. Для того чтобы стать лидером студенческой организации, достаточно было обаяния и увлеченности, но большая политика требовала больших денег.

В первый год пребывания отца в колледже предметом самых жарких споров стала книга «Сатанинские стихи» Салмана Рушди, изданная в Бомбее. Книга эта представляла собой пародию на жизнь Пророка, да пребудет с ним мир. Мусульманский мир счел ее оскорбительной и кощунственной. Книга вызвала такую вспышку ярости, что, казалось, люди забыли обо всех прочих проблемах. Странность состояла в том, что, выйдя из печати, книга почти не привлекла внимания – в Пакистане она вообще не продавалась. Волна негодования поднялась после того, как в газетах, выходящих на языке урду, появилась серия гневных статей. Автор их, мулла, близкий к военной разведке, заявил, что книга является оскорблением Пророка, да пребудет с ним мир, и призвал всех правоверных мусульман выступить против ее публикации. Вскоре муллы по всему Пакистану осыпали книгу проклятиями и требовали ее запрещения. Устраивались даже демонстрации протеста. Самая сильная вспышка возмущения произошла в Исламабаде 12 февраля 1989 года. В этот день разъяренная толпа сожгла напротив Американского центра американские флаги, хотя Рушди и его издатели были англичанами. Полиция стреляла по митингующим, пять человек

были убиты. Гневом был охвачен не только Пакистан. Два дня спустя аятолла Хомейни, лидер Ирана, издал фатву, призывающую убить Рушди.

Отец вспоминал, что, когда книгу обсуждали в его колледже, в аудитории яблоку было негде упасть. Страсти накалились до предела. В большинстве своем студенты заявляли, что книгу необходимо запретить, все ее экземпляры сжечь, и поддерживали фатву. Отец тоже считал, что эта книга является оскорблением для всех мусульман. Но все же он сказал:

– Во-первых, прежде чем говорить об этой книге, необходимо ее прочесть. Во-вторых, почему бы не ответить на нее другой книгой – той, что напишем мы?

В заключение он вопросил звучным голосом:

– Разве ислам настолько слаб, что покачнется от какого-то пасквиля? Нет, мой ислам слишком силен, чтобы обращать внимание на столь жалкие выпады!

Если бы дедушка услышал его в эту минуту, он наверняка гордился бы сыном.

В первые годы после окончания колледжа Джеханзеб мой отец работал учителем английского языка в престижной частной школе. Но зарплата была низкой, всего 1600 рупий (около 19 долларов) в месяц, и дедушка был недоволен, что отец не помогает семье. К тому же отец был не в состоянии откладывать деньги на свадьбу со своей любимой Тор Пекай.

Одним из коллег моего отца был его друг, человек по имени Мухаммед Наим Хан. Он любил знания так же страстно, как и мой отец. Они вместе получили степени сначала бакалавра, а потом магистра. Работа в школе не удовлетворяла обоих, потому что порядки там были строгие и постоянный контроль руководства распространялся на все сферы жизни. Ни ученикам, ни учителям не позволялось иметь собственное мнение по какому-либо вопросу. Владельцы школы неодобрительно относились даже к дружбе между учителями. Отец мой задыхался в душной атмосфере, где превыше всего ставились покорность и послушание. Он мечтал о том времени, когда у него будет собственная школа, в которой основное внимание будет уделяться развитию независимого мышления и творческих способностей учеников. И когда Наим, чем-то не угодив школьной администрации, потерял работу, они с отцом решили, что настало время организовать свою школу.

Первоначально они предполагали открыть школу в Шахпуре, родной деревне отца, где своей школы не было. Но когда они отправились туда, чтобы подыскать подходящее здание, в глаза им бросились плакаты, извещающие об открытии школы, и они

поняли, что кто-то сумел их опередить. Тогда они решили открыть в Мингоре школу, где будет преподаваться английский язык. Туристов, приезжающих в долину Сват, становилось все больше, а это означало, что изучение английского языка становилось насущной необходимостью.

Отец продолжал работать в школе, а Наим расхаживал по городским улицам и подыскивал подходящее помещение. В один прекрасный день он сообщил отцу, что нашел идеальное место. Это был первый этаж двухэтажного здания, расположенного в престижном районе Ландикас. В доме имелся внутренний двор, где могли собираться ученики. Предыдущие арендаторы тоже устроили там школу, которая называлась Рамада. Названием школа была обязана тому, что ее владелец когда-то побывал в Турции и жил там в отеле «Рамада». Но школа приносила одни убытки, и ее владельцы вынуждены были отказаться от своей затеи. Это обстоятельство, разумеется, несколько настораживало. К тому же здание стояло на берегу реки, куда люди бросали мусор, и в жаркие дни от воды шла нестерпимая вонь.

После работы отец отправился осматривать помещение. Вечер был чудный, небо усыпано звездами, над верхушками деревьев сияла полная луна. Отец счел это добрым знаком.

– Я был невероятно счастлив, – вспоминал он. – Моя мечта становилась явью.

На аренду помещения Наим и отец потратили все свои сбережения – 60 000 рупий. Они взяли также в кредит 30 000 рупий для того, чтобы отремонтировать помещение и снять хижину, расположенную по соседству. В этой хижине поселились они сами. Когда все было готово, они принялись ходить по домам в поисках учеников. К несчастью, выяснилось, что желающих изучать английский язык вовсе не так много, как они предполагали. К тому же вскоре у них возникли непредвиденные расходы. Мой отец продолжал активно участвовать в политической жизни. Каждый день его товарищи являлись в школу пообедать.

– Мы не можем кормить столько нахлебников! – жаловался Наим.

Вскоре стало ясно, что дружба и деловое партнерство – это совершенно разные вещи.

В довершение ко всему из Шанглы потянулся нескончаемый поток гостей. Теперь, когда у отца было собственное жилье, все друзья и родственники считали своим долгом его навестить. Мы, пуштуны, радушно встречаем всех гостей, даже если их визит чреват для нас большими неудобствами. Право человека на частную жизнь не пользуется у нас большим уважением, и в гости

мы отправляемся без всякой предварительной договоренности. Друзья и родственники могут нагрянуть, когда им этого хочется, и оставаться столько, сколько пожелают. Для отца и его компаньона постоянные гости стали настоящим кошмаром. Наим был в смятении. В шутку он говорил отцу, что за каждый родственный визит будет брать с него штраф. В ответ отец лишь разводил руками и предлагал Наиму поквитаться с ним, пригласив в Мингору своих собственных родственников.

Через три месяца Наим заявил, что с него хватит.

– Мы хотели организовать школу, которая приносит доход, а в результате получился бесплатный отель! – сказал он. – Мне это совершенно ни к чему!

К этому времени бывшие друзья почти не разговаривали друг с другом. Для того чтобы разрешить возникшую проблему, им пришлось обратиться к посредничеству местных старейшин. Отец так не хотел отказываться от своего начинания и расставаться со школой, что согласился выплатить Наиму деньги, которые тот вложил в аренду и ремонт. Как это сделать, отец не имел ни малейшего понятия. К счастью, еще один его давний друг, Хидаятулла, согласился стать компаньоном отца вместо Наима и вложить свои деньги. Вместе с новым партнером отец опять отправился по домам. Отец мой наделен удивительным обаянием и умением располагать к себе людей. Хидаятулла часто говорит, что стоит отцу побывать у кого-нибудь в гостях, друзья хозяина становятся его друзьями. Но в данном случае отцовское обаяние оказалось бессильно. Люди с интересом слушали его и продолжали посылать своих детей в государственные школы.

Школе они дали название Хушаль, в честь одного из любимых героев моего отца, Хушаля Хана Хаттака, поэта и воина, родившегося в южной части долины Сват, Акоре. Он жил в XVII веке и пытался примирить враждующие пуштунские племена и объединить их для борьбы с монголами. Над входом в школу они повесили плакат, гласивший: «Мы здесь для того, чтобы вы сумели ответить на вызовы новой эпохи». Над дверями висело также изображение щита, на котором было написано знаменитое высказывание Хана Хаттака: «Я взял в руки меч, дабы защищать афганскую честь». Отец часто говорил, что мы должны следовать примеру наших национальных героев, но защищать честь своей страны в соответствии с законами нашего времени – с авторучкой, а не мечом в руках. Хаттак хотел объединить пуштунов для борьбы с иноземными захватчиками, а отец мечтал объединить их для борьбы с невежеством.

Увы, его призыв не находил широкого отклика. Когда школа открылась, в ней было всего три ученика. Тем не менее отец

настоял на том, чтобы каждый учебный день начинался с пения национального гимна. После этого его племянник и помощник Азиз поднимал пакистанский флаг.

Учеников было так мало, что обеспечить школу необходимым оборудованием никак не удавалось. Вскоре компаньоны остались без средств. Ни у того ни у другого не имелось возможности занять деньги у родственников. Хидаятулла был неприятно удивлен, узнав, что отец мой по уши увяз в долгах и постоянно получает от своих кредиторов письма с требованием вернуть деньги.

Но самая серьезная неприятность подстерегла отца, когда он отправился официально зарегистрировать школу. Прождав несколько часов в приемной, он оказался в кабинете чиновника, восседавшего за столом, на котором громоздились горы бумаг. Тут же сидели какие-то люди, попивавшие чай. Прочтя прошение, поданное отцом, чиновник расхохотался.

– Что это вы выдумали? – спросил он. – Не школа, а полная ерунда! Всего трое учителей, и все неквалифицированные! Удивительные времена настали. Всякий воображает, что открыть школу – это самое плевое дело.

Люди, сидевшие в кабинете, подобострастно засмеялись. Отец едва не задохнулся от гнева. Было ясно как день, что чиновник рассчитывает получить взятку. Пуштуны не выносят, когда их унижают, к тому же отец не собирался платить за то, что имел право получить бесплатно. Но даже если бы он решил удовлетворить вымогателя, возможности дать взятку у него не было – им с Хидаятуллой едва хватало на еду. Тем не менее негласная такса за регистрацию школы составляла примерно 13 000 рупий, а если чиновники считали, что владелец достаточно богат, такса эта возрастала. К тому же владельцам школы следовало время от времени приглашать чиновников на обед и угощать их цыплятами и свежей форелью. Отец знал об этом обычае, но не собирался ему следовать.

– У нас школа, а не ресторан, – говорил он.

Столкнувшись с вымогателем, отец набросился на него со всем пылом человека, закаленного в публичных дебатах и выступлениях.

– На каком основании вы позволяете себе разговаривать со мной в подобном тоне? – прогремел он. – Я что, преступник, который стоит перед судом?

После этого случая он решил отстаивать права владельцев частных школ и защищать их от вымогательства и коррупции. Делать это в одиночку было невозможно, поэтому отец вступил в Сватскую ассоциацию частных школ. В те дни она насчитывала

всего пятнадцать членов, и отец быстро стал ее вице-президентом.

Все прочие владельцы школ считали взятки неизбежным злом, но отец мой был убежден, что совместными усилиями коррупцию можно победить.

– Иметь школу – не преступление! – говорил он. – Почему же мы должны платить? Ведь мы же не бордели содержим, мы даем детям знания. И мы совершенно не обязаны подкармливать государственных чиновников. Они воображают себя нашими начальниками, на самом деле они наши слуги. Они получают жалованье за то, чтобы помогать нам. К тому же, не будь нас, их дети остались бы неграмотными.

Через некоторое время отец стал президентом ассоциации. Под его руководством она быстро расширялась и вскоре насчитывала уже 400 членов. Владельцы частных школ приобретали силу и влияние. Но отец мой всегда был романтиком, а не бизнесменом. Дела у них с Хидаятуллой шли все хуже. Они так много задолжали в ближайшем магазине, что там уже отказывались отпускать им в кредит, и они сидели без чая и сахара. Пытаясь увеличить свой доход, они стали продавать в школе сладости и всякие лакомства, любимые детьми. Отец покупал на базаре кукурузу и до поздней ночи собственноручно делал попкорн и расфасовывал его по пакетикам.

– Проблем было столько, что у меня порой опускались руки, – вспоминал Хидаятулла. – А вот Зияуддина трудности только закаляли. Он никогда не унывал и поддерживал меня.

В голове у отца постоянно зарождались грандиозные замыслы. Однажды Хидаятулла вернулся домой, утомленный безуспешными попытками найти новых учеников, и увидел, что отец беседует с представителем пакистанского телевидения. Как только сотрудник телевидения ушел, Хидаятулла разразился смехом.

– Зияуддин, у нас тобой даже нет телевизора, – напомнил он. – Если мы дадим рекламу по телевидению, то сами не сможем ее посмотреть.

Мой отец в любых обстоятельствах сохранял несокрушимый оптимизм и не обращал внимания на досадные мелочи.

Как-то раз отец сказал своему компаньону, что ему нужно на несколько дней съездить в родную деревню. Он собирался жениться, но держал это в секрете от своих друзей в Мингоре, так как не имел возможности пригласить их на свадьбу. Согласно нашим обычаям, свадьба длится несколько дней. Мама часто пеняла отцу, что он отсутствовал большую часть собственной свадьбы и появился лишь в последний день, когда устраивается

завершающая церемония: головы новобрачных накрывают покрывалом и кто-нибудь из родственников держит перед ними зеркало, чтобы они увидели в нем свое совместное отражение. Нередко бывает так, что именно в этот момент новобрачные видят друг друга первый раз. Потом на колени им сажают маленького мальчика, чтобы у них рождалось больше сыновей.

По традиции в подарок от собственной семьи невеста получает мебель или какую-то бытовую технику, например холодильник, а в подарок от семьи жениха – золотые украшения. Дедушка был скуповат на подарки, и отцу, и без того увязшему в долгах, пришлось занять еще денег, чтобы купить невесте золотые браслеты. После свадьбы мама переехала в дом моего дедушки с отцовской стороны, где также жил мой дядя с семьей. Отец каждые две-три недели приезжал в деревню, чтобы повидаться с женой. Он собирался перевезти ее в город, когда дела со школой наконец пойдут на лад. Но баба постоянно жаловался, что ему трудно содержать невестку, и мама чувствовала себя несчастной в его доме. У нее было немного собственных денег, которые они с отцом потратили, чтобы нанять фургон и перевезти мамины вещи в Мингору. Молодые супруги наконец поселились вместе. Но они не представляли, как свести концы с концами.

– Мы знали одно: мой отец не хотел, чтобы мы жили в его доме, – вспоминал отец. – В то время я был на него обижен. Но потом понял, что должен его благодарить, ведь из-за его суровости я стал более независимым.

Он не считал нужным докладывать компаньону о своих семейных делах, и Хидаятулла был поражен, когда отец вернулся в Мингору с молодой женой.

– Разве у тебя есть возможность содержать семью? – спросил он у отца. – Где будет жить твоя жена?

– Ничего, место найдется, – ответил отец. – Она будет для нас готовить и стирать.

Мама была очарована Мингорой. Для нее это был большой современный город. Она рассказывала мне, что, когда она была девочкой, они с подружками часто собирались на берегу реки и делились своими мечтами. Все девочки мечтали об одном: выйти замуж, нарожать побольше детей и заниматься хозяйством. А когда наставала мамина очередь, она говорила:

– Хочу жить в большом городе и не стряпать самой, а посылать за готовыми кебабами и наанами (лепешками).

Конечно, городская жизнь не оправдала ее ожиданий. В крохотном домике, где жил отец с компаньоном, было всего две комнаты. В одной отец и Хидаятулла спали, в другой располагался маленький офис. Ни кухни, ни уборной не было.

После приезда мамы Хидаятулла был вынужден перебраться в офис и спать в жестком деревянном кресле.

Отец обсуждал с мамой все свои дела.

– Пекай, помоги мне решить эту проблему, – часто говорил он.

И она действительно помогала ему, причем не только советом. Даже когда отец с компаньоном собственноручно белили стены школы, мама стояла рядом и держала масляную лампу – в те дни часто бывали перебои с электричеством.

– Зияуддин создан для семейной жизни, – говорил Хидаятулла. – Я никогда прежде не видел, чтобы человек был так близок со своей женой. Мужчины обычно устают от своих жен, а он не мог со своей наговориться.

Через несколько месяцев выяснилось, что мама беременна. Их первый ребенок, девочка, родился мертвым. Это случилось в 1995 году.

– Думаю, беда была в том, что мы жили в грязной дыре, не отвечавшей никаким санитарным нормам, – вспоминал отец. – Я считал, что женщине необязательно отправляться для родов в больницу. Моя мать дома родила десятерых детей, и сестры тоже обходились без медицинской помощи.

Школа продолжала приносить убытки. Месяц проходил за месяцем, а денег по-прежнему не хватало даже на арендную плату и жалованье учителям. Ювелир требовал, чтобы ему вернули деньги за мамины свадебные браслеты, но отец мог предложить ему только чашку чая с бисквитами.

– Ты думаешь, ему этого достаточно? – смеялся Хидаятулла. – Он приходит к тебе за деньгами, а не чаи гонять.

Ситуация была настолько безвыходной, что отцу пришлось продать золотые браслеты. В нашей культуре принято считать, что украшения, подаренные на свадьбу, – залог связи между супругами. Тем не менее женщины часто продают свои свадебные украшения, чтобы помочь мужьям начать бизнес или оплатить поездку за границу. Мама и раньше предлагала отцу продать браслеты, чтобы оплатить обучение отцовского племянника в колледже, – отец опрометчиво пообещал ему помочь. К счастью, необходимые деньги выделил двоюродный брат отца Джехан Шер, и мама так и не узнала, что отец купил браслеты в долг. Поэтому, когда их все же пришлось продать, она очень сердилась, что отец не смог выручить за них достойную цену.

В довершение ко всему в районе начались наводнения. Как-то раз проливной дождь зарядил на целый день, и к концу этого дня власти предупредили об опасности наводнения. Всем жителям предписывалось незамедлительно покинуть район. Мама в то

время гостила у своих родных в деревне. Хидаятулла начал перетаскивать вещи на второй этаж дома, чтобы спасти их от быстро прибывающей воды, но вещей оказалось слишком много, и он понял, что в одиночку ему не справиться. Меж тем отец куда-то запропастился. Хидаятулла вышел на улицу и стал звать отца: «Зияуддин, Зияуддин!» Это едва не стоило ему жизни. Узкая улица, где стояла школа, быстро наполнялась водой, и вскоре Хидаятулла стоял в воде чуть не по пояс. Он оцепенел от страха, увидев, что оборванные электрические провода, раскачиваемые ветром, едва не касаются воды. Если бы это случилось, его убило бы током.

Когда он наконец нашел отца, тот рассказал ему, что услышал плач какой-то женщины и выбежал на улицу. Выяснилось, что муж этой женщины не может выйти из затопленного дома. Отец бросился на помощь и спас не только мужа, но и главную драгоценность супругов – холодильник. Хидаятулла был в ярости.

– Ты спас чужой холодильник, а на собственное добро тебе наплевать! – орал он. – По твоей милости мы окончательно разорились.

Наконец вода схлынула, оставив школу и дом, где жили компаньоны, в плачевном состоянии. Мебель, ковры, книги, одежда, аудиосистема – все было покрыто толстым слоем зловонной тины. Отцу и Хидаятулле негде было спать. Им не во что было переодеться. К счастью, сосед, человек по имени Аман-уд-дин, приютил их у себя на ночь. Для того чтобы привести школу в порядок, потребовалась целая неделя. А десять дней спустя, когда дома не было ни отца, ни Хидаятуллы, разразилось второе наводнение, которое свело все их усилия на нет. Вскоре после этого их посетил официальный представитель водопроводной и электрической компании. Он заявил, что они специально вывели из строя счетчик, и потребовал взятку. Отец отказался платить, и вскоре пришел счет, где была начислена огромная пеня. Заплатить по этому счету они не могли, и отец обратился за поддержкой к своим влиятельным друзьям.

Все обстоятельства складывались против школы, но отец был не из тех, кто легко расстается со своей мечтой. К тому же ему надо было заботиться о семье. Я родилась 12 июля 1997 года. Разрешиться от бремени маме помогала соседка, которая уже не раз принимала роды. Отец ждал в школе и, узнав, что ребенок появился на свет, вихрем ворвался в комнату. Мама переживала, как он примет известие о том, что она родила ему дочь, а не сына. Но, едва взглянув на меня, отец просиял от счастья.

– Малала принесла нам удачу, – часто говорил Хидаятулла. –

После ее рождения судьба стала к нам благосклоннее.

Но это произошло не сразу. 14 августа 1997 года, в день, когда отмечалась пятидесятая годовщина образования Пакистана, по всей стране прошли парады и торжественные собрания. Но мой отец и его друзья считали, что радоваться нечему, ведь слияние с Пакистаном неблагоприятно сказалось на судьбе долины Сват. В праздничный день они вышли на улицу с черными повязками на рукавах и во всеуслышание объявили, что не видят никаких оснований для торжества. В результате все они были арестованы и подвергнуты штрафу, который не могли выплатить.

Через несколько месяцев после моего рождения освободились три комнаты, расположенные над школой, и мы переселились туда. Это был каменный дом с водопроводом, так что по сравнению с прежней глиняной хижиной наши жилищные условия значительно улучшились. Но мы по-прежнему жили очень стесненно – места для семьи из трех человек и Хидаятуллы было маловато, к тому же у родителей постоянно гостили родственники. Количество учеников в школе постепенно росло. К тому времени, как я родилась, их насчитывалось около сотни, каждый платил сто рупий в месяц. Учителей было пять или шесть, отец исполнял не только обязанности директора и учителя, но и бухгалтера. Помимо этого, он мыл полы, белил стены и убирал туалеты. Он собственноручно укрепил между двумя электрическими столбами кусок материи, на котором было написано название школы. Для этого ему пришлось вскарабкаться на лестницу, хотя он очень боялся высоты, и когда он стоял на верхней ступеньке, ноги его предательски дрожали. Если водопроводный насос выходил из строя, отец спускался в люк и чинил его. Всякий раз, увидев это, я заливалась слезами, потому что боялась, что отец исчезнет в люке навсегда. Хотя учеников теперь было больше, почти все деньги уходили на выплату аренды и зарплату учителям. На содержание семьи почти ничего не оставалось. Нам приходилось экономить на еде. Чай мы, например, пили только зеленый, потому что черный полагается пить с молоком, которое мы не могли себе позволить. Но теперь школа хотя бы не приносила убытков. Отец стал подумывать о том, чтобы открыть вторую школу. Он даже придумал для нее название – Академия Малала.

С самых ранних лет я воспринимала школу как площадку для игр. Отец рассказывал, что, едва научившись ходить, я забредала в классы и лопотала что-то на своем детском языке, изображая из себя учителя. Иногда учительницы-женщины, такие как госпожа Ульфат, сажали меня на колени, и я, присмирев, сидела так весь урок. Когда мне было года три-четыре, я частенько усаживалась

за парту рядом со старшими детьми и, открыв от изумления рот, слушала объяснения учителя, иногда непроизвольно повторяя его мимику. Так что, можно сказать, я выросла в школе.

Мой отец давно уже понял, что соединить дружеские отношения и деловое партнерство очень и очень не просто. Попытка вести совместное дело стоила ему дружбы с Наимом. Второй его компаньон, Хидаятулла, тоже в конце концов решил открыть собственную школу. Они с отцом поделили учеников, каждый взял себе по два класса. Об этом они предпочитали не распространяться. Пусть люди думают, что школа расширяется и ей понадобилось второе здание, рассуждали они. Дружба их дала трещину настолько широкую, что они перестали разговаривать друг с другом. Тем не менее Хидаятулла так скучал по мне, что время от времени приходил со мной повидаться.

В сентябре 2001 года, когда пришло известие о том, что два небоскреба в Нью-Йорке подверглись воздушной атаке, Хидаятулла как раз был у нас. Сразу начали прибывать другие гости, потрясенные, взволнованные. Мне было тогда всего четыре года, и я, естественно, ничего не понимала. Разумеется, я и слыхом не слыхивала ни о Нью-Йорке, ни об Америке. Мой мир ограничивался тогда стенами школы. Даже взрослые не могли вообразить, каким образом самолеты врезались в дома, – самые высокие здания в долине Сват, отели и больницы, насчитывали не больше трех этажей. Никто из нас тогда не сознавал, что 11 сентября мир изменился и в результате этих перемен в нашу долину придет война.

4. В деревне

У пуштунов есть обычай, согласно которому на седьмой день после рождения ребенка устраивается праздник, который называется Вома (что означает седьмой). Родственники, друзья и соседи собираются, чтобы пожелать новорожденному всех благ. Когда я появилась на свет, родители не смогли устроить такой праздник, потому что у них не было денег, чтобы купить козлятины и риса, которыми полагалось угощать гостей. Дедушка не стал им помогать – он считал, что радоваться рождению девочки нечего. После того как родились мои братья, баба хотел дать денег на праздник, но отец отказался их принять.

– Раз ты не дал денег моей дочери, нечего давать их и сыновьям, – сказал он.

Но хотя баба не слишком радовался моему рождению, он был моим единственным дедушкой – мамин отец к тому времени уже умер, – и постепенно мы с ним сблизились. Родители говорили, что я унаследовала некоторые качества обоих дедушек: от маминого отца взяла мудрость и чувство юмора, от баба – громкий голос. С годами борода у баба поседела, а характер смягчился, и я любила ездить к нему в деревню.

Едва увидев меня, он запевал песню. В свое время дедушка был против того, чтобы меня назвали именем Малала, означающим «погруженная в печаль», и, распевая, он словно хотел отогнать от этого имени грустные тени.

– Малала Майванд вала да. Па тоол джехан ке да хушала да, – пел дедушка.

В переводе это означает: «Малала родилась в Майванде, и она самая счастливая девушка на свете».

Мы всегда ездили в деревню на праздники Ид. Надевали самую лучшую одежду, проталкивались в рейсовый микроавтобус с ярко расписанными бортами и оглушительно фыркающим мотором и ехали на север, в родную деревню моего отца. Ид празднуется дважды в год – Ид аль-Фитр, или «малый Ид», знаменует конец месяца Рамадан, во время которого мусульмане соблюдают пост. Празднуя Ид аль-Адха, или «большой Ид», мусульмане вспоминают о пророке Аврааме, который, повинуясь указанию свыше, был готов принести в жертву Богу своего старшего сына Исмаила. Даты обоих праздников определяются особым советом духовных лиц, которые следят за фазами луны. Сразу после того, как дату объявляли по радио, мы начинали собираться в путь.

Ночью, предшествующей отъезду, мы плохо спали от

возбуждения. Путешествие обычно длилось часов пять, если только дорогу не размывали дожди и не разрушали оползни. Автобус отправлялся в рейс рано утром. Мы спозаранку шли на автобусную станцию, волоча сумки, битком набитые подарками для родных – вышитыми шалями, сладостями, фисташками, лекарствами, которые невозможно было достать в деревне. Некоторые пассажиры везли в деревню мешки с мукой и сахаром. Багаж обычно укрепляли веревками на крыше автобуса. Потом мы все забивались внутрь, сражаясь за места у окна. Правда, стекла покрывал такой толстый слой пыли, что разглядеть хоть что-нибудь было невозможно. Автобусы в долине Сват обычно покрывают яркой росписью – на их бортах разгуливают оранжевые тигры, белеют горные вершины, красуются розовые и желтые цветы. Встречаются, правда, автобусы, на которых нарисованы реактивные самолеты и ракеты. Такие особенно нравились моим братьям, но отец всегда морщился, глядя на подобную живопись. Если бы наши политики не тратили такую пропасть денег на атомное оружие, в стране было бы больше школ, говорил он.

Мы проезжали мимо базара, мимо вывесок дантистов, с которых скалились белозубые улыбки, мимо ювелирных магазинов, в витринах которых сверкали золотые свадебные браслеты. Автобус лавировал между повозками, на которых громоздились клетки с попискивающими цыплятами. Но вот оживленные улицы оставались позади, и мы оказывались в северной части Мингоры, застроенной убогими деревянными домишками, которые, казалось, опирались друг на друга. Наконец мы выезжали на шоссе, построенное по распоряжению последнего вали. Слева от шоссе тянулась широкая река Сват, справа возвышалась гряда холмов, где находились изумрудные копи. На берегу реки попадались нарядные рестораны с большими стеклянными окнами, предназначенные для иностранных туристов. Никто из нас там никогда не бывал. Иногда нам встречались чумазые дети, согнувшиеся под тяжестью огромных мешков с травой, которые они тащили на спинах, и стада облезлых коз, не слушавших пастуха и разбредавшихся во все стороны.

По мере того как автобус отъезжал дальше от города, пейзаж менялся. Теперь за окнами мелькали зеленые рисовые поля, от которых исходил свежий аромат, абрикосовые и финиковые рощи. Мы проезжали небольшие мраморные копи, расположенные у самой реки. Поблизости от них вода была белой от химикатов. Отец всегда хмурился, глядя на это.

– Что они творят с нашей прекрасной долиной! – говорил

он. – Ведь это настоящее преступление.

Дорога сворачивала от реки в сторону и, петляя между лесистыми холмами, поднималась все выше и выше, так что у нас начинало закладывать уши. На некоторых вершинах сохранились развалины крепостей, построенных первым вали. Автобус фыркал, медленно ползя в гору, водитель чертыхался перед очередным резким поворотом, за которым открывался крутой обрыв. Моим братьям нравились эти виражи, от которых захватывало дух, они дразнили нас с мамой, указывая на обломки потерпевших аварию автомобилей и автобусов, валявшиеся внизу.

Наконец мы подъезжали к так называемому Небесному Повороту, воротам Шанглы, горному перевалу, который, казалось, был расположен на самой вершине мира. Теперь мы были выше скалистых горных выступов, вдали белели снега Малам-Джабба, нашего горнолыжного курорта. Здесь автобус обычно останавливался. Все пассажиры выходили, чтобы выпить чаю, и жадно вдыхали кристально чистый воздух, пропитанный ароматом сосны и кедра. Около самой дороги били прозрачные ключи и искрился небольшой водопад. Шангла – это нагромождение гор, вершины которых едва не касаются неба. После перевала дорога начинает спускаться вниз, тянется вдоль реки и постепенно становится все уже, превращаясь в каменистую тропу. Единственный способ переправиться через реку – подвесной мост или же фуникулер – железные вагонетки, скользящие над водой на канатах. Иностранцы называют фуникулер смертельным аттракционом, но нам с братьями этот аттракцион нравился.

Если вы посмотрите на карту Свата, то увидите, что к большой вытянутой долине, подобно ветвям, растущим на одном стволе, примыкает несколько маленьких. Эти долины мы называем дара. Наша деревня расположена на востоке, в дара Кана, со всех сторон окруженной скалистыми горами. Клочок земли, на котором теснятся дома, так узок, что в деревне нет места даже для крикетной площадки. Мы называем нашу деревню Шахпур, но на самом деле в долине располагается три деревни: Шахпур, самая большая; Баркана, родная деревня отца, и Каршат, родная деревня мамы. С южной стороны долины возвышается Тор-Гар, Черная гора, с северной – Спин-Гар, Белая гора.

Обычно мы останавливались в Баркане, в доме дедушки, где вырос мой отец. Он ничем не отличался от большинства домов в этой местности – плоская крыша, стены из обмазанных глиной камней. Мне больше нравилось жить в Каршате, у родственников с материнской стороны – дом у них был бетонный, с ванной. К тому же там было полно детей, так что товарищей для игр

хватало. Мы с мамой располагались на женской половине, которая находилась на первом этаже. Женщины целыми днями занимались тем, что присматривали за детьми, готовили пищу и подавали ее мужчинам на второй этаж, в худжру. Я спала в одной комнате со своими двоюродными сестрами Аниисой и Сумбул. На стене там висели часы в форме мечети, а в шкафу вместе с пакетами краски для волос хранилась винтовка.

В деревне день начинается рано, и даже я, любительница поспать, просыпалась от крика петухов и звона посуды, который поднимали женщины, готовя завтрак. По утрам лучи солнца отражались от заснеженной вершины Тор-Гар. Когда мы становились на молитву фаджр, первую из пяти ежедневных молитв, слева в лучах восходящего солнца золотилась вершина Спин-Гар, подобная красавице, на белоснежном лбу которой сверкает джумар тика – золотая цепь.

В этих краях часто случались проливные дожди, и после них природа сверкала чистотой и свежестью. Тучи отдыхали на зеленых террасах холмов, там, где люди разбивали огороды. Рядом росли каштаны, среди которых стояли пчелиные ульи. Я обожала мед. Мы ели его с каштанами. Внизу, у реки, располагалось место, куда пригоняли на водопой буйволов. Там же, под навесом, находилась водяная мельница. Ее каменные жернова без устали перемалывали пшеницу и кукурузу в муку, которую работавшие здесь молодые парни собирали в мешки. В сарае поблизости от мельницы стояла панель, от которой тянулись бесчисленные провода. Правительство не обеспечивало деревню электричеством, и местных жителей выручали подобные самодельные электростанции.

Когда день разгорался и солнце поднималось выше, большая часть Белой горы начинала плавать в золотистой дымке. Вечером на Белую гору падала тень, а закатные лучи играли на вершине Черной горы. Глядя на горы, мы определяли, когда наступает время читать молитвы. Мы знали: если солнечные лучи достигли определенной скалы, пора читать полуденную молитву – аср. Вечерами, когда белоснежная вершина Спин-Гар становилась еще красивее, чем по утрам, мы произносили вечернюю молитву – маккам. Белая гора была видна отовсюду, и отец говорил мне, что считает ее символом мира и благоденствия нашей земли, белым флагом, реющим над нашей долиной. Когда он был маленьким мальчиком, он был уверен, что долина – это весь мир и за обступившими ее со всех сторон горными грядами скрывается бескрайнее пустое пространство.

Хотя я родилась в городе, я разделяла любовь отца к природе. Я любила плодородную почву, зеленые склоны, поля, буйволов и

желтых бабочек, которые порхали у меня над головой, когда я шла на прогулку. Деревня была очень бедной, но в честь нашего прибытия в семье устраивался грандиозный праздник. На кострах, разложенных во дворе, женщины готовили цыплят, говядину с пряностями, рис и овощи – все в огромных количествах. Разумеется, застолье не обходилось без сладких пирогов, порезанных на дольки яблок и бесчисленных чайников с чаем. Ни у кого из детей, живущих в деревне, не было ни игрушек, ни книг. Мальчики играли в крикет в овраге, а мячи мастерили из пластиковых пакетов, скрепленных клейкой лентой.

Блага цивилизации в деревне полностью отсутствовали. Воду здесь носили из родников. Бетонных домов было мало, и все они принадлежали семьям, где отцы или же сыновья уехали работать на шахтах или же перебрались в страны Персидского залива, откуда присылали домой деньги. От отца я узнала, что из сорока миллионов пуштунов десять проживают за рубежом. Они вынуждены жить вдали от родных мест, чтобы обеспечить своим семьям средства к существованию, объяснил отец. Очень печально, что во многих семьях отцов видят не чаще раза в год. Через девять месяцев после их визита домой обычно появляется на свет очередной ребенок.

По склонам домов лепились домишки-мазанки, такие же, как дом дедушки. Весной их часто смывало наводнением, а зимой в них было так холодно, что маленькие дети порой замерзали насмерть. Единственная на всю округу больница находилась в Шахпуре, и если кто-нибудь из жителей других деревень заболевал, родственники доставляли его туда на деревянных носилках, которые мы в шутку называли «скорая помощь» Шанглы. Если болезнь оказывалась серьезной, больному приходилось совершать длительное автобусное путешествие в Мингору. Исключение составляли лишь редкие счастливчики, у которых были знакомые, имевшие машину.

Политики появлялись здесь исключительно во время предвыборных кампаний. Они не скупились на обещания, утверждая, что в самом скором времени построят дороги, больницы и школы, проведут электричество и водопровод. Помимо обещаний, они давали денег наиболее влиятельным местным жителям, и те разъясняли всем прочим, как надо голосовать. Разумеется, это касалось только мужчин; женщины в наших краях не голосовали. После выборов политики оседали в Исламабаде или же в Пешаваре, в зависимости от того, были они избраны в Национальную или же в Провинциальную ассамблею. Путешествий в глушь они уже не совершали, и никто в деревне более не слыхал ни о них самих, ни об их обещаниях.

Мои городские привычки казались двоюродным братьям и сестрам ужасно забавными. Мне не нравилось расхаживать босиком, зато я любила читать книги. Говорила я тоже по-городскому, не так, как они, вставляла в речь непонятные им сленговые словечки, которые использовали в Мингоре. Моя одежда была куплена в магазине, а все мои родственники ходили исключительно в самодельной. Я отказывалась убивать кур, заявляя, что мне их жалко. Конечно, в деревне я казалась «городской штучкой», ультрасовременным ребенком. Моим двоюродным братьям и сестрам не приходило в голову, что жители Исламабада или Пешавара сочли бы меня отсталой и провинциальной.

Иногда мы, дети, отправлялись гулять в горы, иногда спускались к реке. Летом, когда снег в горах таял, река становилась полноводной и быстрой, и ее нельзя уже было перейти вброд. Мальчики ловили рыбу удочками, используя в качестве наживки дождевых червей. Некоторые из них при этом беспрестанно свистели, надеясь таким образом привлечь рыбу. В основном их улов состоял из рыбы, которую мы называли чакварти. Она была ужасно невкусной, костлявой и жесткой. Мы, девочки, любили устраивать на берегу пикники, на которых угощались принесенными из дома рисом и шербетом. Нашей любимой игрой была игра «в свадьбу». Мы разделялись на две группы, каждая из которых представляла собой семью, и изображали свадебную церемонию. Все хотели заполучить меня в свою семью, ведь я была горожанкой, приехавшей из Мингоры, современной и необычной. Самой красивой девочкой среди нас считалась Танзела, ей чаще других доставалась роль невесты.

Разумеется, свадьба не могла обойтись без украшений. Мы приносили серьги, браслеты и ожерелья и надевали их на невесту. Наряжая ее, мы распевали песни из болливудских фильмов. Ради такого случая мы выпрашивали у матерей немного косметики, чтобы сделать невесте макияж. Руки ей протирали горячим лимонным соком и содой, чтобы отбелить кожу, ногти красили хной. После того как невеста была готова, она начинала плакать и причитать, а мы все гладили ее по голове и всячески утешали и успокаивали.

– Свадьба – дело житейское, – наставляли мы невесту, подражая взрослым. – Будь ласкова со свекром и свекровью, и они полюбят тебя, как родную дочь. Заботься как следует о своем муже, и вы оба будете счастливы.

Время от времени в деревне праздновались настоящие свадьбы, которые длились четыре дня и вынуждали семьи молодоженов залезать в долги. Невесту наряжали в роскошные

одежды, увешивали золотыми ожерельями и браслетами, которые дарили родственники с обеих сторон. Я читала, что Беназир Бхутто выходила замуж в стеклянных браслетах, чтобы показать людям, что в лишних тратах нет никакой необходимости. Но традиция украшать невесту золотом по-прежнему сильна.

Случались и горестные события. Несколько раз я была свидетельницей того, как из шахты прибывал фанерный гроб с телом погибшего шахтера. Женщины собирались в доме вдовы или матери покойного и заводили погребальный плач, такой горестный, что у меня по коже бегали мурашки.

Ночью деревня погружалась в темноту, лишь в окнах домов светились масляные лампы. Никто из моих взрослых родственниц не умел ни читать, ни писать, но все они знали множество увлекательных историй и рассказывали наизусть стихи, которые мы называем тапа. Моя бабушка знала их особенно много. В большинстве своем они были посвящены любви или горькой участи пуштунов.

– Ни один пуштун не покинет родную землю по своей собственной воле, – говорила бабушка. – Двинуться с места его могут заставить только любовь или бедность.

Мои тетки любили пугать нас рассказами о привидениях. Героем многих страшных историй был Шалгватай, человек с двадцатью пальцами, который ночью пробирается в дома и залезает к детям в постели. Мы визжали от ужаса, представляя этого урода, и при этом забывали, что пальцы у нас имеются не только на руках, но и на ногах, так что в наличии у Шалгватая целых двадцати нет никакой патологии. Для того чтобы заставить нас умыться перед сном, нам рассказывали о некоей колдунье по имени Шашака, которая приходит к чумазым детям, хватает их своими грязными руками, напускает на них вшей и превращает их волосы в крысиные хвосты. Какую-нибудь особенно аппетитную замарашку она может даже убить и съесть. Зимой, когда дети рвались на улицу поиграть в снегу, а родители хотели удержать их дома, в ход шли истории о львах и тиграх, которые должны оставить на снегу первый след. Только после того, как они это сделают, дети могут выйти на улицу.

Когда я подросла, деревенская жизнь стала казаться мне скучной. Во всей деревне не было ни одного компьютера, а телевизор имелся в одном-единственном богатом доме.

Деревенские женщины строго соблюдали правила пурда – женского затворничества. Покидая женскую половину, они закрывали лица и разговаривали только с теми мужчинами, которые являлись их близкими родственниками. Я, став подростком, не следовала этому обычаю и продолжала носить

одежду современного покроя. Одного из моих родственников это очень сердило.

– Почему она не закрывает лицо? – спросил он у моего отца.

– Она моя дочь, не твоя, – последовал ответ. – Занимайся собственными делами и не лезь в чужие.

Но некоторые жители деревни продолжали относиться к нашей семье неодобрительно и говорить, что мы не следуем пуштунскому кодексу чести, Пуштунвали.

Я очень горда тем, что принадлежу к народу пуштунов, но иногда мне кажется, что в нашем кодексе чести немало излишне жестоких правил, особенно в отношении женщин. Работавшая у нас женщина по имени Шахида, мать трех маленьких дочерей, рассказала мне, что, когда ей было всего десять лет, отец продал ее старику, пожелавшему иметь молодую жену.

Порой девушки бесследно исчезают, и далеко не всегда потому, что выходят замуж. В нашей деревне жила очень красивая пятнадцатилетняя девушка по имени Сиима. Все знали, она влюблена в одного молодого парня – когда он проходил мимо, она всегда стреляла в него взглядом из-под густых темных ресниц, которым завидовали все прочие девушки. У пуштунов считается, что девушка, позволяющая себе кокетничать с мужчиной, покрывает свою семью бесчестьем. При этом мужчина может флиртовать, сколько ему угодно. Когда Сиима внезапно умерла, нам сказали, что она, не вынеся позора, которым сама себя запятнала, покончила жизнь самоубийством. После выяснилось, что девушку отравили ее собственные родственники.

У нас есть обычай, называемый свара, согласно которому в знак прекращения вражды один клан дарит другому девушку. Обычай этот официально запрещен, тем не менее подобная практика продолжается. В нашей деревне жила вдова по имени Сорайя. Она вышла замуж за вдовца, принадлежавшего к клану, враждовавшему с ее семьей. Пуштунвали гласит, что никто не имеет права жениться на вдове, не получив от ее семьи разрешения. Когда родственники Сорайи узнали о ее замужестве, их гнев не знал границ. Они осыпали родственников ее мужа самыми яростными угрозами. Для разрешения этой ссоры была созвана джирга, совет старейшин. Они постановили, что семья человека, без разрешения родственников женившегося на вдове, нарушила закон и должна понести наказание. Согласно решению старейшин, они должны были выдать свою самую красивую девушку за самого незавидного мужчину из враждебного клана. Судьба девушки, не имеющей к ссоре ни малейшего отношения, ровным счетом никого не волновала.

Как-то раз я призналась отцу, что нахожу подобные законы

несправедливыми. В ответ он сказал, что в Афганистане женщинам живется еще тяжелее. За год до моего рождения движение под названием Талибан, возглавляемое неким одноглазым муллой, захватило в этой стране власть и сожгло все женские школы. Мужчин они заставили отрастить длинные бороды, а женщин – носить паранджи. Ходить в таком плотном коконе с узкой прорезью для глаз – сущее мучение, особенно в жаркие дни, когда паранджа превращается в подобие духовки. По крайней мере, я твердо решила, что не буду носить паранджу никогда. Отец рассказал также, что Талибан запрещает женщинам громко смеяться и носить белую обувь, потому что белый – это «цвет, который принадлежит только мужчинам». Если женщина покрасит ногти лаком, ее подвергают побоям. Я слушала все это с содроганием.

Я читала такие книги, как «Анна Каренина», романы Джейн Остин, и никогда не забывала слова отца: «Малала будет свободной, как птица». Рассказы об ужасах, творившихся в Афганистане, заставляли меня еще сильнее гордиться своей страной.

– Как хорошо, что девочки у нас могут ходить в школу, – часто повторяла я.

Но движение Талибан набирало силу и у нас, объединяя таких же пуштунов, как мы. Для меня родная долина оставалась самым солнечным местом в мире, и я не замечала, как за горами собираются темные тучи. Мне не о чем было волноваться, ведь я верила словам отца:

– Я стою на страже твоей свободы, Малала. Ты сумеешь исполнить все свои мечты.

5. Почему я не ношу серьги, а пуштуны никогда не говорят «спасибо»

Когда мне было семь лет, я уже привыкла быть лучшей ученицей в классе. Я всегда помогала девочкам, у которых возникали трудности с учебой.

– Малала у нас просто гений, – говорили мои одноклассницы.

Еще я славилась тем, что принимала участие абсолютно во всех начинаниях – занималась в драмкружке, в изостудии, играла в крикет и бадминтон, даже пела, хотя и без особого успеха. Когда в наш класс пришла новенькая, девочка по имени Малка-и-Нур, я поначалу не обратила на нее особого внимания. Ее имя означало «королева света». На вопрос о том, кем она хочет быть, она ответила: первой в Пакистане женщиной-военачальником. Ее мать была учительницей, работала в другой школе, что, конечно, было необычно – больше ни у кого в нашем классе мамы не работали. В школе она не слишком выделялась, говорила мало, и я по-прежнему считала своей главной соперницей Монибу, которая, несмотря на это, являлась моей лучшей подругой. У Монибы был красивый почерк, тетради ее отличались безупречной аккуратностью, что, разумеется, нравилось учителям, но я знала, что по содержанию ее работы уступают моим. Когда после ежегодных экзаменов выяснилось, что первой ученицей в классе стала Малка-и-Нур, я была потрясена. Вернувшись домой, я залилась слезами, и маме долго не удавалось меня утешить.

К тому времени мы переехали в другой дом. Раньше мы жили на одной улице с Монибой, а на новом месте у меня не было друзей. Вскоре я познакомилась с живущей по соседству девочкой по имени Сафина. Она была немного младше меня, и мы часто играли вместе. Сафину в семье очень баловали, у нее было множество кукол и украшений, которые она хранила в коробке из-под обуви. Но она положила глаз на мою единственную игрушку – розовый мобильный телефон, который подарил мне отец. Подражая отцу, я вела длинные разговоры по своему игрушечному телефону, делая вид, что решаю важные дела. Но однажды игрушка исчезла.

Несколько дней спустя я увидела у Сафины игрушечный телефон, как две капли воды похожий на мой.

– Где ты его взяла? – спросила я.

– Купила на базаре, – ответила она.

Теперь я понимаю, что это вполне могло быть правдой, но

тогда я ей не поверила. Раз Сафина так подло поступила со мной, я отплачу ей тем же, решила я. Теперь, оказавшись у нее дома, я при всяком удобном случае совала в карман ее игрушечные серьги и ожерелья. Поначалу сердце у меня замирало от страха, но это быстро прошло. Вскоре воровство вошло у меня в привычку. Я уже не могла остановиться.

Однажды, вернувшись домой из школы, я, как обычно, первым делом побежала в кухню, чтобы перекусить.

– Привет, бхаби! – крикнула я. – Я умираю с голоду.

Ответом мне было молчание. Мама, сидя на полу, толкла куркуму и тмин, наполнявшие воздух пряным ароматом. Она не поднимала головы, избегая встречаться со мной взглядом. Чем я провинилась? Ломая над этим голову, я, грустная и подавленная, пошла в свою комнату. Открыв шкаф, я увидела, что все вещи, которые я утащила у Сафины, исчезли. Меня разоблачили.

В комнату вошла моя двоюродная сестра Риина.

– Твои родители знали, что ты занимаешься воровством, – сказала она. – Они долго ждали, когда ты прекратишь и сознаешься во всем. Но ты так и не сделала этого.

Внутренности мои болезненно сжались. Понурив голову, я поплелась к маме.

– Как ты могла взять чужие вещи, Малала? – спросила она. – Или ты хотела, чтобы люди презирали нас за то, что мы не можем купить украшения своей дочери?

– Ничего я не брала, – солгала я.

Но мама в ответ лишь укоризненно покачала головой.

– Сафина первая начала, – попыталась оправдаться я. – Она украла розовый телефон, который подарил мне аба.

Мама пристально посмотрела на меня:

– Сафина младше тебя, а значит, ты должна учить ее, как себя вести. Должна подавать ей хороший пример.

Мне оставалось лишь расплакаться.

– Пожалуйста, ничего не говори аба, – упрашивала я.

Мысль о том, что отец разочаруется во мне, была для меня невыносима. Больше всего на свете я боялась упасть в его глазах.

Воровством я грешила не в первый раз. Когда я была совсем маленькой, мы с мамой пошли на базар, и я, увидев на прилавке гору миндаля, не смогла устоять и захватила целую горсть. Мама дернула меня за руку и извинилась перед торговцем. Но он пришел в ярость и никак не желал успокоиться. Денег у нас тогда было совсем мало, и мама, вытащив кошелек, пересчитала его содержимое.

– Десяти рупий будет достаточно за то, что она взяла? – спросила мама.

– Нет, – ответил торговец. – Это очень дорогой миндаль.

Мама была очень расстроена. Вернувшись домой, она рассказала о случившемся отцу. Он немедленно отправился на базар, купил у торговца кулек миндаля и высыпал его на стеклянный поднос.

– Миндаль очень полезен, – сказал он. – Тот, кто ест его перед сном, запивая молоком, станет умным.

Но я прекрасно понимала, что миндаль для нас слишком дорог и отец купил его вовсе не затем, чтобы я выросла умной. Миндаль, лежавший на стеклянном блюде, должен был напоминать о моей провинности. В тот раз я пообещала себе, что больше никогда не возьму чужого. И не сдержала обещания. По настоянию мамы мы с ней пошли к Сафине, чтобы извиниться перед ней и ее родителями. Это было для меня тяжелым испытанием. Сафина ни словом не обмолвилась о моем телефоне, а я не стала напоминать, хотя и сознавала, что это до некоторой степени послужило бы мне оправданием.

Когда эта неприятная история наконец осталась позади, я вздохнула с облегчением. С этого дня я ни разу не солгала и ни разу не взяла чужого. Не солгала даже в мелочи и не позарилась даже на те мелкие монеты, которые отец оставлял где ни попадя. А еще я прекратила носить украшения. Спросила себя: «Разве мне нужны эти дурацкие побрякушки? Неужели я позволю, чтобы они вводили меня в искушение?» – и твердо ответила: «Нет». И все же я долго не могла избавиться от чувства вины и каждый день молилась, чтобы Бог простил мой грех.

У моих родителей не было друг от друга секретов, и отец скоро узнал, почему я в таком подавленном настроении.

По его глазам я видела, что он расстроен моим поступком. А я хотела, чтобы он мной гордился, как в те дни, когда я приносила домой призы за успехи в учебе.

Отец утешал меня, рассказывая об ошибках и промахах, которые в детстве совершали даже великие герои. Он часто повторял слова Махатмы Ганди: «Свобода – замечательная вещь, за исключением свободы делать ошибки». В школе мы читали рассказы о Мухаммеде Али Джинне, основателе Пакистана. Когда он был мальчиком и жил в Карачи, ему приходилось учиться при свете уличных фонарей, потому что дома у него не было лампы. Он посоветовал другим мальчикам играть не в камешки, а в крикет, потому что во время этой игры не пачкаются одежда и руки. На дверях своего офиса отец повесил вставленное в рамку письмо, которое Авраам Линкольн написал учителю своего сына (разумеется, переведенное на пушту). Это было замечательное письмо, изобилующее хорошими советами:

Научите его, если можете, понимать, какое это чудо – книги. Но также предоставляйте ему досуг, во время которого он может созерцать вечную мистерию, творимую небом и птицами, пчелами, солнцем и цветами на зеленых склонах. Объясните ему также, что лучше потерпеть неудачу, чем потерять честь и унизиться до обмана.

Я думаю, нет такого человека, который ни разу в жизни не совершил ошибку. Самое главное – делать из собственных ошибок верные выводы. Именно поэтому мне так трудно следовать нашему кодексу чести Пуштунвали. Согласно правилам, которые в нем утверждаются, мы должны мстить за причиненное нам зло. Но кто же тогда положит злу конец? Если члены одной семьи убьют или ранят человека, принадлежащего к другой семье, между этими семьями вспыхнет настоящая война, которая может закончиться гибелью чуть ли не всех мужчин и с той и с другой стороны. Наша пословица гласит: «За обиду, нанесенную твоей семье, никогда не поздно отомстить».

Пословиц у нашего народа множество. Вот еще одна: «Пуштунское железо не ржавеет даже в воде». Эта пословица означает, что наш народ ничего не забывает и ничего не прощает. Мы очень редко говорим «спасибо», манана, потому что верим: пуштун никогда не забудет сделанное ему добро и непременно отплатит за него тем же, точно так же, как отплатит злом за зло. За доброе дело необходимо отблагодарить добрым делом, считает наш народ, просто сказать «спасибо» будет недостаточно.

Многие пуштунские семьи живут в домах, окруженных высокими стенами и снабженных сторожевыми башнями, с которых ведется наблюдение за окрестностями. Мы знали многих людей, ставших жертвами междусемейной вражды. Один из них, Шер Заман, когда-то учился с моим отцом в одном классе и был первым учеником. Дедушка и дядя доводили отца до исступления, упрекая его в том, что он уступает Шеру Заману. «До Шеру Замана тебе далеко», «жаль, что ты не так умен, как Шер Заман» – эти слова отец слышал едва ли не каждый день, и от них у него сводило скулы. Но Шер Заман не стал поступать в колледж и удовольствовался должностью фармацевта в деревенской аптеке. Между его семьей и семьей его дяди вспыхнул спор из-за небольшого участка леса. Как-то раз, когда Шер Заман и два его брата шли работать в поле, их подстерег дядя и его сыновья. Все три брата были убиты.

В качестве уважаемого члена общества мой отец часто получал приглашение разрешить семейный спор и примирить

враждующих. Он не верил в необходимость мести – бадаль – и пытался убедить враждующих, что разжигание взаимной ненависти губительно для обеих сторон. В нашей деревне жили две семьи, которые не вняли его убеждениям. Они враждовали уже много лет и, кажется, успели позабыть, что послужило причиной конфликта. Возможно, то была сущая ерунда, но пуштуны обидчивы и злопамятны. В результате искра обиды разгорелась в пожар, погубивший несколько жизней.

Пуштуны утверждают, что именно благодаря законам мести уровень преступности у нас намного ниже, чем в других, непуштунских районах. Но я думаю, если кто-то убил твоего брата, ты не восстановишь справедливость, лишив жизни его убийц или их братьев. Куда разумнее объяснить им, что они совершили зло, от которого должны воздерживаться впредь. Подтверждение своим мыслям я нахожу в рассуждениях Хана Абдула Гаффара Хана, философа, которого иногда называют предшественником Ганди. Он исповедовал принципы ненасилия и стремился преодолеть жестокость, свойственную нашей культуре.

То же самое и с воровством. Некоторые люди, подобно мне, после того как их уличают, дают зарок больше никогда не брать чужого. Другие говорят: «Подумаешь, важность – взял какую-то мелочь». Но постепенно вещи, которые они воруют, становятся все более ценными. В моей стране многие политики не считают воровство грехом. Они богаты, а страна наша бедная, тем не менее они не упускают случая нажиться нечестным путем. Многие из них не платят налоги, но это еще самое малое. Они берут в государственных банках займы и не возвращают их, обеспечивают государственные контракты своим друзьям или компаниям, которые платят им щедрое вознаграждение. Многие из них имеют роскошные дома и квартиры за границей.

Я не знаю, как они успокаивают свою совесть при виде голодных людей и темных домов, где из-за перебоев с энергией отключено электричество. Не знаю, какими глазами они смотрят на детей, которые не могут ходить в школу, потому что с ранних лет вынуждены работать. Мой отец часто говорит, что нечистые на руку политики стали настоящим проклятием для Пакистана. Если сравнить всю страну с самолетом, можно сказать, что политики не желают находиться у штурвалов в кабине, хотя их место именно там. Они предпочитают нежиться в мягких креслах бизнес-класса, услаждать себя изысканной едой и напитками и не думать о тех, кто теснится в эконом-классе.

Я родилась в демократический период. В течение десятилетия правительства Беназир Бхутто и Наваза Шарифа сменяли друг друга, причем ни одно из них не сумело удержаться

у власти в течение всего выборного срока. Взаимным обвинениям в коррупции не было конца. Через два года после моего рождения к власти снова пришли военные. Этому предшествовали события столь драматические, что на их основе можно снимать кино. Наваз Шариф, тогдашний премьер-министр, поссорился с командующим армией, генералом Первезом Мушаррафом, и снял его с должности. В это время генерал Мушарраф находился на борту самолета нашей национальной авиакомпании, совершавшего перелет из Шри-Ланки. Наваз Шариф так боялся реакции генерала на известие об отставке, что решил помешать самолету приземлиться в Пакистане. По его приказу в аэропорту Карачи были погашены сигнальные огни, а на взлетно-посадочную полосу согнаны пожарные машины. Самолет, на борту которого, помимо генерала, находились еще 200 пассажиров, лишился возможности совершить посадку. У экипажа оставался один выход – перелет в другую страну, но самолет не располагал необходимым для этого запасом топлива. Через час после того, как по телевизору было объявлено об отставке генерала Мушаррафа, на улицы вышли танки, а войска захватили редакции газет и аэропорты. Отряд под командованием генерала Ифтихара взял штурмом аэропорт Карачи, и самолет, на котором летел Мушарраф, смог приземлиться. Мушарраф захватил власть и незамедлительно отправил Шарифа в тюремное заключение. Многие люди радовались этому и поздравляли друг друга, так как Шариф не пользовался в народе популярностью. Но мой отец заплакал, услыхав эту новость. Он не сомневался, что в стране теперь установится военная диктатура. Шариф был обвинен в государственной измене. Жизнь его была спасена лишь благодаря вмешательству влиятельных друзей, представителей саудовской королевской семьи. Они добились того, что бывшему премьер-министру разрешили покинуть страну.

Генерал Мушарраф стал четвертым военным диктатором Пакистана. Как и его предшественники, он первым делом обратился к нации по телевидению.

– Мере азиз хамватано – мои дорогие соотечественники, – начал он свое обращение и разразился длинной обличительной тирадой против Шарифа. Он обвинил бывшего премьер-министра в том, что за время его правления Пакистан «утратил честь, достоинство и уважение». Генерал клялся, что положит конец коррупции и по заслугам накажет тех, кто «разворовывал национальные богатства». Он обещал также, что будет ежегодно публиковать собственную имущественную и налоговую декларацию. В завершение своей речи генерал заявил, что намерен править страной недолго, но этому никто не поверил.

Генерал Зия-уль-Хак тоже обещал навести порядок в стране в течение девяноста дней и сложить с себя все полномочия. В результате он оставался у власти одиннадцать лет, пока не погиб в авиакатастрофе.

История повторяется, сказал отец, прослушав выступление Мушаррафа. Он был совершенно прав. Мушарраф обещал положить конец старой феодальной системе, при которой несколько десятков семей контролировали всю страну, и влить в правительство свежую кровь, включив в свой кабинет молодых, энергичных, ничем себя не запятнавших политиков. Все обещания оказались пустыми, и новый кабинет мало чем отличался от прежнего. Пакистан в очередной раз был исключен из Содружества Наций и стал международным парией. Америка приостановила помощь нашей стране еще год назад, когда в Пакистане начались ядерные испытания, но сейчас бойкот Пакистану объявили почти все страны.

Полагаю, теперь вы понимаете, почему жители долины Сват не слишком радовались тому, что их земли стали частью Пакистана. Каждые несколько лет Пакистан посылал в Сват нового полномочного представителя, который должен был управлять долиной. В точности так же делали англичане в колониальный период. Создавалось впечатление, что правительственные чиновники приезжают в наши края лишь с одной целью – обогатиться. Достигнув этой цели, они возвращались домой. У них и в мыслях не было защищать интересы долины Сват и способствовать ее развитию. Наш народ привык повиноваться, потому что при режиме *вали* всякая критика беспощадно подавлялась. Любой человек, позволивший себе неуважительно отозваться о правителе, высылался из долины Сват вместе со всей своей семьей. Правительственных уполномоченных, прибывающих из Пакистана, считали новыми ханами и, естественно, не требовали от них никакого отчета. Пожилые люди с ностальгией вспоминали о былых временах, о правлении последнего вали. В то время горы были покрыты лесами, школы имелись в каждой деревне, и любой человек мог обратиться со своей проблемой к сахибу, представителю вали.

После происшествия с Сафиной я поклялась, что больше никогда не буду обижать своих друзей. Отец всегда говорил, что это очень важно – уметь дружить с людьми и помогать им. Когда он учился в колледже, у него часто не хватало денег на еду и книги. Его выручали друзья, и он до сих пор был им благодарен. У меня были три хорошие подруги – Сафина, живущая по соседству, Сумбул, с которой мы встречались только летом, когда я приезжала в деревню, и Мониба, моя одноклассница. С

Монибой мы прежде жили на одной улице, и я уговорила ее поступить в нашу школу. Она с детства отличалась умом и рассудительностью, но мы с ней частенько ссорились, особенно во время школьных экскурсий. Мониба росла в большой семье, у нее было три сестры и четыре брата. Я привыкла считать ее своей старшей сестрой, хотя на самом деле я на полгода старше, чем она. Тем не менее правила всегда устанавливала Мониба, а я пыталась им следовать. Мы делились друг с другом секретами, которые скрывали от всех прочих. Ей не нравилось, когда я слишком много болтала с другими девочками. Мониба считала, что не нужно общаться с людьми, которые не умеют себя вести или обладают плохой репутацией.

– У меня четыре брата, и стоит мне совершить малейшую оплошность, они запретят мне ходить в школу, – часто повторяла она.

Я так стремилась завоевать всеобщее одобрение, что с готовностью выполняла поручения чужих людей. Как-то раз соседи попросили купить им кукурузы. Когда я шла на базар, в меня врезался мальчик на велосипеде. Левое мое плечо пронзила такая боль, что на глазах выступили слезы. Но я все же дошла до базара, купила кукурузы, отнесла ее соседям, вернулась домой и только тогда расплакалась. Вскоре я нашла отличный способ вернуть себе уважение отца. В школе повесили объявление, извещающее о публичном состязании ораторов. Мы с Монибой решили участвовать. В памяти моей жила история о том, как отец поразил своим успехом дедушку. Я мечтала последовать его примеру.

Когда мы получили тему выступления, я глазам своим не поверила. «Честность как основная линия поведения» – было написано на листке. Более актуальной темы для меня в те дни не существовало.

До сих пор у меня не было опыта публичных выступлений. Во время утренних собраний мы читали вслух стихи, и этим моя практика исчерпывалась. Но в старшем классе училась девочка по имени Фатима, которая считалась отличным оратором. Она была красива, говорила живо и убедительно. Фатима не теряла уверенности даже перед многочисленной аудиторией, она умела держать внимание так, что слушатели ловили каждое ее слово. Мы с Монибой надеялись, что сумеем стать похожими на нее.

У нас принято, что речи для публичных выступлений школьников пишут их отцы, дяди или учителя. Как правило, речи эти пишутся не на пушту, а на урду или английском. Выступление по-английски обычно ценится выше. Я считаю, это неверный подход. Не важно, на каком языке ты говоришь, важно, насколько

ясно и доходчиво ты выражаешь свои мысли. Речь для Монибы написал один из ее старших братьев. Там многократно цитировались стихи Алламы Икбала, нашего национального поэта. Для меня речь написал отец. Он развивал мысль о том, что к добру нельзя идти порочными путями, ибо добро, во имя которого творятся злые дела, превращается в зло. Если же кто-то попытается сотворить добро во имя злой цели, такое добро тоже обернется злом. Заканчивал он словами Линкольна: *«Лучше потерпеть неудачу, чем потерять честь и унизиться до обмана»*.

Настал день состязания, в котором приняли участие восемь или десять мальчиков и девочек. Мониба говорила очень хорошо – она держалась спокойно, речь ее была эмоциональна и богата поэтическими образами. Этим она выгодно отличалась от моей. Впрочем, по части содержания моя речь ничуть не уступала, а возможно, даже превосходила речь Монибы. В отличие от своей подруги я ужасно нервничала, руки у меня тряслись, колени подгибались. В зале присутствовал мой дедушка, специально приехавший из деревни ради такого случая. Я знала, он очень хочет, чтобы я стала победительницей, и это заставляло меня нервничать еще сильнее. Отец учил, что перед тем, как начать говорить, надо глубоко вдохнуть. Но когда я увидела множество устремленных на меня глаз, все наставления вылетели у меня из головы. Я пропускала целые абзацы, листочки с речью трепетали у меня в руках, строчки плыли перед глазами. Произнеся наконец слова Линкольна, я взглянула на отца. Он улыбался.

Когда жюри объявило результаты, выяснилось, что Мониба заняла первое место, а я – второе.

Это было не важно. В том самом письме Линкольна, которое я цитировала, есть еще одна фраза. «Научите его достойно проигрывать» – просит Линкольн учителя своего сына. Я привыкла быть первой ученицей и полагала, что так будет всегда. Но даже если ты одержал несколько побед подряд, ты не застрахован от поражения. Это мне пришлось осознать на собственном опыте. Каждая новая победа требует новых усилий. А еще я поняла – убедительно и красноречиво говорит тот, кто произносит собственные слова. С тех пор я сама пишу все свои речи и выступления и говорю от сердца, не заглядывая в бумажки.

6. Дети в мусорной куче

Дела в школе Хушаль шли все лучше, так что наша семья смогла снова переехать на новую квартиру и наконец купить телевизор. Вскоре у меня появился любимый сериал – «Шакалака Бум Бум». Он был снят в Индии и посвящен приключениям мальчика по имени Санью, у которого был волшебный карандаш. Все, что он рисовал этим карандашом, становилось настоящим. Стоило ему нарисовать яблоко или, скажем, полицейского, его рисунок оживал. Как-то раз он случайно нарисовал змею, и она тут же ожила. Для того чтобы от нее избавиться, Санью стер рисунок, и змея исчезла. Мальчик использовал карандаш, чтобы помогать людям: так, например, он спас своих родителей от разбойников. Больше всего на свете я мечтала получить такой же волшебный карандаш.

Перед сном я всякий раз молилась:

– Милостивый Аллах, пошли мне такой же карандаш, как у Санью. Пусть он появится в ящике моего стола. Я никому не скажу, что у меня есть. Но с помощью карандаша буду делать людей счастливыми.

Едва закончив молитву, я бежала к столу и, затаив дыхание, открывала ящик. Но волшебный карандаш не появлялся. Тем не менее я уже знала, кому надо помочь, как только он окажется у меня в руках. В конце улицы, где мы жили теперь, находился небольшой пустырь, который использовали как свалку – вывоз мусора в Мингоре не был организован и никаких мусороперерабатывающих заводов не существовало. На пустыре выросла огромная куча, от которой исходило такое зловоние, что я старалась к ней не приближаться. Над этой горой отбросов постоянно кружили вороны, а иногда мы замечали, как там шныряют огромные крысы.

Как-то раз, когда братьев не было дома, мама попросила меня отнести на свалку картофельные очистки и яичную скорлупу. Подходя к свалке, я сморщила нос. Мухи кружились над моей головой, я отмахивалась от них и в то же время смотрела под ноги, опасаясь испачкать свои новые красивые туфли. Выбросив мусор, я заметила, что у подножия мусорной горы кто-то копошится, и в испуге отскочила. Это была девочка примерно моих лет. Волосы ее свалялись, как войлок, кожа была покрыта расчесами и болячками. Выглядела она в точности так, как, по моим представлениям, должна была выглядеть Шашака, грязная колдунья, про которую нам рассказывали в деревне, чтобы заставить умываться перед сном. Девочка сортировала мусор,

раскладывая в отдельные кучи консервные банки, пластиковые бутылки, стекло и бумагу. Рядом два мальчика, вооружившись магнитами, выуживали из мусорной кучи металл. Мне хотелось поговорить с этими детьми, но я была так испугана и растеряна, что не знала, как начать разговор.

В тот же день, когда отец пришел из школы домой, я рассказала ему о детях, рывшихся на свалке, и упросила пойти туда вместе со мной. Отец попытался заговорить с детьми, но они бросились наутек. Отец объяснил мне, что найденное на свалке дети продадут старьевщику и выручат несколько рупий. А старьевщик потом перепродаст весь этот хлам с выгодой для себя. Когда мы возвращались домой, я заметила, что в глазах у отца стоят слезы.

– Аба, прошу тебя, прими их в нашу школу без всякой платы, – взмолилась я.

Отец грустно усмехнулся. Благодаря нашим с мамой просьбам он уже принял в школу нескольких девочек, которые учились бесплатно.

Хотя мама была неграмотной, она отличалась практической сметкой и очень деятельным характером. Она не сидела дома, потому что с утра до вечера помогала людям. Отца это даже сердило. Иногда он приходил из школы, кричал с порога: «Тор Пекай, я пришел» – и не получал никакого ответа. Через минуту выяснялось, что жены нет дома, а обед не готов. Вернувшись, она рассказывала, что навещала в больнице кого-нибудь из своих заболевших друзей или относила еду семье бедняков, и отец переставал хмуриться. Одно дело – если жена занимается добрыми делами, и совсем другое – если она ходит по базарам, выбирая себе наряды.

Где бы мы ни жили, дом наш всегда был полон людей. Я делила комнату с двумя девочками. Первой была моя двоюродная сестра Аниса, которая приехала из деревни и поселилась у нас, чтобы ходить в школу. Еще с нами жила девочка по имени Шехназ, чья мать, Султана, когда-то у нас работала. После смерти отца Шехназ ее семья осталась в такой бедности, что им с сестрой тоже приходилось собирать отбросы. Один из ее братьев был психически болен и от него вечно приходилось ждать всяких странных выходок. Как-то раз он сжег одежду матери и сестер, в другой раз продал электрический вентилятор, спасавший всю семью в жаркие дни. Султана отличалась вспыльчивым характером, и они с мамой не очень ладили. Отцу удалось пробить для нее небольшое пособие, а Шехназ и ее братьев, за исключением, разумеется, больного, он принял в свою школу. До этого Шехназ никогда не училась, и

хотя она была на два года старше меня, ей пришлось пойти в первый класс. Она стала жить у нас, и я могла помогать ей в учебе.

Какое-то время у нас жила девочка Нурия, чья мать, Хару, помогала нам с уборкой и стиркой. У Халиды, женщины, помогавшей маме готовить, была дочь по имени Алишпа, которая тоже поселилась в нашем доме. Халиду еще девочкой продали в жены старику, который бил ее. В конце концов она сбежала от мужа, забрав с собой трех дочерей. Семья Халиды отказалась ее принять, ибо, согласно нашим законам, женщина, покинувшая мужа, покрывает свою семью позором. Дочерям Халиды тоже какое-то время пришлось промышлять на свалке. История ее жизни могла бы стать сюжетом романа – из тех, что я в ту пору полюбила читать.

Школа так разрослась, что занимала уже три здания. В Ландикасе находилась начальная школа, где учились дети обоих полов, на улице Яхья – средняя школа для девочек, и в розовом саду поблизости от развалин буддийского храма – средняя школа для мальчиков. Общее число учеников приближалось к 800, и хотя доход, приносимый школой, был не особенно велик, отец принял около сотни бесплатных учеников. Один из них был сыном Шарафата Али, человека, который помог отцу, когда тот был нищим студентом. Они выросли в одной деревне; Шарафат Али, окончив школу, устроился работать в электрическую компанию, и, если у него заводилось несколько свободных рупий, он отдавал их моему отцу. Теперь отец был счастлив, что может отплатить ему добром за добро. Еще одна бесплатная ученица, девочка по имени Каусар, училась в моем классе. Ее отец занимался вышивкой – ремеслом, очень популярным в нашем регионе. Тем не менее ему не удавалось как следует обеспечить семью. Когда в школе устраивались экскурсии или поездки в горы, Каусар не могла внести за них плату, и я платила за нее из своих карманных денег.

Принимая в школу бедных детей, отец нес не только убытки, связанные с платой за обучение. Некоторые богатые родители забирали из школы своих детей, так как не хотели, чтобы они сидели за одной партой с детьми уборщиц и вышивальщиков. Они полагали, что их детям зазорно общаться с беднотой. Мама понимала, что детям, которые живут впроголодь, тяжело учиться, и некоторые из бедных учеников приходили к нам домой завтракать. Отец шутил, что наш дом превратился в пансион.

Когда в доме столько народу, найти место для занятий непросто. Я была счастлива, когда у меня появилась собственная комната с письменным столом. Но вскоре в этой комнате

поселились еще две девочки.

– Нам будет тесно! – хныкала я.

Но затем я поняла, что не имею никакого права жаловаться. В конце концов, жить втроем в одной комнате – это не так уж плохо. По сравнению с детьми, копошащимися на свалке, нам просто повезло. Мысли мои вновь и вновь возвращались к этим несчастным детям, их чумазые лица стояли у меня перед глазами. Я надеялась, что сумею уговорить отца принять их в школу.

В ответ он попытался объяснить, что эти дети добывают для своих семей пропитание. Если они будут учиться в школе, пусть даже бесплатно, их родным придется голодать. Тем не менее он убедил одного богатого благотворителя, Азадая Хана, выпустить листовки, на которых было написано: «Киа хасул и елум ин бачун ка хак нахе?» – «Разве не все дети имеют право на образование?» Было напечатано несколько тысяч таких листовок, отец приносил их на собрания и распространял по городу.

К тому времени мой отец стал в долине Сват заметной фигурой. Хотя он не был ханом и не относился к числу богатых людей, люди к нему прислушивались. Все знали, что на семинарах и симпозиумах он всегда выступает интересно и убедительно. Он не боялся критиковать власти, даже военных, которые управляли нашей страной. Друзья рассказывали отцу, что один из армейских начальников во всеуслышание назвал его «смертником». Отец так и не понял, что именно имел в виду этот человек. Так или иначе, в стране, где военные обладали неограниченной властью, такое высказывание не предвещало ничего хорошего.

Отец постоянно боролся с так называемыми призрачными школами, существующими только на бумаге. Влиятельные люди получали у правительства субсидии на устройство школ в отдаленных районах, а вместо этого строили себе дома. Был даже случай, когда один пройдоха ухитрился пробить себе учительскую пенсию, хотя в жизни не провел ни одного урока. Еще одним вопросом, волновавшим моего отца, была охрана окружающей среды. Мингора быстро разрасталась и насчитывала уже около 175 000 жителей. Воздух, некогда кристально чистый, ныне загрязнялся множеством машин и кухонных очагов. Прекрасные леса на склонах гор безжалостно вырубались. Отец утверждал, что только половина городского населения пользуется чистой питьевой водой, другая же половина, и в том числе наша семья, использует воду, которая не соответствует санитарным нормам. Вместе с друзьями отец создал организацию, получившую гордое название Всеобщий мировой совет. Несмотря на свое название, организация эта занималась исключительно

местными проблемами. Название звучало иронично, и отец всегда усмехался, когда его слышал, но цели, которые ставила перед собой организация, были более чем серьезными: сохранить природу долины Сват, обеспечить ее жителям мирное существование и возможность учиться.

Отец любил писать стихи. Некоторые его стихотворения были посвящены любви, но чаще всего он обращался к таким острым темам, как права женщин или убийство в защиту чести. Однажды отец даже ездил в Афганистан, на поэтический фестиваль, который проходил в Кабуле, в отеле «Интерконтиненталь». На этом фестивале отец прочел стихотворение, посвященное борьбе за мир. В выступлении, подводящем итоги фестиваля, стихотворение отца было упомянуто как самое яркое. Собравшиеся попросили его прочесть стихотворение вновь и, слушая, приветствовали наиболее удачные строки возгласами «Вах! Вах!», заменяющими в восточных странах крики «Браво!». Даже дедушка был доволен и горд.

– Сын, ты стал настоящей звездой на небосклоне образования, – говорил он.

Мы, разумеется, тоже гордились отцом. Но по мере того как росло его влияние, он проводил с семьей все меньше времени. Маме приходилось самой покупать нам одежду и вести к врачу, если кто-то из нас заболевал. Но в нашем обществе не принято, чтобы женщина занималась такими вещами одна, и кому-нибудь из отцовских племянников приходилось сопровождать маму. Если отец был дома, они с друзьями сидели на плоской крыше и вели бесконечные разговоры о политике. Самой главной темой их разговоров было одиннадцатое сентября. Событие, которое произошло в тот день, перевернуло весь мир, и мы оказались в эпицентре этих перемен. Усама бен Ладен, лидер террористической организации Аль-Каида, во время атаки на Всемирный торговый центр находился в Кандагаре. Американцы послали в Афганистан многотысячные отряды, чтобы схватить бен Ладена и свергнуть режим талибов.

В Пакистане по-прежнему держалась военная диктатура. Но Америка нуждалась в нашей помощи, как и в 1980-х годах, когда русские вторглись в Афганистан. Точно так же, как советское вторжение изменило отношение других стран к генералу Зия-уль-Хаку, так и генерал Мушарраф после одиннадцатого сентября перестал быть международным парией. Джордж Буш пригласил его в Белый дом, Тони Блэр – на Даунинг-стрит. Но существовала одна серьезная проблема. Движение Талибан фактически было создано Пакистанской межведомственной разведкой, ПМР. Многие офицеры ПМР были близки к лидерам Талибана, знали их

в течение многих лет, разделяли их убеждения и стремления. Полковник ПМР Имам хвастался, что подготовил 90 000 боевиков, и, когда Талибан пришел к власти в Афганистане, стал пакистанским генеральным консулом в Герате.

Мы не были сторонниками Талибана, потому что знали: талибы закрывают женские школы и разрушают буддийские статуи. В Пакистане таких статуй было множество, и мы ими гордились. Но многих пуштунов возмущали бомбардировки Афганистана. Многим не нравилось также, что Пакистан оказывает помощь Америке, хотя помощь эта заключалась лишь в том, что наша страна перестала снабжать движение Талибан оружием и предоставила американским самолетам право пересекать пакистанское воздушное пространство. О том, что генерал Мушарраф разрешил американцам использовать наши военные аэродромы, мы тогда не знали.

Некоторые религиозные люди считали Усаму бен Ладена героем. На базаре продавались плакаты, где он красовался верхом на белом коне, и коробки сладостей с его портретами. Его приверженцы утверждали, что одиннадцатого сентября Америке пришло возмездие за все то зло, что она творила в мире. Тот факт, что люди, погибшие в разрушенных небоскребах, ни в чем не были виноваты и не имели отношения к американской политике, эти фанатики игнорировали. О том, что Священный Коран запрещает убийство, они тоже предпочитали забыть. Те, кто привык повсюду искать еврейский заговор, обвиняли в произошедшем евреев, которые, спровоцировав нападение на небоскребы, обеспечили Америке предлог для войны с мусульманским миром. Некоторые газеты утверждали, что ни один из евреев, работающих во Всемирном торговом центре, в тот день на работу не вышел. Мой отец считал, что это полная чушь.

Генерал Мушарраф в своих публичных выступлениях утверждал, что у Пакистана нет и не может быть другого пути, кроме сотрудничества с Америкой. По его словам, американцы поставили его перед выбором: «вы или с нами, или с террористами». В случае, если бы Пакистан попытался воспротивиться воле США, американцы прибегнули бы к бомбардировкам и «загнали бы нас назад в каменный век» – так, по крайней мере, утверждал наш президент. Но говорить о настоящем союзничестве вряд ли было возможно – ПМР по-прежнему вооружала бойцов Талибана и предоставляла его лидерам убежище в Кветте. Глава ПМР уговорил американцев отложить нападение на Афганистан, пообещав съездить в Кандагар и убедить лидера Талибана муллу Омара выдать американцам бен Ладена; вместо этого он предложил талибам

помощь.

В провинции муфтий Суфи Мухаммед, сражавшийся в Афганистане против русских, издал фатву, направленную против США. В Малаканде, где наши предки сражались против англичан, он устроил грандиозный митинг. Правительство Пакистана не смогло ему помешать. Губернатор нашей провинции принял постановление, согласно которому всякий пожелавший сражаться в Афганистане против сил НАТО имел полное право это сделать. 12 000 молодых людей, уроженцев Свата, отправились на помощь афганским талибам. Многие из них так и не вернулись домой. Скорее всего, они погибли, но так как никаких подтверждений этому не имелось, их жены не могли считаться вдовами. В результате эти женщины оказались в крайне тяжелом положении. Брат близкого друга моего отца Вахида Замана и его шурин были среди тех многочисленных бойцов, что поспешили на помощь Афганистану. Их жены и дети ждут их до сих пор. Помню, посещая их дома, я всегда ощущала витавшую там атмосферу тоски. Но, несмотря на все это, казалось, что трагические события очень далеки от нашей мирной цветущей долины. Всего каких-нибудь сто шестьдесят километров отделяли нас от Афганистана, но для того, чтобы попасть туда, требовалось пересечь Баджаур, расположенный между границами Пакистана и Афганистана район, населенный кочевыми племенами.

Бен Ладен и его люди скрылись в Восточном Афганистане, в горах Тора Бора, где во время войны с русскими была построена целая сеть тоннелей. Через эти тоннели они добрались до Куррама, еще одного района, где обитали кочевники. Никто из нас тогда не знал, что бен Ладен тайком перебрался в Сват и целый год прожил в отдаленной деревне, пользуясь законами гостеприимства, на соблюдении которых настаивает Пуштунвали, наш кодекс чести.

Все видели, что Мушарраф ведет двойную игру, берет американские деньги и продолжает помогать боевикам – «стратегическому резерву», как называли их руководители межведомственной разведки. Американцы утверждали, что выделили Пакистану миллионы долларов за помощь в кампании против Аль-Каиды, но мы, простые граждане, не видели ни единого цента. Зато генерал Мушарраф построил себе роскошный особняк на берегу озера Равал в Исламабаде и купил огромную квартиру в Лондоне. Естественно, высокопоставленные американские чиновники были недовольны тем, что Пакистан оказывает США помощь более на словах, чем на деле. Но внезапно Америке удалось поймать крупную рыбу. Халид Шейх Мухаммед, один из вдохновителей одиннадцатого сентября, был

схвачен в Равалпинди, в доме, расположенном всего в миле от официальной резиденции командующего армией. Тем не менее президент Буш продолжал водить дружбу с Мушаррафом, возносить ему хвалы и приглашать его в Вашингтон. Мой отец и его друзья с отвращением наблюдали за этими политическими играми. Они были убеждены, что американцам нравится, когда власть в Пакистане принадлежит диктаторам, потому что с диктаторами проще иметь дело.

Я с детства интересовалась политикой и, сидя на коленях отца, прислушивалась к жарким дебатам, которые он вел с друзьями. Но еще сильнее меня волновали проблемы, связанные с повседневной жизнью нашей улицы. Я рассказала своим друзьям о детях, которые роются в мусорных кучах, и заявила, что мы обязаны им помочь. Не все были со мной согласны. Некоторые одноклассницы заявили, что их родителям не понравится, если они будут ходить в одну школу с грязными детьми, которые наверняка больны какими-нибудь заразными болезнями. Они считали, что нам эту проблему не решить. Но я стояла на своем.

– Мы с вами можем сидеть и ждать, пока правительство решит эту проблему, а эти несчастные дети не могут, – сказала я. – Если все мы попытаемся им помочь, никто из них не останется на свалке.

Я понимала, что обращаться к генералу Мушаррафу совершенно бессмысленно. Мой жизненный опыт показывал: если отец не может помочь, остается один-единственный путь. И я написала письмо Богу. «Дорогой Бог, – говорилось в этом письме. – Я знаю, что Ты видишь все. Но наша земля такая большая, что, может быть, Ты не успеваешь за всем уследить. Особенно сейчас, когда у Тебя так много хлопот с этой войной в Афганистане. Но я знаю, Ты бы очень расстроился, если бы узнал, что есть дети, которым приходится жить на свалке. Бог, прошу Тебя, дай мне сил и смелости. Сделай меня лучше, потому что я хочу сделать лучше этот мир. Малала».

Проблема состояла в том, что я не знала, как отправить письмо. Наконец я решила, что надо зарыть его в землю, и закопала в саду. Потом я испугалась, что письмо в земле сгниет, вырыла его, поместила в пластиковый контейнер и опять закопала. И все же такой способ казался мне ненадежным. Вспомнив, что священные тексты обычно пускают в речные потоки, я свернула свое послание в трубочку, привязала к дощечке, сверху укрепила цветок одуванчика и бросила в ручей, впадавший в реку Сват. Надеюсь, письмо дошло до адресата.

7. Муфтий, который хотел закрыть нашу школу

На улице, где я родилась, прямо напротив школы Хушаль стоял дом, где жил с семьей высокий красивый мулла. Его звали Гуламулла, и он называл себя муфтием, ученым-богословом и знатоком исламских законов. Отец мой часто говорил с усмешкой, что муфтиев и маулан в последнее время развелось великое множество и стоит человеку надеть чалму, он начинает величать себя муфтием. Школа наша процветала, и отец пристроил к зданию средней школы для мальчиков просторную приемную с арочным входом. У мамы наконец появилась возможность покупать красивую одежду и даже посылать за готовой едой в ресторан, о чем она мечтала с детства. Муфтий пристально наблюдал за жизнью школы, и в особенности за девочками, каждый день входящими и выходящими из школьных ворот. Некоторые из них уже достигли подросткового возраста, и, думаю, это казалось ему недопустимым.

– Этот маулана наверняка спит и видит, как бы закрыть школу, – сказал однажды отец.

Вскоре выяснилось, что он был совершенно прав.

Муфтий явился к женщине, которой принадлежало здание, арендованное для школы, и заявил:

– Школа, которую устроил Зияуддин в твоем доме, харам. Жить рядом с такой школой – позор для всей махалля. Этим девочкам следует соблюдать пурда, – сказал он. – Прогони его из своего дома, и я арендую его для медресе. Так что ты не потеряешь арендную плату и к тому же получишь награду в ином мире.

Женщина ответила отказом, а сын ее тут же прибежал к отцу.

– Этот маулана затеял войну против вас, – предупредил он. – Мы не собираемся отнимать у вас здание, но все равно будьте осторожны.

Отец мой пришел в гнев.

– Есть такая пословица: «Ним хаким хатрай джан» – «Недоученный доктор опасен для жизни», – сказал он. – Если ее продолжить, можно сказать: «Ним мулла хатрай иман» – «А недоученный мулла опасен для веры».

Я горжусь тем, что наша страна считается первым в мире государством для мусульман, но мне кажется, мы часто забываем о смысле нашей религии. Священный Коран учит, что обязанностью каждого мусульманина является сабар – терпение,

но мы не желаем думать о том, что это значит. Нам кажется, что ислам – это пурда, женщины в паранджах, безвыходно сидящие дома, и мужчины, рвущиеся развязать джихад. Мухаммед Али Джинна всю жизнь боролся за права мусульман в Индии, где большая часть населения исповедует индуизм. Мусульмане и индуисты были подобны двум братьям, которые в результате постоянной вражды решили жить в разных домах. В 1947 году Индия, до тех пор являвшаяся британской колонией, была разделена на две части, и в результате было создано независимое мусульманское государство. Увы, это повлекло за собой массовое кровопролитие. Миллионы мусульман устремились в Пакистан из Индии, миллионы индусов – в противоположном направлении. В результате при попытке пересечь границу было убито почти два миллиона человек. Поезда, прибывавшие в Лахор и Дели, были полны окровавленных тел, потому что многих убивали в пути. Когда мой дедушка, который учился в Дели, возвращался домой в Пакистан, на его поезд напали индусы, и он чудом избежал смерти. Сейчас в нашей стране проживает 180 миллионов человек, и более 96 % населения исповедуют мусульманство. Примерно два миллиона жителей Пакистана являются христианами и примерно столько же – ахмадитами. Последние считают себя мусульманами, но наше правительство утверждает, что они таковыми не являются. К сожалению, эти религиозные меньшинства часто подвергаются притеснениям.

В молодости Мухаммед Али Джинна жил в Лондоне и учился на юриста. Он хотел, чтобы Пакистан стал страной толерантности. У нас часто цитируют его знаменитую речь, произнесенную несколько дней спустя после провозглашения независимости. «В государстве Пакистан всякий может свободно посещать храмы, мечети и прочие культовые места по собственному выбору. Это не имеет никакого отношения к делам государства», – заявил Джинна. Отец мой считал, что главная проблема состояла в том, что Джинне удалось получить для нас земельную территорию, а не создать государство. Год спустя после провозглашения независимости он умер от туберкулеза, и с тех пор мы практически не знаем мира. Три раза мы воевали с Индией, что же касается внутринациональных конфликтов, они в Пакистане практически не прекращаются.

В мусульманстве есть два течения – сунниты и шииты. Они разделяют догматы, сформулированные в Священном Коране. Несогласия между ними связаны с вопросом о том, кто стал нашим религиозным вождем в VII веке, после смерти Пророка, да пребудет с ним мир. Человека, избранного вождем и калифом, звали Абу Бакр, он являлся близким другом и советником

Пророка, да пребудет с ним мир. Лежа на одре болезни, Пророк сам повелел Абу Бакру возносить молитвы. Слово «сунни» означает по-арабски «тот, кто следует традициям Пророка, да пребудет с ним мир». Но определенная группа людей полагала, что вождь должен непременно происходить из семьи Пророка, да пребудет с ним мир, и что главой мусульман следует провозгласить Али, его двоюродного брата и зятя. Эти люди образовали течение, называемое Шиа, сокращенное от Шиа-т-Али, партия Али.

Каждый год шииты отмечают день гибели внука Пророка, да пребудет с ним мир, Хуссейна Ибн Али, убитого в 680 году в сражении при Карбале. В память об этом событии устраивается праздник, называемый Мухаррам. Во время этого праздника шииты до крови хлещут себя цепями и режут себе кожу бритвами, так что улицы заливают потоки крови. Один из друзей моего отца принадлежал к шиитам. Рассказывая о гибели Хуссейна в Карбале, он всякий раз заливался слезами. Глядя на него, можно было подумать, что это трагическое событие произошло вчера, а не 1300 лет назад. К шиитам принадлежал и Мухаммед Али Джинна. Мать Беназир Бхутто тоже принадлежала к иранским шиитам.

Наша семья, как и большая часть пакистанцев (около 80 %), принадлежит к суннитам. Но внутри этого течения есть несколько групп. Самая большая из этих групп называется Барелви, в честь знаменитой медресе XIX века, расположенной в городе Барейли, в индийском штате Уттар Прадеш. Еще одна группа, Деобанди, получила название в честь другой знаменитой медресе, которая тоже находилась в Уттар Прадеш, в деревне Деобанд. Представители этой группы очень консервативны, и большинство современных медресе принадлежит именно ей. Группа, называемая Ахль-и-Хадис (люди Предания), принадлежит к течению салафистов. Они находятся под сильным арабским влиянием и отличаются даже бóльшим консерватизмом, чем все прочие. На Западе их называют фундаменталистами. Они не признают ни наших святых, ни гробниц, в то время как большинство пакистанцев имеют склонность к мистике и справляют ритуалы у гробниц Суфи. Каждая из этих групп имеет множество ответвлений.

Муфтий, живущий рядом с нашей школой, был членом Таблиги Джамаат, группы Деобанди, которая каждый год устраивает в Райвинде, поблизости от Лахора, грандиозный съезд, на который собираются миллионы людей. Наш прежний диктатор, генерал Зия-уль-Хак, тоже посещал эти съезды. В 1980-х годах, при его режиме, Таблиги обладала большим влиянием.

Почти все армейские имамы, проповедующие в казармах, принадлежали именно к этой группе, и многие армейские офицеры находились под их влиянием.

Потерпев неудачу с нашей домовладелицей, муфтий не успокоился. Он собрал нескольких влиятельных человек и старейшин, проживающих по соседству, и во главе этой делегации направился к нашему дому. Делегация состояла из семи человек – несколько старших таблигов, смотритель мечети, бывший участник джихада и владелец магазина. Все они едва сумели втиснуться в наш маленький дом.

При виде нежданных гостей отец очень встревожился и приказал нам с братьями уйти в другую комнату. Но дом был таким маленьким, что мы слышали каждое слово.

– Я ученый богослов, представляю Талибан и Таблигиан, – заявил мулла Гуламулла.

Чтобы придать себе весу, он прибегнул к авторитету сразу двух исламских организаций.

– Я представляю также всех правоверных мусульман, которые считают, что ваша школа для девочек – харам и богохульство. Ее следует незамедлительно закрыть. Девочкам незачем ходить в школу, – продолжал он. – Женщина не должна покидать женскую половину дома, дабы избежать посторонних взглядов. Вспомни, что в Священном Коране не упомянуто ни единого женского имени, ибо женские имена – это сокровенная тайна, которую Аллах не пожелал нарушать.

Отец более не мог это слушать.

– В Коране много раз упоминается имя Мариам, – перебил он. – Разве она не была женщиной, и женщиной весьма достойной?

– Коран упоминает о ней лишь с одной целью – доказать, что Иса (Иисус) был сыном Мариам, а не сыном Божьим, – возразил мулла.

– Может быть, – кивнул отец. – Тем не менее в Коране Мариам называется по имени, и ты не можешь это отрицать.

Муфтий хотел продолжить спор, но отец решил, что в этом более нет смысла. Он повернулся ко всем прочим и сказал, указав на муллу:

– Когда я встречаю этого человека на улице, я всегда его приветствую, а он лишь склоняет голову, не отвечая ни слова.

Мулла смущенно потупился, так как ислам настаивает на том, что люди должны приветствовать друг друга подобающим образом.

– Твоя школа – харам, – упрямо повторил он. – Именно поэтому я не желаю тебя приветствовать.

Тогда голос подал один из тех, кого мулла привел с тобой.

– Мне сказали, ты принадлежишь к неверным, – обратился он к отцу. – Но я вижу в твоем доме Священный Коран.

– А как же иначе! – воскликнул отец, пораженный тем, что его веру поставили под сомнение. – Я – мусульманин.

– Вернемся к разговору о школе, – заявил муфтий, недовольный тем оборотом, который принял разговор. – Школы для мальчиков и девочек находятся рядом, мальчики постоянно видят девочек, и это очень плохо.

– Нет, не видят, – ответил отец. – Я нашел решение. Девочки входят через другие ворота.

Это решение, разумеется, не удовлетворило муфтия. Он хотел закрыть школу для девочек во что бы то ни стало. Но остальные вовсе не разделяли его непримиримых взглядов и, удостоверившись в том, что мальчики и девочки не видят друг друга, покинули наш дом.

Отец догадывался, что на этом дело не кончится. К тому же он знал, что племянница муфтия тайком посещает школу, – об этом муфтий, кстати, не счел нужным сообщать членам своей делегации. Через несколько дней отец позвонил старшему брату муфтия, отцу девочки.

– Ваш брат меня достал! – сказал он. – Что он за муфтий, хотел бы я знать? Нам всем он надоел до смерти. Не могли бы вы его угомонить?

– Боюсь, тут я ничего не могу поделать, Зияуддин, – ответил отец девочки. – Дома у меня тоже проблемы. Брат живет с нами и сумел превратить жизнь нашей семьи в настоящий ад. Следит, чтобы женщины соблюдали пурда, никогда не покидали женской половины, требует, чтобы его жена никогда не попадалась мне на глаза, а моя жена не попадалась на глаза ему. В таком маленьком доме, как наш, это до крайности неудобно. И какой в этом смысл, ведь жена брата для меня все равно что сестра. В общем, настоящее безумие.

Отец оказался прав. Его противник был не из тех, кто легко сдается. При режиме генерала Зия-уль-Хака в стране проводилась кампания по исламизации, и муллы стали очень влиятельными фигурами.

В некоторых отношениях генерал Мушарраф принципиально отличался от генерала Зия. Обычно он ходил в военной форме, но иногда позволял себе появляться на публике в европейском костюме. Он называл себя президентом, а не главой военной администрации. К тому же он держал дома собак, которых мусульмане считают нечистыми животными. Если генерал Зия проводил кампанию по исламизации, генерал Мушарраф решил

провести кампанию по модернизации Пакистана. Он предоставил относительную свободу средствам массовой информации, разрешил открывать частные телеканалы, на которых дикторами работали не только мужчины, но и женщины. Было позволено также отмечать европейские праздники, такие как Новый год и День святого Валентина. Мушарраф даже разрешил ежегодно в День независимости устраивать грандиозный концерт поп-музыки, который транслировался по телевидению на всю страну. В общем, он решился на такие послабления, на которые не решались даже демократические правители, включая Беназир Бхутто. Он отменил закон, согласно которому женщина, подвергшаяся изнасилованию, для возбуждения уголовного дела должна предоставить четырех свидетелей преступления, причем непременно мужчин. Он впервые в истории страны назначил женщину президентом государственного банка, позволил женщинам работать пилотами и сотрудниками береговой охраны. Он объявил даже, что вскоре женщины будут стоять в почетном карауле у гробницы Джинны в Карачи.

Тем не менее в Северо-западной пограничной провинции, на землях пуштунов, все было по-другому. В 2002 году Мушарраф провел там выборы путем «управляемой демократии». Это были странные выборы, потому что основные партийные лидеры, Наваз Шариф и Беназир Бхутто, были высланы из страны. В нашей провинции в результате этих выборов к власти пришло так называемое правительство муфтиев. Организация Муттахида Маджлис-и-Амаль (ММА) представляла собой объединение, в которое входило пять религиозных партий, включая Джамаат уль-Улама-и-Ислам (ДУИ). В ведении этой партии находись медресе, где учились талибы. Люди в шутку расшифровывали ММА как Мулла Милитари Альянс (военный альянс мулла). Ни у кого не вызвало сомнений, что это объединение одержало победу благодаря поддержке Мушаррафа. Но некоторые религиозные пуштуны голосовали за них, потому что им не нравилось американское вторжение в Афганистан и свержение режима талибов в этой стране.

Наша провинция всегда была более консервативна, чем весь остальной Пакистан. Во время афганского джихада в наших краях было построено множество медресе, причем некоторые из них – на средства Саудовской Аравии. Обучение в медресе было бесплатным, поэтому многие молодые люди предпочитали получать образование именно там. Это было началом процесса, который мой отец называл арабизацией Пакистана. События одиннадцатого сентября усилили воинственные настроения. Иногда, проходя по улицам, я видела надписи, сделанные мелом

на стенах домов: «Если хочешь быть бойцом джихада, свяжись с нами». Далее следовал номер телефона. В те дни группам по организации джихада была предоставлена полная свобода, они открыто собирали средства и вербовали добровольцев. Один директор школы из Шанглы во всеуслышание хвастался, что послал девятерых учеников старшего класса в Кашмир, в центр подготовки боевиков, и называл это самым большим своим успехом.

Правительство ММА закрыло все магазины, где продавались CD и DVD, и намеревалось создать полицию нравов, подобную той, что действовала в Афганистане при талибском режиме. Предполагалось, что эти патрули смогут остановить на улице любую женщину, идущую в сопровождении мужчины, и потребовать доказательств того, что мужчина является ее родственником. К счастью, Верховный суд отверг эту идею. Тогда активисты ММА начали атаку на кинотеатры. Они срывали афиши и рекламные щиты, на которых были изображены женщины, и замазывали их краской. Из магазинов, торгующих одеждой, были убраны все женские манекены. Активисты ММА требовали, чтобы мужчины отказались от европейских рубашек и брюк и носили только традиционный костюм, шальвар-камиз, состоявший из длинной свободной рубахи и штанов. Женщины должны были не только покрывать голову, но и непременно носить паранджу. Любое участие женщин в общественной жизни они считали недопустимым.

Мой отец открыл среднюю школу в 2003 году. Первый год мальчики и девочки занимались вместе, но к 2004 году общественный климат так изменился, что от совместного обучения пришлось отказаться. Мулла Гуламулла тоже чувствовал эти перемены и становился все настырнее. Один из служащих школы сказал отцу, что муфтий постоянно приходит в школу и следит за тем, чтобы девочки не пользовались центральным входом. Однажды он стал свидетелем того, как одна из учительниц вышла из школы в сопровождении учителя-мужчины, которой помог ей поймать рикшу. Маулана был до крайности возмущен.

– Какое право он имел сопровождать эту женщину, разве он ее родственник? – вопросил он.

– Нет, – ответил служащий. – Но они коллеги.

– Такого безобразия нельзя допускать!

Отец попросил сотрудников школы позвонить ему, как только маулана появится в следующий раз. И когда это произошло, отец отправился на встречу с противником, прихватив с собой друга, богослова и учителя ислама.

– Маулана, вы хотите вывести меня из терпения! – воскликнул отец. – Чем вам не угодила наша школа? Видно, вы нездоровы, если при виде детей, которые учатся в школе, устраиваете скандал! Чем бродить здесь, шли бы лучше к доктору! Запишитесь на прием к доктору Гейдару Али.

Доктор Гейдар Али был известным в нашем городе психиатром, поэтому предложение сходить к нему на прием было равносильно обвинению в сумасшествии.

В ответ муфтий, не говоря ни слова, снял с головы чалму и положил на колени отца. Чалма для нас – символ благородства, и мужчина может снять с себя чалму лишь в знак смирения. Но когда муфтий заговорил, выяснилось, что он вовсе не смирился.

– Никаких скандалов я не устраивал, – заявил он. – Ваши служащие лгут.

– В любом случае вам здесь нечего делать, – ответил отец. – Прошу вас, уходите!

Муфтию не удалось закрыть нашу школу. Но то, что он пытался это сделать, само по себе было очень показательно. Общественный климат в Пакистане изменился, и это не могло не тревожить отца. Он и его товарищи постоянно устраивали митинги, посвященные не только защите окружающей среды, но и защите демократии.

В 2004 году, уступив настойчивому давлению Вашингтона, которое продолжалось более двух с половиной лет, генерал Мушарраф послал войска в Федерально управляемые племенные территории (ФУПТ). Этот район, который тянется вдоль границы с Афганистаном, практически не подчинялся правительственному контролю. Американцы утверждали, что боевики Аль-Каиды, сбежавшие из Афганистана во время американских бомбардировок, использовали эти территории в качестве убежища, пользуясь пуштунским гостеприимством. Здесь они устраивали лагеря, где готовили новых бойцов, и совершали атаки на войска НАТО, расположенные в приграничной зоне. Территория эта располагается вблизи долины Сват, один из ее районов, Баджаур, непосредственно к ней примыкает. Люди, живущие в ФУПТ, принадлежат к таким племенам, как Юсуфзай, испокон веков обитающим в Пакистане и в Афганистане.

Территория племен была создана во времена британского колониального владычества в качестве буфера между Афганистаном и Индией, в состав которой входил тогда Пакистан. Сегодня она по-прежнему управляется главами племен и старейшинами, или маликами. Впрочем, никаким реальным влиянием малики не обладают. По правде говоря, на территории племен царит полное безвластие. Государство предпочитает не

обращать внимания на эти каменистые долины, жители которых промышляют главным образом контрабандой (средний годовой доход в этих районах составляет около 250 долларов – в Пакистане он в два раза выше). Больниц и школ там очень мало, школы для девочек не существует вовсе. Думаю, там не найти ни одной женщины, которая умела бы читать. О политических партиях там и слыхом не слыхивали. Жители территории племен испокон веков славились своей независимостью и свирепостью, в этом можно убедиться, читая старые британские отчеты.

Никогда прежде пакистанская армия не входила в ФУПТ. Так же как в свое время англичане, правительство не посылало туда регулярные войска и довольствовалось тем, что эти районы контролируют сформированные из пуштунов приграничные части. Решение послать в ФУПТ армию означало, что солдатам придется сражаться со своими братьями-пуштунами. К тому же многие армейские начальники и офицеры военной разведки были связаны с боевиками Аль-Каиды. В марте 2004 года армейские части вошли в первый приграничный район – Южный Вазиристан. Как и следовало ожидать, местные жители восприняли это как посягательство на их традиционный образ жизни. Все мужчины взяли в руки оружие, чтобы оказать правительственной армии сопротивление. В результате вспыхнувшего конфликта были убиты сотни солдат.

Армия не была готова к столь мощному отпору. К тому же некоторые солдаты отказывались сражаться против собственного народа. Через двенадцать дней войска отступили. В результате было заключено так называемое мирное соглашение с местными лидерами боевиков, такими как Нек Мухаммед. Правительство попыталось подкупить боевиков и выделило им значительные денежные средства в обмен на обещание прекратить военные действия. Полученные деньги боевики использовали, чтобы купить оружие и усилить свою активность. А несколько месяцев спустя военно-воздушные силы США совершили первое нападение на Пакистан.

17 июля 2004 года в Южном Вазиристане беспилотный самолет «стервятник» сбросил зажигательный снаряд на Нека Мухаммеда, который в то время как раз давал интервью по спутниковому телефону. Лидер боевиков и его люди были убиты на месте. Местные жители даже не поняли, что произошло. В то время никто в Пакистане не верил, что американцы способны на подобный произвол. США могли относиться к Неку Мухаммеду как угодно, но они не имели ни малейшего права атаковать с воздуха территорию страны, с которой не находились в состоянии войны. Разумеется, в приграничных районах поднялась волна

возмущения. Было сформировано множество вооруженных отрядов и отрядов местной милиции, лашкар.

За первой воздушной атакой последовали другие. Американцы утверждали, что ближайший помощник бен Ладена, Айман аль-Завахири, скрывается в Баджауре и даже женился на местной жительнице. В январе 2006 года американский беспилотный самолет сбросил на деревню Дамадола бомбу с целью покончить с аль-Завахири. В результате было разрушено три дома и убито восемнадцать человек. Что касается самого аль-Завахири, то, по утверждениям американцев, он заранее был предупрежден о бомбардировке и бежал. В том же году, 30 октября, еще один американский «стервятник» бросил бомбу на медресе, стоявшую на холме поблизости от главного города округа Хар. В результате погибло восемьдесят два человека. В большинстве своем это были мальчики и юноши, учащиеся медресе. Американцы заявили, что это была вовсе не духовная школа, а лагерь подготовки боевиков Аль-Каиды, что в их распоряжении находятся видеозаписи, подтверждающие это. Согласно утверждениям США, холм представлял собой сложную систему туннелей и подземных складов оружия. Через несколько часов после бомбардировки влиятельный местный муфтий по имени Факир Мухаммед, глава разрушенной медресе, призвал пакистанских солдат отомстить за смерть своих братьев, последовав примеру террористов-смертников.

Мой отец и его друзья были до крайности встревожены происходящим. Они решили незамедлительно созвать местных вождей и старейшин на мирную конференцию. В одну из январских ночей 150 человек, несмотря на пронзительный холод, собрались, чтобы решить, как предотвратить военную угрозу.

– Война совсем близко, – предостерег отец. – Мы должны потушить пламя прежде, чем оно охватит нашу долину.

Но никто не желал слушать его предостережений. Некоторые встретили его слова смехом, в том числе местный политический лидер, сидевший в первом ряду.

– Досточтимый хан, – обратился к нему отец. – Вам известно, какая участь постигла народ Афганистана. Многие жители этой страны превратились в беженцев и нашли у нас приют. То же самое происходит сейчас в Баджауре. Помяните мои слова, вскоре нам тоже придется покинуть свои дома. Но нам некуда будет бежать, негде будет искать приюта.

В ответ хан усмехнулся. «Поглядите только на этого человека, – было написано у него на лице. – Что за вздор он несет? Я хан, я у себя дома, и никто не заставит меня этот дом покинуть».

Мой отец был глубоко разочарован.

– Увы, я не хан, не вождь и не политический лидер, – сказал он, вернувшись домой. – Я всего лишь владелец школы, маленький человек, который не в состоянии изменить ситуацию.

8. Осень, когда произошло землетрясение

Однажды солнечным октябрьским днем, когда я еще училась в начальной школе, наши парты принялись трястись и дрожать. Все, и девочки и мальчики – в начальных классах мы учились вместе, – хором закричали: «Землетрясение!» – и бросились на улицу. Нас учили, что в случае землетрясения надо поступать именно так. На улице дети собрались вокруг учителей, как цыплята вокруг наседок.

Долина Сват находится в зоне высокой сейсмической активности, и землетрясения у нас случаются часто. Но это было особенно сильным. Земля под ногами ходила ходуном, казалось, все дома вокруг вот-вот развалятся. Многие дети плакали, учителя молились. Госпожа Руби, одна из моих любимых учительниц, пыталась нас успокоить.

– Бояться нечего, – говорила она. – Скоро землетрясение закончится.

После того как подземные толчки затихли, нас отослали домой. Когда мы вернулись, мама сидела с Кораном в руках и наизусть повторяла суры. Люди всегда прибегают к молитве в минуты опасности. Увидев нас, мама просияла, глаза ее увлажнились слезами радости. В тот день толчки повторились еще несколько раз, так что все мы были очень напуганы.

Наша семья часто переезжала – к тому времени, как мне исполнилось тринадцать, мы сменили квартиру семь раз. В ту осень мы жили в многоквартирном доме. По меркам Мингоры этот двухэтажный дом с резервуаром для воды на крыше считался очень большим. Мама боялась, что дом обвалится, поэтому мы вышли на улицу. Отец вернулся домой только вечером, он проверял, в каком состоянии находятся остальные школьные здания.

Когда спустилась ночь, все мы были в состоянии, близком к панике. При каждом новом толчке мы боялись, что настал день Страшного суда. Мама не хотела возвращаться домой.

– Мы все погибнем под обломками! – твердила она.

Но отец очень устал. К тому же мы, мусульмане, верим, что книга наших судеб написана Богом. Поэтому мы вернулись под крышу. По настоянию отца меня и моих братьев, Хушаля и Атала, который тогда был совсем маленьким, уложили спать.

– Если боитесь оставаться дома, можете уходить! – сказал отец маме и своим двоюродным братьям. – Я останусь здесь. Если вы верите в Аллаха и Его волю, вы останетесь здесь.

Думаю, во времена великих бедствий и катастроф, когда

наша жизнь подвергается опасности, все мы вспоминаем о своих грехах, о том, что скажем в свое оправдание, встретившись с Богом, о том, простит ли Он нас. Но Бог даровал людям короткую память, и, когда опасность остается позади, мы вновь забываем о своих грехах и живем, как жили прежде. Я разделяла и неколебимую веру отца, и обоснованные тревоги матери.

Землетрясение, разразившееся 5 октября 2005 года, оказалось одним из самых разрушительных в истории. По шкале Рихтера его сила составила 7,6 балла, толчки ощущались на огромной территории от Кабула до Дели. В Мингоре разрушения были не столь уж значительны – рухнуло всего несколько домов, но в соседнем Кашмире и северных районах Пакистана последствия стихийного бедствия оказались ужасающими. Дома рушились даже в Исламабаде.

Мы не сразу осознали масштаб катастрофы. Только когда по ТВ начали передавать репортажи из наиболее пострадавших районов, мы увидели целые деревни, снесенные с лица земли. Электросети и телефонные линии вышли из строя, доступ в пострадавшие районы затруднялся многочисленными оползнями. В зоне стихийного бедствия оказалась территория в 30 000 квадратных километров – примерно столько составляет площадь американского штата Коннектикут. Число жертв было невероятным. Погибло более 73 000 человек, более 128 000 было ранено, причем многие из них стали инвалидами на всю жизнь. Более 3,5 миллиона человек остались без крова. Были разрушены дороги и мосты, выведены из строя водопроводные системы и системы энергоснабжения. Среди погибших было много детей, которые, подобно мне, утром находились в школе. Около 6400 школ превратились в груды обломков, под их развалинами погибло 18 000 детей.

После того как катастрофа осталась позади, мы начали собирать деньги для пострадавших. Каждый приносил сколько мог. Отец мой обходил всех своих знакомых и просил жертвовать для пострадавших продукты, одежду и деньги. Я вместе с мамой собирала одеяла. К деньгам, собранным в нашей школе, отец добавил средства, выделенные Сватской ассоциацией частных школ и Всеобщим мировым советом. Общая сумма превышала миллион рупий. Издательская компания в Лахоре, снабжавшая нашу школу учебниками, прислала пять грузовиков с продовольствием и прочими необходимыми вещами.

Мы очень волновались за наших родственников, живущих в Шангле, узкой долине, зажатой между двумя горными хребтами. Наконец один из двоюродных братьев отца принес нам неутешительные новости. В отцовской деревне было разрушено

множество домов, погибли восемь человек. Под развалинами одного из рухнувших домов, принадлежавших местному мулле, маулане Кадиму, погибли его четыре дочери-красавицы. Мне очень хотелось поехать в Шанглу с отцом, который сопровождал грузовики с гуманитарной помощью, но он сказал, что это слишком опасно.

Через несколько дней отец вернулся, бледный от усталости. Поездка была очень тяжелой, особенно последняя часть. Большая часть дороги обвалилась, путь преграждали огромные камни. Когда отец наконец добрался до деревни, родственники рассказали ему, что землетрясение показалось им концом света. Скалы сотрясались, камни с грохотом срывались вниз. Люди выбегали из своих домов и, стоя на улице, читали молитвы, но треск рушившихся крыш и рев испуганных буйволов заглушал их голоса. Бедствие продолжалось так долго, что жителям деревни пришлось провести на улице не только день, но и ночь. Ночью в горах очень холодно, и люди прижимались друг к другу, пытаясь согреться.

Через несколько дней на помощь пострадавшим прибыли профессиональные иностранные спасатели и добровольцы из организации Техрик-и-Нафаз-и-Шариат-и-Мохаммади (ТНШМ), которая также называется Движением за внедрение исламских законов. Эта организация, основанная муфтием Суфи Мухаммедом, посылала бойцов в Афганистан. Сам Суфи Мухаммед находился в тюремном заключении с 2002 года, когда генерал Мушарраф под давлением Америки арестовал нескольких военных лидеров. Тем не менее организация, созданная Суфи Мухаммедом, продолжала существовать. Теперь ею руководил его зять, маулана Фазлулла. Представителям власти трудно было добраться до отдаленных мест, подобных Шангле, потому что дороги и мосты были разрушены, а местная администрация бездействовала. Мы видели по телевизору выступление представителя ООН, который сказал, что «ООН пришлось столкнуться с настоящим дорожным коллапсом».

Генерал Мушарраф назвал землетрясение «испытанием, посланным нации свыше», и заявил, что наша армия начала операцию под названием «Линия жизни» – в Пакистане армейским операциям любят давать громкие названия. В газетах во множестве публиковали фотографии, на которых были изображены вертолеты, доставляющие гуманитарную помощь. Но в крошечных горных долинах вертолеты не могли приземлиться, и тюки с продовольствием и палатками, которые они сбрасывали, зачастую падали в реки. Иногда случалось и так, что вертолеты не могли сбросить груз, потому что внизу во множестве

толпились люди.

Но все же какая-то помощь пострадавшим оказывалась. Особенно быстро действовали американцы, бросившие на помощь жертвам землетрясения часть войск и вертолетов, находившихся в Афганистане. Они воспользовались случаем, чтобы показать всему миру, что не оставили Пакистан в тяжелый час. Надо сказать, что некоторые пилоты замазывали буквы USA на своих вертолетах, опасаясь проявлений агрессии со стороны местного населения. Многие жители отдаленных деревень впервые в жизни видели иностранцев и относились к ним недоверчиво.

Большинство добровольцев принадлежало к исламским благотворительным организациям. Правда, за некоторыми из этих организаций скрывались военные формирования. Самое значительное из них, Джамаат-уль-Дава (ДуД), представляло собой процветающее крыло Лашкаре-Тайба. ЛТ находилось в тесной связи с ПМР. Главной проблемой, волнующей эту организацию, было освобождение Кашмира, который, как считали все жители Пакистана, должен быть частью нашей страны, а не Индии, так как большинство его жителей – мусульмане. Лидер ЛТ, профессор из Лахора по имени Хафиз Саид, чрезвычайно пылкий оратор, часто выступал по телевидению с призывами объявить войну Индии. После землетрясения, когда правительство проявило неспособность к энергичным действиям, усилиями ДуД были организованы лагеря для оставшихся без крова, причем эти лагеря охраняли бойцы, вооруженные автоматами Калашникова и снабженные переносными рациями. Все знали, что эти люди принадлежат к ЛТ, и вскоре их черно-белые флаги с перекрещенными мечами развевались повсюду. В Азад Кашмир, в городе Музаффарабад представители ДуД устроили большой полевой госпиталь, где были не только все необходимые медикаменты, рентгеновская установка и операционная, но даже стоматологический кабинет. Помимо профессиональных медиков, в госпитале работали десятки молодых волонтеров.

Пострадавшие благословляли спасателей, которые, невзирая на все трудности, проникали в отрезанные от мира ущелья, доставляя продукты и медикаменты. Волонтеры помогали расчищать завалы и возводить новые дома, хоронить погибших и возносить заупокойные молитвы. Со дня землетрясения прошло уже несколько лет, но по сей день во многих деревнях люди не могут построить новые дома взамен разрушенных, потому что правительство так и не выплатило обещанной компенсации. Большинство зарубежных гуманитарных организаций покинули Пакистан, но представители ДуД продолжают свою помощь. Мой

двоюродный брат, который учится в Англии, рассказал, что активисты ДуД занимались здесь сбором средств для ликвидации последствий землетрясения и благодаря живущим в Англии пакистанцам собрали значительную сумму. Правда, многие люди считали, что значительная часть этих средств была использована вовсе не по назначению. Ходили даже слухи, что с помощью этих денег планировалось осуществить операцию по уничтожению самолетов, совершающих рейсы из Великобритании в США.

После гибели такого огромного количества людей множество детей осталось без родителей. Количество сирот составило около 11 000. В нашем обществе сирот обычно берут в свой дом родственники, но масштабы катастрофы были столь велики, что у многих детей вообще не осталось родных. Правительство обещало, что все осиротевшие дети будут находиться на государственном обеспечении, но это обещание оказалось таким же пустым, как и все прочие. По слухам, многих мальчиков ДуД поместила в свои медресе. В Пакистане медресе можно назвать благотворительными учреждениями, потому что они бесплатно предоставляют своим ученикам кров и пищу. Но знания, которые получают в духовных школах ученики, являются, мягко говоря, недостаточными. В основном там занимаются тем, что, стоя на коленях и раскачиваясь из стороны в сторону, читают наизусть Коран. Еще в медресе учат, что наука и литература – это изобретения неверных, не нужные истинному мусульманину, что динозавров никогда не существовало и человек никогда не летал в космос.

Пакистанский народ долго не мог оправиться от шока, вызванного землетрясением. Наши политики и военные диктаторы и так были для страны настоящим бедствием, а тут на Пакистан обрушилось еще и бедствие природное. Муллы и муфтии твердили, что землетрясение – это предостережение, ниспосланное Аллахом. Мы должны стать по-настоящему исламской страной, должны неукоснительно соблюдать законы шариата, громовыми голосами провозглашали они. Иначе нас неминуемо ждет новое, еще более страшное наказание.

Часть вторая
Долина смерти

Прощай, музыка!
Твои сладчайшие мелодии должны замолкнуть.

Талибан наложил обет молчания на все уста в нашей деревне.

رباب منګيه وخت د تېر شو د کلي خوا ته طالبان راغلي دينه

9. Радио Мулла

Мне было десять лет, когда в нашу долину пришли талибы. Мы с Монибой тогда зачитывались книгами из серии «Сумерки» и мечтали стать вампирами. Талибы казались нам похожими на вампиров, ведь они тоже появлялись по ночам. Они всегда ходили группами, всегда были вооружены автоматами Калашникова и кинжалами. Впервые они появились в Верхнем Свате, в горном районе Матта. Поначалу они не называли себя талибами и не походили на афганских талибов, которых мы видели на фотографиях.

Тем не менее выглядели они довольно живописно – длинные спутанные волосы и бороды, камуфляжные френчи в сочетании с нашим традиционным костюмом шальвар-камиз. Штанины не закрывали лодыжек, на ногах – кроссовки или дешевые пластиковые сандалии. Некоторые из них носили на голове черные чулки с прорезями для глаз. Почти все были в черных тюрбанах со свисающими длинными концами, и в эти концы кое-кто из талибов сморкался. Благодаря черным чалмам и черным нагрудным значкам с надписью «Шариат я шахадат» – «Законы шариата или мученичество» – люди прозвали их Тор Патки, или Черноголовые бригады. Они казались такими грязными, что один из друзей моего отца называл их «врагами воды и мыла».

Лидер Талибана, двадцативосьмилетний маулана Фазлулла, в прошлом смотритель фуникулера, на котором люди переправлялись через реку Сват, в результате перенесенного в детстве полиомиелита сильно прихрамывал на правую ногу. Он учился в медресе мауланы Суфи Мухаммеда, основателя движения Техрик-и-Нафаз-и-Шариат-и-Мохаммади (ТНШМ), и женился на его дочери. В 2002 году, когда Суфи Мухаммед вместе с другими военными лидерами был арестован и заключен в тюрьму, Фазлулла стал лидером движения вместо своего тестя. Незадолго до землетрясения он устроил в Имам Дери, небольшой деревушке, расположенной в нескольких милях от Мингоры, на другом берегу реки Сват, нелегальную радиостанцию.

В нашей долине большинство жителей получает информацию по радио, так как телевизоры есть лишь у незначительной части семей, а газет многие не могут читать вследствие неграмотности. Вскоре все только и говорили, что о новой радиостанции. Люди стали называть ее Мулла ФМ, или Радио Мулла. Радиостанция вела свои передачи каждый вечер с восьми до десяти и каждое утро с семи до девяти.

Поначалу Фазлулла действовал очень мудро и осторожно. Он

представился как исламский реформист и толкователь Священного Корана. Моей маме, очень набожной женщине, он поначалу даже понравился. В своих радиобеседах он призывал людей завести хорошие привычки и отказаться от дурных. Он говорил, что мужчинам следует непременно носить бороды, но перестать курить и жевать табак. Он также утверждал, что нужно отказаться от героина и чараса, или гашиша. Фазлулла учил, как правильно совершать омовение перед молитвой, в какой последовательности умываться. Он упоминал даже о том, как следует мыть интимные части тела.

Иногда голос его звучал наставительно, как у учителя, разговаривающего с детьми, иногда – пылко и страстно. Когда он говорил о своей любви к исламу, голос его дрожал от подступавших рыданий. Обычно сначала выступал сам Фазлулла, а потом слово брал его помощник Шах Дуран, который прежде продавал фаст-фуд на базаре. Они заявляли, что музыка, кино и танцы ведут людей к погибели, поэтому правоверным мусульманам следует от них отказаться. Из-за того что слишком многие люди сегодня стали приверженцами этих греховных развлечений, Бог посылает нам наказания, подобные землетрясению, громовым голосом возвещал Фазлулла. Если люди не прекратят предаваться греху и соблазну, они вновь навлекут на себя гнев Аллаха. В нашей стране муллы часто толкуют Священный Коран и Хадис (Священное Предание у мусульман) так, как им заблагорассудится, ведь мало кто имеет возможность прочитать эти книги по-арабски, на языке, на котором они были написаны. Тем же путем шел и Фазлулла, использующий людское невежество.

– Аба, он говорит правду? – спрашивала я, с ужасом вспоминая о недавнем землетрясении.

– Нет, джани, – отвечал отец. – Этот человек нас дурачит.

Отец рассказывал, что его коллеги-учителя часто обсуждают передачи Мулла ФМ. К тому времени в школе работало около семидесяти учителей, из них сорок мужчин и тридцать женщин. Некоторые учителя были противниками Фазлуллы, но многие одобряли и поддерживали его. Подпав под власть его харизмы, они считали его глубоким толкователем Корана. У людей находили горячий отклик разговоры о необходимости внедрения исламских судов, так как пакистанская система судопроизводства, заменившая традиционный пуштунский суд, вызвала много нареканий. Споры по вопросам владения землей, часто возникающие в наших районах, прежде разрешались незамедлительно, теперь – в течение нескольких лет. Коррумпированные государственные чиновники, наводнившие

нашу долину, вызывали всеобщую ненависть. Обещания Фазлуллы возродить прежнюю государственную систему, существовавшую в долине во времена вали, падали на благодарную почву.

В течение полугода жители нашей долины избавились от телевизоров, видео– и аудиосистем и дисков. Люди Фазлуллы собирали все это в огромные кучи, поджигали, и клубы густого черного дыма устремлялись в небо. Многие владельцы магазинов, торгующих CD и DVD, добровольно закрывали свои торговые точки и получали от талибов компенсацию. Мы с братьями очень любили смотреть телевизор и совершенно не хотели с ним расставаться. Отец успокоил нас и сказал, что не собирается лишать нас этого удовольствия. В целях безопасности мы спрятали телевизор в шкаф и смотрели его с приглушенным звуком. Известно было, что талибы подслушивают у дверей и, врываясь в дом, забирают телевизор и разбивают его вдребезги. Фазлулла ненавидел болливудские фильмы, которые мы обожали, и заявлял, что они враждебны исламу. Только против радио он ничего не имел, хотя музыка, за исключением талибских песен, была также объявлена харам.

Как-то раз отец пошел проведать друга, лежавшего в больнице. Когда он вошел в палату, все больные слушали магнитофонную запись проповедей Фазлуллы.

– Ты должен встретиться с мауланой Фазлуллой, – слышал отец со всех сторон. – Он выдающийся богослов.

– Какой он богослов? – пожимал плечами отец. – На самом деле его исключили из школы за неуспеваемость. И зовут его, кстати, вовсе не Фазлулла.

Но его возражений никто не слушал. Видя всеобщее увлечение религиозным романтизмом Фазлуллы, отец очень огорчался и тревожился.

– Очень смешно, что так называемый ученый-богослов ратует за всеобщее невежество, – сетовал отец.

Особой популярностью Фазлулла пользовался в отдаленных районах. Люди, живущие там, с благодарностью вспоминали помощь, которую оказали им добровольцы ТНШМ после землетрясения, когда правительство проявило полное бессилие. В некоторых мечетях были установлены громкоговорители, подсоединенные к радиосети, так что передачи Радио Мулла разносились по всей деревне и даже по окрестным полям. Наибольшей популярностью пользовалась вечерняя передача, в которой он называл имена людей, завоевавших его одобрение.

– Брат такой-то курил гашиш, но отказался от этого, ибо это грех, – провозглашал он. – Брат такой-то отрастил бороду, и я

поздравляю его с этим достижением. Брат такой-то добровольно закрыл свой магазин CD, и это замечательно.

Все эти люди получат награду на небесах, утверждал Фазлулла. Людям нравилось, когда их имена называли по радио и хвалили их, но еще больше им нравилось, когда их соседей во всеуслышание называли грешниками. После каждой передачи поднималась волна разговоров: «Слыхали, что натворил такой-то?»

Радио Мулла позволяло себе непочтительно отзываться даже об армии. Пакистанских правительственных чиновников Фазлулла называл «неверными» и заявлял, что они препятствуют внедрению в жизнь норм шариата. Если правительство не изменит своей политики, движение Талибан «внедрит законы шариата силой, а неверных разорвет на части», обещал Фазлулла. Одной из его любимых тем была несправедливость феодальной системы ханов. Бедным людям приятно было слушать, как ханов поносят по радио. Фазлулла представлялся им кем-то вроде исламского Робин Гуда. Они верили, что, придя к власти, он отдаст земли ханов бедным. Некоторые ханы бежали из нашей долины. Мой отец тоже был противником ханов, но он понимал, что Талибан несет с собой еще большее зло.

Друг моего отца Хидаятулла стал правительственным чиновником в Пешаваре и предупреждал нас: «Вот как боевики делают это. Они хотят завоевать сердца и умы людей, поэтому сначала изучают, какие проблемы есть у местного населения, и обличают виновных в этих бедах. Таким образом они получают поддержку молчаливого большинства. Именно такую тактику они использовали в Вазиристане, ополчившись на похитителей детей и бандитов. После того как получат власть, они ведут себя точно так же, как преступники, на которых они когда-то охотились».

Радиовыступления Фазлуллы часто были направлены против женщин. Ему, наверное, было известно, что многие из наших соотечественников работают вдали от дома, на угольных шахтах на юге страны или на строительных площадках в Персидском заливе. Иногда он говорил: «Мужчины, выйдите на улицу. Я хочу поговорить с вашими женщинами». Выдержав паузу, он продолжал: «Женщины должны сидеть дома и заниматься хозяйством. Только в чрезвычайных ситуациях они могут выйти на улицу и при этом надевать паранджу». Иногда его люди ходили по домам и показывали нам модную одежду, якобы отобранную у «передовых» женщин, чтобы пристыдить их.

Директриса школы для девочек, госпожа Мариам, запретила нам слушать Радио Мулла, но мои подруги рассказывали, что их матери делают это каждый день. У нас дома был один-

единственный радиоприемник, старый, еще дедушкин. Он сломался, но мамины подруги рассказывали ей о том, что слышали по Радио Мулла. Они хвалили маулану Фазлуллу, восхищались его длинными волосами, его искусством наездника и даже говорили, что он похож на Пророка, да пребудет с ним мир. Женщины доверяли ему свои заветные мечты, и он молился об их исполнении. Мама слушала все эти рассказы с восторгом, а отец – с возрастающей тревогой.

Проповеди Фазлуллы приводили меня в растерянность. В Священном Коране нигде не говорится, что мужчины могут ходить, куда им вздумается, а женщины обязаны сидеть дома и заниматься хозяйством. В школе, на занятиях, посвященных изучению ислама, мы писали сочинения на тему «Как жил Пророк, да пребудет с ним мир». Мы знали, что первой женой Пророка была женщина по имени Хадиджа, которая занималась торговлей. Ей было уже за сорок, она была старше его на пятнадцать лет и прежде была замужем, и все же он на ней женился. Глядя на маму и ее подруг, я видела, как сильны и выносливы пуштунские женщины. Моя бабушка по материнской линии вырастила восьмерых детей практически в одиночку, так как мой дедушка в результате несчастного случая сломал тазовую кость и в течение восьми лет был прикован к постели.

Мужчина ходит на работу, зарабатывает деньги, а вернувшись домой, ест и спит. Заниматься чем-либо другим ему не пристало. Наши мужчины уверены, что власть принадлежит тем, кто зарабатывает деньги и отдает распоряжения. Им и в голову не приходит, что на самом деле власть принадлежит женщинам, которые ведут хозяйство и воспитывают детей. В нашем доме всем заправляла мама, потому что отец вечно был занят. Утром мама вставала раньше всех, гладила нашу одежду, готовила завтрак, ходила на рынок, покупала продукты. Именно мама учила нас, как себя вести. У отца не было на это времени.

В первые годы талибского режима я перенесла две операции – мне удалили аппендикс и гланды. Хушалю, моему брату, тоже пришлось удалить аппендикс. В больницу нас отвозила мама; отец только навещал нас и приносил мороженое. При этом мама неколебимо верила, что Священный Коран запрещает женщине покидать свой дом и разговаривать с мужчинами, за исключением близких родственников. Отец часто повторял ей:

– Пекай, пурда – это не затворничество и не паранджа, это покров, скрывающий женское сердце.

Женщины так восхищались Фазлуллой, что были готовы отдать ему свои последние деньги и украшения. На улицах стояли специальные столы, на которые женщины складывали

свои свадебные браслеты и ожерелья. Желающих сделать это было так много, что к столам выстраивались целые очереди. Некоторые женщины приносили свои украшения сами, другие посылали сыновей. Иногда женщины, мужья которых работали за границей, отдавали все семейные сбережения, веря, что угождают этим Богу. На собранные средства Фазлулла построил в Имам-Дери огромное кирпичное здание, где располагалась штаб-квартира движения Талибан. Тут же находились мечеть и медресе, высокие стены и дамба защищали здание от разливов реки Сват. Фазлулла пользовался бесплатной рабочей силой, каждая деревня была обязана по очереди предоставлять мужчин, которые работали на строительстве в течение одного дня. Как-то раз Наваб Али, учитель языка урду в нашей школе, сообщил отцу, что завтра не сможет вести занятия, так как будет работать на строительстве – настала очередь его деревни предоставлять Фазлулле рабочие руки.

– Ваша главнейшая обязанность – учить детей, – сказал на это отец.

– Нет, прежде всего я должен помочь маулане Фазлулле, – возразил учитель.

Отец вернулся домой, кипя от досады.

– Если бы люди с такой же охотой строили школы, дороги или расчищали реку от всякой дряни, которую сами же туда набросали, за год Пакистан превратился бы в настоящий рай, – сказал он. – Но они уверены, что лишь строительство мечетей и медресе можно назвать богоугодным делом.

Несколько дней спустя тот же учитель заявил отцу, что больше не будет учить девочек, так как «маулана Фазлулла не одобряет этого».

Отец пытался переубедить его.

– Я согласен, с девочками должны заниматься учительницы-женщины, – говорил он. – Но сейчас их в Пакистане слишком мало. Поэтому мы должны дать девочкам образование, чтобы они могли работать учительницами.

Настал день, когда Суфи Мухаммед провозгласил из тюрьмы, что женщинам вообще не следует учиться, даже в медресе для девочек.

– Если кто-то сумеет отыскать в истории пример, когда ислам позволял женские медресе, путь придет и помочится на мою бороду, – заявил он.

После этого Радио Мулла стало уделять школам для девочек самое пристальное внимание. Каждый день руководители школ подвергались поношениям, девочек, которые бросили школу, поздравляли с этим благочестивым поступком.

– Сестра такая-то бросила школу, чтобы попасть на небеса, – умилялся Фазлулла. – Сестра такая-то, ученица пятого класса, перестала ходить в школу, и я поздравляю ее с этим.

Говоря о девочках, которые, подобно мне, продолжали ходить в школу, Фазлулла не скупился на оскорбления.

Я и мои подруги никак не могли понять, почему, стремясь получить образование, мы поступаем плохо.

– Почему этот человек не хочет, чтобы мы ходили в школу? – спрашивала я у отца.

– Он и его приспешники испытывают страх перед образованием, – усмехался он в ответ.

Вскоре еще один сотрудник школы Хушаль, учитель математики, отрастил длинные волосы и отказался учить девочек. Отец уволил его, но это встревожило остальных учителей. Они даже направили к отцу делегацию.

– Господин директор, не делайте этого, – просили они. – Времена сейчас опасные. Не надо его увольнять. Вместо него заниматься с девочками будет кто-нибудь другой.

Каждый день приносил какие-нибудь новые запреты. Фазлулла не только запретил брить бороды, но и закрыл все парикмахерские, так что парикмахеры остались без работы. Мой отец, носивший только усы, говорил, что не намерен отращивать бороду по указке талибов. Женщинам было запрещено ходить на базар, но этот запрет не слишком меня расстроил. В отличие от мамы, обожавшей красивые вещи, я относилась к одежде равнодушно и не любила ее покупать. Теперь мама часто говорила мне:

– Закрой лицо – на тебя смотрят люди.

– Ну и что, – пожимала я плечами в ответ. – Я тоже смотрю на них.

Это выводило маму из себя.

Мама и ее подруги были очень опечалены тем, что женщинам теперь нельзя ходить за покупками, ведь это было их любимым занятием. Особенно им нравилось ходить на базар перед праздниками Ид. В такие дни женщины, выходя из дома, надевали лучшие наряды, а на базаре долго бродили вдоль освещенных праздничными огнями прилавков, где продавались украшения и хна. От этого развлечения им пришлось отказаться. Конечно, женщин, осмелившихся появиться на базаре, никто не подвергал побоям, но талибы кричали на них и прилюдно их стыдили. Один талиб мог держать в страхе целую деревню. Мы, дети, тоже лишились любимых развлечений. На праздники в магазинах DVD обычно появлялись новые фильмы, но по распоряжению Фазлуллы все эти магазины были закрыты. К этому

времени Фазлулла уже начал надоедать моей маме, а когда он заявил, что образование – удел неверных и все школьники попадут в ад, она разочаровалась в нем окончательно.

Следующим шагом Фазлуллы стало учреждение шура, местных судов. Это вызвало всеобщее одобрение, так как дела там разбирались быстро, в отличие от пакистанских судов, где процветала страшная волокита и тот, кто не мог дать взятку, вынужден был годами дожидаться слушания своего дела. Люди охотно обращались в шура, и приверженцы Фазлуллы разрешали все их проблемы – от деловых вопросов до личных обид.

– За один день там решили мою тяжбу, которая тянулась тридцать лет, – рассказывал отцу один из его знакомых.

Провинившимся в шура назначали различные наказания, включая публичную порку плетьми, которая никогда прежде у нас не применялась. Один из друзей отца был свидетелем того, как троих мужчин подвергли порке после того, как в шура их признали виновными в похищении двух женщин. Поблизости от штаб-квартиры Талибана был установлен помост, и, услышав, как Фазлулла возносит молитвы, сотни людей собирались, чтобы посмотреть, как наказывают осужденных. Толпа кричала: «Аллах Акбар!» – «Велик Господь!» – при каждом новом ударе плети. Иногда у помоста появлялся сам маулана Фазлулла верхом на черном коне.

Фазлулла и его сторонники запретили медикам делать детям прививки против полиомиелита. Они утверждали, что прививки – часть американского заговора, в результате которого женщины-мусульманки окажутся бесплодными и наш народ вымрет.

– Лечение болезни, которая еще не возникла, противоречит законам шариата, – заявлял Фазлулла в своих передачах. – Ни один ребенок в долине Сват не должен принимать эту вакцину.

Сторонники Фазлуллы патрулировали улицы, высматривая нарушителей его указов, в точности так, как делала талибская полиция нравов в Афганистане. Талибы учредили также добровольную дорожную полицию. Вооруженные автоматами отряды этой полиции, так называемые Группы соколов, разъезжали по улицам в грузовиках.

Некоторым жителям Мингоры все это чрезвычайно нравилось. Как-то раз отец разговорился с менеджером своего банка, и тот сказал:

– Мы должны быть благодарны маулане Фазлулле хотя бы за то, что он запретил женщинам ходить за покупками. Теперь они не могут покупать себе тряпки на Китайском базаре, и это экономит их мужьям кучу денег.

Мало кто пытался вслух выражать недовольство. В

большинстве своем люди вели себя как наш сосед-парикмахер, который втихомолку жаловался отцу, что талибы лишили его средств к существованию, а в разговоре с журналистами превозносил их до небес, называя истинными мусульманами.

Радио Мулла вещало уже почти целый год, и Фазлулла становился все более агрессивным. Его брат, маулана Лиакат, был среди тех, кто погиб в октябре 2006 года во время американского воздушного налета на медресе в Баджауре. Тогда было убито восемьдесят с лишним человек, включая мальчиков, самым младшим из которых было по двенадцать лет. Многие погибшие были уроженцами долины Сват. Этот налет стал для всех нас настоящим шоком, многие клялись отомстить американцам. Десять дней спустя террорист-смертник взорвал армейскую казарму в Даргае. В результате было убито сорок два пакистанских солдата. В то время террористы-смертники были в Пакистане редкостью – за весь год произошло всего шесть таких случаев. Взрыв казармы в Даргай был самым крупным из всех подобных терактов.

Во время праздника Ид уль-Адха мы обычно приносим в жертву животных, чаще всего баранов и козлов.

– В этот Ид будут принесены в жертву двуногие животные, – провозгласил Фазлулла.

Вскоре мы поняли, что он имеет в виду. Его сторонники начали убивать ханов и активистов, принадлежавших к секуляристским и националистическим партиям, в первую очередь к Национальной партии Авами (НПА). В январе 2007 года один из знакомых моего отца был похищен в своей деревне отрядом вооруженных людей в масках. Звали этого человека Малак Бахт Байдар. Он происходил из богатой ханской семьи и являлся вице-президентом местного отделения НПА. Через несколько дней его тело нашли на старинном семейном кладбище. Все кости на руках и ногах у него были переломаны. Это было первое политическое убийство в долине Сват. По слухам, талибы решили отомстить этому человеку за то, что он помогал армии обнаружить их тайные убежища.

Власти делали вид, что ничего не замечают. Наше местное правительство в значительной степени состояло из представителей религиозных партий, которые не считали возможным критиковать столь рьяных борцов за ислам. Поначалу мы надеялись, что в Мингоре, самом большом городе долины Сват, нам ничего не угрожает. Но штаб-квартира Фазлуллы находилась всего в нескольких километрах от города, и мы постоянно встречали талибов повсюду – на улицах, на рынках, в холмах. Опасность неумолимо приближалась.

Во время праздника Ид мы, как обычно, отправились в деревню, к родственникам. Мы с мамой ехали в машине двоюродного брата. Когда мы приблизились к месту, где дорога была размыта паводком, нас остановил талибский патруль. Мы с мамой сидели на заднем сиденье. Двоюродный брат быстро передал нам кассеты с музыкальными записями, чтобы мы спрятали их в сумочках. Талибы были с ног до головы одеты в черное и вооружены автоматами Калашникова.

– Сестры, вы ведете себя недостойно, – сказали они нам. – Женщинам следует носить паранджи.

Вернувшись в школу после праздников, мы увидели, что к воротам школы прикреплено какое-то письмо, отпечатанное на машинке.

«Брат, твоя школа устроена по западному образцу на потребу неверным, – говорилось в этом письме. – Здесь учатся девочки, а форма, в которой ходят ученики, не отвечает требованиям шариата. Положи конец этому позору, или тебя ожидают крупные неприятности. Смотри, как бы твоим детям не пришлось тебя оплакивать».

Письмо было подписано: «Фидаины[1] Ислама».

После этого отец решил ввести в школе новую форму. Если раньше мальчики носили брюки и рубашки европейского образца, теперь они ходили на занятия в шальвар-камиз – штанах до лодыжек и длинных рубахах. Форма для девочек состояла из голубых шальвар-камиз и белого дупата, головного платка. Нам было рекомендовано в обязательном порядке покрывать головы, выходя из школы.

Хидаятулла, давний друг отца, подбадривал его и убеждал не поддаваться на угрозы.

– Зияуддин, у тебя есть дар от Бога, – говорил он. – Ты способен убеждать людей. Не отступай. Жизнь – это борьба с трудностями, а не просто процесс вдыхания кислорода и выдыхания углекислого газа. Зачем тебе соглашаться на все требования талибов, если ты способен оказать им сопротивление?

Отец передал нам слова Хидаятуллы. По совету друга он написал в «Daily Azadi», местную газету, письмо, обращенное к «защитникам Ислама».

«Я убежден, что вы избрали неверный путь внедрения ислама, – говорилось в этом письме. – Прошу вас, не причиняйте вреда моим детям, ибо они каждый день молятся тому самому Богу, в которого вы верите. Вы можете забрать мою жизнь, но, прошу, пощадите моих учеников».

Когда газета вышла из печати, отец был очень расстроен. Письмо его было помещено не на первой полосе, а на внутренней,

к тому же редактор напечатал имя отца и адрес школы, которых отец ему не сообщал. Тем не менее весь день люди звонили ему, чтобы поздравить.

– Вы бросили первый камень в стоячее болото, – говорили они. – Наверняка теперь многие найдут в себе мужество заговорить.

10. Ириски, теннисные мячи и Будды долины Сват

Сначала талибы отняли у нас музыку, потом – статуи Будд, а потом и нашу историю. Одним из самых наших любимых развлечений были школьные экскурсии. Мы были счастливы, что живем в таком раю, как Сват. В нашей долине есть чем полюбоваться: водопады, озера, лыжный курорт, дворец вали, статуи Будды, гробница сватского Ахунда. У всех этих достопримечательностей имеется своя история. Мы заранее предвкушали экскурсии, а когда долгожданный день наконец наступал, одевались как можно наряднее и с радостью рассаживались по автобусам. С собой мы обязательно брали рис и жареных цыплят, чтобы устроить пикник. У некоторых девочек были фотокамеры, которыми они без конца щелкали. В конце экскурсии отец заставлял нас по очереди становиться на камень и рассказывать о том, что мы видели. С приходом Фазлуллы школьным экскурсиям настал конец. Девочкам полагалось сидеть в четырех стенах.

Талибы уничтожили буддийские статуи и ступы, около которых мы любили играть. То, что эти статуи простояли в долине тысячи лет, со времен царей Хушан, и являются частью нашей истории, их не волновало. Они были уверены, что все без исключения статуи и картины – харам, что смотреть на них – грех и потому их следует уничтожить. Они дошли до того, что взорвали лицо Будды Джеханабад, гигантское изображение высотой семь метров, вырезанное на скале в получасе езды от Мингоры. Археологи утверждали, что оно имеет не меньшую ценность, чем Будды афганской долины Бамиан, которых взорвали афганские талибы.

Гигантского Будду талибам удалось уничтожить только со второго раза. Поначалу они пробили в скале отверстия и заполнили их динамитом, но Будда устоял. Неделю спустя, 8 октября 2007 года, они повторили попытку. На этот раз им удалось уничтожить лицо Будды, который взирал на долину с VII века. Талибы действовали как заклятые враги культуры, искусства и истории. Сватскому музею удалось вывезти свою коллекцию и таким образом спасти ее. Все старое талибы безжалостно уничтожали, а ничего нового не создавали. Они захватили Изумрудную гору, богатейшее изумрудное месторождение, и продавали прекрасные камни, чтобы купить себе уродливые автоматы. Всем, кто готов был заплатить, они

разрешали вырубать деревья, росшие на холмах, и на грузовиках вывозить бревна.

Зона вещания их радиостанции распространялась на всю долину и соседние районы. Хотя нам удалось сохранить телевизор, талибы отключили кабельные каналы. Мы с Монибой лишились возможности смотреть наши любимые болливудские сериалы, такие как «Шарарат» или «Шалости». Талибы хотели запретить любые развлечения. Они наложили запрет даже на нашу любимую настольную игру, «Карром», участники которой щелчками передвигали фишки по деревянной панели. До нас доходили слухи о том, как талибы, услышав детский смех, врывались в дом, опрокидывали стол, на котором лежала игра, и топтали фишки ногами. Все мы чувствовали себя марионетками, которых хотят не только полностью контролировать, но даже и одевать по единому образцу. Думаю, если бы Бог хотел, чтобы мы все были одинаковы, Он не сотворил бы нас такими разными.

Как-то раз, придя в школу, мы застали нашу учительницу, госпожу Хаммеду, в слезах. Ее муж служил полицейским в маленьком городке Матта. Люди Фазлуллы ворвались в полицейский участок, и несколько сотрудников, в том числе и муж нашей учительницы, были убиты. Это было первое в нашей долине нападение талибов на полицию. Вскоре они захватили множество деревень. Над полицейскими участками теперь реяли черно-белые флаги ТНШМ. Боевики Фазлуллы въезжали в деревни на грузовиках, вооруженные до зубов, с мегафонами, и полицейские в страхе бежали. За короткое время во власти талибов оказалось пятьдесят девять деревень, и в каждой из них они учреждали свою администрацию. Полицейские так их боялись, что давали в газетах объявления о том, что оставили службу.

Все наблюдали за происходящим и ничего не делали. Казалось, люди впали в какой-то ступор. Отец говорил, что Фазлулла их заворожил. Некоторые присоединялись к его боевикам, рассчитывая таким образом обеспечить себе лучшую жизнь. Отец пытался противодействовать пропаганде Талибана, но это было очень тяжело.

– Как я могу с ними сражаться? – разводил он руками. – У меня нет ни вооруженных боевиков, ни радиостанции.

Однажды отец даже отважился пойти в ту деревню, откуда вело свое вещание Радио Мулла. Он переправился через реку в металлической вагонетке, скользившей по железному тросу. По пути в деревню он увидел высоченный столб дыма, который едва не касался небес. Дым был необыкновенно черный. Поначалу отец решил, что горит кирпичный завод. Но, приблизившись, он

увидел – полыхает огромная куча телевизоров и компьютеров, вокруг которой суетятся бородатые мужчины в тюрбанах.

Придя в деревню, отец отправился в школу, где собрались местные жители.

– Я видел, что ваши односельчане решили сжечь свои телевизоры, – сказал он. – Знаете, кто от этого выиграет? Японские компании.

Слушатели в ответ лишь качали головой.

– Зря вы так говорите, – шептали отцу некоторые из них. – Зачем подвергать себя риску?

Государственные власти, как и простые люди, бездействовали.

Казалось, вся страна сошла с ума. Пока власти делали вид, что ничего не происходит, талибы хозяйничали в самом сердце нашей страны, Исламабаде. В газетах публиковали фотографии, на которых члены так называемых Отрядов в паранджах, молодые женщины и девушки с закрытыми лицами, громили магазины CD и DVD в самом центре нашей столицы.

Это были учащиеся Джамия Хафса, самой большой женской медресе в Пакистане, которая являлась частью Лал Масджид – Красной мечети в Исламабаде. Мечеть была построена в 1965 году и получила название благодаря своим красным стенам. Всего несколько кварталов отделяло ее от парламента и штаб-квартиры Пакистанской межведомственной разведки. Многие государственные чиновники и военачальники ходили молиться в эту мечеть. При мечети работали две медресе, для мальчиков и для девочек. В течение многих лет в мужской медресе набирали и готовили боевиков, сражавшихся в Афганистане и Кашмире. Руководителями ее были два брата, Абдул Азиз и Абдул Рашид. Медресе являлась крупнейшим центром пропаганды идей бен Ладена, с которым Абдул Рашид познакомился в Кандагаре, когда посещал муллу Омара. Братья были знамениты своими вдохновенными проповедями. У них было множество почитателей, число которых многократно возросло после событий 11 сентября. Когда президент Мушарраф дал согласие помогать Америке в «войне с терроризмом», мечеть стала центром протеста против политики правительства. Когда в декабре 2003 года в Равалпинди на Мушаррафа было совершено покушение, в результате которого погибло несколько солдат охраны, Абдул Рашид был обвинен в участии в заговоре. Следствию удалось доказать, что взрывчатые вещества, которые использовали террористы, хранились в мечети Лал Масджид. Но, несмотря на это, через несколько месяцев Абдул Рашид был оправдан.

В 2004 году, когда Мушарраф направил войска в Федерально

управляемые племенные территории, начав с Вазиристана, братья возглавили кампанию, которая объявила эту акцию антиисламской. У них был свой сайт в Интернете и собственная радиостанция, на которой они, подобно Фазлулле, вели вещание.

Примерно в то же время, как талибы вошли в долину Сват, девушки из медресе при Красной мечети устроили в Исламабаде настоящий беспредел. Они врывались в дома, где, как они считали, находились массажные салоны, похищали женщин, которые, по их утверждениям, были проститутками, громили магазины CD и DVD, устраивая костры из дисков. Талибан забывает о том, что женщинам следует быть тише воды ниже травы, если это нужно для достижения определенных целей. Глава женской медресе, Умме Хасан, жена старшего брата, Абдула Азиза, хваталась тем, что убедила нескольких своих учениц стать террористками-смертницами. При мечети действовал свой собственный суд, осуществлявший правосудие в соответствии с законами ислама. Братья утверждали, что к учреждению этого суда их вынудила полная несостоятельность государственной системы судопроизводства. Их люди похищали полицейских и громили правительственные здания.

По всей вероятности, правительство Мушаррафа не знало, что делать со всем этим произволом. Между армейским руководством и мечетью существовали слишком прочные связи. К середине 2007 года люди стали опасаться, что боевики захватят столицу. Это казалось невозможным – в отличие от всей прочей страны, Исламабад всегда был спокойным местом, где царили покой и порядок. В конце концов вечером 3 июля началась осада мечети. Ее окружили вооруженные армейские отряды и танки. Электричество во всем районе было отключено, улицы погрузились в темноту, которую разрезали лишь вспышки взрывов и автоматные очереди. Военные сделали несколько пробоин в стенах, окружающих мечеть, и открыли минометный огонь, а также огонь с вертолетов. Используя громкоговорители, они приказали девушкам – учащимся медресе – сдаваться.

Помимо студентов, в мечети находились боевики, имевшие опыт сражений в Афганистане и Кашмире. Вместе с учащимися медресе они забаррикадировались в бетонных бункерах, завалив входы мешками с песком. Встревоженные родители девушек собрались на улице вокруг мечети. Они разговаривали со своими дочерями по мобильным телефонам и умоляли их прекратить сопротивление. Девушки отвечали, что предпочитают погибнуть, ибо учителя объяснили им: нет ничего прекраснее участи мучеников за веру.

На следующий вечер из мечети вышла небольшая группа

девушек. Среди них прятался Абдул Азиз, одетый в паранджу и женское платье. Его дочь вышла вместе с ним, но жена и младший брат остались в осажденной мечети вместе со студентами, решившими сражаться до конца. Военные и боевики, находившиеся в мечети, время от времени обменивались автоматными очередями. Помимо автоматов, у боевиков были самодельные взрывные устройства, сделанные из бутылок из-под спрайта. Осада закончилась 9 июля, после того, как один из командиров правительственных войск был убит снайпером, расположившимся на вершине минарета. Это вывело военных из терпения, и они начали штурм.

Хотя операция была проведена с большим шумом, ее назвали операция «Тишина». Никогда прежде столица Пакистана не видела таких жарких битв. Военные в течение многих часов обыскивали все помещения мечети. Наконец они обнаружили бункер, где скрывался Абдул Рашид и его сторонники, и уничтожили их. К вечеру 10 июля операция была закончена. Количество убитых превышало сто человек, причем среди них было множество подростков. Газеты публиковали шокирующие фотографии – мертвые тела в лужах крови, посреди битого стекла и обломков. Все мы с ужасом следили за этими трагическими событиями. Некоторые учащиеся медресе были родом из Свата. Никто не мог понять, как подобное могло случиться в самом центре столицы. Как можно было разрушить мечеть? Для нас всех мечеть являлась святым местом.

Штурм Красной мечети сделал сватских талибов еще более агрессивными. 12 июля – я хорошо запомнила дату, потому что это был день моего рождения, – Фазлулла выступил по радио, и речь его была полна ярости. Он проклинал тех, кто штурмовал мечеть Лал Масджид, и призывал отомстить за смерть Абдул Рашида. В заключение он объявил войну пакистанскому правительству.

Ситуация становилась все напряженнее. Фазлулла был полон решимости воплотить свои угрозы в жизнь. Поддержка, которой пользовалось движение Талибан, после штурма мечети Лал Масджид лишь усилилась. Через несколько дней талибы напали на армейскую колонну, двигавшуюся в направлении долины Сват, и убили тринадцать солдат. Протест против действий правительства охватил не только Сват. Свое недовольство выражали племена, населявшие район Баджаур, резко возросло количество террористов-смертников. Лишь один луч надежды сиял во мраке – стало известно, что Беназир Бхутто возвращается в Пакистан.

Американцев очень тревожило, что их союзник генерал

Мушарраф не пользуется в Пакистане популярностью и не способен оказать эффективное сопротивление Талибану. Они предложили генералу план разделения власти, согласно которому он должен был снять военную форму и стать штатским президентом, которого поддерживает партия Беназир Бхутто. Чтобы заручиться этой поддержкой, он должен был снять с Бхутто и ее мужа все обвинения в коррупции и провести выборы. Никто не сомневался, что в результате выборов Бхутто станет премьер-министром. При этом ни один из жителей Пакистана, включая моего отца, не верил, что этот план сработает. Мушарраф и Беназир слишком сильно ненавидели друг друга.

Беназир покинула страну, когда мне было всего два года, но отец много рассказывал мне о ней, и теперь я с нетерпением ожидала ее возвращения. Мысль о том, что премьер-министром Пакистана снова станет женщина, приводила меня в восторг. Благодаря Беназир девочки, подобные мне, смогли мечтать о том, чтобы стать политиками. Она служила нам вдохновляющим примером. Люди связывали с ней надежды на конец диктатуры, для всего мира она стала символом зарождающейся в Пакистане демократии. Беназир была единственным политическим лидером, открыто выступающим против боевиков, она даже предложила помощь американцам в поимке бен Ладена.

Разумеется, некоторым людям все это не нравилось. В октябре 2007 года все мы смотрели по телевизору репортаж о возвращении Беназир. Затаив дыхание, мы наблюдали, как она сошла по трапу самолета в аэропорту Карачи и вступила на пакистанскую землю после девятилетнего изгнания. По лицу ее текли слезы. Когда она ехала по улицам в открытом автобусе, тысячи людей приветствовали ее. Многие из них специально приехали из дальних концов страны, некоторые взяли с собой детей. Люди выпускали в воздух белых голубей, один из них сел на плечо Беназир. Толпа, заполнившая улицы, была такой густой, что автобус полз еле-еле. Мы не досмотрели репортаж до конца, так как поняли – он будет длиться несколько часов.

В полночь, когда я уже спала, боевики нанесли удар. Автобус Беназир был взорван. В мгновение ока он превратился в огромный полыхающий костер. Отец сообщил мне об этом утром. Он и его друзья были так потрясены случившимся, что в эту ночь не ложились спать. К счастью, Беназир выжила, потому что в момент взрыва спустилась вниз, в бронированный салон, чтобы немного отдохнуть. Но взрыв унес жизни 150 человек. До сих пор наша страна не знала таких кровавых терактов. В большинстве своем погибшие были студентами, устроившими вокруг автобуса живую цепь. Их стали называть мучениками за Беназир.

Жестокость теракта ужаснула даже противников Бхутто. Мы, ее сторонники, были в шоке, но благодарили Бога за то, что Он сохранил ей жизнь.

Неделю спустя в Сват вошли правительственные войска, и наша долина наполнилась ревом армейских джипов и шумом вертолетов. Мы были в школе, когда они прилетели. Услышав вертолеты, все дети, возбужденно гомоня, выбежали во двор. Пилоты бросали нам ириски и теннисные мячи, которые мы ловили, соревнуясь, кто поймает больше. Вертолеты не часто появляются над долиной Сват, но наш дом находился поблизости от местного штаба армии, и иногда они пролетали прямо над нашей крышей.

Вскоре нам сообщили, что со следующего дня в Мингоре вводится комендантский час. Мы не знали, что такое комендантский час, и очень встревожились. В стене, окружающей дом наших соседей, семьи моей подруги Сафины, была дыра, которой мы часто пользовались. Мы постучали в стену, а когда соседи подошли к дыре, спросили: «Что такое комендантский час?» Получив ответ, мы встревожились еще сильнее, и решили не выходить из своих комнат. Позднее все мы привыкли к комендантскому часу.

По телевизору сообщили, что для борьбы с Талибаном Мушарраф направил в Сват 3000 солдат. Они заняли все государственные и частные здания стратегического значения. Прежде казалось, что пакистанское правительство не обращает внимания на то, что творится в нашей долине, но теперь стало ясно, что это не так. На следующий день террорист-смертник подорвал армейский грузовик. Теракт стоил жизни семнадцати солдатам и тринадцати мирным жителям. Всю ночь с холмов доносились автоматные и пулеметные очереди. Никто из нас не мог спать.

На следующий день мы узнали из телевизионных новостей, что в холмах в северной части Свата идет сражение. Школы не работали, дети остались дома. Все мы пытались понять, что происходит. Хотя военные действия шли за пределами Мингоры, мы слышали грохот выстрелов. Вскоре было сообщено, что Талибан потерял более сотни своих боевиков. Но в первый день ноября семьсот боевиков Талибана разгромило армейский пост в Хвазахеле. Около пятидесяти солдат бежало, сорок восемь было захвачено в плен. Боевики Фазлуллы подвергли их публичному унижению, сорвав с них форму и разоружив их на глазах у множества людей. После этого они раздали солдатам по 500 рупий, приказав возвращаться домой. Вскоре талибы захватили два полицейских участка в Хвазахеле. В Мадияне им удалось

разоружить офицеров полиции. Вскоре Талибан контролировал большую часть долины Сват, лежавшую за пределами Мингоры.

12 ноября Мушарраф направил в нашу долину еще 10 000 солдат и несколько десятков вертолетов. Военные были повсюду. Они разбили лагерь даже на поле для гольфа. Вскоре началась операция против боевиков Фазлуллы, позднее получившая название первой сватской битвы. Впервые в истории нашей страны армия начала военные действия против своих сограждан. Полиция пыталась схватить Фазлуллу, когда он выступал на очередном митинге, но внезапно поднявшаяся песчаная буря помогла ему бежать. Этот случай укрепил его репутацию человека, которому помогают высшие силы.

Боевики не желали сдаваться. Они двинулись на восток и 16 ноября захватили Алпури, главный город Шанглы. Местная полиция вновь бежала без боя. Люди говорили, что среди боевиков много чеченцев и узбеков. Мы очень беспокоились о родственниках, живущих в Шангле. Правда, отец считал, что его родная деревня находится в таком глухом уголке, что боевики вряд ли сочтут нужным туда соваться. Но, несмотря на отчаянное сопротивление Талибана, правительственная армия, численностью и вооружением многократно превосходившая отряды боевиков, сумела выбить их из долины. Армейские части заняли Имам-Дери, штаб-квартиру Фазлуллы. Боевики отступили в леса. К началу декабря было объявлено, что большая часть долины Сват находится под армейским контролем. Фазлулла скрылся в горах.

Но это не означало, что с Талибаном покончено.

– Они еще себя покажут, – говорил отец.

Напряженную ситуацию в долине создавали не только люди Фазлуллы. По всему Северо-Западному Пакистану возникали вооруженные отряды, руководимые представителями различных племен. Через неделю после сватской битвы сорок лидеров движения Талибан со всей провинции встретились в Северном Вазиристане и объявили войну пакистанскому правительству. Они решили выступить единым фронтом под знаменем Техрик-и-Талибан-Пакистан (ТТП), или Пакистанского Талибана. По словам этих лидеров, в их распоряжении находилось 40 000 бойцов. Своим вождем они избрали Байтуллу Мехсуда, боевика, сражавшегося в Афганистане. Фазлулла стал лидером сектора Сват.

Мы думали, что с прибытием армейских частей в долине воцарится мир, но наши надежды не оправдались. О спокойной жизни нечего было и думать. Талибы нападали не только на полицейские участки и неугодных им политиков, но и на простых

людей, у которых были недостаточно длинные бороды или одежда европейского фасона.

27 декабря Беназир Бхутто выступила перед избирателями в Лиакат Баг, парке в Равалпинди, где был убит первый премьер-министр Пакистана Лиакат Али.

– Мы победим экстремизм и военщину силой народного единения, – заявила она под громкие одобрительные возгласы толпы.

Беназир покинула парк в пуленепробиваемом джипе «тойота лендкрузер. Откидная крыша автомобиля была поднята, Беназир стояла на сиденье и приветствовала своих сторонников. Внезапно раздался выстрел, а за ним – взрыв. Террорист-смертник взорвал себя рядом с ее автомобилем. Беназир упала. Позднее правительство Мушаррафа заявило, что она ударилась головой о железную ручку, при помощи которой поднималась крыша. Свидетели происшедшего утверждают, что Беназир застрелили.

Мы смотрели телевизор, когда программа была прервана и диктор сообщил трагическую новость.

– Беназир теперь станет шахидом, – сказала моя бабушка. Она имела в виду, что Беназир умерла славной смертью.

Мы все начали плакать и молиться за Беназир. Мое сердце говорило мне, что я, как и Беназир, должна посвятить свою жизнь борьбе за права женщин. Мы мечтали о демократии, а теперь все вокруг повторяли: «После смерти Беназир мы все в опасности». Создавалось впечатление, что наша страна утратила надежду на лучшее будущее.

Мушарраф обвинил в смерти Беназир Байтуллу Месхуда, лидера ТТП. В печати была опубликована распечатка перехваченного телефонного разговора, в котором Байтулла обсуждал подробности теракта с другим боевиком. Байтулла отрицал свою причастность к убийству, что было необычно для талиба.

К нам домой каждую неделю приходили исламские богословы – *квари сахибы,* – под руководством которых я и соседские дети изучали Священный Коран. Ко времени прихода талибов я прочла уже весь Коран, Хатам уль-Коран, к великому удовольствию баба, моего дедушки с отцовской стороны, который был имамом. Мы читали Коран по-арабски. Как правило, люди, заучивая наизусть суры Корана, не знают, что они означают, но я знакомилась также и с переводом. К моему ужасу, один из квари сахибов попытался оправдать убийство Беназир.

– Это хорошо, что ее убили, – сказал он. – Эта женщина могла принести много вреда, потому что не желала следовать законам ислама. Останься она в живых, она привела бы страну к анархии.

Я была поражена этими словами и передала их отцу.

– Всякому, кто хочет изучать Коран, приходится обращаться к этим муллам, – ответил он. – Другого выбора у нас нет. Но тебе следует быть осторожной на его уроках. Запоминай точный перевод, а на его толкования и интерпретации не обращай внимания. Ты должна знать, что говорит Аллах. Его слова – это Божественное послание, которое ты способна истолковать сама.

11. Самый умный класс

В те тягостные дни меня поддерживала только школа. Когда я выходила на улицу, все встречные мужчины казались мне талибами. Мы, девочки, прятали школьные сумки и книги под шалями. Отец часто повторял, что самое прекрасное зрелище на свете – дети в форме, идущие утром в школу. Но теперь мы боялись носить форму.

Я уже перешла в среднюю школу. Госпожа Мариам говорила, что учителя не любят проводить уроки в нашем классе, потому что мы задаем слишком много вопросов.

Мы с одноклассницами пользовались славой умных девочек, и нам это нравилось. Когда мы, готовясь к праздникам и свадьбам, расписывали руки хной, вместо бабочек и цветов мы выводили химические формулы и математические уравнения.

Мое соперничество с Малкой-и-Нур продолжалось. После того как она стала первой ученицей в классе, оставив меня позади, я пережила настоящий шок и стала заниматься еще усерднее. Мне удалось вернуть себе первенство, чему я была несказанно рада. Малка-и-Нур обычно шла второй, а моя подруга Мониба – третьей. Учителя объясняли нам, что, проверяя экзаменационные работы, прежде всего смотрят, аккуратно ли они оформлены, а потом оценивают содержание написанного. Из нас троих самый красивый почерк был у Монибы, по части содержания у нее тоже все было в порядке, но ей не хватало уверенности в себе. Моя подруга училась очень старательно, потому что знала – если она станет получать плохие оценки, ее родные используют это как предлог, чтобы запретить ей ходить в школу. В математике я была не слишком сильна – один раз даже получила за контрольную ноль, – но изо всех сил пыталась подтянуться. Мой учитель химии, господин Обайдулла (мы называли наших учителей «господин» или «госпожа»), утверждал, что я прирожденный политик. Дело в том, что перед устным экзаменом я всегда подходила к нему и говорила:

– Господин, вы самый лучший учитель, а химия – мой самый любимый предмет.

Некоторые родители считали, что учителя ставят мне хорошие оценки только потому, что школа принадлежит моему отцу. Что касается одноклассниц, то мы, несмотря на соперничество, оставались друзьями и никогда не завидовали друг другу. Помимо школьных экзаменов, мы участвовали также в экзаменах районных, на которых определялись лучшие ученики частных школ. Как-то раз мы с Малкой-и-Нур получили на этом

экзамене одинаковые оценки. В школе мы написали еще одну работу, чтобы определить, кому достанется приз. Но оценки снова оказались одинаковыми. Чтобы люди не думали, что ко мне относятся как-то по-особому, отец устроил для нас еще один экзамен, на этот раз в школе, которой руководил его друг Ахмед Шах. Мы снова получили одинаковые оценки, и приз пришлось дать обеим.

В школе мы не только учились, но и развлекались. Мы обожали ставить спектакли. Как-то раз я написала скетч, посвященный коррупции, по мотивам «Ромео и Джульетты». Ромео в моей пьесе был государственным чиновником, который проводит собеседование с людьми, желающими поступить на работу. Эта роль досталась мне самой. Первой соискательницей была красивая девушка. Ромео задавал ей до смешного легкие вопросы, например:

– Сколько колес у велосипеда?

– Два, – отвечала она, и Ромео восклицал:

– Какая блистательная эрудиция!

Следующим соискателем был мужчина, и Ромео задавал ему вопросы, на которые невозможно было ответить.

– Назовите марку вентилятора, который стоит в соседнем кабинете, – требовал он.

– Откуда же мне знать? – пожимал плечами злополучный соискатель.

– Неужели не знаете? – усмехался Ромео. – А еще написали в резюме, что имеете докторскую степень!

Разумеется, на работу он принимал девушку.

Девушку играла Мониба. Еще одна наша одноклассница, Аттия, играла секретаршу Ромео. Ее остроумные реплики добавляли в пьесу соли и перца. На спектакле зрители буквально катались со смеху. Я очень ловко передразнивала людей, и на переменах подруги просили меня изобразить кого-нибудь из учителей, чаще всего господина Обайдуллу. Несмотря на тревожные события, происходившие вокруг, мы по-прежнему любили шутить и смеяться.

Военная операция, проведенная в конце 2007 года, не избавила нашу долину от талибов. Хотя правительственные войска были повсюду, Фазлулла продолжал каждый день выступать по радио. В 2008 году ситуация стала еще более напряженной, участились убийства и взрывы. В те дни мы все ощущали, что оказались между Талибаном и армией, словно между молотом и наковальней. Аттия часто дразнила меня, спрашивая, кто лучше – талибы или армия?

– Если на тебя готовятся напасть лев и змея, стоит ли ломать

голову, кто из них лучше? – неизменно отвечала я.

Наша школа оставалась заповедным оазисом, куда не проникали извне никакие кошмары. Все мои одноклассницы хотели стать докторами, лишь я одна мечтала стать изобретателем и придумать машину, которая выведет из строя все оружие талибов, а их самих выдует из нашей долины, точно мощный пылесос. Но разумеется, над нашей школой тоже нависла угроза. Некоторые мои подруги бросили учебу. В своих выступлениях по радио Фазлулла постоянно твердил, что девочкам следует сидеть дома. Его люди начали взрывать школы. Правда, обычно они делали это после комендантского часа, когда школьные здания пустовали.

Первой взлетела на воздух Шавар Зангай, государственная школа для девочек в Матте. Мы поверить не могли, что кто-то решился на подобное злодеяние. Но за первым взрывом последовали другие, они происходили почти каждый день, даже в Мингоре. Два раза бомбы разрывались так близко от нашего дома, что стены сотрясались и с полок падали вещи. Один из этих взрывов произошел, когда я была в кухне, и с тех пор я стала бояться заходить туда.

В последний день февраля 2008 года я находилась в кухне, когда раздался оглушительный грохот. Бомба разорвалась совсем рядом. Как всегда, мы стали звать друг друга, чтобы удостовериться, что все целы и невредимы: «Хайста, пишо, бхаби, Хушал, Атал!» Потом до нас донесся вой сирен. Казалось, все машины «скорой помощи», которые имелись в Мингоре, мчатся по улицам. Вскоре выяснилось, что террорист-смертник устроил взрыв на баскетбольной площадке у средней школы Хаджи Баба. Один из полицейских офицеров, Джавид Икбал, был убит террористом-смертником в отдаленном районе, куда он скрылся, пытаясь спастись от Талибана. Он был родом из Мингоры, поэтому тело его доставили сюда, чтобы похоронить со всеми полагающимися почестями. Талибы устроили очередной теракт во время похорон. В результате взрыва погибло пятьдесят пять человек, в том числе маленький сын Джавида Икбала и множество наших хороших знакомых. Десять членов семьи Монибы присутствовали на похоронах, и все они были ранены или убиты. Мониба была в отчаянии, весь город – в шоке. Во всех мечетях читали поминальные молитвы по убитым.

– Тебе не страшно? – спрашивала я отца.

– По ночам страхи всегда крепнут, джани, – отвечал он. – Но утром, при солнечном свете, к нам вновь возвращается смелость.

Это было чистой правдой. Все мы, конечно, боялись, но наше мужество пересиливало страх.

– Мы должны освободить нашу долину от талибов, – говорил отец. – Тогда все страхи останутся в прошлом.

Во времена кризиса мы, пуштуны, всегда прибегаем к старым испытанным средствам. В 2008 году старейшины долины созвали собрание, названное Кауми Джирга (Объединенный совет старейшин), чтобы решить, как бороться с Фазлуллой. Три местных активиста, Мухтар Хан Юсуфзай, Хуршид Какаджи и Захид Хан, ходили из худжры в худжру, убеждая старейшин принять участие в этом собрании. Главой старейшин являлся белобородый старец семидесяти четырех лет по имени Абдул Хан Халик, некогда, во время визита английской королевы в долину Сват, бывший ее телохранителем. Хотя мой отец не был ни старейшиной, ни ханом, ему тоже предложили принять участие в этом собрании. Все знали, что он не боится вслух выражать свое мнение. Хотя отец был особенно красноречив, когда говорил на пушту, он мог произносить речи и на урду, который считается в Пакистане государственным языком. К тому же он свободно говорил по-английски, а значит, мог служить связующим звеном между долиной Сват и большим миром, лежащим за ее пределами.

Почти каждый день отец от имени совета старейшин долины Сват выступал против Фазлуллы в СМИ.

– Что вы творите? – спрашивал он. – Вы разрушаете нашу культуру и губите человеческие жизни!

– Я готов стать членом любой организации, которая борется за мир, – говорил мне отец. – Если мы хотим разрешить конфликт или спор, прежде всего необходимо говорить правду. Если у тебя болит голова, но ты говоришь доктору, что у тебя болит живот, разве он сможет тебя вылечить? Только правда принесет исцеление. Только правда победит страх.

Я часто сопровождала отца, когда он встречался с другими правозащитниками, в особенности со своими старыми товарищами Ахмедом Шахом, Мухаммедом Фаруком и Захидом Ханом. Ахмед Шах был владельцем школы, где работал Мухаммед Фарук, и мы часто встречались на теннисной площадке у этой школы. Захиду Хану принадлежал отель, у него была большая худжра. Когда друзья отца приходили к нам домой, я приносила им чай, а потом тихонько усаживалась на пол и вслушивалась в их разговоры.

– Малала не только дочь Зияуддина, – часто повторяли они. – Она наша общая дочь.

Отец и его друзья часто ездили в Пешавар и Исламабад, и давали множество интервью на радио. Особенно часто они выступали на таких станциях, как «Голос Америки» и Би-би-си.

Они разъясняли слушателям во всем мире, что события, происходящие в долине Сват, не имеют никакого отношения к исламу. Отец утверждал, что произвол Талибана в нашей долине был бы невозможен, если бы это движение не пользовалось поддержкой некоторых военных и государственных чиновников. Государство должно защищать права своих граждан, и если граница между государством и не-государством стирается, люди уже не могут доверять государству и полагаться на его защиту.

Пакистанская армия и межведомственная разведка обладают большим могуществом, и поэтому люди обычно не осмеливаются говорить вслух о подобных вещах. Но мой отец и его друзья ничего не боялись.

– То, что происходит сейчас, направлено против Пакистана и против нашего народа, – заявлял отец в своих интервью. – Режим, который стремятся установить талибы, бесчеловечен. Нам говорят, что долину Сват надо принести в жертву ради Пакистана. Но государство не может требовать никаких жертв. Государство должно быть матерью для своих граждан, а мать никогда не оставляет своих детей в беде.

Отец знал, что большинство его сограждан предпочитают молчать, и это его печалило. В кармане он всегда носил стихотворение Мартина Нимеллера, пастора и богослова, жившего в нацистской Германии.

> Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист.
> Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ.
> Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза.
> Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей.
> Потом они пришли за католиками, я молчал, я же не католик.
> А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто мог бы протестовать.

Я была согласна с автором этих строк. Если люди будут молчать и бездействовать, вокруг ничего не изменится.

Отец организовал школьный марш протеста. Он убеждал нас, что мы должны по мере сил противодействовать беспределу, который творится вокруг. Мониба хорошо выразила это своими словами.

– Мы, пуштуны, – религиозный народ, – говорила она. – А из-за этих талибов весь мир считает нас кровавыми террористами.

Но это не так. Мы миролюбивые люди. Наши горы, леса, цветы – все в нашей долине дышит красотой и покоем.

Вместе с группой других девочек, учениц нашей школы, я дала интервью «ATV Хайбер», единственному частному пуштунскому телеканалу. Перед интервью учителя объяснили нам, как надо отвечать на вопросы. Мы рассказывали о наших бывших соученицах, которые бросили школу, опасаясь преследований со стороны боевиков. Многим девочкам отцы и братья запретили ходить в школу, когда тем исполнилось тринадцать-четырнадцать лет. Считалось, что в этом возрасте девочка превращается в девушку и ей следует соблюдать пурда.

Через некоторое время я дала интервью самому большому новостному каналу нашей страны, «Geo». Все стены в его офисе были увешаны экранами, транслирующими передачи разных каналов. Оказавшись в столь непривычной обстановке, я поначалу немного растерялась. Но потом сказала себе: «Средствам массовой информации нужны интервью. Они хотели бы поговорить с девочками-школьницами, но девочки боятся говорить о том, что их волнует, или же им запрещают родители. Мой отец не запрещает мне говорить, наоборот, он меня поддерживает. Он утверждает, что я должна бороться за свои права». С каждым новым интервью росли и моя уверенность в собственных силах, и поддержка, которую я получала. Мне было всего одиннадцать лет, но я выглядела старше, и журналистам нравилось со мной беседовать. Один из журналистов назвал меня такра дженай – «сияющая девочка». Другой сказал, что я паха дженай – «не по годам умная девочка». Я всем сердцем верила, что Бог защитит меня, и гнала прочь все страхи. Я знала, что, защищая права девочек, свои собственные права, я не делаю ничего плохого. Напротив, я выполняю свой долг. Бог хочет знать, как каждый из нас поведет себя в критической ситуации. В Священном Коране говорится: «Ложь неизбежно будет посрамлена, и правда восторжествует». «Если один человек, Фазлулла, сумел причинить так много бед, неужели другой человек, пусть даже девочка, не сумеет остановить его?» – этот вопрос я задавала себе каждую ночь и молила Бога даровать мне сил.

Средства массовой информации в долине Сват находились под сильным давлением извне, вынуждавшим их давать положительную оценку действиям талибов. В некоторых газетах пресс-секретаря Талибана, Муслима Хана, уважительно называли школьным Дада, хотя в реальности он уничтожал школы. Но многие местные журналисты искренне переживали за судьбу нашей долины и предоставляли правозащитникам возможность

говорить о том, о чем сами они говорить не осмеливались.

У нас не было машины, поэтому на интервью нас возил кто-нибудь из друзей отца или же мы брали рикшу. Однажды мы с отцом отправились в Пешавар, чтобы принять участие в ток-шоу известного журналиста Вазатуллы Хана на урду, которое устраивала компания Би-би-си. Вместе с нами поехал друг отца Фазал Маула со своей дочерью. В передаче должны были участвовать мы все: два отца и две дочери. Движение Талибан представлял Муслим Хан, которого не было в студии. Я немного нервничала, потому что понимала – нам предстоит очень серьезная задача, ведь нас будут слушать люди во всем Пакистане.

– Почему талибы отнимают у девочек одно из основных прав – право на образование? – спросила я.

Отсутствующий Муслим Хан, разумеется, не ответил. Его телефонное интервью было записано заранее. И в этой записи невозможно было найти ответ на мой вопрос.

После передачи все поздравляли меня с удачным выступлением. Отец смеялся и говорил, что мне надо идти в политику.

– Ты произносила зажигательные речи, едва научившись говорить, – поддразнивал он меня.

Но я не слишком обольщалась на свой счет, понимая, что мне удалось сделать лишь первые робкие шаги.

Наши попытки протестовать были подобны цветам эвкалипта, унесенным мощным порывом ветра. Разрушение школ продолжалось. Ночью 7 октября 2007 года до нас донеслось эхо нескольких далеких взрывов. На следующее утро мы узнали, что боевики в масках ворвались в школу для девочек Сангота и колледж для мальчиков Эксельсиор и взорвали здания, используя самодельные взрывные устройства. Учителя и ученики заблаговременно покинули помещения, так как они получили письма с угрозами. Это были знаменитые школы, в особенности Сангота, основанная во времена последнего вали и известная высоким уровнем преподавания. Они относились к числу самых больших в стране – в Санготе насчитывалось около 1000 учениц, в колледже для мальчиков – 2000 учеников. Отец был там после взрыва и видел груды развалин, в которые превратились школы. На фоне груд битого кирпича и горящих книг он дал несколько интервью представителям различных телеканалов. Домой отец вернулся подавленным.

– Они не остановятся ни перед чем, – повторял он.

И все же отец не терял надежды и верил, что разрушению будет положен конец. Но его очень огорчало разграбление

разрушенных школ. Местные жители моментально растаскивали по домам уцелевшую мебель, книги, компьютеры. Когда отец узнавал об этом, на глаза у него наворачивались слезы.

– Эти люди подобны стервятникам, расклевывающим мертвые тела, – говорил он.

На следующий день после взрыва школьных зданий отец выступил на «Голосе Америки» и обрушил на виновных весь свой гнев. Во время передачи Муслим Хан, спикер талибов, находился на телефонной связи со студией.

– Чем вам так не угодили эти школы, что вы решили стереть их с лица земли? – спросил у него отец.

Муслим Хан ответил, что в школе Сангота преподавание велось в христианском духе, а колледж Эксельсиор был учебным заведением общего типа, где мальчики и девочки занимались вместе.

– Все это ложь! – возразил отец. – Школа Сангота действовала с 1960-х годов. Она никого не обратила в христианство, напротив, многих христиан обратила в ислам. А в Эксельсиоре совместное обучение велось только в начальных классах.

На это Муслим Хам ничего не ответил.

– Разве у талибов нет дочерей? – спрашивала я у отца. – Неужели они не хотят, чтобы те учились?

Наша директриса, госпожа Мариам, была выпускницей Санготы, там училась ее младшая сестра Айша. После уничтожения Санготы Айша и еще несколько девочек перешли в нашу школу. Расходы, которых требовала школа, по-прежнему превышали доходы. Но хотя новые девочки исправно вносили плату за обучение, на этот раз отец вовсе не радовался увеличению числа учениц. Он обращался во всевозможные инстанции, требуя восстановления обеих разрушенных школ. Как-то раз, выступая перед большой аудиторией, отец взял на руки крохотную девочку, которую привел с собой кто-то из слушателей, и провозгласил:

– Эта девочка – наше будущее! Неужели вы хотите, чтобы она выросла неграмотной?

Собравшиеся возбужденно загудели. Никто не хотел, чтобы их дочери лишились права на образование.

Новенькие, поступившие в нашу школу, рассказывали жуткие истории. Айша сообщила, что однажды, возвращаясь из Санготы домой, она увидела талиба, который держал за волосы отрубленную голову полицейского. Из рассеченной шеи капала кровь. Все новенькие девочки хорошо учились, так что соревнование в нашем классе стало еще более жестким. Одна из них, Рида, отлично произносила речи. Мы с Монибой очень

подружились с ней, но дружба втроем дает множество поводов для ревности, и порой мы бурно выясняли отношения. Мониба всегда приносила в школу еду и только одну лишнюю вилку.

– Для кого эта вилка? – с обидой спрашивала я. – Кто твоя лучшая подруга, я или Рида?

– Вы обе мои лучшие подруги, – со смехом отвечала она.

К концу 2008 года талибы уничтожили около 400 школ, в Пакистане было сформировано новое правительство, возглавляемое президентом Асифом Зардари, мужем убитой Беназир Бхутто. Но создавалось впечатление, что ситуация в долине Сват правительство совершенно не волнует. В своих интервью я часто повторяла, что дела обстояли бы иначе, если бы дочери президента Зардари учились в одной из сватских школ. Террористы-смертники устраивали взрывы по всей стране. В воздух взлетел даже отель «Мариотт» в Исламабаде.

Что касается долины Сват, то обстановка в Мингоре была более спокойной, чем в отдаленных районах. Поэтому многие наши родственники перебрались из деревни в город и поселились у нас. Наш маленький дом теперь был переполнен до отказа. Из страха перед талибами мы, дети, не могли, как прежде, играть в крикет на улице или на крыше дома. Все, что нам оставалось, – играть во дворе в шарики. Мы с братом Хушалем постоянно дрались, а после он с плачем бежал жаловаться маме. Признаюсь честно, мы с ним никогда не были друзьями.

Мне нравилось делать себе разные прически. Часами я торчала в ванной перед зеркалом и подражала актрисам, которых видела в кино, пытаясь придать своему взгляду то нежность, то задумчивость, то страстность. До тех пор пока мне не исполнилось девять лет, мама стригла меня коротко, как мальчика, чтобы в волосах не заводились вши. К тому же короткие волосы куда проще мыть и расчесывать. Но в конце концов мама вняла моим мольбам и разрешила мне отрастить волосы до плеч. Я гордилась тем, что волосы у меня густые и волнистые – у Монибы, например, они были совершенно прямые, – и укладывала их локонами или заплетала в косы.

– Что ты так долго делаешь в ванной, пишо? – сердилась мама. – Ты не думаешь о том, что она может понадобиться нашим гостям? Почему все должны тебя ждать?

Самые тяжелые времена настали в Рамадан 2008 года. Рамадан – это месяц поста, во время которого правоверные мусульмане не должны есть и пить до захода солнца. Талибы уничтожили городскую электростанцию, так что нам пришлось обходиться без электричества. Несколько дней спустя они взорвали газопровод, и мы остались без газа. Стоимость газовых

баллонов, которые мы покупали на базаре, увеличилась вдвое. Теперь маме приходилось готовить на костре, так, как делают в деревнях. Мама не жаловалась – семью нужно был кормить в любых условиях, и она это делала. К тому же другим приходилось еще хуже, чем нам. Самая серьезная проблема состояла в отсутствии чистой питьевой воды. В городе вспыхнула холера, унесшая множество жизней. Больницы не справлялись с наплывом пациентов, которых приходилось размещать в палатках на улице.

Отец купил генератор, но установил его не дома, а в школе. Генератор качал из артезианской скважины чистую воду, за которой в школу приходили все окрестные жители. Каждый день на улице выстраивалась очередь с кувшинами, бутылками и бидонами. Некоторых соседей это очень пугало.

– Вы очень рискуете! – говорили они отцу. – Если талибы узнают, что в Рамадан вы разрешаете набирать воду при дневном свете, нам всем придет конец!

– Какая разница, от чего умереть – от жажды или от талибской пули? – отвечал на это отец. – По-моему, медленная смерть от жажды намного мучительнее.

Счастливые времена, когда мы ездили на школьные экскурсии и устраивали пикники, теперь казались сном. После заката никто не решался выходить из дома. Террористы взорвали даже лыжный подъемник в одном из больших отелей в Малам-Джабба, где останавливались иностранные туристы. Райский уголок, которым прежде была долина Сват, превратился в ад, от которого иностранцы старались держаться подальше.

В конце 2008 года заместитель Фазлуллы, маулана Шах Дауран, объявил по радио, что в самом скором времени все школы для девочек будут закрыты. После 15 января ни одна девочка не должна ходить в школу, предупредил он. Поначалу я решила, что это шутка.

– Как талибы могут запретить нам ходить в школу? – спрашивала я отца. – Не настолько они сильны. Не могут же они установить караулы на всех дорогах.

Но другие девочки не разделяли моего оптимизма.

– Талибы способны на все, – говорили они. – Они уже взорвали сотни школ, и никто не сумел их остановить.

Мой отец повторял, что учителя в долине Сват будут учить детей до тех пор, пока будет цела последняя школа, жив последний учитель и последний ребенок. О том, чтобы я добровольно прекратила занятия, у нас дома даже и речь не заходила. Мы, дети, любили нашу школу, но не сознавали всей важности образования до тех пор, пока талибы не решили

запретить нам учиться. Только тогда мы поняли, что, слушая учителей и выполняя их задания, мы не только интересно проводим время, а обеспечиваем себе будущее.

Зима выдалась снежная. Мы лепили во дворе снежных медведей, но это не доставляло нам такой радости, как прежде. Зимой талибы обычно скрывались в горах. Но мы знали, они скоро появятся, хотя и не представляли, чего от них ждать. Несмотря ни на что, мы верили, что будем учиться. Талибы могли сжечь наши книги, взорвать школьные здания, но они не могли запретить нам думать.

12. Кровавая площадь

Тела убитых по ночам свозили на площадь, чтобы утром люди могли увидеть их по пути на работу. К телам обычно прикрепляли таблички, на которых было написано что-нибудь вроде «Так будет со всеми армейскими шпионами» или «Не трогай этот труп до 11 часов утра, иначе ты будешь следующим». Порой по ночам, когда талибы творили произвол, ощущались подземные толчки. Природные бедствия, соединяясь с человеческими злодеяниями, усиливали ужас, в котором пребывали люди.

В январе 2009 года холодной зимней ночью талибы убили танцовщицу по имени Шабана. Она жила в Мингоре, на узкой улице Барн Базар, где обычно селились танцовщики и музыканты. По словам ее отца, поздно вечером, после комендантского часа, несколько человек постучали в дверь дома Шабаны. Они попросили ее потанцевать для них. Она переоделась в костюм для танцев, а когда снова вышла к гостям, они наставили нее дула пистолетов. Люди слышали, как она кричала:

– Прошу вас, пощадите! Обещаю, что больше никогда не буду ни петь, ни танцевать! Ради Аллаха, не убивайте меня! Я женщина, я мусульманка! Что я вам сделала?

Ответом ей был грохот выстрелов. На следующее утро изрешеченное пулями тело девушки лежало на площади Грин Човк. Трупы появлялись там так часто, что эту площадь стали называть Кровавой.

Мы узнали о смерти Шабаны утром. Выступая по Радио Мулла, Фазлулла заявил, что эта женщина заслужила смерть за свое аморальное поведение и что всех прочих танцовщиц и певиц ждет такая же участь. Прежде мы гордились своими музыкантами и танцорами, но теперь почти все они покинули Сват, перебравшись в Лахор или Дубай. Музыканты также стали давать объявления в газетах о том, что они перестали выступать и ведут благочестивый образ жизни, чтобы успокоить талибов.

Прежде люди говорили о безнравственности Шабаны, но таковы наши мужчины: им нравилось смотреть, как она танцует, и при этом они считали себя вправе презирать ее за то, что она танцовщица. Дочь хана никогда не выйдет замуж за сына брадобрея, а сыну брадобрея не суждено жениться на дочери хана. Мы, пуштуны, любим хорошую обувь, но не уважаем сапожников. Любим красивые шали и одеяла, но пренебрежительно относимся к ткачам. Представители многих ремесел, необходимых людям, не пользуются в нашем обществе

уважением. Может быть, именно поэтому они охотно присоединялись к движению Талибан, которое обеспечивало им власть и социальный статус.

Убийство Шабаны, представительницы презираемой профессии, не вызвало в городе никакого возмущения. Некоторые даже утверждали, что это убийство – благое дело. Возможно, они говорили так из страха перед талибами, возможно, действительно так думали.

– Шабана не была хорошей мусульманкой, – говорили они. – Она была скверной женщиной, и она заслужила смерть.

Не могу сказать, что день, когда мы узнали об убийстве Шабаны, был особенно тягостным. Все дни тогда были черными, каждый час казался самым тяжелым. Трагические известия поступали со всех сторон. Убийства, взорванные школы, публичные порки. Конца всему этому не предвиделось. Через пару недель после убийства Шабаны в Матте был убит учитель, вся вина которого состояла в том, что он отказался носить штаны до лодыжек, какие носили талибы. Этого не требует ислам, заявил он. Боевики повесили учителя и застрелили его старого отца.

Я никак не могла понять, чего хотят добиться талибы.

– Они оскорбляют нашу религию, – повторяла я во всех своих интервью. – Сможете ли вы поверить человеку, который приставит дуло пистолета к вашей голове и заявит, что ислам – единственная истинная религия? Если они хотят, чтобы все люди в мире приняли мусульманство, почему бы им самим для начала не стать хорошими мусульманами?

Отец постоянно приходил домой бледный, с трясущимися руками и рассказывал, что стал свидетелем очередного кошмара или же слышал жуткие рассказы. Тут и там на городских улицах выставляли отрубленные головы полицейских. Даже те жители долины, которые первоначально принимали Фазлуллу с восторгом, отдавали ему и его людям деньги и драгоценности, считая талибов защитниками ислама, теперь с ужасом взирали на их деяния. Отец рассказывал мне о женщине, которая щедро жертвовала деньги талибам, пока муж ее работал за границей. Когда он вернулся и обнаружил, что жена отдала боевикам не только деньги, которые он посылал домой, но и все свои украшения, его ярости не было предела. Как-то раз в деревне, где они жили, раздался взрыв. Женщина заплакала от страха.

– Не плачь, – сказал ей муж. – Это грохочут твои серьги и кольца. Наверное, сейчас настанет черед браслетов и ожерелий.

И все же мало кто осмеливался открыто выступать против Талибана. Ишан уль-Хак Хаккани, политический соперник моего отца во времена учебы в колледже, ныне стал известным

журналистом и работал в Исламабаде. Он организовал конференцию, посвященную ситуации в долине Сват. Ни один из юристов и общественных деятелей Свата не согласился выступить на этой конференции. Приглашение принял только мой отец и несколько журналистов. Казалось, люди уверены, что талибы пришли навсегда, бороться с ними бесполезно и самое разумное, что можно сейчас сделать, – попытаться приспособиться к их власти.

– Самый надежный способ защититься от талибов – примкнуть к ним, – говорили в народе.

Поэтому многие молодые люди вступали в движение Талибан. Впрочем, иногда у них не было выбора. Талибы врывались в дома, требовали у хозяев денег на покупку оружия, а если денег не было, забирали их сыновей. Многие богатые люди бежали за границу, а бедным приходилось идти на все, чтобы выжить. Семьи, где отцы работали в шахтах или странах Персидского залива, остались совершенно беззащитными, и их сыновья были для талибов особенно легкой добычей.

Опасность подбиралась все ближе. Как-то Ахмед Шах получил письмо, в котором неизвестные люди угрожали убить его. После этого он поехал в Исламабад, рассчитывая привлечь внимание властей к тому, что творится в нашей долине. Самым страшным было то, что люди перестали доверять друг другу. Некоторые даже с подозрением косились на моего отца.

– Каждый день кого-нибудь убивают, а Зияуддин до сих пор жив, хотя он открыто ругает талибов! – говорили они. – Наверняка он их тайный агент!

На самом деле отец получал множество угроз, но скрывал это от нас. Он был так занят, входил в такое количество организаций и комитетов, что часто приходил домой за полночь. Отец постоянно ждал, что талибы придут за ним, и, чтобы не подвергать нас риску, иногда ночевал в доме одного из своих друзей. Мысль о том, что его убьют на наших глазах, была для отца невыносима. Я не смыкала глаз до тех пор, пока он не возвращался. После этого я сама запирала ворота. Когда отец был дома, мама приставляла лестницу к стене на заднем дворе, чтобы в случае опасности отец мог перебраться на другую улицу. Отца подобная предосторожность только смешила.

– Может, наш маленький Атал, шустрый, как белка, и смог бы проделать подобный трюк, но мне вряд ли это под силу! – говорил он.

Мы с мамой постоянно строили планы действий на случай прихода талибов. Мама пробовала класть под подушку нож, но вскоре поняла, что вряд ли сумеет пустить его в действие. Тогда

мы решили, что я выскользну в туалет и позвоню в полицию. Братья подумывали прорыть под домом туннель. Я мечтала о волшебной палочке, одного взмаха которой было бы достаточно, чтобы уничтожить незваных гостей.

Однажды я увидела, что мой маленький братишка Атал копает землю в саду.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Рою могилу, – ответил он.

Со всех сторон поступало столько известий о смертях и убийствах, что даже маленькие дети думали о гробах и могилах. Раньше дети играли в «полицейские и воры», теперь – в «талибы и солдаты». Палки изображали автоматы Калашникова, пустые бутылки – бомбы; если взрослые беспрестанно убивали друг друга, детям оставалось лишь подражать им.

Защищать нас было некому. Уполномоченный по делам долины Сват Сейд Джавид сам стал талибом – выступал на их митингах и молился в их мечети. Одной из основных мишеней, по которым наносили удар талибы, были неправительственные организации, которые они объявили анти-исламскими. Когда члены таких организаций получали письма с угрозами и отправлялись к Сейду Джавиду с просьбой о защите, он и слушать их не желал. Как-то раз на митинге мой отец спросил его напрямую:

– Кого вы представляете? Фазлуллу или наше правительство?

Есть такая арабская поговорка: «Народ следует за своим правителем». Если верховные власти присоединяются к талибам, люди вынуждены принять произвол как норму.

В Пакистане любят везде и всюду искать заговоры, и в ту пору имело хождение множество подобных теорий. Некоторые люди считали, что правительство тайно поддерживает Талибан. Армии никак не удается изгнать талибов из долины Сват лишь потому, что она следует секретному распоряжению не делать этого. Корень зла – в американцах и в их желании использовать наши воздушные базы, утверждали сторонники этой теории. Пока в долине Сват хозяйничают талибы, правительство может отказывать американцам в помощи, мотивируя это тем, что у Пакистана достаточно внутренних проблем. Американцы, как известно, упрекают власти нашей страны в недостаточно активной борьбе с терроризмом. Поэтому беспредел талибов вдвойне выгоден правительству: чем сильнее разгул терроризма, тем более беспочвенными выглядят обвинения Америки. «Вы утверждаете, что мы тратим ваши деньги на помощь террористам вместо того, чтобы бороться с ними? – вопрошают власти. – Какой абсурд! Разве вы не видите, что мы сами стали мишенью их атак!»

– Талибан, несомненно, пользуется тайной поддержкой каких-то невидимых нам сил, – считал мой отец. – Но все это слишком сложно, и сколько ни пытайся решить эту головоломку, она становится лишь более запутанной.

В 2008 году правительство даже выпустило из тюремного заключения муфтия Суфи Мухаммеда, основателя ТНШМ. Считалось, что он придерживается более умеренных взглядов, чем его зять Фазлулла. Теперь, когда он был на свободе, появилась надежда, что он достигнет с правительством соглашения о том, что в долине Сват будут установлены законы шариата. Многие, в том числе и мой отец, верили, что после этого террор Талибана прекратится. Конечно, талибы не исчезнут, но если в долине будет действовать шариат, им больше не за что будет сражаться. Боевикам придется сложить оружие и стать обычными людьми. А если они этого не сделают, говорил отец, всем станет ясно, что на самом деле они борются вовсе не за чистоту ислама.

Армейские подразделения по-прежнему располагались в горах, окружающих Мингору. Ночью мы не могли заснуть из-за грохота автоматных очередей. Они смолкали минут на десять-пятнадцать, и только мы начинали дремать, как стрельба возобновлялась. Напрасно мы затыкали уши и прятали головы под подушки – выстрелы раздавались слишком близко. А утром, включив телевизор, мы узнавали о новых жертвах талибов. Естественно, у всех возникал вопрос, что же делает армия. К чему вся эта пальба, если правительственные войска не в состоянии даже прекратить ежедневное вещание Радио Мулла.

И армия, и Талибан вели активные действия. Иногда их блокпосты располагались на одной и той же дороге в километре друг от друга. Они останавливали мирных жителей, но, казалось, не знали о существовании друг друга. В это невозможно поверить, но это было именно так. Никто не мог понять, почему они избегают открытой схватки. Люди говорили, что армия и талибы – это две стороны одной медали. А мы, простые жители долины, подобны зернам, оказавшимся между жерновами водяной мельницы. Мой отец сознавал это, но все же не собирался прекращать борьбу. Он был готов стоять до конца.

Когда я слышала автоматные очереди, сердце мое сжималось от страха. Тем не менее я даже не думала бросать школу. Но страх имеет огромную власть над человеческими душами. Страх делает нас жестокими и заставляет ненавидеть других людей. Талибы, залив нашу долину кровью, разрушили и традиционные пуштунские ценности, и ценности ислама.

Я пыталась отвлечься от мрачной действительности, читая книгу американского физика Стивена Хокинга «Краткая история

времени». Там давались ответы на очень важные вопросы: как была создана Вселенная, способно ли время течь вспять. Мне исполнилось тогда всего одиннадцать лет, и идея повернуть время вспять представлялась мне невероятно заманчивой.

Мы, пуштуны, знаем – железо мести никогда не ржавеет. За все злые деяния рано или поздно придется нести ответ. «Но когда час расплаты настанет для талибов?» – этим вопросом задавались все вокруг.

13. Дневник Гюль Макай

В те мрачные дни отцу позвонил его друг Абдул Хай Какар, корреспондент радио Би-би-си в Пешаваре. Ему нужна была учительница или девочка-школьница, которая вела бы в Интернете блог, рассказывающий о жизни при талибском режиме. Такой дневник мог бы показать, как обычные люди воспринимают произошедшую в долине Сват катастрофу. Поначалу Айша, младшая сестра госпожи Мариам, согласилась вести блог, но ее отец запретил ей это делать, не желая, чтобы дочь подвергала себя риску.

Когда до меня дошли разговоры о блоге, я спросила:

– Почему бы этим не заняться мне?

Я хотела рассказать людям о том, что происходит в нашей долине. Хотела отстаивать свое право на образование. Каждый человек имеет право учиться, точно так же, как каждый имеет право петь, говорила я. Ислам предоставил нам это право. В Священном Коране говорится о том, что мы должны стяжать знания и постигать загадки бытия. А это означает, что все мальчики и девочки должны ходить в школу.

Никогда прежде я не вела дневника и не представляла, как за это взяться. Дома у нас был компьютер, он часто не работал из-за перебоев с электричеством, к тому же мало где в Мингоре имелся доступ к Интернету. Решено было, что Хай Какар будет звонить мне каждый вечер на мамин мобильный телефон. Он подозревал, что его телефонные разговоры прослушиваются разведкой, и, чтобы не подвергать нашу семью риску, пользовался телефоном своей жены. Во время разговора он задавал мне вопросы о том, как прошел день, просил рассказывать ему какие-нибудь забавные случаи из школьной жизни и делиться своими мечтами. Обычно наши телефонные беседы длились минут тридцать-сорок. Говорили мы на урду, хотя оба были пуштунами. Но блог должен был вестись на урду, и Хай Какар хотел делать записи с моих слов как можно более точными. Раз в неделю мои рассказы, записанные Хай Какаром, появлялись на пакистанском сайте радиостанции Би-би-си. Хай Какар рассказал мне об Анне Франк, тринадцатилетней еврейской девочке, которая во время Второй мировой войны вместе со своей семьей скрывалась от нацистов в Амстердаме. Она вела дневник, рассказывая не только о событиях каждого дня, но и о собственных чувствах и переживаниях. Это очень грустная история, ведь в конце концов семью Анны Франк выдали нацистам и все они были арестованы. Анна умерла в концентрационном лагере, когда ей было всего пятнадцать лет.

Позднее ее дневник был опубликован и произвел на читателей огромное впечатление.

Хай Какар сказал, что использовать мое настоящее имя слишком опасно, поэтому дневник будет выходить под именем Гюль Макай, что означает «василек». Так звали одну из героинь пуштунского фольклора. Ее жизнь похожа на историю Ромео и Джульетты. Гюль Макай и юноша по имени Муса Хан встретились в школе и полюбили друг друга. Но они принадлежали к различным племенам, и их любовь стала причиной войны. Тем не менее в отличие от шекспировской трагедии финал нашей истории был благополучным. Гюль Макай с помощью Корана доказала старейшинам, что война – это зло. Они вняли словам юной девушки, прекратили междоусобицу и позволили влюбленным соединиться.

Первая запись в моем блоге появилась 3 января 2009 года под заголовком «Мне страшно».

«Всю ночь под гул талибских и военных вертолетов мне снились кошмары. Они не оставляют меня в покое с тех пор, как в долине Сват начались военные действия», – говорилось там.

Я рассказывала о том, что боюсь ходить в школу и, идя по улице, постоянно оглядываюсь по сторонам. Описывала случай, произошедший со мной по пути из школы домой.

«Какой-то человек за моей спиной произнес: „Я тебя убью“. Я пошла быстрее. Через некоторое время я осмелилась обернуться, чтобы узнать, преследует ли он меня. К своему великому облегчению, я увидела, что он разговаривает по мобильному телефону. Значит, он собирался убить не меня, а кого-то другого».

Впервые увидев свой рассказ в Интернете, я была потрясена. Поначалу я испытывала некоторую скованность, но вскоре поняла, чего ждет от меня Хай Какар, и стала беседовать с ним более доверительно и открыто. Ему нравилось, когда я делюсь с ним своими чувствами и тем, что он называл моими «мудрыми рассуждениями». И разумеется, его интересовала ежедневная жизнь нашей семьи под гнетом талибского режима.

Центром моего существования была школа и, естественно, я больше всего рассказывала о ней. Мне очень нравилась наша голубая форма, но теперь носить ее стало опасно. Мы одевались как можно неприметнее и прятали книги под шалями. Одна из записей в моем блоге так и называлась: «Не носите яркую одежду». Там я рассказывала, как однажды, собираясь утром в школу, уже надевала форму, но вспомнила советы учителей и надела скромное будничное платье.

Нередко в моем дневнике заходила речь о парандже. Маленькие девочки обожают надевать на себя паранджу,

изображая взрослых. Но когда ты вырастаешь и тебя насильно заставляют носить этот душный футляр, это совсем другое дело. К тому же в чадре ужасно трудно ходить! В одной из записей в своем блоге я рассказывала о случае, произошедшем со мной, моей мамой и двоюродным братом на Китайском базаре:

«Нам рассказали, что вчера женщина, завернутая в паранджу, как в кокон, споткнулась и упала. Когда мужчина хотел помочь ей встать, она ответила:

– Не надо, брат. Я готова помучиться, лишь бы доставить удовольствие *маулане* Фазлулле.

Когда мы вошли в магазин, хозяин со смехом спросил, не спрятаны ли у нас под паранджами бомбы. В этом была лишь доля шутки, ведь террористы-смертники обоих полов очень часто надевают паранджи».

В школе ходило множество разговоров о моем дневнике. Одна из учениц даже распечатала его и показала моему отцу.

– Хорошо, что кто-то решился рассказать о наших проблемах, – с улыбкой сказал он.

Мне очень хотелось рассказать всем своим знакомым, что автор блога – я. Но Хай Какар предупредил меня, что делать это ни в кем случае не следует. Я не понимала почему. Ведь я – всего лишь маленькая девочка. Неужели кто-то будет мстить ребенку? Но некоторые мои подруги стали узнавать события и происшествия, описанные в блоге. Да и я сама почти открыла секрет, сообщив в одном из выпусков:

«Моей маме очень нравится мой псевдоним Гюль Макай, и она говорит отцу, что меня надо переименовать. Я не против, тем более что мое настоящее имя означает „погруженная в печаль“».

Блог Гюль Макай вызвал интерес далеко за пределами долины Сват. Некоторые газеты публиковали выдержки из него. Радиостанция Би-би-си даже сделала передачу на его основе, используя голос другой девочки. Я все больше убеждалась в том, что слово может быть сильнее автоматов, вертолетов и танков. Мы учились бороться. Учились понимать, что, открыто выражая протест, обретаем могущество.

Некоторые из наших учителей прекратили работать в школе. Один заявил, что маулана Фазлулла приказал ему работать на строительстве штаб-квартиры Талибана в Имам-Дери. Другой сказал, что по дороге в школу видел обезглавленный труп и больше не хочет подвергать собственную жизнь опасности. Страх подчинял людей своей власти. Наши соседи рассказывали, что, согласно распоряжению талибов, людям, у которых есть незамужние дочери, следует сообщать об этом в мечети. Талибы

сами будут выдавать девушек замуж, возможно, за своих боевиков.

К началу января 2009 года в моем классе, прежде насчитывавшем двадцать семь учениц, осталось всего десять девочек. Многие мои подруги уехали из долины Сват, чтобы получить образование в Пешаваре. Но мой отец твердо заявил, что мы никуда не уедем.

– Сват так много дал всем нам, – говорил он. – И в эти тяжелые дни мы не должны бросать нашу долину на произвол судьбы.

Как-то вечером мы были в гостях у друга отца, доктора Афзала, который руководил крупной клиникой. После ужина доктор предложил отвезти нас домой на своей машине. По обеим сторонам дороги выстроилась цепь талибов в масках и с автоматами. Конечно, все мы испугались. Клиника, которой руководил доктор Афзал, находилась в районе, захваченном талибами. Из-за комендантского часа и постоянной стрельбы клиника не могла нормально работать, и доктор решил перевести ее в Барикот. Жители района протестовали против этого. Пресс-секретарь талибов Муслим Хан позвонил доктору и попросил его вернуть клинику на прежнее место, обещая поддержку и защиту. Доктор Афзал попросил совета у моего отца, и тот ответил:

– Не верь в добрые обещания дурных людей.

Доктор и сам понимал, что на покровительство талибов полагаться не стоит, и не отступился от своего решения перевести клинику в другой район.

Доктор Афзал жил недалеко от нас, и поэтому, когда он доставил нас домой, отец сказал, что теперь проводит своего друга к его дому. Отец не хотел оставлять доктора без поддержки, если машину остановят талибы.

– Как мы представимся патрульным? – нервно спросил доктор Афзал, когда они двинулись в обратный путь.

– Доктор Афзал и Зияуддин Юсуфзай, как же еще, – пожал плечами отец. – Зачем нам врать? Мы не сделали ничего дурного. Чужими именами называются только преступники.

К счастью, талибы куда-то исчезли. Когда отец позвонил и сказал, что они с доктором Афзалом благополучно добрались до его дома, мы все облегченно выдохнули.

Я ни за что не хотела сдаваться. Но черный день, после которого все девочки должны были бросить школу, неумолимо приближался. Я не представляла, как в XXI веке кто-то может запретить учиться 50 000 пакистанских девочек. Наверняка что-то произойдет, и школы для девочек будут работать по-прежнему, надеялась я. Мы решили, что звонок школы Хушаль замолкнет

последним. Госпожа Мариам, директор школы для девочек, специально вышла замуж, чтобы иметь возможность остаться в долине Сват. Дело в том, что ее семья переехала в Карачи, более спокойный район, а она, будучи женщиной, не могла жить одна.

И все же в среду, 14 января, моя школа была закрыта. Проснувшись утром, я увидела в своей комнате телевизионные камеры. Пакистанский журналист по имени Ирфан Ашраф следовал за мной по пятам, даже когда я читала молитвы и чистила зубы.

Отец очень нервничал и переживал, что подвергает меня риску. Один из друзей убедил его сняться в документальном фильме, который будет размещен на сайте «Нью-Йорк таймс» и расскажет всему миру о произволе сватских талибов. За несколько недель до этого мы встретились в Пешаваре с американским журналистом Адамом Элликом. Во время этой встречи произошел забавный случай. Сначала Эллик взял у отца длинное интервью по-английски. Я все это время молчала. Потом он начал беседовать со мной, в качестве переводчика используя Ирфана. Минут через десять он понял по выражению моего лица, что я прекрасно понимаю его вопросы без переводчика.

– Ты говоришь по-английски? – спросил он меня.

– Да, говорю, но боюсь в этом признаться, – ответила я.

Адам был поражен.

– Удивительные вы люди! – сказал он моему отцу и Ирфану. – Эта девочка говорит по-английски лучше вас обоих, а вы зачем-то скрываете это и работаете для нее переводчиками.

Все мы расхохотались.

Идея фильма состояла в том, чтобы запечатлеть, как мой отец проведет день закрытия школы. Но когда встреча близилась к концу, Ирфан обратился ко мне.

– Что ты будешь делать, если не сможешь вернуться в свою долину и ходить в школу? – спросил он.

Я ответила, что этого никогда не случится. Но он убеждал меня в том, что подобный поворот событий весьма вероятен. Тогда я расплакалась. Наверное, именно в тот момент Адам решил, что главной героиней фильма должна стать я.

Поехать в долину Сват Адам не мог, потому что для иностранца это было слишком опасно. Когда Ирфан и его оператор прибыли в Мингору, мой дядя, живущий в нашем доме, принялся убеждать нас отказаться от этой затеи, говоря, что это слишком опасно. Отец понимал, что мы подвергаем себя риску, и просил журналистов спрятать камеры. Но, так или иначе, отступать было уже поздно. Журналисты проделали длинный путь, а пуштуны никогда не нарушают обычай гостеприимства. К

тому же отец верил в то, что наш долг – открыть миру правду о том, что творится в нашей долине. Друзья убедили его, что фильм о девочке, лишенной возможности учиться, будет иметь несравненно больший резонанс, чем рассказ о переживаниях взрослого человека.

К тому времени я успела дать множество телевизионных интервью. Мне так нравилось выступать перед камерами, что мои друзья дразнили меня «телезвездой». Но жить под прицелом камеры мне прежде не приходилось.

– Держись как можно естественнее, – твердил Ирфан.

Но следовать этому совету оказалось совсем не просто. Я показала свою школьную форму, которую больше не могла носить. Рассказала о том, что по дороге в школу ужасно боюсь встречи с талибами. В Афганистане они плескали кислотой в лицо девочкам-школьницам, и мне страшно было подумать, что подобное может случиться со мной.

В то последнее школьное утро перед началом занятий мы устроили собрание, но голоса заглушал шум вертолетов. Все выступавшие возмущались беспределом талибов. В последний раз прозвенел школьный звонок, и госпожа Мариам объявила, что начинаются зимние каникулы. Но в отличие от прошлых лет не было объявлено, когда занятия возобновятся. Несмотря на это, некоторые учителя дали нам домашнее задание. В школьном дворе я обнялась и простилась со своими одноклассницами. Взглянула на доску почета и с грустью подумала о том, появится ли на ней вновь мое имя. В марте мы должны были сдавать экзамены, но состоятся ли они? Стать первой ученицей в классе невозможно, если тебя лишили права учиться. Только когда мы что-то теряем, мы понимаем, как это было для нас важно.

Прежде чем закрыть за собой школьную дверь, я оглянулась, словно прощаясь со школой навсегда. Мне и моим одноклассницам не хотелось, чтобы последний школьный день закончился, поэтому мы не спешили расходиться. Вместо того чтобы идти домой, мы отправились во двор начальной школы, где было больше места для игр и беготни, и принялись играть в манго-манго. Участники этой игры встают в круг и поют, а когда пение смолкает, все должны замереть. Тот, кто пошевелится или засмеется, выбывает.

Обычно мы уходили из школы около часу дня, но в тот день задержались до трех. Прежде чем уйти, мы с Монибой поспорили из-за какой-то ерунды. Сейчас я даже не могу вспомнить, из-за чего именно. Все остальные девочки смотрели на нас с удивлением:

– Охота вам ссориться в такой день!

Они были правы. Ссориться напоследок было ужасно глупо.

– Никто не сможет запретить мне учиться, – сказала я журналистам, вернувшись домой. – Даже если мою школу закроют, я все равно получу образование. Но мы надеемся, что люди во всем мире помогут нам спасти наши школы, спасти долину Сват, спасти Пакистан.

После этого я пошла в свою комнату и залилась слезами. Мысль о том, что я больше никогда не пойду в школу, была для меня невыносима. Мне было всего одиннадцать лет, но мне казалось, что я потеряла все. Прежде я надеялась, что талибы не выполнят своих угроз, и убеждала в этом своих одноклассниц.

– Они такие же, как наши политики, – редко переходят от слов к делу, – говорила я.

Теперь, когда наша школа была закрыта, я не представляла, что делать дальше. Оставалось только плакать. Мама не могла меня утешить и плакала вместе со мной, а отец повторял:

– Ты обязательно будешь ходить в школу.

Для отца закрытие школы означало потерю не только дела, которому он отдал всю жизнь, но и источника дохода. Конечно, школа для мальчиков должна была открыться после зимних каникул. Но отец понимал, что теперь, когда он лишился школы для девочек, ему будет трудно свести концы с концами. Количество учеников сократилось вдвое, и отец не представлял, как найти деньги на зарплату учителям, оплату аренды и счетов.

Той ночью я часто просыпалась от грохота артиллерии. Проснувшись утром, я сразу же вспомнила, что сегодня мне некуда идти. Но настроение мое уже не было таким унылым. Из самой безнадежной ситуации всегда найдется выход, решила я. Может, я уеду в Пешавар или за границу. Может, учителя будут приходить к нам домой и тайно заниматься со мной и с моими подругами – я знала, что в Афганистане при режиме Талибана существовало множество подпольных школ. В первые дни после закрытия школы я выступила на многих телевизионных каналах и радиостанциях.

– Они могут запретить девочкам ходить в школу, но не могут запретить получать знания, – заявляла я.

В словах моих звучала надежда, но в сердце жила тревога. Мы с отцом поехали в Пешавар, чтобы рассказать людям о нашей беде. Талибы – странные люди, говорила я. Они утверждают, что для женщин необходимы учителя и врачи женского пола, и закрывают школы, тем самым закрывая девочкам путь к этим профессиям.

Как-то раз Муслим Хан, спикер Талибана, сказал, что пакистанские девочки не должны ходить в школу и усваивать

западный образ жизни. Странно было слышать подобное заявление из уст человека, который много лет прожил в Америке. Он заявлял, что создаст собственную систему образования.

– Интересно, что Муслим Хан будет использовать вместо стетоскопа и термометра? – иронизировал мой отец. – Может, он придумает для лечения мусульман особые восточные инструменты?

Талибы выступали против образования, потому что были убеждены – если человек говорит по-английски, изучает естественные науки или просто умеет читать, он обязательно проникнется западной отравой.

– Образование – это всего лишь образование, – возражала на это я. – Оно не может быть восточным или западным. Стать образованным человеком вовсе не означает отказаться от ислама.

Мама советовала мне закрывать лицо, разговаривая с журналистами. Я была уже подростком, следовательно, не должна была появляться на людях. Мама очень за меня беспокоилась, но ничего мне не запрещала. То было время тревог и страхов. Все наши друзья считали, что талибы могут убить моего отца, но на меня не поднимут руку.

– Малала еще совсем ребенок, – говорили они. – Даже талибы еще не дошли до того, чтобы воевать с детьми.

Правда, моя бабушка не разделяла этой уверенности. Всякий раз, когда она видела меня по телевизору, она молилась:

– Всемилостивый Аллах, пусть Малала будет такой же достойной женщиной, как Беназир Бхутто, но проживет не такую короткую жизнь.

После того как нашу школу закрыли, я продолжала вести свой блог. В течение нескольких дней было закрыто еще пять школ. Все они были взорваны.

«Не могу в это поверить, – писала я. – Зачем понадобилось взрывать школы после того, как они были закрыты? Теперь школ для девочек в нашей долине не осталось. Армия ничего не сделала для того, чтобы этому помешать. Солдаты бездействуют, сидя в своих бункерах. Они занимаются тем, что убивают козлят и набивают свои желудки мясом».

В блоге я рассказала также о публичных телесных наказаниях людей, неугодных талибам. О том, что провинившиеся будут высечены плетьми, было заранее объявлено по Радио Мулла, и посмотреть на порку собралась целая толпа. Что касается полиции, ее нигде не было видно.

Как-то раз нам домой позвонила из Америки студентка Стенфордского университета. Ее звали Шиза Шахид, и она была родом из Исламабада. Она увидела на сайте «Нью-Йорк таймс»

фильм «Последний учебный день в долине Сват» и решила связаться с нашей семьей и выразить свою поддержку. После этого звонка мы убедились, какой великой силой обладают средства массовой информации. Звонок Шизы Шахид очень нас вдохновил. Отец буквально сиял от гордости.

– Посмотри только на мою дочь! – говорил он Адаму Эллику. – Она такая маленькая, а ее уже знает весь мир!

Я была чуть жива от смущения, слушая эти похвалы. Ослепленные гордостью отцы часто не замечают, что ставят своих детей в неловкое положение.

Адам отвез нас с отцом и братьями в Исламабад. Я впервые оказалась в столице Пакистана. Исламабад – красивый город с широкими улицами и изящными белыми домами, но, конечно, он лишен великолепных видов природы, которыми поражает долина Сват. Я своими глазами увидела Красную мечеть, подвергшуюся осаде, широкий проспект Конституции, ведущий к зданию парламента, украшенному белыми колоннами, и президентский дворец, где жил теперь Асиф Зардари. Генерал Мушарраф был выслан из нашей страны и поселился в Лондоне.

Мы прошлись по магазинам, я накупила учебников, а Адам купил мне несколько DVD с американскими телевизионными сериалами, такими как «Дурнушка Бетти», фильм о полной девушке с добрым сердцем. Я буквально влюбилась в эту героиню и стала мечтать о том, что когда-нибудь приеду в Нью-Йорк и, как Бетти, буду работать в журнале мод. Мы посетили музей Лок Вирса, радуясь возможности снова встретиться с нашим национальным наследием. Все музеи в долине Сват к тому времени были закрыты. На ступеньках музея какой-то старик продавал попкорн. Узнав в нем пуштуна, отец спросил, откуда он родом – из Исламабада или из других мест.

– Неужели ты думаешь, что Исламабад когда-либо принадлежал пуштунам? – вздохнул старик и сообщил, что он родом из Мохманда, города, расположенного на территории племен. Военный конфликт, вспыхнувший в тех местах, заставил его бежать. Отец слушал его рассказ со слезами на глазах.

Многие здания в Исламабаде окружали высокие бетонные ограды, на улицах было устроено множество контрольно-пропускных пунктов – мера предосторожности, направленная против террористов-смертников. На обратном пути автобус, в котором мы ехали, сильно тряхнуло на неровной дороге. Мой брат Хушаль моментально проснулся и испуганно спросил:

– Это взрыв?

В те дни наша повседневная жизнь была насквозь пропитана страхом. От любого резкого звука или толчка мы вздрагивали,

как от выстрела или взрыва.

Хотя поездка в Исламабад была короткой, она позволила нам на время забыть о проблемах, которые ждали нас дома. Но стоило нам вернуться в Мингору, угрозы и трудности обступили нас плотным кольцом. И все же долина Сват оставалась нашим домом, и мы не собирались этот дом покидать.

Войдя в свою комнату, я первым делом открыла шкаф и бросила грустный взгляд на школьную сумку и форму. Сердце мое сжалось. Счастливые дни отдыха остались позади, жестокая реальность вновь вступала в свои права.

14. Призрачное перемирие

Школа для мальчиков открылась после зимних каникул, но мой брат Хушаль сообщил, что хочет остаться дома, как я. Я ужасно рассердилась.

– Ты даже не представляешь, как тебе повезло!

Лишившись школы, я не представляла, чем заполнить свои дни. У нас даже телевизора не было – во время нашей поездки в Исламабад его украли, причем воры воспользовались той самой лестницей, которую мама держала у задней стены на случай вторжения талибов.

Кто-то подарил мне «Алхимика» Пауло Коэльо, историю юноши-пастуха, который совершает длительное путешествие в поисках сокровища, не догадываясь о том, что сокровище ждет его дома. Книга так мне понравилась, что я перечитала ее множество раз. «Если ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось», – говорилось в ней. Не думаю, что Пауло Коэльо когда-нибудь сталкивался с талибами или нашими беспомощными политиками.

Я не знала, что Хай Какар ведет секретные переговоры с Фазлуллой и его полевыми командирами. Он познакомился с ними, когда брал у них интервью, и теперь пытался убедить их снять запрет с образования для девочек.

– Послушайте, маулана, – говорил он Фазлулле. – Вы убивали людей, вы резали их, как скот, рубили им головы. Вы закрывали школы и взрывали их. До сих пор весь Пакистан молча смотрел на ваши черные деяния. Но когда вы запретили девочкам учиться, это переполнило чашу терпения. Даже пакистанские средства массовой информации, которые до сих пор относились к вам очень лояльно, выступили против этого.

Под давлением общественного мнения Фазлулла пошел на уступку: он разрешил учиться девочкам, которым еще не исполнилось десяти лет. Теперь многие девочки притворялись, что они младше, чем на самом деле. Мы снова начали ходить в школу. Правда, форму мы по-прежнему не носили, а книги прятали под шалями. Конечно, мы шли на риск, но упустить возможность заниматься мы не могли. К нашей великой радости, госпожа Мариам, несмотря на угрозы, нашла в себе мужество вернуться на работу. Она знала моего отца много лет, познакомилась с ним, когда ей было десять, и между ними царило полное доверие. Когда на собраниях отец говорил слишком долго, а это случалось нередко, она всегда делала ему знак, что пора заканчивать.

– Подпольная школа – это наш молчаливый протест, – говорила госпожа Мариам.

В своем блоге я ничего не писала о том, что мы возобновили занятия. Если бы талибы узнали об этом, они положили бы учению конец, а нас убили бы, как танцовщицу Шабану. Некоторые люди боятся привидений, другие – пауков или змей. Но, как это ни печально, наиболее реальную опасность для человека представляют другие люди.

По пути в школу я иногда встречала талибов – бородатых, с длинными грязными волосами. Как правило, они закрывали лица черными платками. Их угрюмый вид наводил ужас. Улицы Мингоры опустели, треть жителей покинула долину. Отец говорил, нельзя упрекать людей за то, что они спасаются бегством, ведь правительство не оказывало нам никакой реальной помощи. Численность правительственных войск – 12 000 человек – как минимум в четыре раза превышала численность отрядов Талибана. К тому же в распоряжении армии были танки, вертолеты и новейшие виды оружия. Тем не менее 70 % территории долины Сват находилось под контролем талибов.

Через неделю после того, как в школе возобновились занятия, 16 февраля 2009 года, ночью нас разбудил грохот выстрелов. У пуштунов есть обычай на свадьбах и в честь рождения детей устраивать пальбу из винтовок, но в последнее время про этот обычай забыли. Поначалу мы испугались, а потом до нас дошла новость. Оказывается, пальбу открыли в честь важного события: между движением Талибан и правительством провинции Хайбер-Пахтунхва было заключено мирное соглашение. Правительство принимало на себя обязательство внедрить на территории долины Сват законы шариата, а боевики Талибана должны были прекратить военные действия. Талибы согласились на десятидневное перемирие и в качестве жеста доброй воли отпустили китайского инженера, специалиста по телефонным коммуникациям, которого похитили полгода назад.

Разумеется, мы были счастливы – мы с отцом всегда выступали за мирное соглашение, – но опасались, что условия договора не будут соблюдаться. Люди в расчете на то, что Талибан прекратит свои бесчинства и позволит им вести нормальную жизнь, возвращались домой. Все надеялись, что шариат, учрежденный в долине Сват, будет отличаться от афганского варианта, что мы обойдемся без полиции нравов и вновь откроем школы для девочек. Долина Сват останется прежней, убеждали себя люди, лишь система правосудия у нас будет другой. Я хотела в это верить, но не могла избавиться от тревожных подозрений.

– Ведь ясно же, что всякая система зависит от людей, которые контролируют ее работу, – рассуждала я. – А кто эти люди? Талибы.

Трудно было поверить, что все наши бедствия остались в прошлом. Талибы лишили жизни более одной тысячи простых людей и полицейских. Они взрывали мосты, закрывали школы и предприятия. Благодаря им женщины превратились в затворниц. Правосудие в нашей долине практически отсутствовало, решения, принимаемые публичным судом, были поистине варварскими. Все мы жили в состоянии постоянного страха. А теперь нам обещали, что весь этот кошмар прекратится.

За завтраком я сказала братьям, что сейчас наступил мир и, значит, они должны прекратить играть в войну. Как всегда, они меня не послушались и принялись за любимую игру. Хушаль схватил игрушечный вертолет, Атал – пластмассовый пистолет. Один во всю глотку орал «Огонь!», другой – «Занять позиции!». Я, не обращая на них внимания, пошла к себе и достала из шкафа школьную форму. «Неужели я смогу снова носить ее открыто? – думала я. – Неужели я снова возьмусь за учебники, а в марте буду сдавать экзамены?»

Радостное возбуждение длилось недолго. Два дня спустя на крыше отеля «Тадж Махал» я давала интервью известному журналисту по имени Хамид Мир, когда пришла печальная новость об убийстве другого тележурналиста. Его звали Муса Хан Хел, и он часто брал интервью у моего отца. В тот день он вел репортаж о марше мира, возглавляемом Суфи Мухаммедом. На самом деле это был вовсе не марш, а проезд длинной вереницы машин. Труп Мусы Хана был найден поблизости от улицы, где завершилась эта акция. Тело было изрешечено пулями, горло перерезано. Мусе Хану было двадцать восемь лет.

Мама была так расстроена, узнав о его гибели, что проплакала всю ночь. Надежды на то, что мирный договор положит конец насилию и жестокости, не оправдались. Мама боялась, что наши упования на спокойную жизнь окажутся иллюзией.

Несколько дней спустя, 22 февраля, уполномоченный по делам долины Сват Джавид Сейд объявил в пресс-клубе Мингоры о «полном прекращении огня». Он призывал всех жителей, покинувших долину Сват, вернуться домой. Спикер Талибана Муслим Хан подтвердил, что боевики согласны на прекращение военных действий. Президент Зардари подписал мирное соглашение, придав ему законную силу. Правительство обязалось выплатить денежную компенсацию семьям жертв Талибана.

Весь Сват ликовал, но я была особенно счастлива – теперь

можно было не сомневаться, что школы для девочек откроются вновь. Талибы заявили, что девочки смогут ходить в школу, но только с закрытыми лицами и в длинных покрывалах. Против этого никто не стал спорить – в конце концов, главным для нас было продолжить обучение.

Надо сказать, у мирного соглашения нашлись противники. Американцы, узнав о нем, пришли в ярость.

– Я полагаю, что правительство Пакистана капитулировало перед представителями движения Талибан и экстремистами, – заявила Хиллари Клинтон, государственный секретарь США.

Американцы утверждали, что мирный договор является свидетельством бессилия правительства. Пакистанская газета «Dawn» опубликовала редакторскую статью, где мирный договор назывался «зловещим свидетельством того, что от государства можно добиться любых уступок, творя произвол и насилие».

Но противники договора никогда не жили в долине Сват. Они не понимали, что нам необходим мир любой ценой. И если мир принес седобородый муфтий по имени Суфи Мухаммед, люди не могли не радоваться этому. Он устроил в Дире «мирный лагерь», а сам восседал в знаменитой мечети Таблиг Марказ как повелитель этих краев. Суфи Мухаммед являлся гарантом того, что талибы сложат оружие и в долину вернется покой. Многие люди приходили, чтобы выразить свое почтение и поцеловать его руку. Все слишком устали от войны и акций террористов-смертников.

В марте я прекратила вести свой блог, так как Хай Какар решил, что в этом больше нет необходимости. Но к нашему великому разочарованию, ситуация в долине Сват почти не изменилась. Произвол талибов только усилился. Они считали, что получили от государства санкцию на терроризм. Все наши надежды развеялись. Мирный договор оказался миражом. Талибы, вооруженные до зубов, патрулировали улицы и дороги, словно правительственные войска.

Талибские патрули расхаживали и по Китайскому базару. Как-то раз мама пошла за покупками вместе с одной из моих двоюродных сестер, которая собиралась замуж и хотела купить себе обновки к свадьбе. Какой-то боевик преградил им путь и сказал:

– Женщины должны носить паранджи, а не только шали! Сестры, если я еще раз увижу вас на улице без паранджей, я вас высеку.

Но мою маму не так просто испугать.

– Хорошо, мы обязательно будем носить паранджи, – спокойно сказала она, и талиб отпустил их.

Мама всегда ходила с покрытой головой, но носить паранджу – не в обычаях пуштунов.

До нас дошли слухи о том, что талибы избили владельца магазина, который продал помаду женщине, пришедшей без сопровождения мужчины.

– Над входом на базар висит плакат, где говорится, что женщины могут приходить сюда только в сопровождении родственников-мужчин, – заявили талибы. – Ты нарушил закон, и ты за это поплатишься.

Они били этого несчастного на глазах у множества людей, и никто за него не вступился.

Как-то раз отец показал мне видео, записанное на мобильный телефон. Это была шокирующая сцена. Девочка-подросток в паранджа и красных брюках лежала на земле лицом вниз, а какой-то бородатый мужчина в черном тюрбане сек ее плетью.

– Прошу, пощадите! – умоляла она на пушту сквозь слезы и стоны. – Во имя Аллаха, прекратите! Я сейчас умру!

Но талиб продолжал ее сечь, обращаясь к своим товарищам:

– Держите ее крепче, держите ей руки!

В какой-то момент паранджа с девочки слетела, и талибы прервали экзекуцию, чтобы вернуть ее на место. После этого порка продолжилась. Они нанесли девочке тридцать четыре удара. Вокруг стояла толпа. Никто ничего не сказал. Одна из женщин, родственница несчастной, даже помогала держать девочке руки.

За несколько дней этот ролик посмотрела чуть ли не вся страна. Одна женщина, режиссер из Исламабада, несколько раз показала его по пакистанскому телевидению, а вскоре кошмарную сцену увидел весь мир. Люди были потрясены. Бурная реакция, которую вызвало видео, доказала – до сих пор за пределами нашей долины мало кто представлял, какого размаха достиг беспредел талибов. Премьер-министр Пакистана Юсуф Реза Гилани потребовал, чтобы по факту незаконной экзекуции было проведено расследование. Он заявил, что истязание, которому подвергли девочку, противоречит исламу.

– Ислам учит нас кротко обращаться с женщинами, – сказал он.

Некоторые люди называли видеозапись фальшивкой. Другие утверждали, что девочку избили в январе, до того, как было принято мирное соглашение. Видео выпустили в свет именно сейчас, чтобы опорочить талибов, говорили они. Но Муслим Хан подтвердил, что запись подлинная.

– Эта женщина вышла из дома с мужчиной, который не являлся ее родственником, – заявил он. – Мы должны были ее

наказать. Она перешла границу, которую нельзя переходить.

Примерно в это же время, в начале апреля, еще один известный журналист по имени Захид Хуссейн приехал в Сват. Он посетил уполномоченного по делам долины в его официальной резиденции и стал свидетелем торжественного приема, где присутствовали многие лидеры движения Талибан, включая Муслима Хана и даже Факира Мухаммеда, командира боевиков в Баджауре, где между талибами и армией постоянно происходили кровопролитные столкновения. За голову Факира правительством была назначена награда в 200 000 долларов, тем не менее он восседал за столом в доме официального лица как почетный гость. По слухам, некоторые армейские командиры посещали моления, проводимые *мауланой* Фазлуллой.

– Нельзя держать два меча в одних ножнах, – говорил один из друзей моего отца. – На одной земле не бывает двух правителей. Кто заправляет делами в Свате – правительство или Фазлулла?

Но мы все же верили, что мир и покой в конце концов придут в нашу долину. Все с нетерпением ждали 20 апреля – на этот день был назначен публичный митинг, на котором Суфи Мухаммед намеревался обратиться к жителям Свата.

В то утро мы все были дома. Отец с братьями стояли во дворе, когда по улице прошла группа подростков-талибов, из их мобильников неслись боевые песни.

– Посмотри только на этих отморозков, аба, – сказал Хушаль. – Будь у меня автомат Калашникова, я бы их всех перестрелял.

Был чудесный весенний день. Все были взволнованы, все надеялись – Суфи Мухаммед объявит, что талибам не за что больше сражаться, и прикажет им сложить оружие. Отец решил не ходить на митинг. Он наблюдал за происходящим с крыши школы, принадлежавшей его другу Ахмеду Шаху. Отец и его друзья часто собирались там по вечерам. С крыши хорошо было видно площадь, где происходил митинг, поэтому некоторые телеканалы установили там свои камеры.

На площади собралась огромная толпа, около 40 000 человек. Все были в тюрбанах, все пели талибские песни и песни, воспевающие джихад.

– Сразу было видно, что собрались сторонники Талибана, – рассказывал отец.

Прогрессивные люди, такие как отец и его друзья, не любили подобных песен. Они считали их отравой для человеческих душ, особенно в жестокие времена, подобные нынешним.

Суфи Мухаммед восседал на специально устроенном помосте. Огромное количество людей, желающих выразить ему свое

почтение, выстроилось в очередь. Митинг начался с чтения суры Победы из Священного Корана. Затем последовали речи лидеров, представляющих пять округов нашей долины – Кохистан, Малаканд, Шангла, Верхний Дир и Нижний Дир. Все они были полны энтузиазма, каждый надеялся стать амиром (правителем) своего района и заявлял о том, что готов взять на себя ответственность за внедрение норм шариата. Позднее все эти лидеры были убиты или оказались в тюремном заключении, но тогда они мечтали о власти. Поэтому каждый напускал на себя такую значимость, словно был Пророком, да пребудет с ним мир, только что завоевавшим Мекку. Впрочем, его речь после победы была проникнута смирением и всепрощением, а не воинствующей жестокостью.

Наконец настала очередь Суфи Мухаммеда. Этот дряхлый человек не был хорошим оратором, тем не менее речь его длилась сорок пять минут. Многие его заявления казались такими неожиданными, словно его устами говорил какой-то другой человек. Пакистанскую систему судопроизводства он объявил не отвечающей законам ислама.

– Неверные стремятся внедрить у нас демократию по западному образцу, – сказал он. – Но демократия и выборы абсолютно не совместимы с исламом.

Об образовании Суфи Мухаммед не сказал ни слова. Он не призвал талибов сложить оружие и положить конец насилию. Вместо этого он принялся угрожать всей нации.

– Подождите, скоро мы придем в Исламабад, – провозгласил он.

Мы были ошеломлены. Вместо того чтобы затушить пламя войны, Суфи Мухаммед подлил в него масла. Люди чувствовали себя обманутыми.

– Что наговорил этот дьявол? – спрашивали они. – Мир ему явно не нужен. Он намерен и дальше проливать кровь.

Моя мама выразилась точнее всех.

– У этого человека был шанс стать героем и войти в историю, но он упустил этот шанс, – сказала она.

Если до митинга все мы были охвачены радостным возбуждением, то после него погрузились в уныние.

Вечером отец выступил на телеканале «Geo» и сказал Камрану Хану, что надежды жителей долины Сват жестоко обмануты. Суфи Мухаммед не сделал того, что должен был сделать. Люди ждали от него призыва к миру и согласию, а он призывал к войне и насилию.

У людей имелись разные версии произошедшего. Некоторые полагали, что старик Суфи Мухаммед выжил из ума. Другие

считали, что его заставили произнести такую речь.

– Наверняка ему сказали: если ты не выступишь так, как нужно нам, террористы-смертники не оставят мокрого места ни от тебя самого, ни от тех, кто собрался на митинг, – говорили они.

Вид у Суфи Мухаммеда был очень растерянный и подавленный, утверждали эти люди. Всякому ясно, считали они, старый муфтий оказался марионеткой в руках неких тайных сил. «Какая разница, – думала я, слушая все эти домыслы. – Произвол талибов будет продолжаться, и это единственное, что имеет значение».

Отец выступал на множестве собраний и симпозиумов, посвященных нашим проблемам. На одном из таких симпозиумов министр информации нашей провинции заявил, что в усилении движения Талибан виновато правительство, которое готовило боевиков и отправляло их в Афганистан, где они сражались сначала с русскими, а потом с американцами.

– Если бы мы не вложили оружие в руки учащихся медресе, призвав их сражаться с иностранцами, долина Сват не тонула бы сейчас в крови, – сказал он.

Вскоре стало ясно, что американцы оценивали сложившуюся у нас ситуацию совершенно верно. Талибы были уверены, что правительство Пакистана капитулировало, признав их силу, и теперь они могут беспрепятственно творить все, что им заблагорассудится. Они устремились в Бунер, район, расположенный к юго-востоку от долины Сват, всего в ста километрах от Исламабада. Жители Бунера никогда не поддерживали Талибан, но местные власти приказали им не сопротивляться. При виде вооруженных боевиков полицейские покинули свои посты, заявив, что талибы «многократно превосходят их силой» и сражаться с ними бессмысленно. Во всех округах талибы учреждали суды шариата. По радио транслировались проповеди из мечетей, в которых молодежь призывали вступить в ряды истинных защитников ислама.

Захватив Бунер, они принялись творить там такой же беспредел, как и в долине Сват, – сжигали телевизоры, компьютеры, картины, громили магазины CD и DVD. Они даже взяли под контроль гробницы местных святых, которые испокон веков являлись местом паломничества. Люди приходили туда, чтобы испросить у Аллаха духовного руководства, исцеления недугов, счастья в браке для своих детей. Но талибы закрыли доступ к святыне.

По мере того как талибы продвигались в сторону столицы, люди, живущие в нижних районах Пакистана, тревожились все

сильнее. Все смотрели видеозапись истязания девочки и спрашивали себя: «Неужели мы хотим, чтобы так было во всем Пакистане?» Боевики убили Беназир Бхутто, взорвали лучший в стране отель, закрыли сотни школ. Тысячи людей погибли в результате терактов, устроенных террористами-смертниками. Неужели этого мало для того, чтобы армия и правительство оказали им решительное сопротивление?

В Вашингтоне правительство президента Обамы объявило, что посылает в Афганистан войска численностью 21 000 человек для свержения режима, установленного движением Талибан. Но создавалось впечатление, что положение дел в Пакистане тревожит американцев даже больше, чем афганский вопрос. Разумеется, дело было не в том, что девочки вроде меня не могли нормально учиться. 200 ядерных боеголовок, которые могли оказаться в руках талибов, – вот что волновало американцев. Они начали угрожать, что прекратят помощь Пакистану, на которую ежегодно затрачивались миллиарды долларов, и пошлют в нашу страну войска.

В начале мая армия начала операцию по изгнанию талибов из долины Сват, получившую название «Истинный путь». До нас доносились слухи о том, что сотни солдат были с помощью вертолетов заброшены в горы на севере долины. В Мингору тоже вошли дополнительные войска. На этот раз они были полны решимости очистить город от боевиков. Было объявлено, что мирным жителям в целях безопасности следует покинуть долину.

Отец заявил, что мы останемся. Но грохот орудий не давал нам спать по ночам. Мы жили в постоянном напряжении. Как-то ночью нас разбудил пронзительный визг. У нас не так давно появились домашние животные – три цыпленка и белый кролик, которого Хушалю подарили друзья. Все они свободно разгуливали по дому. Аталу, моему младшему брату, было всего пять лет, и он очень привязался к кролику, который обычно спал под кроватью родителей. Но зверек повсюду гадил, поэтому ночью мы выпускали его во двор. Как-то в полночь во двор забежала кошка и схватила кролика. Мы услышали его предсмертное верещание, но не успели его спасти. Атал был безутешен.

– Я поквитаюсь с этой проклятой кошкой, – твердил он. – Ей не жить на этой земле.

Это звучало как страшная клятва.

15. Разлука с долиной

Разлука с долиной стала самым тяжким испытанием из всех, что мне довелось вынести. Помню, бабушка часто повторяла тапа, которая гласила: «Ни один пуштун не покинет свою землю по доброй воле. Оставить родные края его могут вынудить только любовь или нужда». Но нас вынудила к переезду третья причина, о которой не имел понятия автор тапа, – беспредел талибов.

Когда настал день расставания, мне казалось, что сердце мое от тоски разорвется на части. Стоя на крыше нашего дома, я смотрела на заснеженную вершину горы Элум, куда Александр Македонский поднялся, чтобы коснуться рукой Юпитера. Смотрела на деревья, уже покрывшиеся густой листвой. При мысли о том, что в этом году плоды нашего абрикосового дерева съест кто-то другой, я едва не расплакалась. Вокруг стояла такая тишина, что, кажется, упади иголка, было бы слышно. Ветер не доносил шума реки, и даже птицы замолкли.

Неужели я больше никогда не вернусь в родной дом, спрашивала я себя, и глаза мне застилали слезы. Когда снимался документальный фильм с моим участием, журналист спросил меня, сильно ли я буду переживать, если мне придется навсегда покинуть долину Сват. Тогда вопрос показался мне глупым. Но теперь то, что прежде представлялось невероятным, стало реальностью. Я думала, что моя школа не закроется, несмотря ни на что, но она все же закрылась. Я думала, что мы никогда не покинем родную долину, но нам пришлось это сделать. Конечно, я надеялась, что Сват будет освобожден от талибов и мы сможем вернуться. Но вдруг это никогда не произойдет? Не в силах больше сдерживаться, я заплакала. Это словно послужило всем остальным сигналом. Жена моего двоюродного брата, Хони, тоже залилась слезами, и вскоре все мы рыдали в голос. Только мама оставалась спокойной и невозмутимой.

Я сложила в школьную сумку все свои книги и тетради, упаковала одежду. Мысли мои были заняты другим, поэтому я набила сумку вещами, которые плохо сочетались друг с другом. Ни фотографии, ни школьные награды я брать не стала. Нас должны были отвезти на чужой машине, и следовало ограничиться минимумом багажа. Ничего ценного у нашей семьи не было, ни золотых украшений, ни компьютеров. Телевизор, холодильник и стиральная машина – вот и все, что у нас имелось. Что такое роскошь, мы не представляли. Дома у нас не было даже стульев, потому что мы, пуштуны, предпочитаем сидеть на полу. По стенам дома расползались щели, а все тарелки и чашки были с

трещинками и щербинками.

Отец долго противился отъезду. Один из его друзей был убит случайной пулей. Несмотря на то что выходить на улицу было опасно, родители отправились в дом убитого, чтобы выразить сочувствие его родным и вознести заупокойные молитвы. Увидев горе семьи, потерявшей отца и мужа, мама исполнилась решимости уехать.

Она сказала отцу:

– Ты можешь оставаться, но я поеду в Шанглу и заберу с собой детей.

Мама знала, отец не отпустит ее одну с детьми. Она очень устала от автоматных очередей, тревог и страхов. Узнав, что доктор Афзал собирается уезжать, она попросила его поговорить с отцом и убедить его покинуть Мингору. Доктор и его семья предложили отвезти нас на своей машине. Места для всех там не хватило бы, но наши соседи, Сафина и ее родные, тоже уезжали. Кто-то из нас мог поехать с ними, кто-то – с доктором Афзалом.

5 мая 2009 года мы стали лицами, перемещенными внутри страны, – ЛПВС. Звучит как название болезни.

Семья наша была довольно многочисленной – помимо родителей, меня и двух моих братьев, в нашем доме жила бабушка, двоюродный брат, его жена Хони и их маленький ребенок. Братья хотели взять с собой своих любимцев – цыплят; мой цыпленок умер, потому что я зимой вымыла его в холодной воде. Когда он болел, я устроила ему теплое гнездо в коробке из-под обуви и просила за него молиться наших соседей, но все усилия оказались тщетными. Мама категорически запретила братьям брать цыплят. В дороге с ними слишком много хлопот, заявила она. Пожалуй, они еще загадят чужую машину. Атал предложил купить им подгузники. Но мама была неумолима, и мы оставили цыплят дома, снабдив их запасом воды и зерна. Мне мама велела оставить дома школьную сумку с учебниками. Я была безутешна. Прежде чем расстаться с книгами, я прочла над ними несколько стихов из Корана, которые должны были защитить их в мое отсутствие.

Наконец все было готово к отъезду. Мама, папа, бабушка, братья и Хони с ребенком втиснулись в машину доктора Афзала вместе с его женой и детьми. Старшие дети сидели на коленях у взрослых, младшие – на коленях у старших. Мне повезло, я ехала в машине родителей Сафины, где было несколько просторнее. Но я была так расстроена из-за школьной сумки, что не радовалась своему везению. Разлука с родным домом усугублялась разлукой с любимыми книгами.

Мы прочли несколько сур из Корана и особую молитву,

призванную защитить наши дома и школу. Отец Сафины нажал на газ, и мы двинулись по улице, покидая привычный мир и устремляясь в неизвестное. Никто не знал, доведется ли нам когда-нибудь вернуться в Мингору и какой она предстанет перед нами, если мы все же вернемся. В Баджауре правительственные войска, проводя операцию против боевиков, буквально стирали с лица земли целые деревни. Мы видели в газетах жуткие фотографии и боялись, что подобная участь постигнет Мингору.

На улицах яблоку было негде упасть. Никогда прежде я не видела такого скопления грузовиков, легковых машин, рикш, повозок, запряженных мулами. Все транспортные средства были до отказа набиты людьми и их пожитками. Некоторые семьи в полном составе ухитрялись уместиться на мотоцикле. Тысячи людей покидали дома без всякой поклажи, не захватив с собой даже лишней рубашки. Казалось, вся долина пришла в движение. Некоторые люди считают, что пуштуны ведут свое начало от одного из племен Израиля.

– Мы похожи на евреев, покидающих Египет, с той только разницей, что с нами нет мудрого предводителя Моисея, – сказал отец.

Покинуть Мингору можно несколькими путями, но большую часть этих дорог талибы заблокировали поваленными деревьями, и на единственном оставшемся шоссе возникла жуткая пробка. Люди шумели и волновались, точно океан. Вооруженные талибы патрулировали улицы и наблюдали за беженцами с крыш домов. На шоссе постоянно встречались талибские и армейские контрольно-пропускные пункты, стоявшие практически бок о бок. Армия снова делала вид, что не замечает присутствия боевиков.

– Наверное, у бедных солдатиков совсем плохое зрение, – пытались шутить мы. – Правительству следует выдать им очки.

Из-за заторов машина двигалась с черепашьей скоростью. Все мы обливались потом. Обычно путешествие на машине превращалось для нас, детей, в захватывающее приключение. Но на этот раз все было по-другому. Все пребывали в унынии.

В машине доктора Афзала мой отец давал интервью по мобильному телефону, комментируя «великий исход» местных жителей из долины. Мама боялась, что отца услышат боевики, и умоляла его говорить потише. Иногда мама шутила, что отцу, с его громким голосом, не нужны никакие телефоны. Его и так слышно на много километров вокруг.

Наконец мы оставили позади горный перевал Малаканд и покинули долину Сват. К концу дня мы оказались в Мардане, душном и многолюдном городе.

Отец убеждал всех, что через несколько дней мы вернемся

домой, к нормальной жизни. Но мы знали, что это не так.

В Мардане были уже устроены огромные палаточные лагеря – вроде тех, в которых жили афганские беженцы в Пешаваре. Мы не собирались останавливаться в таком лагере, да и места там все равно не хватило бы на всех. Сват покинуло почти два миллиона человек, и разместить их в палаточных лагерях было невозможно. Если бы даже для нашей семьи и нашлась там палатка, жить в ней было бы очень тяжело из-за невыносимой духоты. К тому же ходили упорные слухи о том, что лагеря являются рассадниками инфекционных болезней, таких как холера. Поговаривали даже, что талибы по ночам врываются в палатки и насилуют женщин.

Те, у кого за пределами долины Сват имелись родные и друзья, останавливались у них, другие устраивались у местных жителей. Как это ни удивительно, три четверти беженцев нашли приют в Мардане или в ближайшем к нему городе Сваби. Местные жители распахнули перед ними двери своих домов, школ и мечетей. Согласно нашим обычаям, женщина не может жить под одной крышей с мужчиной, который не является ее родственником. Чтобы не нарушать этот обычай, мужчины из семей, приютивших беженцев, на ночь уходили из своих домов. Это был впечатляющий пример пуштунского гостеприимства. Если бы беженцам приходилось полагаться только на помощь правительства, многие наверняка умерли бы от голода и болезней.

В Мардане у нас не было никаких родственников, поэтому мы собирались добраться до Шанглы – деревни, где жили наши родные. Для этого нужно было двигаться в противоположном направлении, но нам выбирать не приходилось, ведь для того, чтобы покинуть долину Сват, мы воспользовались помощью друзей.

Первую ночь мы провели в доме доктора Афзала. Утром отец попрощался с нами и отправился в Пешавар рассказать людям о происходящем. Он обещал, что присоединится к нам в Шангле. Мама изо всех сил пыталась убедить его поехать с нами, но отец стоял на своем. Он хотел, чтобы люди в Пешаваре и Исламабаде узнали о бездействии армии и об ужасающих условиях, в которых живут беженцы. Отец уехал, оставив нас в жуткой тревоге. Все мы боялись, что больше никогда его не увидим.

На следующий день мы на попутной машине добрались до Абботтабада, где жила семья моей бабушки. Там мы встретились с моим двоюродным братом Ханджи, который, как и мы, двигался на север. В Свате у него был хостел для юношей, и сейчас восемь постояльцев ехали вместе с ним на его микроавтобусе. Он предложил подвезти нас до Бешама, где нам предстояло найти

еще одну попутку.

На дорогах были такие пробки, что в Бешам мы приехали уже в сумерках. Ночь мы провели в дешевом грязном отеле. Утром двоюродный брат принялся искать попутную машину, которая отвезла бы нас в Шанглу. С нами тем временем произошел занятный случай. Какой-то мужчина подошел слишком близко к моей матери. Она сняла с ноги туфлю и несколько раз ударила его по голове, так что он пустился наутек. Удары были такими сильными, что у туфли треснула подметка. Я всегда знала, что мама – сильная и решительная женщина, но после этого стала относиться к ней с особым уважением.

Найти попутку не удалось, и двадцать пять километров, отделяющих Бешам от нашей деревни, нам пришлось пройти пешком, волоча на себе поклажу. На армейском контрольно-пропускном пункте нас остановили и велели поворачивать назад.

– Куда же нам идти? – недоумевали мы. – Наш дом – в Шангле.

Бабушка принялась плакать и сетовать на бедствия, которые выпали ей на старости лет. В конце концов военные сжалились и пропустили нас. Солдаты, вооруженные автоматами, были повсюду. Из-за комендантского часа и многочисленных контрольно-пропускных пунктов по дорогам разъезжали только военные машины. Мы очень боялись, что солдаты, не разобравшись, кто мы такие, пристрелят нас на всякий случай.

Наконец мы добрались до родной деревни. Родственники были изумлены, увидев нас. Все они были уверены, что талибы вернутся в Шанглу, и не могли понять, почему мы не остались в Мардане.

Мы остановились в родной деревне мамы, Каршате, в доме моего дяди Фаиза Мухаммеда. Одежды мы с собой захватили так мало, что нам пришлось носить вещи родственников. Одна из дядиных дочерей, Сумбул, была всего на год младше меня, и мы стали хорошими подругами. Когда мы устроились на новом месте, я начала ходить в школу. Чтобы не разлучаться с Сумбул, я пошла с ней в один класс, хотя могла бы учиться на класс старше. В классе было всего три ученицы – деревенские девочки-подростки в большинстве своем не ходили в школу. В школе не хватало места, чтобы выделить трем ученицам отдельную комнату, поэтому мы занимались вместе с мальчиками. Я отличалась от моих одноклассниц – во-первых, я не закрывала лицо, во-вторых, смело разговаривала с учителями и задавала им вопросы. Но я старалась быть скромной и вежливой и без конца повторяла: «Да, господин».

Путь до школы занимал полчаса, а так как я люблю поспать

по утрам, на второй день мы с Сумбул опоздали. Я была неприятно поражена, когда учитель наказал меня, ударив по ладони палкой. Но по крайней мере, это означало, что в школе меня признали своей и не собирались относиться ко мне по-особенному. Дядя давал мне карманные деньги, чтобы я покупала себе в школе еду на перекус. В отличие от Мингоры здесь не продавали ни чипсов, ни сладостей – только огурцы и дыни.

В день, когда состоялась церемония выдачи школьных наград, на которой присутствовали родители, многие мальчики произносили речи. Некоторые девочки тоже выступали, но не на публике. В классе был установлен микрофон, в который мы говорили, а наши речи транслировались в актовый зал. Но я привыкла к публичным выступлениям, поэтому смело вышла вперед и прочла перед всеми учениками и родителями наат, стихотворение, прославляющее Пророка, да пребудет с ним мир. После этого я спросила у учителя, могу ли я прочесть что-нибудь еще, и, когда он утвердительно кивнул, прочла еще одно стихотворение – о том, что осуществление наших заветных желаний требует упорного труда. «Только после тщательной огранки алмаз становится драгоценностью», – говорилось в этом стихотворении. После этого я рассказала о своей великой тезке, Малалай из Майванда, девушке, превосходившей целое войско силой и смелостью, героине, сумевшей при помощи нескольких слов поднять боевой дух своих соотечественников и вдохновить их на победу над британцами.

Люди, сидевшие в актовом зале, смотрели на меня с недоумением. Возможно, они сочли меня городской воображалой, которая перед ними выделывается. Возможно, удивлялись, что девочка вышла на публику с открытым лицом.

Мне нравилось проводить время с двоюродными братьями и сестрами, но я очень скучала по своим книгам. С тоской я вспоминала оставленную дома сумку, где лежали «Оливер Твист» и «Ромео и Джульетта», книги, которые я так и не успела прочитать, и DVD с моим любимым сериалом «Дурнушка Бетти». Впрочем, сейчас мы переживали не менее серьезную жизненную драму, чем те, что выпали на долю героев книг и фильмов. В нашу налаженную счастливую жизнь ворвалась злая сила, которая заставила нас бросить дом и пуститься в путь. Теперь нам оставалось только ждать счастливого конца. Я вздыхала по книгам, братья – по своим цыплятам.

По радио мы слышали, что правительственные войска начали операцию по очистке Мингоры от боевиков. Несколько воздушно-десантных частей высадилось в городе, на улицах Мингоры начались рукопашные бои. Отели и правительственные

учреждения талибы использовали в качестве бункеров. Через четыре дня армии удалось захватить три площади, включая Грин Човк, где талибы выставляли обезглавленные тела своих жертв. Вскоре правительственные войска захватили аэропорт, и через неделю весь город был в их руках.

Все мы очень беспокоились об отце. В Шангле мобильные телефоны практически не работали. Для того чтобы позвонить по мобильному, приходилось залезать на огромный валун, лежавший посреди поля. Но и здесь связь была очень плохой, и нам не удавалось толком поговорить с отцом. После того как мы провели в Шангле шесть недель, отец предложил нам перебраться в Пешавар, где он жил в одной комнате с тремя друзьями.

Я была счастлива увидеть отца вновь. Уже в полном составе наша семья отправилась в Исламабад. Там мы остановились у родителей Шизы, молодой девушки, звонившей нам из Стэнфорда. Вскоре стало известно, что Ричард Холбрук, американский посол в Пакистане и Афганистане, дает в отеле «Серена» пресс-конференцию, посвященную борьбе с Талибаном. Нам с отцом удалось на нее попасть.

Мы едва не опоздали, потому что я неправильно завела будильник. Отец очень сердился и по дороге почти со мной не разговаривал. Холбрук оказался грузным мужчиной с красным лицом и грубым резким голосом. Но люди утверждали, что благодаря его усилиям установился мир в Боснии. Я сидела неподалеку от него, и он спросил, сколько мне лет.

– Скоро будет двенадцать, – ответила я, встала и, стараясь держаться как можно солиднее, произнесла: – Уважаемый посол, прошу вас, помогите девочкам, живущим в нашей стране, получить образование.

Он рассмеялся.

– В вашей стране слишком много проблем, и мы не в состоянии их разрешить, – сказал он. – Мы тратим миллиарды долларов на экономическую помощь Пакистану. Вместе с вашим правительством мы работаем над тем, чтобы системы электро– и газоснабжения действовали у вас без перебоев. Но каждый новый день приносит новые проблемы.

Я дала интервью радиостанции, которая называлась «Power 99». Интервью очень понравилось сотрудникам радиостанции. Они сообщили нам, что в Абботтабаде у их станции есть гостевой дом, где мы можем пожить всей семьей. Мы провели там около недели. К своей великой радости, я узнала, что Мониба тоже в Абботтабаде, так же как и другие наши подруги и некоторые учителя. Мы с Монибой не разговаривали со дня нашей ссоры накануне отъезда из Мингоры. По телефону мы

договорились встретиться в парке. Я купила для нее печенья и бутылку пепси.

– Мы поссорились по твоей вине, – первым делом заявила она.

Я не стала спорить, потому что хотела сохранить дружбу, а не выяснять отношения.

Проведя неделю в гостевом доме, мы поехали в Харипур, где жила одна из моих теток. За четыре месяца мы уже в четвертый раз снимались с места. Я не сомневалась – переезжать из города в город лучше, чем жить в лагере для беженцев и часами стоять под палящим солнцем в очередях за водой и пищей. Но я очень скучала по нашей долине. В Харипуре я встретила свой двенадцатый день рождения. Все, даже отец, забыли об этом событии. Всем было не до того. Я с грустью вспоминала, как весело мы отмечали мой день рождения год назад. Дома устроили праздник, я задула свечи на торте и загадала желание. На этот раз ни торта, ни свечей не было, но самое заветное мое желание осталось прежним. Я хотела, чтобы в нашу долину вернулся мир.

Часть третья
Три девочки – три пули

О, Странник! Преклони голову на булыжную мостовую.

Это чужая земля – не город твоих королей!

سر د په لوړه تيګه کړه پردې وطن دې په کښې نشته بالختونه

16. Долина печали

Все происходящее казалось сном. Мы не были дома три месяца и вот теперь возвращались в родную долину. Когда мы миновали пик Черчилля, древние руины на холме, гигантскую Буддийскую ступу и увидели реку Сват, отец не смог сдержать слез. Вся долина находилась под контролем правительственных войск. Прежде чем мы добрались до перевала Малаканд, армейские патрули несколько раз проверили, нет ли в нашей машине взрывных устройств. Когда мы миновали перевал, выяснилось, что дорога, ведущая в долину, сплошь покрыта контрольно-пропускными пунктами. Солдаты, вооруженные автоматами, стояли на крышах почти всех домов.

Проезжая мимо деревень, мы видели разрушенные дома и сожженные машины. Все это напоминало старые фильмы о войне или видеоигры, столь любимые моим братом Хушалем. Въехав в Мингору, мы были ошеломлены. Во время операции по очистке города от талибов на улицах шли бои, и стены домов были испещрены выбоинами от пуль. Взорванные здания, которые талибы использовали в качестве укрытий, лежали в руинах. Повсюду валялись груды обломков, искореженного металла и сбитых вывесок. Витрины большинства магазинов были закрыты железными ставнями; этим магазинам удалось избежать разграбления. На безлюдных улицах царила тишина, словно город был поражен чумой. Странно было видеть совершенно пустой автовокзал, где всегда царила суета, теснились автобусы и рикши. Сквозь трещины на мостовой пробивалась трава. Я и представить не могла, что мой город может выглядеть подобным образом.

Но талибы исчезли, и это не могло не радовать.

Мы вернулись 24 июля 2009 года, через неделю после того, как наш премьер-министр объявил, что долина Сват освобождена от власти талибов. Он призвал жителей Свата возвращаться в свои дома, пообещав, что в самом скором времени в провинции будет восстановлено газоснабжение, откроются государственные учреждения и банки. Почти половина населения долины, насчитывающего 1,8 миллиона, покинула Сват. Судя по всему, в большинстве своем жители не верили, что могут вернуться домой, не подвергая себя опасности.

В полном молчании мы доехали до нашего дома. Даже мой маленький брат Атал, обычно болтавший без умолку, притих. Наш дом располагался около здания армейской штаб-квартиры, поэтому мы боялись, что он разрушен до основания. До нас

доходили слухи о том, что многие дома в Мингоре разграблены. Затаив дыхание, мы ждали, когда отец отопрет ворота. Войдя во двор, мы увидели, что за три месяца нашего отсутствия сад превратился в джунгли.

Братья поспешили проверить, живы ли их обожаемые цыплята, и вернулись, рыдая в голос. От цыплят осталось две кучки костей и перьев. Они умерли от голода.

Мне было очень жалко несчастных цыплят, но надо было проверить, целы ли мои собственные сокровища. К своей великой радости, я обнаружила, что сумку с книгами никто не тронул. Я возблагодарила Бога за то, что Он услышал мои молитвы и ответил на них. Благоговейно вынимая книги из сумки, я с любовью рассматривала каждую из них. Учебники по математике, физике, урду, английскому, пушту, химии, биологии, основам ислама, истории Пакистана. Наконец-то я снова смогу без страха ходить в школу.

Обессилев от пережитых волнений, я опустилась на кровать.

Нам крупно повезло, что наш дом уцелел. Несколько домов на нашей улице подверглись разграблению, мародеры забрали все, что хозяева не смогли увезти с собой, – телевизоры, холодильники, украшения. Наша соседка, мать моей подруги Сафины, поместила свои золотые украшения в банковский сейф, надеясь, что там они будут в безопасности. Но даже банки были разграблены.

Отец, охваченный беспокойством, отправился проверить, в каком состоянии находится здание школы. Я пошла с ним. В дом, стоявший напротив школы для девочек, попал снаряд, но сама школа снаружи была цела и невредима. Почему-то отец не смог открыть ворота своим ключом, и нам пришлось найти мальчика, который вскарабкался на стену, спрыгнул во двор и открыл ворота изнутри. Ожидая самого худшего, мы поднялись по ступенькам.

– Здесь кто-то похозяйничал, – сказал отец, когда мы вошли во внутренний двор.

Там царил жуткий беспорядок – стулья перевернуты, на полу валяются окурки, пустые коробки и пакеты из-под еды. Уезжая, отец снял вывеску с надписью «Школа Хушаль» и оставил ее во внутреннем дворе. Вывеска по-прежнему стояла, прислоненная к стене. Когда мы ее приподняли, я завизжала от ужаса. За деревянным щитом валялись гниющие головы козлят. Вероятно, это были остатки чьего-то обеда.

Мы обошли классы. Стены повсюду были исписаны антиталибскими лозунгами. Кто-то написал маркером на пластиковой доске «Армия Зиндабад» («Да здравствует армия!»).

Теперь мы поняли, что в нашей школе жили солдаты правительственных войск. Один из них написал похабное стихотворение в дневнике моей подруги, оставленном в классе. Пол был сплошь усеян гильзами. В стене солдаты пробили огромную дыру, в которую открывался вид на город. Мне было очень жаль, что наша любимая школа превратилась в казарму.

Внезапно раздался стук в дверь.

– Не открывай, Малала! – приказал отец.

В офисе отец обнаружил письмо, оставленное одним из армейских командиров. В этом письме жители Свата обвинялись в том, что не оказали сопротивления талибам и позволили им захватить власть в долине.

«За ваше равнодушие и трусость множество солдат расплатилось своими драгоценными жизнями, – говорилось в письме. – Да здравствует пакистанская армия!»

– Что ж, так и должно быть, – пожал плечами отец, прочтя это. – Сначала талибы соблазняли нас лживыми посулами, потом убивали. Теперь нас упрекают за то, что мы поддались соблазну и позволили себя убивать. Вся жизнь состоит из соблазнов, убийств и упреков.

В некоторых смыслах солдаты правительственной армии мало чем отличались от боевиков Талибана. Один из наших соседей видел, как военные выставили на всеобщее обозрение труп убитого талиба. Вертолеты, жужжавшие в небе подобно гигантским насекомым, действовали нам на нервы. Возвращаясь домой, мы старались держаться ближе к стенам, чтобы нас не заметили с воздуха.

Мы знали, что арестованы тысячи людей, в том числе и множество мальчиков-подростков, из которых боевики готовили террористов-смертников. Все они были направлены в особые лагеря, где должна была проводиться антиталибская пропаганда. Среди арестованных был наш учитель урду, который в свое время отказался заниматься с девочками, заявив, что его долг – помогать людям Фазлуллы строить свой центр и уничтожать магазины, торгующие CD и DVD.

Вождь Талибана по-прежнему находился на свободе. Армейские силы уничтожили его штаб-квартиру в Имам Дери и сообщили, что Фазлулла находится в окружении в горах Пешавара. Потом было объявлено, что Фазлулла тяжело ранен, а спикер талибов Муслим Хан арестован. Вскоре поступила новая информация, согласно которой Фазлулла бежал в Афганистан и скрывается в провинции Кунар. Некоторые утверждали, что Фазлулла схвачен, но армейское начальство и военная разведка не смогли прийти к согласию относительно его дальнейшей

участи. Армейские власти хотели заключить его в тюрьму, но руководство разведки настояло на том, чтобы отвезти его в Баджаур и позволить ему перейти афганскую границу.

Муслим Хан и полевой командир по имени Мехмуд были единственными лидерами Талибана, оказавшимися в заключении. Все прочие разгуливали на свободе. Зная о том, что Фазлулла жив и свободен, я боялась, что он вновь соберет боевиков и захватит власть. Иногда мне даже снились кошмары, в которых талибы возвращались в нашу долину. Но по крайней мере, Радио Мулла прекратило свое вещание.

Друг моего отца Ахмед Шах утверждал, что мир, установленный в нашей долине, не может быть долгим и прочным. Тем не менее люди постепенно возвращались в родные места. Сват – это самый прекрасный уголок земли, и тому, кто там родился и вырос, трудно жить за пределами родной долины.

Занятия в нашей школе возобновились 1 августа. Было невыразимо приятно снова услышать школьный звонок, подняться по знакомым ступенькам. Радость, которую я испытала при виде своих школьных подруг, невозможно описать. Все мы наперебой рассказывали друг другу о злоключениях, которые пережили в изгнании. Почти все мои одноклассницы нашли приют у родных и друзей, но некоторым пришлось жить в лагерях для беженцев. Мы понимали: нам очень повезло, что здание нашей школы уцелело. Многие дети были вынуждены учиться в палатках, потому что их школы превратились в груды развалин. Одна из моих подруг, Сундус, потеряла отца, который погиб в результате взрыва.

Похоже, теперь все в школе знали, что блог для сайта Би-би-си вела я. Правда, некоторые думали, что за меня это делал отец. Но госпожа Мариам, наш директор, заявила:

– Зачем кому-то вести блог за Малалу, когда она справилась с этим сама? Она не только прекрасно говорит, но и отлично пишет.

Но конечно, наши разговоры вертелись не только вокруг событий минувших месяцев. Шиза Шахид, наш друг из Исламабада, закончила обучение в Стэнфорде и пригласила двадцать семь девочек из школы Хушаль провести несколько дней в столице Пакистана. Она полагала, что новые впечатления, знакомство с достопримечательностями и музеями помогут быстрее залечить душевные травмы, нанесенные жизнью при талибском режиме. Из нашего класса поехали я, Мониба, Малка-и-Нур, Рида, Каришма и Сундус. Нас сопровождали мои родители и госпожа Мариам.

Наше путешествие началось в День независимости

Пакистана, 14 августа. Радостные и возбужденные, мы уселись в автобус. Большинство девочек впервые покинули долину, став беженцами. Но сейчас нас ожидало не изгнание, а веселые каникулы вроде тех, о которых мы читали в книжках. Мы остановились в гостевом доме. Помимо развлечений, мы принимали участие в многочисленных встречах и симпозиумах, рассказывая об испытаниях, которые выпали на нашу долю. Шиза была приятно удивлена тем, как непринужденно мы держимся и свободно говорим.

– Я думала, таких детей, как Малала, больше нет на свете, но в вашей школе все девочки похожи на нее! – сказала она моему отцу.

Мы с великим удовольствием гуляли в парке и слушали музыку. Большинству людей такие занятия представляются самыми обычными, но для нас, переживших талибский произвол, они были чем-то вроде политического протеста. Разумеется, мы знакомились с достопримечательностями столицы – посетили мечеть Фейсал у подножия холма Маргалла. Эта мечеть была построена на средства саудовских арабов, вложивших в нее миллионы рупий. Огромная, ослепительно-белая, она походила на гигантскую палатку, поддерживаемую четырьмя минаретами. Впервые в жизни мы побывали в театре, посмотрели английскую пьесу под названием «Том, Дик и Гарри», а после приняли участие в актерском мастер-классе. Мы ели в ресторанах и впервые в жизни посетили «Макдоналдс». Правда, я пропустила обед в китайском ресторане, потому что принимала участие в телевизионном шоу «Говорит столица». Так что блинами с мясом утки мои подруги лакомились без меня.

Разница между Мингорой и Исламабадом не менее разительна, чем между Исламабадом и Нью-Йорком. Шиза знакомила нас с женщинами, которые работали докторами и юристами. Общаясь с ними, мы понимали, что женщины могут заниматься самыми ответственными профессиями и при этом не порывать с культурой и традициями своей страны. Многие женщины на улицах не только не носили паранджу, но ходили с непокрытыми головами. Глядя на них, я тоже решила следовать современным веяниям и, приходя на собрания, снимала шаль. Тогда я не понимала, что непокрытая голова еще не делает женщину современной.

К концу недели, проведенной в столице, мы с Монибой в очередной раз поссорились. Она увидела, как я болтаю с девочкой из младшего класса, и заявила:

– Если ты дружишь с Решам, я буду дружить с Ридой!

Шиза хотела познакомить нас с влиятельными людьми.

В нашей стране реальное влияние имеют только те, кто связан с армией. Нам даже удалось получить приглашение на встречу с генералом Атаром Аббасом, пресс-секретарем пакистанской армии. Встреча была назначена в штаб-квартире армии в Равалпинди, городе, расположенном недалеко от Исламабада. Глаза у нас полезли на лоб от удивления, когда мы вошли в ворота и оказались на территории армейской штаб-квартиры. В отличие от всего остального города здесь царила безупречная чистота, зеленые лужайки были аккуратно подстрижены, клумбы радовали взгляд обилием цветов. Все деревья были одинаковой высоты, стволы их по непонятным нам причинам были окрашены белой краской. Внутри штаб-квартиры находились офисы со множеством мониторов во всю стену. Люди, сидевшие у этих мониторов, наблюдали, что транслируется по всем телевизионным каналам. Один из офицеров показал моему отцу толстую папку, где были собраны все упоминания об армии в сегодняшних газетах. Несомненно, в области связей с общественностью армия действовала намного более эффективно, чем наши политики.

Нас провели в просторный зал, куда должен был выйти генерал. На стенах висели фотографии военачальников – людей, которые обладали в Пакистане реальной властью. Среди них был генерал Мушарраф и жуткий Зия-уль-Хак. Слуга в белых перчатках подал нам чай, бисквиты и маленькие мясные самосы, которые буквально таяли во рту. Тут вошел генерал Аббас, и все присутствующие встали.

Он начал с рассказа о военной операции в долине Сват, которую назвал убедительной победой. Во время операции погибло 128 солдат правительственных войск и 1600 боевиков, сообщил он.

После того как генерал закончил свое выступление, участники встречи могли задавать ему вопросы. Нас предупредили, что вопросы следует подготовить заранее, и я подготовила целых восемь. Увидев мой список, Шиза рассмеялась и сказала, что генерал вряд ли станет отвечать на такое множество вопросов.

Я сидела в первом ряду, и мне выпала возможность первой задать свой вопрос.

– Два или три месяца назад нам сообщили, что Фазлулла тяжело ранен или даже убит. Потом – что он находится в Афганистане. Как ему удалось пересечь границу? – спросила я. – И если армия располагает информацией о его местонахождении, почему его не схватят?

Генерал отвечал минут десять, а то и пятнадцать и напустил

такого туману, что я ничего не смогла понять. Когда он закончил, я задала следующий вопрос.

– Когда будут ликвидированы разрушения, причиненные войной? – спросила я. – Мы надеемся, что армия поможет восстановить нормальную жизнь в нашей долине.

Мониба задала вопрос, который перекликался с моим.

– Кто заново построит разрушенные дома и школы? – спросила она.

На этот вопрос генерал ответил коротко, по-военному.

– За всякой операцией следует период выздоровления, потом – реабилитации. Не сомневаюсь, гражданские власти сделают все от них зависящее, чтобы долина Сват вернулась к нормальной жизни.

Все девочки говорили о том, что талибы должны предстать перед судом, но у жителей долины нет никакой уверенности в том, что это когда-нибудь произойдет.

В конце встречи генерал Аббас вручил нам свои визитные карточки и сказал, что мы можем обращаться к нему в любых затруднительных ситуациях.

В последний день своего пребывания в столице все мы выступали в Исламабад-Клубе, рассказывая о том, что пережили под властью талибов. Мониба не смогла сдержать слез во время своей речи, и, глядя на нее, многие слушатели тоже заплакали. Когда настала моя очередь, я решила выбрать более веселую тему. До тех пор пока мне не посчастливилось побывать в театре, я понятия не имела о том, что в Пакистане так много талантливых людей, сказала я.

– Теперь я понимаю, что нам ни к чему покупать индийские фильмы, – пошутила я. – Мы можем снимать свои, ничуть не хуже.

Замечательные каникулы быстро подошли к концу, но, окунувшись в иную жизнь, все мы воспряли духом. Возвращаясь в долину Сват, я была полна надежд. Оказавшись дома, я первым делом посадила во дворе зернышко манго. Плодами манго принято угощаться, когда заканчивается месяц поста Рамадан.

Тем временем у моего отца возникли серьезные проблемы. Пока мы были в изгнании и школа не работала, он, естественно, не получал с учеников никакой платы. Однако учителя рассчитывали, что он выплатит им жалованье за все это время. Общая сумма выплат превышала миллион рупий. Все прочие частные школы столкнулись со схожей проблемой. У некоторых владельцев имелись деньги на выплату одного жалованья, но большинству нечем было расплатиться со своими работниками. Между тем требования учителей становились все более

настойчивыми. Им необходимы были деньги на жизнь. Одна из учительниц, госпожа Хера, собиралась замуж и рассчитывала оплатить расходы на свадьбу из своего жалованья.

Отец не представлял, как выпутаться из этой затруднительной ситуации. Тут мы вспомнили про генерала Аббаса и его визитную карточку. В конце концов, именно из-за операции, проводимой армией, мы были вынуждены покинуть дом и остались без денег. Мы с госпожой Мариам отправили генералу по электронной почте письмо, в котором рассказали о наших трудностях. Генерал был так добр, что выслал отцу чек на 1 100 000 рупий. Отец, к великой радости учителей, выплатил им зарплату за три месяца. Некоторые учителя в жизни не держали в руках такой крупной суммы. Госпожа Хера позвонила отцу вся в слезах и сказала, что теперь сможет сыграть свадьбу.

Несмотря на признательность, которую мы испытывали к генералу Аббасу, действия армии не вызывали у нас восторга. Лидеры Талибана по-прежнему разгуливали на свободе, и мы с отцом давали множество интервью, в которых делились своими тревогами на этот счет. Часто к нам присоединялся друг моего отца Захид Хан, как и отец, входивший в Сват Кауми Джирга (Объединенный совет старейшин долины Сват). Он также являлся президентом Ассоциации отелей долины Сват и по этой причине особенно желал, чтобы жизнь вошла в нормальное русло и в Свате вновь появились туристы. Как и мой отец, он часто подвергался угрозам за свои публичные выступления. В ноябре 2009 года Захид Хан едва не стал жертвой покушения. Поздно вечером, когда он возвращался домой после встречи с армейским командованием, на него напали. К счастью, его родственники, живущие в том же районе, открыли по нападавшим огонь из винтовок, и те скрылись.

1 декабря 2009 года террорист-смертник устроил взрыв, в результате которого погиб известный политик, член местного отделения Национальной партии Авами и ассамблеи Хайбер-Пахтунхва доктор Шамшер Али Хан. Когда прогремел взрыв, он поздравлял с праздником Ид друзей и избирателей в своей худжре, расположенной всего в паре километров от Имам Дери, бывшей штаб-квартиры Фазлуллы. Доктор Шамшер был одним из самых решительных и непримиримых противников Талибана. Он умер на месте, еще девять человек получили ранения. По дошедшим до нас сведениям, террористу было всего восемнадцать лет. Полиция сумела найти лишь его ноги и некоторые другие части тела.

Через несколько недель после этого нашей школе предложили принять участие в Окружной детской ассамблее,

которую проводил благотворительный совет ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН) и фонд Хпал Кор («Мой дом»), помогающий детям-сиротам. В члены ассамблеи было выбрано шестьдесят школьников со всей долины Сват. По большей части это были мальчики, хотя от нашей школы в работе ассамблеи приняли участие одиннадцать девочек. На первом заседании, помимо школьников, присутствовало множество политиков и общественных деятелей. Мы провели выборы спикера, в которых я одержала победу! Было очень непривычно стоять на сцене и слышать, как другие люди обращаются к тебе «госпожа спикер». Но я была счастлива, что наши голоса услышаны. Ассамблея была созвана на год, заседания проходили почти каждый месяц. Итогом нашей работы стало девять резолюций, в которых мы призывали запретить детский труд, просили оказать помощь беспризорникам и детям-инвалидам, а также восстановить все разрушенные талибами школы. Все эти резолюции были направлены в официальные инстанции. Очень надеюсь, что они принесли хоть какую-то пользу.

Мониба, Айша и я начали изучать журналистику в британской организации, которая называлась Институт репортажей о войне и мире. Эта организация осуществляла проект под названием «Свободные мнения Пакистана». Было очень интересно узнавать, каким образом следует грамотно освещать события. Я захотела стать журналисткой после того, как поняла: мои слова способны что-то изменить в окружающем мире. К тому же я очень любила сериал «Дурнушка Бетти», рассказывающий о буднях глянцевого журнала. Правда, писать о тенденциях современной моды и стильных стрижках мне не особенно хотелось. Прежде всего меня волновали вопросы борьбы с экстремизмом и талибами, и именно об этом я собиралась рассказывать в своих статьях.

Неожиданно наступила пора экзаменов. Я снова стала первой ученицей в классе, хотя соперничество с Малкой-и-Нур было очень напряженным. Наша директриса, госпожа Мариам, пыталась убедить Малку-и-Нур стать старостой класса. Но та ответила, что не хочет нести каких-либо дополнительных обязанностей, которые отвлекут ее от занятий.

– Бери пример с Малалы, – говорила госпожа Мариам. – У нее хватает времени на все. Общественная жизнь не менее важна, чем образование.

Но я понимала Малку-и-Нур. Ей хотелось порадовать родителей, в особенности мать, своими успехами в учебе.

Долина Сват была уже не такой, как прежде, и мы сознавали, что, вероятно, прежней она уже не станет никогда. Хотя

танцовщицы с Банр Базара вернулись домой, они предпочитали записывать свои выступления на DVD и продавать их, а танцевать вживую опасались. Правда, фестивали мира, запрещенные талибами, теперь устраивались вновь и сопровождались музыкой и танцами. Организатором одного из таких фестивалей был мой отец. Фестиваль проходил в Маргхазаре, и на него пригласили жителей округов, приютивших у себя беженцев. К нашей великой радости, музыка играла всю ночь.

Накануне моего дня рождения часто происходят чрезвычайные события. В июле 2010 года, накануне моего тринадцатилетия, зарядил проливной дождь. Лето в долине Сват обычно бывает жарким и засушливым. Поначалу мы радовались и говорили о том, что дождь обеспечит хороший урожай. Но ливень все не прекращался. Он был таким сильным, что на улице невозможно было рассмотреть человека, стоявшего в нескольких шагах от тебя. Защитники окружающей среды многократно предупреждали, что вырубка горных лесов, которой активно занимались талибы и незаконные торговцы древесиной, может привести к очень серьезным последствиям. Теперь их тревоги оправдались – селевые потоки устремились в долину, сметая все на своем пути.

Мы были в школе, когда началось схождение селевых потоков. Учителя велели нам расходиться по домам. Но наступающая вода затопила мост через реку, так что нам пришлось искать иной путь домой. Мы добежали до следующего моста. Оказалось, что он тоже затоплен, но здесь уровень воды был не таким высоким, и мы смогли переправиться на другой берег. От воды исходил гнилостный запах. Домой мы вернулись мокрые и грязные.

На следующий день мы узнали, что школа затоплена. Вода спала только через несколько дней. Войдя в здание школы, мы увидели отметины, оставленные водой на стенах, – они находились примерно на уровне моей груди. Повсюду была тина в огромных количествах. Она покрывала столы и стулья и распространяла отвратительный запах. Для того чтобы ликвидировать убытки, причиненные наводнением, моему отцу понадобилось 90 000 рупий – сумма, равная плате за обучение, которую вносили девяносто учеников.

Наводнения происходили по всему Пакистану. Могучая река Индус, которая берет свое начало в Гималаях, пересекает провинцию Хайбер-Пахтунхва и впадает в Аравийское море, – река, которой все мы гордимся, – вышла из берегов и превратилась в бешеный ревущий поток. Он заливал дороги, поля и целые деревни. В результате природной катастрофы погибло

2000 человек, а пострадало 14 миллионов. Множество людей лишилось своих домов. Было разрушено 7000 школ. Никто из жителей Пакистана не помнил такого опустошительного наводнения. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назвал это наводнение «медленным цунами». В прессе писали, что наводнение принесло больше материального ущерба, чем цунами, обрушившиеся на Азию, ураган Катрина, гаитянское землетрясение и пакистанское землетрясение 2005 года, вместе взятые.

Долина Сват пострадала сильнее всего. Тридцать четыре из сорока двух мостов были снесены потоком, и в результате некоторые районы оказались совершенно отрезанными от мира. Наводнение вывело из строя систему энергоснабжения, и мы остались без электричества. Улица, где мы жили, находилась на вершине холма, поэтому наводнение, это беспощадное чудовище, заглатывающее целые дома, не сумело до нас добраться. Тем не менее мы натерпелись страху. Отели и рестораны на берегу реки, в которых туристы лакомились форелью и откуда они любовались прекрасными видами, были разрушены. Именно в районах, излюбленных туристами, последствия катастрофы оказались особенно тяжелыми. От горных курортов, таких как Малам-Джабба, Мадьян и Бахрейн, практически ничего не осталось. Отели и магазины лежали в руинах.

Вскоре мы получили вести от родных, живущих в Шангле. Там наводнение тоже принесло колоссальный ущерб. Дорога, связывающая нашу деревню с Альпури, главным городом Шанглы, была полностью размыта, целые деревни оказались под водой. Селевые потоки снесли множество домов, распложенных на горных террасах Каршата, Шахпура и Баркана. Дом, где родилась моя мама, где жил ее брат Фаиз Мухаммед, уцелел, но дороги, у которой он стоял, более не существовало.

Люди пытались спасти то немногое, что у них было, но все усилия были тщетными – потоки воды уничтожали фруктовые сады, уносили домашних животных, приводили в негодность заготовленное зерно. Жители деревень оказались в отчаянном положении. У них не было электричества, все самодельные электростанции не смогли устоять перед стихией. Люди остались без чистой воды, потому что мутная речная вода, где плавали обломки и всякий мусор, не годилась для питья. Напор стихии был так силен, что не устояли даже каменные дома. Школа, больница и электрическая станция, распложенные у главной дороги, были снесены потоком.

Никто не понимал, как подобное могло случиться. Люди жили на берегах реки Сват более 3000 лет и всегда видели в ней

друга и помощника, а не источник опасности. И жителям, и приезжим наша долина казалась настоящим раем. Теперь мы стали «долиной печали». Сначала Сват оказался в эпицентре землетрясения, потом во власти талибов, после стал ареной опустошительной военной операции. В довершение ко всему, когда жизнь только начала налаживаться, стихийное бедствие свело на нет все наши усилия. Конечно, все мы волновались, что талибы воспользуются ситуацией и вернутся в долину.

Отец отправил в Шанглу продукты и товары первой необходимости, приобретенные на средства, которые собрали его друзья и Ассоциация частных школ долины Сват. Наш друг Шиза Шахид и некоторые общественные деятели, с которыми мы познакомились в Исламабаде, приехали в Мингору и занялись сбором денег для пострадавших. Но, как и в случае с землетрясением, в отдаленные районы удавалось проникать лишь добровольцам из различных исламских групп, а не представителям правительства. Многие видели в наводнении доказательство того, что Бог недоволен музыкой и танцами, которыми сопровождались наши фестивали. Оставалось только радоваться, что у нас теперь не было радио, которое распространило бы эту теорию и внедрило ее в сознание людей.

В то время как люди в Пакистане теряли жизни, дома и близких, наш президент Асиф Зардари наслаждался отдыхом в одном из французских шато.

– Не могу понять, как так можно, аба, – говорила я отцу. – Почему политикам наплевать, что происходит с народом? Почему они не заботятся о том, чтобы у людей были крыша над головой, еда и электричество?

Помимо исламских групп, действенную помощь пострадавшим оказывала армия. И не только армия. Американцы посылали в отрезанные от мира районы свои вертолеты, что некоторым людям казалось очень подозрительным. В Пакистане ходила теория, согласно которой природная катастрофа была спровоцирована американцами при помощи новейших технологий, разработанных в рамках программы HAARP (Программа исследования полярных сияний высокочастотным воздействием). По слухам, последние научные достижения позволяли американцам вызывать гигантские волны на поверхности океанов, что, в свою очередь, приводило к наводнениям. Теперь под предлогом помощи пострадавшим американцы на законном основании проникают в Пакистан и занимаются шпионажем.

Дожди наконец прекратились, но трудности, вызванные стихией, продолжались. У нас не было ни чистой питьевой воды,

ни электричества. В августе в Мингоре был зарегистрирован первый случай заболевания холерой, а вскоре больных стало так много, что их пришлось размещать в палатках, так как мест в больницах не хватало. Поскольку дороги были размыты и сообщение с остальным миром нарушено, в Мингоре начались перебои с продуктами и резко выросли цены. Наступил сезон созревания лука и персиков, и фермеры не знали, что делать с урожаем. Некоторые из них с риском для жизни переправлялись на самодельных лодках через полноводную реку, чтобы доставить свой товар на рынок. Мы были счастливы, если видели на прилавках персики.

Помощь из-за рубежа на этот раз была не особенно значительной. Богатые западные страны страдали от последствий экономического кризиса, а визиты президента Зардари в Европу не усиливали симпатий к Пакистану. Иностранные правительства заявляли, что наши политики в большинстве своем уклоняются от уплаты налогов, и, следовательно, тратить деньги западных налогоплательщиков на помощь нашей стране по меньшей мере неразумно. Службы по оказанию помощи в чрезвычайных ситуациях опасались посылать к нам своих представителей, ведь лидеры Талибана заявляли, что Пакистан не должен принимать помощь от христиан и иудеев. Никто не сомневался, что талибы способны перейти от угроз к действиям. В октябре прошлого года они взорвали в Исламабаде офис Всемирной продовольственной программы (World Food Programme (WFP)), и пятеро иностранных граждан погибли.

В долине Сват мы все чаще встречали свидетельства того, что талибы никуда не ушли. Было взорвано две школы, похищено трое волонтеров из христианской миссии, приехавших помогать пострадавшим. Через несколько дней все трое были убиты. Мы получали и другие шокирующие известия. Друг моего отца доктор Мухаммед Фарук, вице-канцлер Сватского университета, был убит двумя боевиками, которые ворвались к нему в офис и расстреляли его в упор. Доктор Фарук занимался изучением ислама и в прошлом являлся членом партии Джамаат-и-Ислами. Он был решительным противником Талибана и даже выпустил фатву против террористов-смертников.

Мы были испуганы и разочарованы. В изгнании я впервые задумалась о том, чтобы стать политиком. Теперь это намерение окрепло. Я видела, что в нашей стране часто случаются кризисы и нет лидеров, способных эти кризисы преодолеть.

17. Молитва о том, чтобы стать выше ростом

После того как мне исполнилось тринадцать, я перестала расти. Раньше я всегда выглядела старше своих лет, а теперь почти все мои подруги были выше меня. В классе, где насчитывалось тридцать учениц, я относилась к числу самых малорослых. Каждую ночь я молилась Аллаху, чтобы Он позволил мне еще немного вырасти. Я постоянно измеряла собственный рост, делая карандашные отметки на стене своей комнаты. Проснувшись утром, я первым делом вставала к стене, чтобы проверить, выросла я или нет. Но карандашная отметка упорно замерла на высоте 152 см. Я так переживала, что даже обещала Аллаху, если Он сделает меня хоть чуточку выше, прочесть сто ракат нафль, дополнительных молитв, добровольно прибавляемых к пяти обязательным ежедневным молитвам.

Я боялась, что выступления такой коротышки нельзя воспринимать серьезно, даже если они посвящены чрезвычайно важным вопросам. Иногда голова моя едва виднелась над кафедрой. Приходилось носить туфли на каблуках, хотя ходить в них было ужасно неудобно.

Одна из моих одноклассниц в новом учебном году перестала ходить в школу. Ее выдали замуж, едва она достигла половой зрелости. Она была крупной девочкой, хотя ей было всего тринадцать лет. Через некоторое время мы узнали, что она родила двойню. Заучивая формулы на уроке химии, я размышляла о том, каково это – заботиться о муже и детях в такие юные годы.

Конечно, мы никогда не забывали о талибах, но жизнь входила в свою колею, и у нас появлялись новые заботы и интересы. Пакистанская армия, которая помимо своих основных обязанностей постоянно занималась весьма необычными для военных делами, например производством кукурузных хлопьев и химических удобрений, решила снимать телевизионные сериалы. Теперь вся нация в прайм-тайм усаживалась у экранов своих телевизоров и смотрела сериал «Там, где кончается долг». Предполагалось, что сериал этот основан на реальных событиях, произошедших во время операции по освобождению долины Сват от талибов.

Во время этой операции более ста солдат правительственных войск было убито и около девятисот получило ранения. Конечно, армия хотела представить свои действия в героическом свете. Тем

не менее зачастую действия военных нельзя было назвать иначе как беззаконными. Иногда, возвращаясь из школы, я заставала дома незнакомых заплаканных женщин, приехавших в Мингору, чтобы получить хоть какую-то информацию о своих мужьях и сыновьях. Во время военной операции пропали без вести сотни мужчин. Возможно, они были арестованы армейскими службами или военной разведкой, но никто не мог сказать, так ли это на самом деле. Женщины, ничего не знающие о судьбе своих мужей и сыновей, были в отчаянии. Некоторые семьи, лишившиеся кормильцев, оказались в бедственной ситуации. В Пакистане женщина, муж которой пропал без вести, не считается вдовой и не может вступить в брак повторно.

Моя мама кормила этих несчастных, поила их чаем, но они приезжали в Мингору не ради угощения. Они рассчитывали, что мой отец поможет им в поисках близких. Благодаря тому, что отец занимал должность спикера Сват Кауми Джирга (совета старейшин), он служил связующим звеном между народом и армией.

– Я хочу узнать, жив ли мой муж, – говорила одна из таких просительниц. – Если он убит, я могу отдать детей в сиротский приют. А сейчас я ни вдова, ни мужняя жена.

Еще одна женщина рассказывала мне, что ее сын пропал без вести.

Женщины утверждали, что их мужчины никогда не сотрудничали с талибами, разве что время от времени давали им воды или хлеба. Но сейчас их мужей удерживали боевики или военные, а лидеры Талибана тем временем разгуливали на свободе.

Одна из учительниц нашей школы жила всего в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Ее брат был арестован армейскими службами, закован в кандалы и подвергнут пыткам, после которых его поместили в морозильную камеру и держали там, пока он не умер. Он был владельцем магазина и никогда не имел дела с талибами. Впоследствии армейское руководство принесло семье убитого свои извинения, признав, что он был арестован по ошибке.

К нам домой приезжали не только несчастные женщины, лишившиеся мужей. Как-то раз к отцу пришел богатый бизнесмен, живущий в городе Мускат в Персидском заливе. Он рассказал, что пропал его брат и пятеро племянников и он хочет узнать, какова их судьба. Если они мертвы, он должен подыскать новых мужей их вдовам. Если они находятся в заключении, он должен им помочь. Один из племянников оказался мауланой и благодаря хлопотам моего отца вышел на свободу.

Подобные беззакония творились не только в Свате. В Пакистане насчитывались тысячи пропавших без вести. Люди стояли у зданий судов с фотографиями пропавших родственников, требуя хоть какой-то информации об их судьбах.

Пакистанские суды в то время был заняты решением совсем других вопросов. В нашей стране действует так называемый Закон о богохульстве, который защищает Священный Коран от оскорбления. Во время кампании по исламизации, проводимой генералом Зия-уль-Хаком, закон этот был ужесточен. Теперь всякий, кто «порочит святое имя Пророка, да пребудет с ним мир», подвергался смертной казни или отправлялся в тюрьму пожизненно.

В ноябре 2010 года средства массовой информации сообщили о том, что женщина-христианка по имени Асия Биби приговорена к смертной казни через повешение. Она жила в одной из деревень Пенджаба, была матерью пятерых детей и для того, чтобы заработать на жизнь, занималась сбором фруктов. Как-то раз, в жаркий день, она принесла воды людям, работавшим вместе с ней. Но некоторые отказались пить, заявив, что вода, принесенная христианкой, является «нечистой» и может осквернить мусульман. Одна из женщин, отказавшихся пить, была соседкой Асии. Между ними недавно возникла ссора, потому что коза Асии забрела на соседский двор и повредила поилку для скота. Теперь перепалка вспыхнула вновь. Как это водится, каждая сторона имела свою версию конфликта. Согласно самой популярной версии, люди, работавшие вместе с Асией Биби, убеждали ее принять ислам. На это она ответила, что Иисус Христос умер на кресте, чтобы искупить грехи христиан, и спросила, сделал ли Пророк Мухаммед, да пребудет с ним мир, что-нибудь подобное для мусульман. Одна из сборщиц фруктов сообщила об этом инциденте местному имаму, а тот сообщил в полицию. Асия Биби была арестована, больше года провела в заключении в ожидании суда, который в конечном итоге приговорил ее к смерти.

После того как Мушарраф разрешил пользоваться спутниковыми антеннами, наш телевизор принимал множество каналов. Мы могли наблюдать за реакцией на это событие во всем мире. Необоснованная жестокость приговора вызвала всеобщее негодование. В Пакистане в защиту Асии Биби выступил губернатор Пенджаба Салман Тасир. В свое время он, сподвижник Беназир Бхутто, сам был политическим узником. Впоследствии он стал богатейшим медиамагнатом. Он посетил Асию Биби в тюрьме и заявил, что президент Зардари должен помиловать эту бедную женщину. Закон о богохульстве он назвал «черным законом», и некоторые телевизионные дикторы повторили это

определение, подлив масла в огонь. В пятницу во время молитвы в самой большой мечети Равалпинди имамы прокляли губернатора как врага ислама.

Несколько дней спустя, 4 января 2011 года, Салман Тасир был убит своим собственным телохранителем. Убийство произошло, когда губернатор прогуливался после обеда по одной из фешенебельных улиц Исламабада. Телохранитель выпустил в него двадцать шесть пуль. Позднее он сказал, что решил сделать это, узнав, что его босс предан проклятию имамами Равалпинди. Наша семья была потрясена тем, какое множество людей восхищалось убийцей и возносило ему хвалы. Когда он предстал перед судом, судьи осыпали его лепестками роз. Между тем имам мечети, которую посещал убитый губернатор, отказался прочесть над ним погребальные молитвы, а президент не присутствовал на его похоронах.

Наша страна словно сошла с ума. Пакистанский народ до небес превозносил убийц и считал, что их деяния угодны Богу.

Вскоре после этого мой отец получил очередное письмо с угрозами. Он выступал на заседании, посвященном третьей годовщине взрыва, уничтожившего среднюю школу Хаджи Баба. Как всегда, отец говорил очень страстно.

– Фазлулла – это предводитель дьяволов! – заявил он. – Я не понимаю, почему он до сих пор не арестован!

После выступления люди подходили к нему и советовали быть осторожнее. А через несколько дней к нам домой пришло анонимное письмо, адресованное отцу. Оно начиналось словами «Ас-саляму алейкум» – «да пребудет с тобой мир», – но содержание его вовсе не было мирным.

«Ты – сын имама, но тебя нельзя назвать добрым мусульманином, – говорилось в письме. – Моджахеды найдут тебя повсюду, куда бы ты ни скрылся».

Отец, конечно, был встревожен. Но он не собирался отказываться ни от своих взглядов, ни от своей правозащитной деятельности, и многочисленные заботы вскоре заставили его забыть об угрозах.

В те дни Америка была на языке у каждого. Прежде мы во всех своих бедах обвиняли нашего извечного врага, Индию, теперь ее место заняли США. Все жаловались на атаки беспилотных самолетов, которые случались в ФУПТ почти каждую неделю. До нас доходили слухи, что эти налеты унесли жизни множества мирных жителей. Враждебные настроения усилились, когда агент ЦРУ по имени Раймонд Дэвис застрелил в Лахоре двоих мотоциклистов, которые приблизились к его машине. Он утверждал, что они собирались его похитить.

Американцы заявили, что Дэвис – обычный дипломат и не имеет к ЦРУ никакого отношения, но этому никто не поверил. Даже мы, школьники, знали, что обычные дипломаты не разъезжают в машинах без номеров и не возят с собой пистолеты «глок».

Наши средства массовой информации утверждали, что Дэвис – представитель многочисленной армии разведчиков, которых США, не доверяя пакистанской разведке, заслали в нашу страну. Большинство журналистов считали, что он собирал информацию о военной группировке под названием Лашкаре-Тайба, которая базировалась в Лахоре и в свое время оказала значительную помощь пострадавшим от землетрясения и наводнения. По некоторым сведениям, именно эта группировка организовала в 2008 году атаку на Мумбаи. Главной целью группировки являлось освобождение кашмирских мусульман от власти Индии. Но в последнее время они усилили свою активность в Афганистане. Впрочем, существовала версия, согласно которой Дэвиса в первую очередь интересовал ядерный арсенал нашей страны.

Раймонд Дэвис стал самым знаменитым американцем в Пакистане. По всей стране прокатилась волна протестов против вмешательства Америки в наши дела. Люди воображали, что на базарах полно американских шпионов, собирающих стратегическую информацию. Вдова одного из мотоциклистов, застреленных Дэвисом, отчаявшись добиться правосудия, покончила жизнь самоубийством, приняв крысиный яд.

Несколько недель Вашингтон и Исламабад, точнее штаб-квартира армии в Равалпинди, выясняли отношения. Наконец Дэвис предстал перед судом, который вынес решение в духе нашей традиционной джирги. Американцев обязали выплатить «компенсацию за кровь» в размере 2,3 миллиона долларов, а Дэвис был выслан из страны. Пакистан требовал, чтобы США отослали домой своих агентов. Американцам перестали выдавать пакистанские визы. 17 марта, в день, когда Дэвис был выпущен на свободу, беспилотный самолет атаковал здание Совета племен в Северном Вазиристане. Около сорока человек погибло. Судя по всему, ЦРУ хотело показать, что умеет действовать методами, принятыми в нашей стране.

Как-то раз в понедельник я в очередной раз собиралась измерить, не подросла ли за ночь, когда до меня донеслись громкие возбужденные голоса. Один из друзей отца принес новость, в которую трудно было поверить. В минувшую ночь американские «морские котики» совершили рейд в Абботтабад, один из городов, где мы жили во время изгнания, обнаружили местопребывание Усамы бен Ладена и убили его. Террорист

номер один жил на вилле, окруженной высокими стенами, расположенной в километре от военной академии. Невозможно было поверить, что армейское руководство ничего не знало об этом соседстве. Газеты утверждали, что курсанты академии тренировались на лужайке, расположенной за домом бен Ладена. По шестиметровым стенам, окружавшим особняк, шла колючая проволока под напряжением. Бен Ладен жил на верхнем этаже с самой молодой из своих жен – уроженкой Йемена по имени Амаль. Две другие жены и их одиннадцать детей жили этажом ниже. Как сказал один из американских сенаторов, на доме не хватало только неоновой вывески «Здесь живет бен Ладен».

По правде говоря, в пуштунских районах многие окружают свои дома высокими стенами – чтобы оградить собственную частную жизнь и защитить женщин от чужих глаз. Но то, что в доме не было ни телефона, ни Интернета и обитатели никогда не выходили из ворот, не могло не вызвать подозрений. Продукты бен Ладену и его семье доставляли два курьера – братья, которые жили в том же доме со своими женами. Кстати, одна из этих жен оказалась уроженкой Свата!

Американские «морские котики» убили бен Ладена выстрелом в голову. Тело его было вывезено на вертолете и выброшено в Аравийское море, чтобы избежать превращения его могилы в место паломничества. Судя по всему, он не пытался ни бежать, ни сопротивляться. Оба брата-курьера и взрослый сын бен Ладена тоже были убиты, женщины и дети связаны и помещены в пакистанскую тюрьму. Президент Барак Обама был счастлив. Мы все смотрели по телевизору торжественную церемонию, которая была устроена на лужайке перед Белым домом.

Поначалу мы думали, что пакистанское правительство было осведомлено об операции по уничтожению бен Ладена и даже принимало в ней участие. Но вскоре выяснилось, что американцы действовали в одиночку. Это не слишком понравилось жителям Пакистана. Предполагалось, что мы и американцы – союзники. В так называемой войне с терроризмом мы потеряли больше солдат, чем они. Выяснилось, что американцы пересекли границу Пакистана ночью, используя специальные бесшумные вертолеты, летевшие чрезвычайно низко. Все наши радары они блокировали при помощи специальных электронных устройств. Лишь после того, как операция была завершена, они сообщили о ней главнокомандующему армией генералу Ашфаку Кайани и президенту Зардари. Большинство армейских начальников узнали об уничтожении бен Ладена из телевизионных новостей.

Американцы заявили, что у них не было иного выбора. По их словам, они не были уверены, что пакистанская военная разведка

не свяжется с бен Ладеном и не предупредит его о готовящейся операции. Руководитель ЦРУ заявил, что пакистанские спецслужбы «или некомпетентны, или покрывают террористов. Ни тот ни другой вариант не делает им чести».

Мой отец считал, что это великий позор.

– Как мог известный всему миру террорист спокойно жить в Пакистане в течение стольких лет? – спрашивал он.

И он был далеко не единственным, кто задавался подобным вопросом.

Никто не сомневался, что местопребывание бен Ладена было известно межведомственной разведке. ПМР – могущественная организация, повсюду имеющая своих агентов. Разумеется, они не могли не знать, что главный террорист планеты живет всего в ста километрах от пакистанской столицы. Тем более он поселился там вскоре после землетрясения 2005 года и прожил несколько лет. Двое его детей появились на свет в больнице Абботтабада. Конечно, лучший способ спрятаться – жить открыто, но вряд ли таким образом бен Ладену удалось обмануть военную разведку. Всего в Пакистане он провел девять лет, до Абботтабада жил в Харипуре, а еще раньше скрывался в долине Сват. Именно там он встретил Халида Шейха Мухаммеда, организатора теракта 11 сентября.

Операция по уничтожению бен Ладена напоминала эпизод из шпионских фильмов, которые обожает мой брат Хушаль. Чтобы случайно не выдать себя, бен Ладен пользовался исключительно услугами курьеров, не прибегая ни к телефону, ни к электронной почте. Но американцы вычислили одного из его курьеров, сели ему на хвост, когда он находился в Пешаваре, определили номера его машины и следовали за ним до Абботтабада. После этого они просветили дом при помощи беспилотного самолета, снабженного рентгеновской установкой. На снимке можно было увидеть очень высокого бородатого мужчину, разгуливающего по внутреннему двору туда-сюда. Американцы прозвали его Ходок.

Каждый день мы узнавали все новые подробности, которые вызывали у людей жгучее любопытство. Тот факт, что террорист номер один спокойно жил на нашей земле, возмущал большинство жителей Пакистана куда меньше, чем самовольное вторжение американцев. Некоторые газеты утверждали даже, что американцы убили бен Ладена много лет назад и до поры до времени держали его тело в холодильнике. А после поместили тело в особняке поблизости от военной академии и инсценировали операцию по уничтожению террориста с одной-единственной целью – скомпрометировать Пакистан.

Мы стали получать эсэмэски, призывающие выйти на улицы и

выразить поддержку пакистанской армии. «Армия сражалась за вас в 1948, 1965 и 1971-м», говорилось в одном из таких сообщений. Речь шла о трех войнах с Индией. «Поддержите армию сейчас, когда ей нанесли удар в спину». Но приходили нам и другие эсэмэски, в которых об армии говорилось с насмешкой и пренебрежением. В одном из сообщений спрашивали, как это возможно, что в стране, которая ежегодно тратит на вооружение 6 миллиардов долларов (в семь раз больше, чем на образование), американские вертолеты смогли беспрепятственно пересечь границу. И если Америка смогла сделать это, что помешает Индии поступить так же? «Пожалуйста, не шумите, армия спит!» – иронизировало одно из сообщений. «Продаются бывшие в употреблении пакистанские радары, – издевалась другая эсэмэска. – Они не способны засечь вертолет, но отлично ловят кабельное телевидение».

Генерал Кайани и генерал Ахмед Шуджа Паша, глава межведомственной разведки, были вынуждены давать объяснения в парламенте. Подобных прецедентов Пакистан прежде не знал. Нашу страну подвергли унижению перед лицом всего мира, и народ хотел знать, почему это стало возможно.

Американские политики тоже были в ярости, узнав, что главный террорист планеты все это время не скрывался в горной пещере, а жил под носом у пакистанских властей. Они напоминали о том, что в течение восьми лет, проведенных бен Ладеном в Абботтабаде, США выделили Пакистану более 20 миллиардов долларов на совместную борьбу с терроризмом, и теперь спрашивали, на чьей же мы стороне. В те дни все говорили об американских деньгах, называя астрономические суммы. Но все эти средства шли на армию; простые жители Пакистана не получали ровным счетом ничего.

Несколько месяцев спустя, в октябре 2011 года, отец получил по электронной почте письмо, где сообщалось, что я стала одним из пяти номинантов международной премии мира, которую присуждает организация «KidsRights», находящаяся в Амстердаме. Мою кандидатуру предложил архиепископ Десмонд Туту из Южной Африки. Отец всегда восхищался этим человеком, неутомимым борцом против апартеида. Но премию мне не присудили, и отец был очень этим разочарован. Тем не менее я считала, что это справедливо. В отличие от победителей, активно занимавшихся практической деятельностью, я пока что не имела возможности перейти от слов к делу.

Вскоре премьер-министр Пенджаба Шахбаз Шариф пригласил меня выступить на грандиозном школьном празднике, который проводился в Лахоре. Шахбаз Шариф организовал целую сеть

новых школ, получивших название Школы Дааниш. Учащимся этих школ бесплатно выдавали ноутбуки, на рабочем столе которых была заставка с портретом министра. Для того чтобы стимулировать интерес к учению, он выдавал денежные премии мальчикам и девочкам, успешно сдавшим экзамены. Мне вручили чек на полмиллиона рупий, что составляет примерно 4500 долларов, за участие в кампании за право девочек на образование.

Я надела свое любимое розовое платье и в первый раз в жизни рассказала на публике о том, как мы с одноклассницами нарушали постановление талибов и продолжали тайно ходить в школу.

– Только когда книги и тетради были отняты у меня силой, я поняла всю важность образования, – сказала я. – Девочки долины Сват никого не боятся. Мы будем продолжать учиться, несмотря ни на что.

Как-то раз, когда я пришла в школу, одноклассницы встретили меня словами:

– Тебе присудили большую премию и полмиллиона рупий!

Я бросилась к отцу, и он подтвердил, что правительство Пакистана наградило меня только что учрежденной Национальной премией мира. Я ушам своим не поверила. В тот день в школу явилось столько журналистов, что она буквально превратилась в телестудию.

Церемония награждения проходила 20 декабря 2011 года в официальной резиденции премьер-министра – большом белом особняке на холме. Во время своих прошлых приездов в Исламабад я любовалась этим особняком, гуляя по проспекту Конституции. Я уже привыкла встречаться с политиками и даже не думала нервничать. Правда, отец пытался нагнать на меня благоговейный трепет, сообщив, что премьер-министр Гилани происходит из семьи святых. После того как премьер-министр вручил мне премию и чек, я передала ему длинный список требований. Разрушенные талибами школы необходимо отремонтировать, сказала я. К тому же все школьницы Свата мечтают, чтобы в нашей долине открылся женский университет. Я знала, что премьер-министр вряд ли отнесется к моим требованиям серьезно, и не слишком настаивала. «Настанет день, когда я сама стану политиком и сделаю для своей страны все, что считаю нужным», – думала я.

Было решено, что премия ежегодно будет вручаться подросткам до восемнадцати лет. В мою честь ее назвали Премия Малалы. Я заметила, что отца не слишком обрадовало это обстоятельство. Как и большинство пуштунов, он довольно

суеверный. В Пакистане не принято почитать живых. Увековечивают имена только тех, кто уже умер. Поэтому премию, названную в мою честь, отец счел дурным предзнаменованием.

Мама тоже не особенно радовалась моей растущей популярности. Она боялась, что я стану слишком заметной мишенью для талибов. Сама она никогда не появлялась на публике и даже отказывалась фотографироваться. Моя мама всей душой предана традициям, сформированным нашей многовековой культурой. Но она никогда не возражала против того, чтобы отец занимался правозащитной деятельностью и привлекал к ней меня. И все же, когда мне присудили премию, она заявила:

– Мне не нужны никакие премии. Мне нужна моя дочь. И одну-единственную ее ресничку я не отдам за все премии на свете.

Отец возражал на это, что премии для нас – это далеко не самое главное. Все, что мы хотим, – дать детям возможность учиться. И поэтому нам приходится заниматься правозащитной деятельностью и принимать участие в политических кампаниях. Другого способа борьбы не существует.

– Мое самое главное желание – дать образование собственным детям и всему нашему народу, – говорил он. – Ради этого я сделаю все, что в моих силах. Но когда я вижу, что половина наших политиков лжет, а другая сотрудничает с талибами, я не могу с этим мириться. Каждый из нас обязан бороться за правду.

Когда я вернулась домой, выяснилось, что группа журналистов хочет взять у меня интервью. Естественно, для такого события надо было одеться как можно красивее. Сначала я думала надеть самое нарядное из своих платьев, но потом решила, что для интервью подойдет что-нибудь поскромнее. Ведь я хотела, чтобы люди слушали мои слова, а не рассматривали мой наряд. Придя в школу на следующий день после интервью, я увидела, что все мои подруги загадочно улыбаются.

– Сюрприз! – закричали они, когда я вошла в класс.

Девочки собрали деньги и устроили для меня праздник. Они специально заказали огромный белый торт с надписью шоколадной глазурью «Желаем успеха!». Я была счастлива, что подруги разделяют мою радость. И не сомневалась в том, что все мои одноклассницы достигли бы такого же успеха, если бы пользовались поддержкой своих родителей.

– Ну а теперь вернемся к занятиям, – сказала госпожа Мариам, когда мы доели торт. – Не забывайте, что в марте экзамены!

Но год закончился печальным событием. Через пять дней после того, как я получила премию, старшая сестра моей мамы, тетя Бабо, внезапно умерла. Ей еще не было пятидесяти. Тетя страдала диабетом. Увидев по телевизору рекламный ролик некоего доктора, предлагающего своим пациентам чудодейственное лечение, она убедила дядю отвезти ее в Лахор на прием. Неизвестно, какое лекарство он ей ввел, известно только, что она впала в шок и умерла. Отец сказал, что доктор – один из тех шарлатанов, которые процветают благодаря всеобщему невежеству.

Что касается меня, то я буквально купалась в деньгах, получив по полмиллиону рупий от правительства Пакистана, премьер-министра Пенджаба, премьер-министра нашей провинции Хайбер-Пахтунхва и правительства провинции Синд. Генерал Гулам Камар, командующий армией нашего округа, выделил нашей школе 100 000 рупий для создания химической лаборатории и библиотеки. Но я знала, что борьба не закончена. Премии, признание и известность вовсе не являлись для меня самоцелью. Я не собиралась почивать на лаврах. Уроки истории, рассказывающие о печальной участи армий, которые после выигранной битвы предавались разгулу, были живы в моей памяти. Мы должны были выиграть войну, а не одержать победу в одном сражении.

На деньги, которые мне вручили, отец купил мне новую кровать и шкаф, а мама поставила зубные имплантаты. Мы приобрели также участок земли в Шангле – деревне, где родился отец. Все оставшиеся деньги мы решили использовать для помощи нуждающимся. Я хотела создать фонд, который финансировал бы обучение детей из бедных семей. Впервые эта мысль пришла мне в голову, когда я увидела детей, копошившихся в мусорных кучах. С тех пор эти дети с чумазыми лицами и свалявшимися от грязи волосами постоянно стояли у меня перед глазами. Я знала, они не должны копаться в мусоре вместе с огромными черными крысами. Мы провели конференцию, в которой участвовала двадцать одна девочка, и вынесли постановление, согласно которому все девочки в долине Сват должны получать начальное образование. Особое внимание на конференции было уделено вопросам беспризорности и детского труда.

Как-то раз, проезжая через перевал Малаканд, я увидела девочку-подростка, которая продавала апельсины. Как видно, она не умела ни читать, ни писать, и для того, чтобы вести счет проданным апельсинам, делала карандашные отметки на листе бумаги. Я сфотографировала ее и поклялась сделать все

возможное, чтобы такие девочки смогли учиться. Самые решительные битвы в войне, которую мы вели, были еще впереди.

18. Женщина и море

Тетя Наджма расплакалась от избытка чувств. Она никогда прежде не видела моря. Всей семьей мы сидели на скалах, вдыхали свежий соленый воздух и любовались простором Аравийского моря. Оно казалось бескрайним, и трудно было представить, что у него есть другой берег. Я была на вершине счастья.

– Настанет день, и я пересеку это море! – сказала я.

– Что она говорит? – недоуменно спросила тетя, словно я сморозила несусветную глупость.

Прожив тридцать лет в приморском городе Карачи, она ухитрилась ни разу не побывать на морском берегу. Я поверить не могла, что подобное возможно. Впрочем, чему тут было удивляться? У мужа не было ни времени, ни желания отвезти ее на побережье, и тете оставалось лишь сидеть дома. Даже если бы она решила отправиться на море самостоятельно, ей вряд ли удалось бы сделать это. Ведь она не умела читать и не смогла бы разобрать надписи на указателях.

Я сидела на скале, смотрела вдаль и думала о том, что там, за морем, раскинулись страны, где женщины свободны и независимы. Правда, у нас в Пакистане была женщина премьер-министр, а в Исламабаде я познакомилась с женщинами, которые работают врачами и юристами. Но работающих женщин у нас пока не много. Почти все женщины в нашей стране полностью зависят от мужчин. Госпожа Мариам, директор нашей школы, получила прекрасное образование, но в нашем обществе она не может жить самостоятельно, зарабатывая себе на жизнь. Женщина должна жить с мужем, родителями или братом.

В Пакистане люди считают, что женщины, требующие независимости, не желают подчиняться своим отцам, мужьям и братьям. На самом деле это вовсе не так. Все, что мы хотим, – чтобы нам дали право самостоятельно принимать решения. Хотим сами решать, нужно ли нам учиться или работать. В Священном Коране нигде не говорится, что женщине следует зависеть от мужчины. Никто из живущих на земле не слышал голос с небес, утверждающий, что женщина должна делать только то, что желает мужчина.

– Вижу, мыслями ты где-то далеко, джани, – прервал отец поток моих размышлений. – О чем ты мечтаешь?

– О том, чтобы пересечь океан, аба, – ответила я.

– Вот уж придумала! – закричал мой брат Атал. – Зачем тебе пересекать океан, когда здесь так здорово! Давай лучше играть в

верблюжьи бега!

Стоял январь 2012 года. Мы приехали в Карачи по приглашению телеканала «Geo», после того как правительство провинции Синд объявило, что одной из вновь открывшихся школ для девочек присвоено мое имя. Мой брат Хушаль учился в Абботтабаде в школе-интернате и не мог прервать занятия, так что в Карачи отправились только родители, Атал и я. Мы прилетели сюда на самолете, и для всех нас это было первое в жизни воздушное путешествие. Мне казалось неправдоподобным, что за два часа мы преодолели такое огромное расстояние. Путешествие на автобусе заняло бы не меньше двух дней. В салоне самолета я обратила внимание, что некоторые люди не могут отыскать своих мест, потому что не знают букв и цифр. Мне досталось место у окна, и я не отрываясь смотрела на проплывающие под крылом самолета пустыни и горы. Чем дальше мы продвигались на юг, тем более иссохшей и бесплодной становилась земля. Я уже начала скучать по буйной зелени долины Сват. Теперь я понимала, почему люди, уезжающие в Карачи на заработки, хотят, чтобы их непременно похоронили в родной долине.

По пути из аэропорта в хостел я удивлялась огромному количеству людей и машин на улицах. Карачи – один из самых больших городов в мире. Трудно было представить, что в год создания Пакистана он был небольшим портовым городом с населением в 300 000 жителей. Здесь жил Мухаммед Али Джинна, и он объявил Карачи нашей первой столицей. Вскоре сюда хлынули миллионы беженцев-мусульман из Индии, говоривших на урду. Их называли мухаджиры, то есть иммигранты. Сегодня население Карачи составляет примерно 20 миллионов человек. Это самый большой пуштунский город в мире, хотя он и находится вдалеке от земель, где традиционно обитает наш народ; здесь живет от пяти до семи миллионов пуштунов, приехавших на заработки.

К сожалению, Карачи имеет славу очень неспокойного города. Здесь часто происходят стычки между мухаджирами и пуштунами. Районы, где живут мухаджиры, отличаются благоустроенностью и чистотой, а пуштунские районы, напротив, выглядят грязными и неуютными. Почти все мухаджиры поддерживают партию ДМК – движение Муттахида Кауми, или Объединенное национальное движение. Лидер этой партии, Алтаф Хуссейн, выслан из страны. Он живет в Лондоне и поддерживает связь со своими сторонниками по скайпу. MQM – прекрасно организованное движение, и сообщество мухаджиров очень сплоченное. Пуштуны, напротив, крайне разобщены.

Некоторые из них поддерживают Имрана Хана, потому что он пуштун, хан и прекрасный игрок в крикет, другие – маулану Фазал-ур-Рехмана, потому что он является лидером исламской партии Джамаат Улема-и-Ислам (ДУИ), третьи – Национальную партию Авами, потому что это пуштунская партия. Есть среди пуштунов и сторонники Пакистанской народной партии (ПНП), партии Беназир Бхутто, и сторонники Пакистанской мусульманской лиги (ПМЛ(Н)), партии Наваза Шарифа.

Первым делом мы посетили ассамблею провинции Синд, где все присутствующие приветствовали меня аплодисментами. Потом побывали в нескольких школах, включая и ту, что получила мое имя. Я произнесла речь о важности образования. Карачи – город Беназир Бхутто, поэтому я много говорила о ней.

– Все мы должны бороться за права девочек, – призвала я.

Школьницы спели для нас несколько песен. Мне преподнесли мой портрет, на котором я была изображена глядящей в небо. Странно было видеть собственное имя на табличке, висевшей у дверей школы, и думать о том, что я следую по пятам своей великой тезки, Малалай из Майванда, в честь которой названо множество школ в Афганистане. В следующие школьные каникулы мы с отцом планировали отправиться в горные районы Свата, чтобы разъяснить живущим там детям и их родителям необходимость обучения грамоте.

– Мы с тобой настоящие миссионеры образования, – говорила я.

В тот же день мы отправились в гости к моим дяде и тете. Домик, где они жили, оказался совсем крошечным. Отец наконец понял, почему сестра с мужем отказались приютить его у себя, когда он был студентом. Как-то раз, проходя по площади Аашикан е-Расул, мы увидели портрет убийцы губернатора Салмана Тасира, украшенный гирляндой из роз. Мы были поражены тем, что убийцу почитают, как святого.

– Неужели среди двадцати миллионов людей, живущих в этом городе, не найдется ни одного, кто сорвет эту гирлянду? – возмущался отец.

Помимо морского берега и огромных базаров, где мама накупила кучу всяких вещей, в Карачи было еще одно важное место, которое мы непременно должны были посетить. Я говорю о мавзолее основателя и величайшего вождя Пакистана Мухаммеда Али Джинны. Это сооружение из белого мрамора дышит покоем, словно незримая стена отделяет его от городской суеты и шума. Для всех жителей Пакистана усыпальница Джинны является настоящей святыней. Именно сюда ехала Беназир, собираясь произнести свою первую после возвращения в Пакистан речь, когда

ее автобус был взорван.

Охранник объяснил нам, что гробница, расположенная в главном зале под гигантской люстрой, изготовленной в Китае, на самом деле пуста. Прах Джинны находится в гробнице на нижнем этаже. Рядом с ним лежит его сестра Фатима, умершая много лет спустя. Тут же находится гробница нашего первого премьер-министра, Лиаката Али Хана, погибшего от пули наемного убийцы.

Поклонившись гробницам, мы отправились в музей, расположенный в задней части здания. Там мы увидели белые галстуки-бабочки, которые Джинна специально заказывал в Париже, его костюмы-тройки, сшитые в Лондоне, клюшки для гольфа и специальный дорожный ящик для обуви, куда помещалось двадцать пар, в том числе его любимые двухцветные ботинки. Стены были сплошь увешаны фотографиями. На тех, что были сделаны после провозглашения независимости Пакистана, видно, что Джинна был смертельно болен. Лицо его было худым и изможденным, кожа казалась тонкой, как бумага. Джинна выкуривал по пятьдесят сигарет в день. Когда Луис Маунтбеттен, последний британский вице-король Индии, объявил, что Индия будет разделена на две суверенные части, Джинна уже был болен туберкулезом и раком легких. Но его болезнь держалась в строжайшей тайне. Впоследствии Маунтбеттен заявил: знай он, что дни Джинны сочтены, он не стал бы провозглашать независимость Пакистана. Джинна скончался в сентябре 1948 года, через год после того, как Пакистан стал независимым государством. Три года спустя был убит наш первый премьер-министр. С самого начала нашу страну преследовали несчастья.

В музее на специальных дисплеях можно было прочесть тексты самых известных выступлений Джинны. В одном из них говорилось о том, что гражданам нового Пакистана будет предоставлена полная свобода вероисповедания. В другой речи Джинна говорил о той важной роли, которую в жизни страны играют женщины. Мне захотелось увидеть фотографии женщин, сыгравших важную роль в его собственной жизни. Но его жена, принадлежащая к религиозному течению парси (последователи зороастризма), умерла совсем молодой. Их единственная дочь Дина жила в Индии, вышла замуж за человека, исповедующего парси, и не захотела перебираться в мусульманский Пакистан. Сейчас она живет в Нью-Йорке. Чаще всех прочих женщин на фотографиях встречалась Фатима, сестра Джинны.

После посещения мавзолея и знакомства с речами Джинны у меня невольно возникла мысль о том, что современный Пакистан разочаровал бы своего основателя. Наверняка Джинна хотел

видеть родную страну совсем другой. Он хотел, чтобы в Пакистане царили свобода, независимость и толерантность. Хотел, чтобы люди, вне зависимости от своих политических и религиозных убеждений, жили бы здесь в мире и согласии.

– Может, было бы лучше, если бы мы не получили независимость и оставались частью Индии? – спросила я отца.

Я знала, что между индуистами и мусульманами, населяющими Индию, существовала извечная вражда. Вражда не прекратилась и после образования Пакистана, но теперь столкновения возникали между мухаджирами и пуштунами, а также между суннитами и шиитами. Вместо того чтобы поздравить друг друга, наши провинции принялись конфликтовать. Жители провинции Синд постоянно поднимают вопрос о суверенитете, а в Белуджистане, одной из самых отдаленных наших провинций, идет бесконечная война, к которой все уже привыкли. Возможно, все эти конфликты означают, что Пакистан следует разделить на части.

Выйдя из музея, мы увидели на улице группу молодых людей с флагами. Это были представители народа сараики, населяющего Южный Пенджаб. Митингующие требовали, чтобы их землям был предоставлен статус независимой провинции.

В мире существует слишком много причин, по которым люди готовы воевать друг с другом. Часто приходится слышать, что христиане, индуисты и иудеи – заклятые враги ислама. Пусть это так, но почему между мусульманами тоже постоянно возникают стычки? Мне кажется, наш народ находится в плену заблуждений. Люди уверены, что защищают ислам от посягательств неверных, а на самом деле они оказываются пособниками экстремистов, которые, подобно талибам, извращают смысл Священного Корана. Наверное, было бы намного разумнее, если бы мы больше внимания уделяли практическим проблемам. В нашей стране множество неграмотных, в особенности среди женщин. И в то же время школы продолжают взлетать на воздух. Многие районы Пакистана по-прежнему лишены электричества. И ни один день в нашей стране не проходит без убийства.

В один из дней к нам в хостел заглянула пакистанская журналистка по имени Шейла Анджум. Она рассказала, что живет на Аляске и, посмотрев на сайте «Нью-Йорк таймс» документальный фильм с моим участием, захотела со мной познакомиться. Мы с ней побеседовали, потом она стала разговаривать с моим отцом. Я заметила, что в глазах у нее стоят слезы.

– Вам известно, Зияуддин, что талибы угрожают этой невинной девочке? – спросила она.

Отец не понял, что она имеет в виду. Тогда Шейла достала ноутбук, вышла в Интернет и показала нам, что в тот день талибы пригрозили расправой двум женщинам – Ша Бегум, правозащитнице, живущей в Дире, и мне, школьнице Малале Юсуфзай.

«Эти женщины распространяют неверие, и потому их следует убить», – говорилось в заявлении Талибана.

Я не восприняла эти угрозы всерьез, потому что в Интернете появляется огромное количество всякой ерунды. Если бы надо мной нависла реальная опасность, об этом говорили бы повсюду, решила я.

Вечером отцу позвонил наш сосед, глава семьи, с которой мы последние полтора года делили дом. Глинобитная крыша их собственного дома пришла в негодность во время ливня, а у нас имелись две свободные комнаты. В результате семья поселилась в нашем доме, внося минимальную арендную плату, а трое их детей бесплатно ходили в нашу школу. Нам с братьями нравилось это соседство, потому что теперь у нас появились товарищи для игры в полицейских и воров. Сосед сообщил, что сегодня к нам приходили полицейские, которые хотели узнать, получали ли мы угрозы. Закончив разговор, отец позвонил заместителю начальника полицейского управления Мингоры и снова услышал вопрос об угрозах.

– Почему вы об этом спрашиваете, разве вы располагаете какой-то информацией? – встревожился отец.

Офицер не сказал ничего определенного, только попросил отца зайти в полицейское управление, когда он вернется в Мингору.

После этого наше путешествие в Карачи потеряло былое очарование. Я видела, что родители очень расстроены. Мама все еще грустила из-за смерти сестры, к тому же ее беспокоили мои многочисленные награды и премии. Теперь, когда у нее появился новый повод для тревоги, она места себе не находила.

– Почему вы так переживаете? – приставала я к родителям. – Неужели из-за этих дурацких угроз в Интернете?

Родители рассказали мне о звонке из дома и предупредили, что положение гораздо серьезнее, чем мне кажется. Как ни странно, я ничуть не испугалась. В конце концов, всем нам рано или поздно предстоит умереть. Этой участи не избежит никто из живущих на земле. Не все ли равно, что станет причиной твоей смерти – выпущенная боевиком пуля или рак. Я была полна решимости продолжать свою правозащитную деятельность.

– Может, нам стоит какое-то время не привлекать к себе внимания, джани, – предложил отец.

– Разве это возможно? – ответила я. – Ты же сам говорил, жизнь – это не самое важное, что есть в этом мире. Даже если мы погибнем, голоса наши будут услышаны. Мы не имеем права прекращать борьбу!

Меня постоянно приглашали выступить на различных собраниях и конференциях. И я не собиралась отвечать людям отказом, объясняя, что боюсь мести со стороны талибов. Нет, тот, кто принадлежит к гордому и бесстрашному народу пуштунов, не станет трястись за свою шкуру. Мой отец часто повторял, что героизм заложен у пуштунов в генах.

И все же мы вернулись в Сват с тяжестью на сердце. Отец сразу отправился в полицию, где ему показали заведенное на меня досье. Объяснили, что моя правозащитная активность вызывает ярость талибов, которые, как известно, не бросают угроз на ветер. Мне необходимо соблюдать особые меры предосторожности, сказали полицейские. Они даже предлагали выделить для меня телохранителей, но отец ответил отказом. Он знал, что многие старейшины Свата были убиты, хотя имели нескольких охранников, и что губернатора Пенджаба застрелил его собственный телохранитель. К тому же он понимал, что вооруженные телохранители, следующие за мной по пятам, вызовут беспокойство у школьников и их родителей. Теперь, когда опасность нависла надо мной, отец волновался куда сильнее, чем прежде, когда мишенью угроз был он сам.

– Если хотят кого-то убить, пусть убивают меня, а моих детей оставят в покое, – повторял он.

Поразмыслив, отец предложил отправить меня в Абботтабад, в школу-интернат вроде той, где учился Хушаль. Но я наотрез отказалась уезжать. К тому же один из армейских начальников, с которым встретился отец, убедил его в том, что школа-интернат в Абботтабаде вряд ли станет для меня надежной защитой. Меня никто не тронет и в Свате, если я не буду привлекать к себе внимание, заверил он. Поэтому, когда правительство провинции Хайбер-Пахтунхва предложило назначить меня послом мира, отец решил отклонить это предложение.

Мы начали запирать ворота на засов.

– Мне кажется, даже воздух теперь пропитан опасностью, – жаловалась мама.

Отец ходил как в воду опущенный. Он советовал мне задергивать на ночь шторы в комнате, но я все время забывала об этом.

– Удивительные все-таки происходят вещи, аба, – говорила я. – Когда талибы открыто творили произвол в нашей долине, мы ничего не боялись. А теперь, когда талибов прогнали прочь, мы

постоянно дрожим.

– Да, Малала, – со вздохом отвечал он. – Сейчас вся злоба талибов направлена на таких людей, как мы с тобой, на тех, кого они считают своими врагами. До всех остальных им нет дела. Рикши и владельцы магазинов могут жить спокойно. Талибы избрали себе несколько конкретных мишеней, и среди этих мишеней – мы.

У премий и наград, которые я получала, была и оборотная сторона: из-за них я часто пропускала занятия в школе. После мартовских экзаменов на моем новом шкафу появился очередной кубок, но лишь за второе место.

19. Избранные мишени

– Давай изображать вампиров, как в фильме «Сумерки», – предложила я своей подруге Монибе.

Наша школа организовала поездку в Маргхазар, прекрасную зеленую долину, окруженную высокими горами, где воздух всегда был прохладным. Здесь протекала кристально чистая река, на берегу которой мы собирались устроить пикник. Поблизости находился отель «Белый дворец», прежде служивший летней резиденцией вали.

Стоял апрель 2012 года. Экзамены остались позади, и все мы получили возможность немного расслабиться. На экскурсию отправилось около семидесяти девочек. С нами были учителя и мои родители. Отец нанял три автобуса, но все мы не смогли в них разместиться, поэтому пятеро – я, Мониба и еще три девочки – поехали на школьном микроавтобусе. Он был не слишком комфортабельным, к тому же на полу стояли огромные кастрюли с цыплятами и рисом для пикника. Но ехать было недолго, всего полчаса, так что мы не расстраивались, напротив, всю дорогу смеялись и распевали песни. Мониба выглядела очень хорошенькой, кожа ее казалась белой и чистой, как фарфор.

– Каким кремом ты пользуешься? – спросила я.

– Тем же, что и ты, – ответила она.

Я знала, что это неправда.

– Почему тогда у меня такая темная кожа, а у тебя такая светлая? – допытывалась я.

Мониба в ответ лишь пожала плечами.

Мы посетили Белый дворец, осмотрели спальню супруги вали и сад, где на клумбах росли чудесные цветы. К сожалению, мы не увидели кабинета вали, так как он сильно пострадал во время наводнения.

Потом мы гуляли по лесу, где деревья уже начали покрываться листвой, носились по лужайкам, фотографировались, а после, спустившись к реке, принялись брызгать друг в друга водой. Капли сверкали и переливались на солнце. Чуть выше, в скалах, был небольшой водопад, и на время мы утихомирились, прислушиваясь к его шуму. Внезапно Мониба окатила меня целым дождем брызг.

– Прекрати! – рассердилась я. – Я не хочу насквозь промокнуть!

Но Мониба не унималась. Тогда я отошла от нее и присоединилась к двум другим девочкам, которых Мониба терпеть не могла. Она, разумеется, надулась, всячески показывая,

что знать меня не желает. Очередная размолвка с Монибой несколько омрачила мне настроение, но, когда мы поднялись на вершину холма, где нас ожидал обед, я опять воспряла духом. Усман Бхай Джан, школьный шофер, как всегда, рассказывал забавные истории, заставляя нас хохотать до слез. Госпожа Мариам взяла с собой своих малышей – грудного сына и двухлетнюю Ханну, которая походила на большую куклу, но в отличие от куклы ни минуты не сидела на месте спокойно.

Но стоило нам приступить к еде, раздались разочарованные возгласы. Дело в том, что, когда сотрудники школы поставили на огонь кастрюли с куриным карри, им показалось, что еды слишком мало и не хватит на такую ораву. Недолго думая, они добавили в кастрюли речной воды. В результате карри получилось таким жидким, что, как сказала одна девочка, «в нем отражалось небо». Это был худший обед на свете.

Как всегда, в конце экскурсии отец попросил нас поделиться впечатлениями этого дня, встав на камень. На этот раз самым сильным впечатлением для большинства девочек оказался ужасный обед. Их выступления привели моего отца в такую растерянность, что он не нашел что сказать.

На следующее утро школьный рабочий принес нам домой молоко, хлеб и яйца. Отец всегда сам открывал дверь, потому что это не женское дело. Рабочий сообщил ему, что владелец магазина передал ему копию какого-то письма.

Отец изменился в лице, прочтя это письмо.

– Снова начинается гнусная пропаганда против нашей школы! – сказал он и прочел письмо вслух.

> *Дорогие братья-мусульмане!*
>
> *В нашей стране есть школа, которая называется школа Хушаль. Ее владелец является членом многих негосударственных организаций (негосударственные организации пользуются среди религиозных людей очень скверной репутацией, и потому сообщить о принадлежности человека к одной из таких организаций – верный способ навлечь на него людской гнев). Эта школа является рассадником неверия и непристойности. Хадис, житие Пророка, да пребудет с ним мир, гласит: всякий, кто видит зло, должен пресечь его своей собственной рукой. Если он не в состоянии сделать это, он должен рассказать о творимом зле другим людям, чтобы они положили злу конец. Если же и это невозможно, долг всякого правоверного – дать злу отпор в своем сердце. Между мной и владельцем этой школы никогда не было*

личной вражды, я лишь напоминаю вам о том, чему учит ислам. Если мы не уничтожим рассадник неверия и непристойности, каковым является эта школа, в Судный день нам придется отвечать перед Богом за наше бездействие. Девочек, которые учатся в этой школе, постоянно вывозят на так называемые пикники. В последний раз они были в Белом дворце. Отправляйтесь туда и спросите у управляющего, какие бесчинства творятся во время этих пикников…

Отец с отвращением отбросил листок.

– Подписи нет, – сказал он. – Письмо, разумеется, анонимное.

Все мы потрясенно молчали.

– Тот, кто сочинил этот пасквиль, прекрасно знает, что люди не поедут в Белый дворец и не будут расспрашивать управляющего, – нарушил тишину отец. – Они просто вообразят себе всякие ужасы.

– Что за наглая ложь! – вздохнула мама. – Ведь девочки не делали ничего плохого!

Отец позвонил моему двоюродному брату Ханджи, чтобы выяснить, насколько широкое распространение получила клеветническая анонимка. Новости оказались неутешительными – копии письма появлялись повсюду, их оставляли во всех магазинах. Правда, большинство владельцев выбрасывали пасквили, не придавая им значения. Перед мечетью был установлен гигантский щит с обвинениями в адрес нашей школы.

Все мои одноклассницы были до крайности напуганы.

– Господин, о нашей школе распространяют дурные слухи, – говорили они моему отцу. – Что скажут наши родители?

Отец собрал всех учениц во внутреннем дворе.

– Чего вы боитесь, девочки? – спросил он. – Разве вы сделали что-то противоречащее исламу? Разве совершали какие-то аморальные поступки? Нет. Вы всего лишь брызгались водой и фотографировались. Так что бояться вам нечего. Пусть приверженцы мауланы Фазлуллы пытаются нас оклеветать. Не обращайте на них внимания! Вы имеете такое же право бегать по траве, дышать свежим воздухом и любоваться красотой природы, как и мальчики.

Отец держался невозмутимо и уверенно, но я чувствовала, что в глубине души он очень обеспокоен. Правда, на родственников большинства школьниц пасквиль не произвел сильного впечатления – лишь один человек забрал из школы свою сестру. Но отец понимал, что на этом проблемы не закончатся. Вскоре после этого мы узнали, что через Мингору пролегает путь

Исмаила Хана, человека, в одиночку совершающего марш мира из Дера. Мы решили поприветствовать его на улице. Но когда мы вышли из дома, к нам приблизился какой-то низкорослый человек, возбужденно говоривший по двум мобильным телефонам одновременно.

– Не ходите туда! – предупредил он. – Террорист-смертник устроит там взрыв!

Но мы обещали поприветствовать борца за мир, поэтому другой дорогой дошли до улицы, по которой он проходил, повесили на шею Исмаила Хана гирлянду и быстро вернулись домой.

Всю весну и лето происходили странные вещи. Какие-то неизвестные люди бродили вокруг нашего дома и расспрашивали соседей о нашей семье. Отец считал, что это агенты военной разведки. Их визиты участились после того, как отец и Сват Кауми Джирга провели в нашей школе митинг, направленный против решения армейского руководства организовать в Мингоре ночные патрули.

– Армейские начальники утверждают, что в нашей стране царит мир, – заявил в своем выступлении отец. – Если это так, зачем нам ночные патрули?

Наша школа стала местом проведения конкурса юных художников, в котором участвовали многие дети Мингоры. Спонсором этого конкурса выступил друг моего отца, руководитель негосударственной организации, отстаивающей права женщин. Детские рисунки должны были доказать, что мальчики и девочки обладают равными способностями, и показать всю безосновательность дискриминации женщин. Однажды утром к отцу явились два офицера военной разведки.

– Что творится в вашей школе? – спросили они.

– Ничего особенного, – пожал плечами отец. – Конкурс детских рисунков – такое же обычное дело для школы, как конкурс на лучшее сочинение или же состязание ораторов.

Услышав это, офицеры очень разозлились. Отец тоже пришел в гнев.

– В этой стране все знают меня и знают, чем я занимаюсь! – заявил он. – Очень жаль, что вы не хотите заниматься тем, чем обязаны, – поимкой Фазлуллы и его приспешников, руки которых обагрены кровью мирных жителей.

Наступил месяц Рамадан. Друг моего отца Вакил Хан, живущий в Карачи, прислал нам одежду для раздачи бедным. Мы отвели под это мероприятие большой зал. Самыми первыми туда явились агенты военной разведки.

– Чем вы тут занимаетесь? – налетели они на отца. – Откуда

взялись эти тряпки?

12 июля 2011 года мне исполнилось четырнадцать. По исламским меркам, с этого возраста человек считается взрослым. В день моего рождения пришло известие о том, что талибы убили владельца отеля «Сват Континенталь», который был членом комитета по борьбе за мир. Он шел из дома в свой отель, когда на него напали из засады.

Жители долины Сват снова начали беспокоиться о том, что талибы вернутся. Если в 2008–2009 годах они угрожали самым разным людям, теперь объектами угроз стали исключительно правозащитники, выступающие против боевиков и самоуправства армии.

– Беда в том, что движение Талибан – это не просто мощная организация, – утверждал Хидаятулла, друг моего отца. – Это образ мышления, широко распространенный в Пакистане. Всякий, кто ненавидит Америку, западный образ жизни и сильную государственную власть, в той или иной степени сочувствует Талибану.

Поздно вечером 3 августа отцу позвонил корреспондент канала «Geo» по имени Мехбуб. Он приходился племянником другу отца Захиду Хану, который в 2009 году подвергся нападению талибов. Люди считали, что и Захид Хан, и мой отец находятся под прицелом Талибана и рано или поздно будут убиты; они не знали только, кому суждено расстаться с жизнью первым. Мехбуб сообщил, что его дядя тяжело ранен – кто-то выстрелил ему в лицо, когда он шел в мечеть возносить вечерние молитвы.

Когда отец услышал это страшное известие, он ощутил, что земля уходит у него из-под ног.

– У меня такое чувство, словно стреляли в меня, – говорил он. – Наверное, скоро настанет мой черед.

Мы умоляли отца не ходить в больницу. Час был уже поздний, и те, кто стрелял в Захида Хана, могли подстерегать отца на улице. Но отец ответил, что он не намерен трусливо отсиживаться дома. Конечно, он мог попросить кого-нибудь из своих друзей-правозащитников сопровождать его, но у него не было на это времени. Поэтому отец отправился в больницу, взяв с собой только моего двоюродного брата. Мама принялась молиться, прося Бога уберечь ее мужа от опасности.

Когда отец пришел в больницу, он застал там всего одного члена Кауми Джирга. Кровь из раны Захида Хана хлестала так сильно, что казалось, его белую бороду выкрасили в красный цвет. Но все же ему повезло. Нападавший стрелял в него три раза с близкого расстояния, но Захиду Хану удалось схватить его за

руку, и только первая пуля достигла цели. Она пробила шею и вышла через нос. Позднее он рассказал, что стрелявший был небольшого роста. На бритом лице, не закрытом маской, играла улыбка – это Захид Хан запомнил очень отчетливо. Потом он словно провалился в пустоту. Ирония судьбы состояла в том, что Захид Хан долгое время не ходил в мечеть из соображений безопасности и лишь в последнее время, уверившись в том, что ему ничего не угрожает, вновь принялся посещать вечерние моления.

Помолившись о выздоровлении друга, отец обратился к журналистам.

– Если в нашей стране установлен прочный мир, почему этот человек подвергся нападению? Этот вопрос я хотел бы задать правительству Пакистана и армейскому руководству, – сказал он.

Люди советовали моему отцу покинуть больницу.

– Зияуддин, не надо рисковать! – говорили они. – Время уже позднее. Ни к чему подставлять себя под удар.

Наконец Захида Хана отправили в Пешавар, где ему должны были сделать операцию. Отец вернулся домой. Я ждала его, не в силах уснуть от волнения. Когда он пришел, я проверила запоры на всех дверях.

На следующее утро наш телефон буквально разрывался от звонков. Люди предупреждали моего отца, чтобы он был осторожнее. Все считали, что он может стать следующей мишенью террористов. Одним из первых позвонил Хидаятулла.

– На его месте мог оказаться ты, – сказал он. – Они отстреливают членов Кауми Джирга одного за другим. Ты один из самых видных активистов. Удивительно, что ты до сих пор жив.

Отец не сомневался, что талибы намерены его убить. Тем не менее он отказался от полицейской охраны.

– Если я буду ходить с охраной, талибы пустят в ход автоматы Калашникова или террористов-смертников, – говорил он. – В результате вместе со мной погибнут еще несколько человек. Если мне суждено быть убитым, пусть я погибну один.

Покинуть долину Сват отец тоже наотрез отказался.

– Как я могу уехать? – спрашивал он у мамы. – Вся моя жизнь здесь. Я – президент Всеобщего совета мира, спикер совета старейшин, президент Ассоциации частных школ долины Сват, директор своей собственной школы и глава своей собственной семьи.

Единственной мерой предосторожности, на которую пошел отец, стал отказ от неизменного распорядка дня. Он ежедневно посещал начальную школу, школу для мальчиков и школу для девочек, но теперь никто не знал, в какой последовательности он

будет это делать. Я заметила, что, выходя на улицу, он стал чаще оглядываться по сторонам.

Несмотря на нависшую над ними опасность, отец и его друзья продолжали свою правозащитную деятельность, организуя пресс-конференции и митинги протеста. Если с талибами в нашей стране покончено, кто стрелял в Захида Хана? – спрашивали они.

– Да, это верно, в последнее время атаки Талибана на армию и полицию прекратились, – заявлял отец. – Теперь объектом мести талибов стали люди, не принадлежащие к силовым структурам, – борцы за мир и права человека.

Местному армейскому руководству деятельность активистов, разумеется, не нравилась.

– Никаких террористов в Мингоре нет, – утверждали они. – Нападение на Захида Хана не имеет никакого отношения к политике. Скорее всего, у него вышел с кем-то конфликт по имущественным вопросам.

Захиду Хану была сделана операция по восстановлению формы носа, после которой он двенадцать дней провел в больнице и целый месяц лечился дома. Но он тоже не собирался молчать. В своих выступлениях он утверждал, что военная разведка тайно поддерживает Талибан.

«Я догадываюсь, кому нужно было меня убрать, – сообщал он в одном из своих писем в газету. – Наш народ должен знать, по чьей указке действуют боевики».

Захид Хан требовал проведения судебного разбирательства, которое выяснило бы, с чьей помощью талибы подчинили себе нашу долину.

Он нарисовал портрет человека, который в него стрелял, и передал этот портрет в полиции, надеясь, что террорист будет схвачен. Но полиция и не думала заниматься его поисками.

После того как мне начали угрожать, мама запретила мне ходить по улицам одной. По ее настоянию я ездила в школу на рикше, а возвращалась на автобусе, хотя дорога пешком занимала не больше пяти минут. Из автобуса я выходила у лестницы, которая вела на нашу улицу. Обычно здесь болтались мальчишки, живущие по соседству. Иногда среди них был мальчик по имени Харун. Он был старше меня на год и раньше жил на нашей улице. Мы вместе играли, и однажды он сообщил, что любит меня. Но вскоре в семье нашей соседки Сафины поселилась ее хорошенькая двоюродная сестра, и Харун влюбился в нее. Впрочем, она заявила, что он ей совершенно не нравится. Тогда он вновь переметнулся ко мне. Потом его семья переехала на другую улицу, а мы перебрались в их дом. Харун уехал в другой город и поступил в военное училище.

Но сейчас он вернулся домой на каникулы. Как-то раз, возвращаясь из школы, я увидела его на улице. Он шел за мной по пятам до самого нашего дома. Я вошла в ворота и через несколько минут увидела, что он подсунул под них записку.

«Ты стала очень знаменитой, но я по-прежнему люблю тебя и знаю, что ты любишь меня, – говорилось в этой записке. – Позвони мне. Вот мой номер».

Отец страшно рассердился, когда я показала ему записку. Он позвонил Харуну и потребовал, чтобы тот оставил меня в покое, пригрозив в противном случае поговорить с его отцом. После этого я больше не видела Харуна. Мальчишки перестали приходить на нашу улицу, и только один из малышей, приятелей Атала, дразнил меня, спрашивая при каждой встрече: «А где твой жених Харун?» Меня это выводило из себя, и я наорала на Атала, потребовав, чтобы он прекратил эти дурацкие выходки. Я была в такой ярости, что брат испугался и каким-то образом заставил своего друга прекратить свои дурацкие шутки.

Когда мы с Монибой в очередной раз помирились, я рассказала ей об этой истории. Она всегда была очень осторожна в отношениях с мальчиками, потому что братья следили за каждым ее шагом.

– Иногда мне кажется, лучше быть вампиром из фильма «Сумерки», чем девочкой в долине Сват, – вздохнула я. Но, по правде говоря, мне бы очень хотелось, чтобы домогательства мальчишек были моей главной проблемой.

20. Кто из вас Малала?

Как-то утром в конце лета отец, собираясь в школу, заметил, что мой портрет, подаренный школьниками Карачи, висит косо. Отцу очень нравился этот портрет, который он повесил над своей кроватью, и ему неприятно было видеть, что портрет покосился.

– Поправь его, – приказал он маме непривычно резким тоном.

Через несколько дней наша учительница математики, госпожа Шазия, пришла в школу очень расстроенная и сообщила отцу, что сегодня ночью видела дурной сон. Ей снилось, что я пришла в школу с сильно обожженной ногой и она не знала, как мне помочь. Госпожа Шазия просила отца раздать бедным как можно больше вареного риса. У пуштунов есть поверье, что не только люди, которые получают от нас вареный рис, но даже птицы и муравьи, поедающие крошки с нашего стола, будут за нас молиться. Отец вместо риса раздал бедным деньги. Госпожа Шазия была этим очень расстроена, так как деньги не заменяют рис.

Никто из нас не придал значения тревожным предчувствиям госпожи Шазии, но вскоре я тоже начала видеть дурные сны. Я ничего не говорила родителям, но страхи преследовали меня все настойчивее. Выходя на улицу, я боялась, что талибы выстрелят в меня или плеснут мне в лицо кислотой, как они это делали с женщинами в Афганистане. Стоило мне услышать шаги по лестнице, ведущей на нашу улицу, сердце мое замирало. Иногда по ночам мне казалось, что я слышу шаги и вижу в сумраке чьи-то грозные тени.

В отличие от отца я принимала меры предосторожности. Вечером, дождавшись, когда все домашние уснут, я проверяла, надежно ли заперты двери и окна. Выходила на улицу и проверяла засов на воротах. Потом поочередно обходила все комнаты. В моей комнате было два окна. Отец советовал мне задергивать на ночь шторы, но я не делала этого, чтобы сразу увидеть террористов, проникших во двор. С родителями я не делилась своими страхами. «Если бы талибы хотели меня убить, они сделали бы это в 2009 году», – смело говорила я. А сама каждую ночь воображала, как боевики приставляют к стене лестницу, карабкаются по ней и врываются в дом через окно.

Главным моим утешением была молитва. По ночам я молилась особенно горячо. Талибы заявляли, что нас с отцом нельзя считать мусульманами. Но это не так. Мы верим в Бога ничуть не меньше, чем они, и всегда просим у Него помощи и защиты. Обычно я читала аят аль-Курси (стих Престола), 255-й

аят второй суры Корана «Аль-Бакара» («Корова»). Это особый аят, и мы верим: если на ночь прочесть его три раза, твой дом будет защищен от вторжения шайтана и прочей нечистой силы. Если прочесть его пять раз, нечистая сила не проникнет на твою улицу, если семь – под защитой будет весь город или деревня. Я обязательно читала аят семь раз, а то и больше. Потом я обращалась к Богу.

– Благослови нас, Господи, – просила я. – Благослови моего отца и всю нашу семью, нашу улицу, нашу махалля, всю долину Сват и всех мусульман. Нет, Господи, прошу Тебя, благослови не только мусульман, но всех людей на земле.

Больше всего я молилась в период экзаменов. В это время я и мои подруги непременно молились пять раз в день, как моя мама делала всю жизнь и пыталась приучить меня. Молиться днем было особенно трудно – в это время по телевизору обычно показывали интересные передачи, от которых не хотелось отрываться. Но в период экзаменов я обязательно вставала на молитву и просила Аллаха послать мне хорошие оценки. Правда, наши учителя часто повторяли:

– Бог не будет помогать вам, если вы сами не будете стараться. Бог щедр и милостив только к тем, кто этого достоин.

Надо сказать, я старалась изо всех сил. Я всегда любила экзамены, потому что они давали мне возможность показать, на что я способна. Но в октябре 2012 года я сильно нервничала, потому что боялась, что снова стану второй, уступив Малке-и-Нур, как это случилось в марте. Она опередила меня не на один-два балла – таков был обычный разрыв между нами, – а на целых пять баллов! Не желая уступать первенство, я дополнительно занималась с учителем из школы для мальчиков, господином Амджадом. Накануне экзаменов я занималась до трех часов ночи и перечитывала учебник от корки до корки.

Первым экзаменом, который состоялся в понедельник, 8 октября, была физика. Я очень люблю этот предмет за то, что он изучает незыблемые и объективные законы Вселенной, которые не зависят ни от политической ситуации, ни от настроения в обществе, ни от положения дел в нашей стране. Пока мы ждали начала экзамена, я повторяла про себя священные стихи. Я быстро ответила на все вопросы, но, уже сдав экзаменационный лист, поняла, что допустила в одном ответе ошибку. От досады я едва не плакала. Неверный ответ на один вопрос стоил всего одного балла, но мне казалось, это настоящая катастрофа.

Вернувшись домой, я чувствовала себя очень усталой и хотела спать. Но на следующий день нам предстояло сдавать историю Пакистана – предмет, который всегда казался мне

сложным. Мне не хотелось терять баллы, поэтому я сварила себе кофе с молоком, чтобы отогнать духов сна. Мама вошла в кухню, попробовала кофе, и он ей так понравился, что она выпила его без остатка. Не могла же я сказать:

– Бхаби, пожалуйста, не пей, это мой кофе.

Но, хотя больше кофе в нашем шкафу не осталось и мне не удалось сварить себе вторую порцию, я вновь просидела допоздна, изучая историю нашей независимости.

Утром родители, как обычно, вошли в мою комнату и разбудили меня. Не помню ни единого раза, чтобы я проснулась сама. Мама, как всегда, приготовила нам завтрак – яичницу, хлеб чапати и сладкий чай. Мы позавтракали все вместе – я, родители и мои братья Хушаль и Атал. Для мамы это был особенный день. Сегодня она собиралась начать заниматься с госпожой Ульфат, учительницей начальной школы, у которой в свое время училась я.

Отец дразнил восьмилетнего Атала, который ужасно трусил.

– Смотри, Атал, когда Малала будет премьер-министром, ты станешь ее секретарем, – сказал он. – На большее ты вряд ли способен.

Атал жутко обиделся.

– Ну уж нет! – заявил он. – Я не глупее Малалы. Скорее уж я буду премьер-министром, а ее, так и быть, возьму в секретари.

Из-за этой шутливой болтовни я слишком засиделась за столом и вскочила, не доев яичницу, когда поняла, что опаздываю.

Экзамен по истории Пакистана прошел лучше, чем я ожидала. Мне достались вопросы о том, как Мухаммед Али Джинна провозгласил Пакистан первым в истории государством для мусульман, и о национальной трагедии, в результате которой возникла новая независимая страна Бангладеш. Трудно было представить, что Бангладеш, которую отделяют от Пакистана тысячи километров, когда-то была частью нашей страны. Я быстро и уверенно заполнила экзаменационный лист. Радуясь тому, что экзамен остался позади, мы с подружками болтали и смеялись в ожидании школьного автобуса, который должен был развезти нас по домам.

Автобус каждый день совершал два рейса, и мы поехали вторым. Всем нам хотелось еще немного побыть вместе. Как сказала Мониба, «после экзамена поболтать особенно приятно». Я была с ней совершенно согласна. Сдав экзамен, я чувствовала такое облегчение, что позабыла обо всех своих тревогах. Правда, мне очень хотелось есть, а так как нам всем уже исполнилось четырнадцать лет, мы не могли выйти на улицу и купить себе

перекусить. Пришлось попросить одну из маленьких девочек принести мне початок вареной кукурузы. Я откусила от него несколько раз и отдала другой девочке.

В 12 часов дня баба объявил по громкоговорителю, что прибыл автобус. Мы бегом спустились по лестнице. Все девочки, кроме меня, закрывали лица, прежде чем выйти за школьные ворота. А я ограничивалась тем, что покрывала голову платком.

Рассевшись по местам, мы стали ждать двух учителей, которые должны были поехать вместе с нами. Я попросила водителя, Усмана Бхай Джана, рассказать нам какую-нибудь забавную историю. У него всегда было в запасе множество анекдотов. Но в этот день он не стал ничего рассказывать, а показал нам фокус с исчезающими камешками.

– Расскажите, как вы это делаете! – просили мы, но Усман Бхай Джан не выдал своего секрета.

Наконец все собрались. Госпожу Руби и двух маленьких девочек водитель усадил в свою кабину. Еще одна малышка расплакалась, заявив, что тоже хочет ехать в кабине. Водитель говорил, там больше нет места, но мне было так ее жаль, что я уговорила всех немного подвинуться, чтобы она могла сесть.

Мама настаивала на том, чтобы Атал, который учился в начальной школе, возвращался домой вместе со мной. Поэтому он подошел к нашему автобусу и, по обыкновению, заявил, что поедет сзади, в маленьком открытом кузове. Иногда Усман Бхай разрешал ему прокатиться подобным образом, хотя и ворчал, что это опасно. Но сегодня он был непреклонен.

– Залезай в салон, Атал Хан, или я тебя не возьму! – воскликнул он.

Упрямец Атал заявил, что лучше пойдет пешком, и отправился домой в компании своих друзей.

Усман Бхай нажал на газ, и автобус двинулся с места. Я болтала с Монибой. Некоторые девочки пели, и я пальцами отбивала ритм по спинке сиденья.

Мы с Монибой любили сидеть у открытой задней дверцы и смотреть, что происходит на улице. В тот день на улице Хаджи Баба царило оживление: рикши, пешеходы и мотоциклисты совершали в толпе сложные маневры, бранясь и нажимая на гудки. Продавец мороженого на большом трехколесном велосипеде, разрисованном красными и белыми ядерными ракетами, ехал за нами, пока один из учителей не погрозил ему кулаком. Какой-то человек резал цыплят на обочине, кровь брызгала на улицу. Я постукивала пальцами. Чоп-чоп-чоп. Дрынь-дрынь-дрынь. Когда я была маленькой, мне часто доводилось слышать – жители долины Сват так миролюбивы, что здесь

трудно найти мужчину, способного зарезать цыпленка. Похоже, за минувшие годы люди сильно изменились.

В воздухе носился запах дизельного топлива, горячего хлеба, кебаба, смешанный со зловонием, исходившим от гниющей реки. Несмотря на все кампании за чистоту окружающей среды, проводимые моим отцом, люди продолжали бросать в реку мусор. Скоро настанет зима, подумала я, выпадет снег, и все вокруг притихнет, станет белым и чистым.

Автобус свернул направо, к армейскому контрольно-пропускному пункту. На будке висел плакат «Разыскиваются террористы!» с фотографиями людей в тюрбанах, с длинными бородами и безумными глазами. Одним из этих людей был Фазлулла. Прошло больше трех лет с проведения операции по освобождению долины Сват от талибов. Мы были благодарны армии, положившей конец власти Талибана, но не могли понять, почему наша долина до сих пор находится на военном положении: на каждом шагу стояли контрольно-пропускные пункты, на крышах засели автоматчики. Для того чтобы приехать в Сват, людям требовалось официальное разрешение.

На дороге, ведущей на вершину холма, обычно было полно рикш и пешеходов, но в тот день она была непривычно пустынной.

– Интересно, куда все подевались? – спросила я у Монибы.

Все девочки пели и болтали, и автобус дрожал от гула наших голосов.

Я подумала, что сейчас мама, возможно, входит в двери школы, чтобы взять урок чтения – первый с тех пор, как в шестилетнем возрасте она бросила учиться.

Я не видела двух молодых людей, которые внезапно вышли на дорогу, преградив автобусу путь. Я не успела ответить на вопрос: «Кто из вас Малала?» Не успела объяснить им, что все девочки на свете, в том числе их сестры и дочери, имеют право ходить в школу.

Последняя мысль, промелькнувшая в моей голове, была о том, что нынешним вечером мне надо готовиться к следующему экзамену. А потом раздались три выстрела. Перед глазами у меня встал человек, резавший цыплят. Чоп-чоп-чоп. Дрынь-дрынь-дрынь. Три отрубленные головы упали на грязную землю.

Часть четвертая
Между жизнью и смертью

Выстрелы из темноты! Почему я не проклял вас?

Вы превращаете дома, где жила любовь, в груды развалин.

بنيړي به ولي درته نه کړم توره توپکه ورانه وي ودان کورونه

21. Господи, я вверяю ее Твоей милости

Как только Усман Бхай Джан осознал, что произошло, он на огромной скорости помчался к Центральной больнице. Все девочки плакали и причитали. Я лежала на коленях у Монибы, из раны на моей голове и левого уха хлестала кровь. На полпути к больнице автобус остановил полицейский и принялся задавать вопросы, отнимая у нас драгоценное время. Одна из девочек попыталась нащупать пульс у меня на шее.

– Она жива! – закричала она. – Мы должны немедленно отвезти ее в больницу. Чем задерживать нас, лучше ловите преступников, которые это сделали!

Нам, жителям Мингоры, наш город кажется огромным, но на самом деле это, конечно, не так. Новости здесь распространяются стремительно. Отец находился в пресс-клубе на собрании Ассоциации частных школ. Он как раз собирался выступать, когда у него зазвонил мобильник. Увидев номер школы Хушаль, он передал телефон своему другу Ахмеду Шаху, чтобы тот ответил за него.

– Террористы только что обстреляли школьный автобус, – срывающимся голосом прошептал Ахмед Шах.

Отец изменился в лице. Мысль о том, что я могла находиться в этом автобусе, не давала ему покоя. Он попытался успокоиться, внушая себе, что стрелявшим мог быть ошалевший от ревности мальчишка-подросток, влюбленный в одну из школьниц. Наверняка он выстрелил в воздух, чтобы привлечь внимание предмета своих воздыханий, говорил себе отец. Собрание, на котором он присутствовал, было чрезвычайно важным. На него собралось около 400 владельцев школ со всех концов долины Сват. Члены ассоциации собирались выразить протест против планов правительства подчинить частные школы управлению из центра. Будучи президентом ассоциации, отец понимал, что не имеет права подвести своих коллег. Поэтому он не отменил свое выступление. Но пока он говорил, лоб его от волнения покрылся бусинками пота, которые он забывал смахивать.

Едва закончив речь, отец, не дожидаясь вопросов от аудитории, бросился в больницу. Его сопровождали Ахмед Шах и еще один друг, Риаз, у которого была машина. Приехав, они увидели, что у входа в больницу собралась толпа журналистов с фото– и телекамерами. Отец сразу понял, что я ранена, и сердце его упало. Протолкавшись сквозь толпу, он, озаряемый вспышками камер, ворвался внутрь. Я лежала на каталке с перевязанной головой. Глаза мои были закрыты, намокшие от

крови волосы разметались по подушке.

– Моя доченька! Моя смелая, моя красивая девочка, – повторял отец, покрывая поцелуями мой лоб и щеки.

Сам того не замечая, он разговаривал со мной по-английски. Наверное, я почувствовала, что он рядом, хотя глаза мои были закрыты. Позднее отец вспоминал:

– Не могу объяснить почему, но я ощущал, что она меня слышит.

Некоторым даже показалось, что я едва заметно улыбнулась. Отец тоже заметил движение моих губ, и в душе его шевельнулась надежда на то, что он меня не потеряет. Потом он часто повторял, что тот день был самым черным днем его жизни. Все дети бесценны для своих родителей, но для отца я была центром вселенной. Едва ли не с первых лет жизни я стала не только его другом, но и единомышленником, товарищем по борьбе – сначала тайно как Гюль Макай, затем открыто. Несмотря на угрозы в мой адрес, отец верил, что у талибов не хватит подлости воевать с девочкой. Если они нанесут удар, он будет направлен против него одного, считал он. Теперь у него было такое чувство, словно в него ударила молния.

– Они хотели убить одним выстрелом двух зайцев, – говорил он. – Убить Малалу и заставить меня замолчать навеки.

Сердце у отца разрывалось от горя, но он сдерживал слезы. Вокруг нас были люди. Все участники собрания приехали в больницу, журналисты и общественные деятели заполнили холл. Казалось, здесь собрался весь город.

– Молитесь за Малалу, – попросил отец.

Доктор сообщил ему, что компьютерная томография показала – пуля не затронула мозг. Хирурги обработали и перевязали рану.

– О Зияуддин! Как такое могло случиться!

В палату ворвалась госпожа Мариам. В тот день она не работала и возилась со своими малышами, когда ей позвонил родственник. Он ни о чем не стал рассказывать, только спросил, все ли с ней в порядке, но госпожу Мариам этот звонок встревожил. Она включила телевизор и на бегущей строке увидела сообщение об обстреле автобуса школы Хушаль. Узнав, что я ранена, она сразу позвонила своему мужу, и он отвез ее в больницу на своем мотоцикле. Подобный способ передвижения, разумеется, не слишком подходил для уважаемой пуштунской женщины, но у госпожи Мариам не было другого выбора.

– Малала, Малала, ты меня слышишь? – спрашивала она.

В ответ я застонала.

Госпожа Мариам попыталась узнать подробности о моем состоянии. Знакомый доктор сообщил ей, что пуля пробила лобную кость, не задев мозг, и моей жизни ничего не угрожает. Две другие девочки, которые были ранены вместе со мной, тоже находились в больнице. Шазии досталось две пули, одна пробила ключицу, другая – ладонь. Кайнат сначала даже не заметила, что ранена, и только дома обнаружила, что пуля задела ее левое предплечье. Родные привезли ее в больницу.

Отец понимал, что он должен узнать, как себя чувствуют его ученицы, но он не хотел ни на минуту отходить от моей постели. Телефон его разрывался от звонков. Первым позвонил премьер-министр провинции Хайбер-Пахтунхва.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо, – сказал он. – Вашу дочь перевезут в лучшую больницу Пешавара.

На помощь нам пришла армия. В три часа дня командир местного военного подразделения пришел в больницу и сообщил, что мы с отцом будем доставлены в Пешавар на вертолете. Времени для того, чтобы захватить с собой маму, не было, и госпожа Мариам заявила, что полетит вместе с нами, так как мне может понадобиться женская помощь. Семья госпожи Мариам не одобряла ее решения, потому что она еще кормила грудью сына, только что перенесшего небольшую операцию. Но она была мне второй матерью и не могла меня оставить.

По дороге на вертолетную площадку отец очень волновался, что талибы обстреляют машину «скорой помощи», в которой мы ехали. Ему казалось, все вокруг знают, кто в ней едет. Вертолетная площадка находилась всего в километре от больницы, ехать пришлось пять минут, но для моего отца эти пять минут показались вечностью. Когда мы приехали, выяснилось, что вертолета еще нет, и нам пришлось ждать. Ожидание было мучительным для моего отца. Наконец вертолет прибыл, и меня погрузили на борт вместе с отцом, двоюродным братом Ханджи, Ахмедом Шахом и госпожой Мариам. Никто из нас прежде никогда не летал на вертолете. Вертолет взмыл в воздух и полетел над стадионом, где как раз проходил какой-то армейский праздник. После отец вспоминал, что, услышав долетавшие из динамиков патриотические песни, он едва не заткнул уши. Он всегда любил песни и музыку, но слушать бодрое пение сейчас, сидя рядом с пятнадцатилетней дочерью, которая лежала без сознания, словно мертвая, было выше его сил.

Далеко внизу мама провожала вертолет глазами, стоя на крыше нашего дома. Когда пришло известие о том, что я ранена, мама занималась с госпожой Ульфат и впервые в жизни пыталась прочесть слова «книга» и «яблоко». Страшная новость долетела до

мамы в искаженном виде, и поначалу она считала, что школьный автобус попал в аварию и у меня повреждена нога. Мама со всех ног бросилась домой и рассказала обо всем бабушке, которая жила с нами. Она попросила бабушку молиться обо мне. Мы верим, что молитвы стариков, убеленных сединами, быстрее доходят до Аллаха. Заметив на столе остатки яичницы, которую я не успела доесть утром, мама зарыдала. На стенах висели фотографии, на которых я получала различные премии. Их маме было особенно больно видеть, ведь она всегда относилась к этим премиям с настороженностью. Малала, Малала, повсюду Малала.

Вскоре наш дом наполнился женщинами. Согласно пуштунским обычаям, если кто-нибудь умирает, женщины приходят в дом умершего, а мужчины – в худжру, причем не только родственники и близкие друзья, но и все соседи.

Мама была ошеломлена, увидев такое количество людей. Она опустилась на коврик для молитвы и принялась читать на память суры Корана.

– Не надо плакать, лучше молитесь, – просила она собравшихся.

В комнату ворвались оба моих брата. Атал, вернувшись из школы пешком, первым делом включил телевизор и узнал из выпуска новостей, что в меня стреляли. Он позвонил Хушалю. Братья в два голоса стали подтягивать плакальщикам. Телефон звонил не переставая. Люди сообщали маме, что опасности для моей жизни нет, так как пуля задела только лобную кость. Мама уже не знала, что и думать, – сначала сообщили, что у меня повреждена нога, потом – что я ранена в голову. Ей хотелось пойти в больницу и быть рядом со мной, но люди убеждали ее остаться дома. Если Малала жива, ее немедленно перевезут в большой город, говорили они. Один из друзей отца позвонил и сообщил, что меня перевозят в Пешавар. Кто-то принес мои ключи, найденные на месте нападения, и это было самым тягостным моментом в маминой жизни.

– Мне не нужны ключи, мне нужна моя дочь! – закричала она, заливаясь слезами. – Зачем мне ее ключи, если со мной нет Малалы?

Тут все услышали шум вертолета. Женщины бросились на крышу.

– Это летит Малала! – кричали они.

Мама сорвала с головы платок – жест, который пуштунские женщины позволяют себе только в исключительных обстоятельствах, – и, держа его обеими руками, точно дар, протянула в небеса.

– Господи, я вверяю ее Твоей милости, – прошептала она. –

Мы отказались от охранников, потому что уповали на Твою защиту. Жизнь моей дочери в Твоих руках, Ты один волен решать, жить ей или умереть.

В вертолете меня начало рвать кровью. Отец пришел в ужас, сочтя это признаком внутреннего кровотечения. Надежды его таяли с каждой минутой. Но госпожа Мариам заметила, что я пытаюсь вытереть рот концом платка.

– Она приходит в сознание! – закричала она. – Это хороший знак!

Наконец мы прибыли в Пешавар. Сопровождавшие меня думали, что нас доставят в больницу «Lady Reading», где работал прекрасный нейрохирург доктор Мумтаз. Вместо этого нас отвезли в Объединенный военный госпиталь, самый большой госпиталь в Пешаваре, основанный еще во времена британского правления и рассчитанный на 600 койко-мест. Госпиталь этот постоянно реконструировался и расширялся. Пешавар – ворота Федерально управляемых племенных территорий, и с тех пор, как в 2004 году в этих краях начались вооруженные столкновения между армией и боевиками, госпиталь был постоянно переполнен. Здесь получают помощь раненые солдаты и жертвы терактов. Как и большинство госпиталей в нашей стране, он окружен высокими бетонными стенами, и для того, чтобы попасть на его территорию, нужно пройти через контрольно-пропускной пункт. Все это – необходимые меры предосторожности против террористов-смертников.

Меня незамедлительно направили на отделение интенсивной терапии. Часы над постом медсестер показывали, что сейчас всего пять часов дня. На каталке меня отвезли в бокс, отделенный стеклянной перегородкой. Медсестра поставила мне капельницу. В соседнем боксе лежал молодой солдат, которому взрывом самодельной бомбы оторвало ногу. Помимо этого, у него были тяжелейшие ожоги всего тела. Вскоре пришел молодой нейрохирург полковник Джунаид. Отец был недоволен тем, что доктор оказался таким юным.

– Это ваша дочь? – спросил доктор.

Госпожа Мариам сказала, что она моя мать, так как боялась, что ее попросят выйти из палаты.

Доктор осмотрел меня. Я была в сознании, стонала, металась в бреду и без конца моргала, но ничего не могла сказать. Доктор зашил рану над моей левой бровью – входное отверстие пули. К его удивлению, пули не было видно на рентгеновском снимке.

– Если есть вход, должен быть и выход, – сказал доктор.

Он осмотрел мой позвоночник и обнаружил пулю, засевшую вблизи левой лопатки.

– Наверное, она сутулилась и, когда в нее стреляли, голова у нее была наклонена вперед, – заметил доктор.

Мне снова сделали компьютерную томографию. Доктор пригласил отца в свой кабинет и показал результаты исследования. Он объяснил, что сканирование в больнице Мингоры было сделано только в одной проекции. Новые снимки показывают, что положение более серьезное, чем казалось раньше.

– Видите, Зияуддин, пуля прошла совсем близко от мозга, – пояснил доктор. – Осколки кости повредили мозговые мембраны. Будем ждать и молиться. Оперировать вашу дочь сейчас не имеет смысла.

Отец был в отчаянии. В Мингоре доктора уверяли его, что моей жизни ничего не угрожает, а сейчас выяснилось, что рана очень опасная. Но если это так, зачем откладывать операцию? В военном госпитале отец чувствовал себя очень неуютно. В нашей стране, где армия много раз захватывала власть, люди относятся к военным настороженно. В долине Сват, которая долгое время находилась практически на военном положении, эта настороженность была еще сильнее. Один из друзей отца позвонил ему и сказал:

– Забери Малалу из этого госпиталя. Ей ни к чему превращаться в шахид миллат (национальную мученицу) вроде Лиаката Али Хана.

Отец не знал, как поступить.

– Я в полной растерянности, – сказал он полковнику Джунаиду. – Зачем нас сюда привезли? Я думал, что мою дочь поместят в гражданскую больницу.

Помолчав, он попросил:

– Вы бы не могли пригласить для консультации доктора Мумтаза?

– Не уверен, что он согласится, – отрезал полковник Джунаид, оскорбленный подобной просьбой.

После мы узнали, что, несмотря на свою юношескую наружность, полковник Джунаид работал нейрохирургом уже тринадцать лет и считался самым опытным и знающим специалистом в армии. Он решил стать военным врачом, идя по стопам своего дяди, который тоже был военным нейрохирургом. К тому же армейские госпитали были лучше оборудованы и обладали бóльшими возможностями, чем гражданские больницы. Пешаварский госпиталь находился на переднем крае войны с талибами, и полковник Джунаид каждый день имел дело с огнестрельными и осколочными ранами.

– Я вылечил тысячи таких, как Малала, – говорил он

впоследствии.

Но в то время отец ничего этого не знал и относился к молодому доктору с недоверием.

– Делайте то, что считаете нужным, – только и мог сказать он.

Следующие несколько часов прошли в тревожном ожидании. Медсестры постоянно следили за частотой моего пульса и прочими жизненными показателями. Время от времени я постанывала, моргала или двигала рукой. Тогда госпожа Мариам окликала меня по имени:

– Малала, Малала.

Один раз я полностью открыла глаза.

– Никогда прежде я не замечала, какие у нее красивые глаза, – рассказывала госпожа Мариам.

Я заметалась по постели, пытаясь снять с руки датчик, присоединенный к монитору.

– Не надо этого делать, – успокаивала меня Мариам.

– Госпожа, не выгоняйте меня из класса, – прошептала я, словно мы были в школе. Госпожа Мариам была очень строгой директрисой.

Поздно вечером в больницу прибыли мама с Аталом. Их привез на машине друг отца Мухаммед Фарук. В пути они провели четыре часа. Госпожа Мариам заранее позвонила маме и предупредила:

– Когда увидите Малалу, не надо причитать и плакать. Она все слышит, даже если глаза у нее закрыты и кажется, что она без сознания.

Отец тоже позвонил маме и предупредил, что надо готовиться к худшему. Тем самым он хотел защитить ее от страданий.

Встретившись, мама и отец обнялись, сдерживая рыдания.

– Доченька, Атал здесь, – сказала мама, обращаясь ко мне. – Он приехал повидаться с тобой.

Хотя братишку просили держать себя в руках, увидев меня, он заревел в голос.

– Малала так тяжело ранена, – повторял он сквозь слезы.

Мама не могла понять, почему врачи не делают мне операцию и не извлекают пулю.

– Моя смелая доченька, моя красивая доченька, – твердила она.

От Атала было слишком много шума, и в конце концов всю мою семью отвели в гостиницу при госпитале.

Тем временем у госпиталя собралось множество людей – политиков, правительственных чиновников, общественных

деятелей, журналистов, – которые хотели выразить мне свое сочувствие. Даже губернатор нашей провинции был здесь; он выделил отцу 100 000 рупий на мое лечение. В нашей стране родственники умершего считают особой честью, если им выражают сочувствие представители правительства. Но моего отца только раздражало оказанное нам внимание. Все эти люди ничего не сделали, чтобы меня защитить, а сейчас ждали, когда я умру.

В гостинице, когда они сели перекусить, Атал включил телевизор. Отец немедленно его выключил. Он не мог слышать, как о покушении на его дочь рассказывают в новостях. Когда он вышел из комнаты, госпожа Мариам снова включила телевизор. По всем каналам показывали кадры хроники с моим участием, сопровождаемые молитвами, словно я уже умерла.

– Малала, бедная моя Малала, – зарыдала мама, и госпожа Мариам тоже заплакала.

Около полуночи полковник Джунаид вызвал отца в свой кабинет.

– Зияуддин, у Малалы отек мозга, – сообщил он.

Отец не представлял, что это значит и каковы могут быть последствия. Доктор пояснил, что мое состояние ухудшается, сознание гаснет и меня снова начало рвать кровью. Была проведена очередная КТ, которая показала, что отек мозга угрожает моей жизни.

– Но ведь нам сказали, что пуля не задела мозг, – пробормотал отец.

Доктор пояснил, что пуля расщепила кость и мелкие осколки повредили мозг, вызвав его отек. Необходимо удалить часть черепа, чтобы освободить для мозга больше пространства, так как растущее внутричерепное давление представляет прямую угрозу для моей жизни.

– Только операция может дать девочке шанс выжить. Если оставить все как есть, она умрет. А я не хочу сожалеть о своем бездействии.

Услышав, что мне придется удалить часть черепа, отец содрогнулся.

– Но если сделать операцию, она выживет? – спросил он, сознавая, что доктор не может дать ему никаких гарантий.

Полковник Джунаид принял смелое решение, хотя руководство госпиталя отговаривало его от операции, считая, что меня нужно отправить за границу. Решительность доктора спасла мне жизнь. Отец просил его действовать без промедления. Полковник Джунаид сказал, что обратится за помощью к доктору Мумтазу. Трясущимися руками отец подписал согласие на

операцию. Там черным по белому было написано: «Пациент может умереть».

Операция началась примерно в половине второго ночи. Отец и мама ждали в коридоре у операционной.

– Господи, прошу Тебя, сохрани жизнь Малалы, – молился отец.

Он даже пытался заключить с Богом сделку.

– Ради того, чтобы моя дочь выжила, я готов до конца дней скитаться в пустыне. Без нее я не смогу жить. Господи, возьми мою жизнь, я прожил уже достаточно. Но молю, сохрани юную жизнь моей дочери. Пусть она даже станет калекой, но останется жива.

В конце концов мама прервала его.

– Бог не скупец и не будет с тобой торговаться, – заявила она. – Если Он решит, что Малала должна жить, Он сохранит ей жизнь и здоровье.

Она начала молиться, держа в руках Коран. Несколько часов подряд она наизусть повторяла священные суры.

– Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь молился так истово, – вспоминала госпожа Мариам. – Слушая ее, я понимала, что Аллах не может не ответить на такую горячую молитву.

Отец старался не думать о прошлом, о том, что, поощряя мою правозащитную деятельность, он сам подставлял меня под удар.

Тем временем полковник Джунаид при помощи операционной пилы отделил от верхней левой части моего черепа участок размером примерно восемь квадратных сантиметров. Теперь у моего распухающего мозга появилось свободное пространство. Затем доктор надрезал подкожные ткани моего живота и поместил туда фрагмент черепной кости, чтобы сохранить его. После этого он сделал мне трахеотомию, так как опасался, что в результате отека у меня могут возникнуть нарушения дыхания. Он также извлек сгустки крови из моего мозга и пулю из-под моей левой лопатки. Операция продолжалась почти пять часов.

Отец не мог не думать о том, что 90 % людей, собравшихся у госпиталя, ожидают известия о моей смерти. Конечно, среди них были и те, кто искренне переживал за меня. Но многие завидовали нашей известности и считали, что я получила по заслугам.

Чтобы успокоиться, отец решил немного пройтись по коридору. Стоило ему отойти от операционной, его догнала медсестра.

– Вы отец Малалы? – спросила она.

У отца упало сердце. Он молча кивнул. Сестра провела его в

приемный покой.

Отец ожидал, что сейчас она скажет: «Мне очень жаль, но, боюсь, мы ее потеряли». Вместо этого сестра сообщила, что необходимо съездить на станцию переливания крови и привезти для меня кровь. Отец одновременно почувствовал и облегчение, и досаду. «Неужели, кроме меня, некому это сделать?» – подумал он. В результате на станцию поехал один из его друзей.

Примерно в половине шестого утра хирурги вышли из операционной. Они сообщили отцу, что отделили от моего черепа фрагмент кости и зашили его в брюшную полость. У нас не принято, чтобы доктора давали пространные объяснения родственникам больного, и отец робко осведомился:

– С вашего позволения, я хотел бы задать глупый вопрос. Как вы думаете, она выживет?

– Медицина не относится к точным наукам. Два плюс два не всегда здесь равняется четырем, – ответил полковник Джунаид. – Мы сделали все, что могли. Теперь надо ждать.

– Простите, но у меня еще один глупый вопрос, – не отставал отец. – Зачем вы зашили ей кость в брюшную полость?

– Месяца через три мы ее достанем и поместим на место, в череп, – пояснил доктор Мумтаз. – Это же элементарно.

Следующее утро принесло хорошие вести. Я смогла двигать руками. Три ведущих хирурга провинции специально прибыли в госпиталь, чтобы меня осмотреть. Они заявили, что полковник Джунаид и доктор Мумтаз великолепно справились со своей работой и операция прошла успешно. Но, по их мнению, меня надо было держать в состоянии искусственной комы, потому что, если я приду в сознание, внутричерепное давление возрастет.

Пока я находилась между жизнью и смертью, движение Талибан официально признало свою ответственность за покушение на меня. Однако боевики отрицали, что причина покушения заключалась в моей правозащитной борьбе.

– Да, мы стреляли в нее. Так будет со всяким, кто выступает против нас, – заявил Эхзанулла Эхзан, спикер талибов. – Малала стала нашей мишенью, потому что играла важную роль в распространении неверия. Несмотря на свою юность, она пропагандировала на пуштунских землях западный образ жизни. Она выступала против Талибана, потому что все ее симпатии принадлежали Западу. Президента Обаму она называла своим кумиром.

Отец знал, на что намекает спикер талибов. После того как год назад мне присудили Национальную премию мира, я дала множество телеинтервью. В одном из них меня спросили, есть ли у меня любимые политики. Я назвала Хана Абдулу Гаффара Хана,

Беназир Бхутто и Барака Обаму. Я много читала о жизни американского президента и восхищалась тем, что молодой афроамериканец из небогатой семьи сумел осуществить все свои мечты и амбиции. Но образ США, сложившийся в Пакистане, был однозначно негативным и вызывал ассоциации только с атаками беспилотников, секретными рейдами на нашу территорию и агентом ЦРУ Раймондом Дэвисом.

Спикер Талибана заявил, что Фазлулла приказал убрать меня на встрече, которая состоялась два месяца назад.

– Каждый, кто поддерживает правительство в борьбе против нас, умрет от наших рук, – заявил он. – Так было и так будет. Скоро мы нанесем удары по новым мишеням.

Он сообщил также, что они пользовались услугами двух жителей долины Сват, которые собирали сведения обо мне и о маршруте моих передвижений. Нападение было совершено возле армейского контрольно-пропускного пункта намеренно, чтобы показать, что Талибан не боится армии.

Утром после операции в госпитале поднялась суета – сестры наводили чистоту, врачи переодевались в новую форму. Вскоре прибыл главнокомандующий армией генерал Кайани.

– Весь пакистанский народ молится за вас и вашу дочь, – сказал он моему отцу.

Я познакомилась с генералом Кайани в 2009 году, когда он приезжал в долину Сват на митинг против талибов.

– Я счастлива, что армия сделала свое дело и прогнала талибов прочь, – сказала я на этом митинге. – Теперь осталось только поймать Фазлуллу.

Мои слова были встречены овациями. Генерал Кайани подошел ко мне и отеческим жестом положил мне руку на голову.

Полковник Джунаид доложил генералу о результатах операции и о планах дальнейшего лечения. Генерал Кайани сказал, что мои томографические снимки необходимо отправить за рубеж, чтобы получить консультацию тамошних специалистов. После его визита в палату, где я лежала, перестали допускать посетителей, опасаясь, что они занесут инфекцию. Но все равно люди продолжали приходить: Имран Хан, игрок в крикет, ставший видным политиком; Миан Ифтихар Хуссейн, министр информации нашей провинции и ярый противник талибов, которые застрелили его единственного сына; премьер-министр нашей провинции Хайдер Хоти, с которым я встречалась на ток-шоу. Никого из них ко мне не допустили.

– Мы верим, что Малала будет жить, – сказал Хоти людям, собравшимся у госпиталя. – Ей еще многое предстоит сделать.

Около трех часов дня из Равалпинди прибыли на вертолете

два британских специалиста – доктор Джавид Кайани и доктор Фиона Рейнольдс. Оба работали в клиниках Бирмингема и приехали в нашу страну, чтобы консультировать армейских хирургов, осуществлявших первую в Пакистане программу по трансплантации печени. Пакистан – страна шокирующей статистики, и не только в сфере образования. Около 15 % пакистанских детей больны гепатитом, причем заражение нередко происходит в медицинских учреждениях вследствие использования инфицированных шприцов. Смертность от заболеваний печени в Пакистане очень высокая.

Генерал Кайани решил изменить эту ситуацию, и армия в очередной раз взялась за выполнение задачи, которая оказалась не по силам гражданским властям. Генерал просил британских специалистов сообщить ему о достигнутых успехах, прежде чем они улетят домой. Встреча докторов с генералом произошла на следующий день после того, как я была ранена. Когда они вошли в кабинет генерала, там работало два телевизора – местный канал на урду и «Sky News» на английском. Оба сообщали о нападении на меня.

Несмотря на то что генерал и доктор – однофамильцы, они не доводились друг другу родственниками, но были хорошо знакомы. Генерал сказал доктору Джавиду, что его очень тревожит мое состояние, и попросил осмотреть меня. Доктор Джавид, специалист по экстренной помощи в госпитале королевы Елизаветы, согласился и сказал, что возьмет с собой доктора Фиону, сотрудника Бирмингемской детской больницы и специалиста по интенсивной терапии детей. Она опасалась ехать в Пешавар, район, закрытый для иностранцев. Но когда она узнала, что я боролась за право девочек учиться, то отбросила все страхи и решила помочь мне во что бы то ни стало. Доктор Фиона получила прекрасное образование и хотела, чтобы подобная возможность была у всех девочек на земле.

Полковник Джунаид и начальник госпиталя не особенно обрадовались, увидев английских докторов. Но когда они узнали, что их послал генерал Кайани, они не стали спорить и допустили их ко мне. Обстановка в пешаварском госпитале неприятно поразила англичан. Прежде всего они захотели помыть руки и пришли в ужас, узнав, что в кране нет воды. Оборудование, которое использовалось в госпитале, показалось им безнадежно устаревшим. Доктор Фиона спросила, когда мне в последний раз измеряли артериальное давление. Узнав, что два часа назад, она покачала головой и сказала, что давление мне необходимо измерять постоянно. Проверив мои показатели, она выяснила, что у меня в крови очень низкий уровень диоксида углерода.

Хорошо, что мой отец не слышал разговора английских докторов после осмотра. Доктор Фиона сказала своему коллеге, что у меня есть шанс выжить, так как операция была сделана в должное время и прошла успешно, но отсутствие должного послеоперационного лечения существенно снижает мои шансы. После нейрохирургического вмешательства жизненно важно следить за частотой дыхания и газообменом пациента. Уровень CO_2 в крови необходимо поддерживать в норме. Разумеется, для этого требуется соответствующее оборудование. Как сказал доктор Джавид, вернуть больного к жизни после такой операции – это все равно что собрать самолет. Без множества сложных инструментов это невозможно. В госпитале не было необходимого оборудования, а то, что имелось, не умели использовать должным образом. Британские доктора были очень встревожены моим состоянием, но не могли оставаться в Пешаваре и вскоре покинули его на вертолете.

Среди посетителей, которых не допустили в мою палату, был министр внутренних дел Пакистана Рехман Малик. Он принес заграничный паспорт на мое имя. Отец, конечно, поблагодарил его, хотя отнюдь не был уверен, что паспорт мне пригодится.

– Не знаю, зачем это Малале, – сказал он вечером маме, показывая паспорт. – Ведь на небеса принимают без всяких документов.

Оба заплакали. Родители не выходили за стены госпиталя и не знали, что весть о покушении на меня уже облетела весь мир и клиники многих стран готовы принять меня.

Состояние мое ухудшалось. Отец все реже отвечал на телефонные звонки. Но все же он переговорил с родителями девочки из Пенджаба по имени Арфа Карим, с которой я познакомилась на одном из форумов. Эта девочка была настоящим компьютерным гением, она достигла в программировании таких успехов, что уже в девять лет получила сертификат Майкрософт, став самым юным в мире компьютерным профессионалом. Арфа Карим даже летала в Силиконовую долину, где встречалась с Биллом Гейтсом. Но к сожалению, в январе 2012 года она умерла от сердечного приступа, спровоцированного эпилептическим припадком. Ей было всего шестнадцать – на год больше, чем мне. Услышав в трубке голос отца Арфы, мой отец разрыдался.

– Расскажите мне, как жить, потеряв дочь, – попросил он.

22. Путешествие в неизвестность

В меня стреляли во вторник, в середине дня. К утру четверга мой отец был уверен, что я умру. Он даже сказал моему дяде Фаизу Мухаммеду, что нашим родственникам в деревне следует начать подготовку к похоронам. Я находилась в искусственной коме, мои жизненные показатели ухудшались, лицо и тело сильно отекли, почки и легкие отказывались работать. Отцу тягостно было видеть, как я лежу без движения, опутанная трубками. Он не сомневался, что конец неизбежен, и сердце его разрывалось на части. «Моей дочери рано умирать, ведь ей всего пятнадцать, – постоянно вертелось у него в голове. – Неужели ее жизнь будет такой короткой?»

Мама молилась без устали, забыв про сон. Фаиз Мухаммед сказал, что ей следует читать суру Хадж, главу Корана, посвященную паломничеству в святые места, и она беспрестанно повторяла одни и те же строфы (58–70), повествующие о всемогуществе Аллаха. Мама сказала отцу, что сердце подсказывает ей – я выживу. Но это мало его утешало, слишком тяжелым было мое состояние.

Когда в палату зашел полковник Джунаид, отец снова спросил:

– Моя дочь будет жить?

– Вы верите в Бога? – ответил доктор вопросом на вопрос.

– Да, – кивнул отец.

Полковник Джунаид, человек нерушимой веры и большой духовной силы, посоветовал отцу молиться и уповать, что его молитвы будут услышаны.

В среду вечером из Исламабада прибыли два военных врача, специалиста по интенсивной терапии. Их послал генерал Кайани, обеспокоенный сообщением британских докторов о том, что в Пешаварском госпитале я не получаю должного лечения и могу умереть от инфекции или послеоперационных осложнений. Британские специалисты настаивали на том, что меня надо перевезти в другой госпиталь, но боялись, что время для этого уже упущено.

Доктора из Исламабада выяснили, что ни одна из рекомендаций доктора Фионы персоналом госпиталя не выполняется и мое состояние продолжает ухудшаться. Начались инфекционные осложнения. Утром в четверг один из военных врачей, полковник Аслам, позвонил доктору Фионе.

– Малала совсем плоха, – сообщил он.

У меня развилось состояние, называемое ДВС-синдромом

(диссеминированное внутрисосудистое свертывание). Это означало, что у меня нарушилась свертываемость крови, артериальное давление резко упало, а уровень кислоты в крови поднялся. Почки практически перестали выделять мочу. В общем, организм полностью вышел из строя. Доктор Фиона уже собиралась в аэропорт, чтобы лететь домой, в Бирмингем – ее багаж уже находился в аэропорту, – но после этого звонка она решила вернуться в Пешавар, чтобы спасти меня. С собой она взяла двух медсестер, которые работали с ней в Бирмингеме.

Доктор Фиона прибыла в Пешавар в четверг около полудня. Осмотрев меня, она сказала моему отцу, что меня необходимо срочно перевезти в госпиталь в Равалпинди, где работают опытные реаниматологи. Отец не представлял, как я в столь тяжелом состоянии вынесу перелет на вертолете. Но доктор Фиона убедила его, что препятствий для транспортировки нет. Отец спросил ее, есть ли надежда.

– Если бы надежды не было, я бы не настаивала на перелете, – ответила она.

Отец изо всех сил старался держать себя в руках, но тут из глаз его снова хлынули слезы.

Через какое-то время в палату вошла медсестра, чтобы закапать мне в глаза капли.

– Видишь, хайста, доктор Фиона права, – сказала мама отцу. – Если бы не было надежды, они не стали бы капать Малале капли.

Шазию, девочку из нашей школы, в которую тоже попала талибская пуля, перевезли в госпиталь, где находилась я, и доктор Фиона осмотрела заодно и ее. Она рассказала отцу, что Шазия чувствует себя хорошо и постоянно твердит:

– Спасите Малалу!

Машина «скорой помощи» доставила нас на вертолетную площадку. Были приняты меры строжайшей предосторожности – машину сопровождал эскорт мотоциклистов с мигалками. Перелет длился час пятнадцать минут. Доктор Фиона все это время хлопотала около меня, проверяя жизненные показатели. В Великобритании ей постоянно приходилось транспортировать тяжелобольных детей и реанимировать их. Но она впервые оказалась в столь сложной ситуации. Пешавар был местом, опасным для иностранцев, к тому же, набрав в «Гугле» мое имя и просмотрев несколько статей, доктор Фиона убедилась, что ей следует соблюдать особую осторожность.

– Я осознала: если что-нибудь случится с этой девочкой, в этом обвинят врача-иностранку, – рассказывала она впоследствии. – Если она умрет, меня объявят убийцей пакистанской национальной героини.

Как только вертолет приземлился в Равалпинди, машина «скорой помощи» в сопровождении военного эскорта доставила нас в госпиталь Военного института кардиологии. Тревога отца возросла, когда он узнал об этом. Он не мог понять, почему девочку, получившую ранение в голову, доставили в кардиологический институт. Но доктор Фиона объяснила ему, что в этом госпитале находится лучшее в Пакистане отделение интенсивной терапии, оснащенное новейшим оборудованием, и работают специалисты, прошедшие обучение в Великобритании. Медсестры из Бирмингема, сопровождавшие нас, объяснили здешним сестрам особенности ухода за пациентом, перенесшим нейрохирургическую операцию. Следующие несколько часов врачи не отходили от меня, постоянно вводили антибиотики и произвели несколько переливаний крови. Наконец доктора объявили, что мое состояние стабилизировалось.

Госпиталь охранялся как стратегический военный объект. Целый батальон солдат нес караул на его территории, на крыше засели снайперы. Все доктора носили военную форму, посещение больных разрешалось исключительно близким родственникам, которые проходили тщательный досмотр. За моими родителями всюду следовал военный в чине майора.

На отца все это производило угнетающее впечатление. Дядя постоянно твердил:

– Будь осторожен, здесь наверняка полно секретных агентов.

Моей семье выделили три комнаты в гостинице для офицеров. У всех забрали мобильные телефоны, объяснив, что это необходимо по соображениям безопасности. Думаю, причина была иная – руководство госпиталя не хотело, чтобы мой отец общался с журналистами. Всякий раз, когда мои родители хотели выйти из гостиницы и дойти до госпиталя, им требовалось получить разрешение по рации, а на это уходило не меньше получаса. Военные сопровождали их, даже когда они шли из гостиницы в столовую, хотя для этого требовалось всего лишь пересечь лужайку. Разумеется, никакие посетители в госпиталь не допускались. Даже премьер-министр, захотевший меня увидеть, получил отказ. Все эти меры предосторожности могли показаться излишними, но на самом деле они были оправданны. В течение последних трех лет талибам удалось атаковать даже строго охраняемые военные объекты – морскую базу в Мехране, базу военно-воздушных сил в Камре и армейскую штаб-квартиру здесь, в Равалпинди.

Несмотря на охрану, риск нападения талибов был достаточно велик. Отца предупредили, чтобы он не спускал глаз с сыновей. Присматривать за Хушалем родителям было крайне

затруднительно, так как он все еще находился в Мингоре. Но вскоре его тоже доставили в Равалпинди. В гостинице не было ни компьютеров, ни доступа в Интернет, но один из поваров, Ясим Мама, проникся к моим родным симпатией и доставлял им газеты и все, что они просили. Ясим заявил, что считает особой честью готовить для моей семьи. Мои родители были так тронуты его добротой, что делились с ним всеми своими переживаниями. Он старался поддержать их как мог – утешал и кормил деликатесами. Аппетита у них не было, поэтому он придумывал для них изысканные блюда и соблазнительные десерты. Но всякий раз, вчетвером садясь за стол, мои родные с особой остротой чувствовали, как им не хватает меня.

Из газет отец узнал, что покушение на мою жизнь вызвало огромную международную реакцию. Казалось, весь мир был потрясен. Пан Ги Мун, генеральный секретарь ООН, назвал это покушение «отвратительным и трусливым актом». Президент Барак Обама – «достойной порицания отвратительной трагедией». Впрочем, в Пакистане реакция не была столь однозначна. Одни газеты назвали меня «иконой миротворцев», другие строили столь любимые в нашей стране теории международного заговора, а некоторые блоггеры даже ставили под сомнение сам факт покушения и утверждали, что никто в меня не стрелял. Пресса, выходившая на урду, была полна всякого рода измышлениями. Один из журналистов, например, заявил, что я выступала против ношения мужчинами бород. Наиболее яростной моей противницей оказалась некая Рахила Кази, член парламента от религиозной партии Джамаат-и-Ислами. Она называла меня «американской марионеткой». Фотографию, где я сижу рядом с американским послом Ричардом Холбруком, она объявила очевидным доказательством того, что я «якшаюсь с американской военщиной».

Конечно, главной утешительницей моих родных была доктор Фиона. Мама говорила только на пушту, поэтому доктор Фиона объяснялась с ней на языке жестов. Выходя из моей палаты, она поднимала вверх большой палец, как бы говоря «Все хорошо!». Отцу она терпеливо разъясняла, какие перемены произошли в моем состоянии, и после ждала, когда он передаст все маме. Столь уважительное отношение приятно удивило отца – в нашей стране доктора обычно не считают нужным что-то разъяснять родственникам больного, в особенности неграмотным женщинам.

Из-за границы хлынул целый поток предложений принять меня на лечение. Госпиталь Джона Хопкинса, один из лучших госпиталей Америки, был готов лечить меня бесплатно. Многие жители Америки предлагали свою помощь частным образом.

Среди них были сенатор Джон Керри, богатейший человек, многократно бывавший в Пакистане, и Габриель Гиффордс, член конгресса, которая тоже была ранена в голову на встрече с избирателями в одном из торговых центров Аризоны. Предложения поступали из Германии, Сингапура, ОАЭ и Великобритании.

Но никто не спрашивал моих родителей, хотят ли они принять какое-нибудь из этих предложений. Все решения принимало армейское руководство.

Для того чтобы решить, стоит ли отправлять меня на лечение за границу, генерал Кайани обратился к доктору Джавиду. Удивительно, сколько внимания уделил мне командующий армией – по воспоминаниям доктора Джавида, они обсуждали этот вопрос не меньше шести часов. Генерал сознавал, что моя смерть неизбежно вызовет нежелательные политические последствия. Он надеялся достичь политического консенсуса после того, как Талибан будет окончательно разгромлен. Но дело было не только в политических соображениях. Все, кто хорошо знал генерала, отмечали, что он очень внимательно и заботливо относится к людям. Его отец был простым солдатом и умер молодым, когда будущему генералу Кайани было всего восемь лет. Как старший сын, он должен был поддерживать всю семью. Став главнокомандующим, генерал Кайани прежде всего позаботился о жилье и образовании для солдат.

Доктор Фиона предупреждала, что у меня могут возникнуть нарушения речи и частичные параличи правой руки и ноги. Для того чтобы избежать этих последствий, необходима длительная реабилитация, которую невозможно провести в Пакистане из-за отсутствия нужной аппаратуры.

– Если вы хотите добиться наилучшего результата, девочку надо везти за границу, – советовала доктор Фиона.

Генерал Кайани настаивал на том, что в Америку меня отправлять нельзя, так как после инцидента с Раймондом Дэвисом и операции по уничтожению бен Ладена отношения между Пакистаном и Америкой были крайне напряженными. К тому же недавно на границе произошел инцидент, в результате которого несколько пакистанских солдат были убиты автоматными очередями, открытыми из вертолета ВВС США. Доктор Джавид рекомендовал несколько британских госпиталей – в Лондоне, Эдинбурге и Глазго.

– А почему бы не отправить ее в Бирмингем, в госпиталь, где работаете вы? – спросил генерал Кайани.

Доктор Джавид ответил, что не видит к этому никаких препятствий. В госпитале Королевы Елизаветы в Бирмингеме

получали лечение британские солдаты, раненные во время афганских и иракских военных конфликтов. Доктор Джавид позвонил своему начальнику Кевину Болджеру и спросил, согласен ли госпиталь принять меня. Болджер незамедлительно дал согласие, хотя впоследствии говорил: «Никто из нас и представить себе не мог, сколько хлопот это повлечет за собой». Поместить несовершеннолетнюю иностранку в британский госпиталь оказалось совсем не просто, и Болджеру пришлось столкнуться со всеми хитросплетениями пакистанской и британской бюрократии. Меж тем драгоценное время уходило. Хотя мое состояние стабилизировалось, врачи полагали, что меня следует перевести в другой госпиталь в течение ближайших двух – максимум трех суток.

Наконец все необходимые документы были оформлены. Теперь докторам предстояло решить проблему моей транспортировки. Неясно было также, кто будет эту транспортировку оплачивать. Доктор Джавид предложил воспользоваться помощью Королевских воздушных сил Великобритании, которые доставляли раненых солдат из Афганистана, но генерал Кайани об этом и слышать не желал. Поздно ночью – генерал обычно работал допоздна – он вызвал к себе домой доктора Джавида и объяснил, что иностранные воздушные силы для разрешения этого вопроса привлекать не следует. Покушение на меня и так породило слишком много домыслов и слухов. Кое-кто утверждал, что я агент ЦРУ или что-то в этом роде. Генерал не хотел подливать масла в огонь.

Доктор Джавид не представлял, как поступить. Британское правительство предложило помощь, но для того, чтобы ее принять, требовался официальный запрос со стороны пакистанского правительства. А пакистанское правительство не желало делать запрос, считая его унизительным для себя. К счастью, тут вмешалась королевская семья Объединенных Арабских Эмиратов. Они предложили воспользоваться их личным самолетом, где имелось необходимое оборудование для перевозки тяжелобольных. Ранним утром в понедельник, 15 октября, самолет взмыл в воздух. Впервые в жизни я покинула Пакистан.

Мои родители даже не представляли, какие жаркие споры разгорелись по поводу моей транспортировки. Они знали только, что меня решено отправить на лечение за границу. Естественно, они полагали, что будут меня сопровождать. Но у мамы и братьев не было ни паспортов, ни других документов. В воскресенье некий офицер сообщил моему отцу, что на следующий день меня отправляют в Англию и сопровождать меня будет он один, а мама

с братьями останутся дома. Оформить им паспорта за такой короткий срок было невозможно, объяснили отцу. Его предупредили также, что по соображениям безопасности он не должен рассказывать о предстоящем перелете никому, даже маме.

Всю жизнь у отца не было от мамы никаких секретов, и, конечно, он не мог держать от нее в тайне такое важное известие. С тяжелым сердцем он сообщил ей, что летит в Англию, а она с сыновьями остается в Пакистане. Мой дядя Фаиз Мухаммед, присутствовавший при этом разговоре, был до крайности возмущен и встревожен, так как считал подобную ситуацию очень опасной для мамы и братьев.

– Если она останется в Мингоре одна с двумя мальчишками, с ними может случиться все, что угодно, – заявил он.

Отец позвонил офицеру, который с ним разговаривал.

– Я не могу покинуть жену и сыновей, – сказал он. – Я остаюсь в Пакистане, потому что не хочу подвергать их риску.

Отказ отца лететь вместе со мной породил новую проблему: я была несовершеннолетней и не могла покинуть страну без сопровождения взрослых родственников. Все, включая полковника Джунаида, доктора Джавида и доктора Фиону, пытались переубедить отца. Но он не из тех, кто поддается на уговоры. Отец твердо стоял на своем решении, хотя и понимал, какие трудности это вызывает.

– Моя дочь сейчас в надежных руках, – объяснил он доктору Джавиду. – В стране, куда она летит, ей ничего не угрожает. Я не могу оставить жену и сыновей без защиты и поддержки. Риск слишком велик. Я вверяю свою дочь милости Аллаха. Пусть будет, что будет. Я отец всем своим детям, и мои сыновья так же дороги мне, как и дочь.

Доктор Джавид пригласил отца в свой кабинет, чтобы поговорить с ним наедине.

– Вы уверены, что забота о безопасности семьи – единственная причина, по которой вы отказываетесь сопровождать Малалу? – спросил он.

Доктор Джавид подозревал, что силовые структуры оказывают на моего отца тайное давление.

– Моя жена просила меня не оставлять ее одну, – ответил отец.

Доктор положил ему руку на плечо и заверил, что позаботится обо мне и сделает все возможное, чтобы я выздоровела.

– Разве не чудо, что вы оказались в нашей стране как раз тогда, когда Малала была ранена? – сказал отец.

– Я верю, что Господь, послав людям проблему, непременно

посылает и решение, – ответил доктор Джавид.

Отец подписал документ, согласно которому моим опекуном на время пребывания в Великобритании назначалась доктор Фиона Рейнольдс. Со слезами на глазах он передал ей мой паспорт и пожал руку.

– Фиона, я полностью вам доверяю. Прошу, позаботьтесь о моей дочери.

После этого родители пошли в палату, чтобы попрощаться со мной. Это было в воскресенье, в 11 часов вечера. Я лежала с закрытыми глазами, и только грудь, слегка вздымавшаяся от дыхания, говорила о том, что я жива. Мама заплакала, отец стал ее утешать, говоря, что опасность миновала и теперь я на пути к выздоровлению. Отек мозга уменьшился, анализы крови стали значительно лучше. Отец не сомневался, что доктор Фиона и доктор Джавид сумеют вернуть меня к жизни.

Родители возвратились в свой номер в гостинице, но никак не могли уснуть. Где-то около полуночи раздался стук в дверь. То был один из офицеров, пытавшихся убедить отца оставить семью и лететь в Великобританию. Он заявил, что отец должен непременно лететь со мной. В противном случае я останусь в Пакистане.

– Я же сказал вам, что вопрос решен, – ответил отец. – Я не покину семью. Вы зря нас потревожили.

Офицер ушел, но вскоре раздался телефонный звонок.

– Вы должны лететь с Малалой, – сказал военный чиновник. – Вы ее отец, и если вы не будете ее сопровождать, британский госпиталь не сможет ее принять.

– Решение принято, – повторил отец. – Я не собираюсь его изменять. Через несколько дней, когда будут готовы паспорта, мы прилетим к ней всей семьей.

– Немедленно идите в госпиталь, нужно подписать кое-какие документы, – распорядился офицер.

Это показалось отцу подозрительным. Была ночь, и он не понимал, что может быть нужно от него военным в столь поздний час. Он боялся идти один и решил взять с собой маму. Отец так переживал, что всю дорогу до госпиталя повторял про себя стихи из Корана – притчу о пророке Юнусе, который был проглочен китом, подобно библейскому Ионе. Стихи, которые повторял отец, пророк Юнус твердил, находясь во чреве кита. В них говорилось о том, что всякий имеющий истинную веру способен найти выход в самых тяжелых и опасных обстоятельствах.

Когда отец и мама пришли в госпиталь, офицер сообщил им, что, если я полечу в Великобританию одна, необходимо подписать новые документы. Ничего особенного в этих

бюрократических ухищрениях не было. Но отец находился на грани нервного срыва: секретность, который были окутаны приготовления к моему отъезду, необходимость постоянно иметь дело с военными, беззащитность нашей семьи – все это действовало на него угнетающе, и поэтому он, что называется, раздул из мухи слона.

Родители вернулись в гостиницу в подавленном настроении. Мысль о том, что я окажусь в чужой стране совершенно одна, казалась отцу невыносимой. Последнее, что я помнила, был школьный автобус, и отец с ужасом представлял, какой одинокой и покинутой я буду себя чувствовать, когда наконец приду в себя.

В 5 часов утра 15 октября под армейским эскортом меня доставили в аэропорт. Дорога от госпиталя до аэропорта была перекрыта, на крышах ближайших домов засели снайперы. Самолет, предоставленный королевской семьей ОАЭ, уже ждал на взлетной полосе. Потом мне рассказали, в какой поразительной роскоши мне довелось путешествовать. В салоне, помимо шестнадцати кресел, находилась огромная шикарная кровать, а в хвостовой части был оборудован настоящий мини-госпиталь. Тут же сидели медсестра и доктор из Германии. Ужасно жаль, что я была без сознания и ничего этого не видела. Самолет полетел сначала в Абу-Даби, где заправился топливом, а после взял курс на Бирмингем, где вечером благополучно приземлился.

Моим родителям оставалось только ждать. Им обещали, что паспорта будут готовы через несколько дней и они смогут меня навестить. Но пока они оставались в отеле, где не было ни телефонов, ни компьютеров, так что они не получали обо мне никаких известий. Ожидание казалось бесконечным.

Часть пятая
Вторая жизнь

Я патриот и люблю свою страну,
Ради нее я с радостью принесу любые жертвы.

وطن زما زه د وطن یم ـ که د وطن د پاره مرم خوشحاله یمه

23. Девочка, раненная в голову. Бирмингем

Я очнулась 16 октября, ровно через неделю после покушения. Тысячи километров отделяли меня от родного дома. Я не могла говорить, в мое горло была вставлена трубка, с помощью которой я дышала. Первый проблеск сознания произошел, когда меня на каталке везли в палату интенсивной терапии после очередной компьютерной томографии. После этого я вновь впала в забытье и только несколько часов спустя пришла в себя окончательно.

«Слава Аллаху, я жива» – вот первая мысль, которая пришла мне в голову. Я понятия не имела о том, где нахожусь, но догадывалась, что я не в Пакистане. Доктора и медсестры говорили по-английски, хотя, судя по виду, были уроженцами разных стран. Я пыталась заговорить с ними, но это было невозможно из-за трубки у меня в горле. Я заметила, что плохо вижу левым глазом – перед ним все расплывалось, и мне казалось, что у людей два носа и четыре глаза. В моем пробуждающемся мозгу проносились бесчисленные вопросы: «Где я? Как я сюда попала? Где мои родители? Живы ли они?»

Доктор Джавид, который находился рядом со мной, когда я очнулась, говорил, что никогда не забудет моего испуганного и растерянного взгляда. Он заговорил со мной на урду. Все, что я знала, – Аллах даровал мне вторую жизнь. Милая женщина с покрытой платком головой взяла меня за руку и произнесла традиционное мусульманское приветствие – *«Ас-саляму алейкум».* Потом она начала молиться на урду и читать стихи из Корана. Она сказала мне, что ее зовут Реханна и что она – служительница ислама. Ее мягкий голос звучал успокоительно, и я снова уснула.

Мне снилось, что я дома.

Проснувшись на следующий день, я заметила, что нахожусь в очень странной комнате без окон, с зелеными стенами и очень яркими лампами. Это была палата интенсивной терапии госпиталя Королевы Елизаветы. В отличие от больницы в Мингоре все здесь сверкало чистотой.

Медсестра дала мне карандаш и дощечку с прикрепленным к ней листом бумаги. Мои пальцы не слушались и отказывались выводить слова. Я хотела написать телефонный номер моего отца, но ничего не получалось. Тогда доктор Джавид принес мне таблицу с алфавитом, и я начала поочередно указывать на буквы. Сначала набрала слово «отец», потом «страна». Медсестра сказала мне, что я в Бирмингеме, но я не представляла, где это. Позднее мне принесли географический атлас, и я узнала, что нахожусь в Англии. О том, что произошло со мной после покушения, я могла

только догадываться. Медсестры ни о чем мне не рассказывали. Они даже не называли меня по имени. Может, я уже не Малала?

Голова моя раскалывалась от боли, инъекции почти не приносили облегчения. Из левого уха постоянно текла кровь, левая рука словно онемела. Медсестры и доктора появлялись и исчезали снова. Они задавали мне какие-то вопросы и просили мигнуть два раза, если ответом было «да». Но никто не считал нужным рассказать мне о том, как я здесь очутилась. Я решила, что они сами этого не знают. Левая сторона моего лица не двигалась, и это очень меня пугало. Если я смотрела в одну точку слишком долго, левый глаз начинал слезиться. Судя по всему, я оглохла на левое ухо и не могла двигать челюстями. При помощи жестов я пыталась объяснить врачам и медсестрам, чтобы они становились справа.

Ласковая женщина, которую звали доктор Фиона, принесла мне белого игрушечного медвежонка. Она сказала, что я должна назвать его Джунаид, а почему, она мне потом объяснит. Но я не знала, кто такой Джунаид, и назвала мишку Лили. Потом доктор Фиона принесла мне розовую тетрадку и карандаш. Теперь мне удалось написать несколько слов. Первым делом я вывела: «Где мой отец?» Потом: «У моего отца нет денег. Кто заплатит за лечение?»

– Твой отец жив и здоров, – ответила доктор Фиона. – Он остался в Пакистане. А насчет денег не волнуйся.

Я задавала эти вопросы всем, кто заходил в палату. И получала один и тот же ответ – отец в безопасности, о плате за лечение переживать не надо. Но я не была уверена, что мне говорят правду. Если отец жив и здоров, почему он не здесь, рядом со мной? Быть может, родители не знают, где я, что со мной случилось, и сейчас ищут меня на улицах и базарах Мингоры? Я не верила, что они в безопасности. Первые дни я постоянно впадала в забытье, но как только рассудок мой прояснялся, я снова выводила в тетради: «Где мой отец?» Иногда мне казалось, что в момент покушения он находился рядом со мной, но я не была уверена, было это во сне или наяву.

Мысль о том, сколько стоит мое пребывание здесь, тоже не давала мне покоя. От моих премий ничего не осталось – деньги ушли на школу и на покупку земельного участка в Шангле. Всякий раз, когда я видела, что врачи разговаривают между собой, мне казалось, они говорят: «У Малалы нет денег. Малала не может заплатить за лечение». Один из докторов, приехавший из Польши, выглядел очень печальным. Я решила, что это владелец госпиталя, расстроенный тем, что одна из пациенток оказалась неплатежеспособной. Знаками я попросила у медсестры

бумагу и карандаш и написала:

– Почему вы такой грустный?

– Я вовсе не грустный, – ответил он.

– Кто за меня заплатит? – написала я. – У нас нет денег.

– Не волнуйся, заплатит ваше правительство, – ответил он.

После этого польский доктор улыбался всякий раз, как видел меня.

Я придумывала разные варианты выхода из сложившейся ситуации. Может, стоит попытаться позвонить отцу и маме по телефону, который находится в приемной госпиталя? Нет, не выйдет, тут же понимала я. У меня нет денег для международного телефонного разговора. И кода Пакистана я не знаю. Ничего, скоро я поправлюсь, стану работать, заработаю денег и позвоню отцу, успокаивала я себя. Рано или поздно наша семья снова соединится.

В голове у меня царил полный сумбур. Мне казалось, что игрушечный мишка, которого подарила мне доктор Фиона, зеленого цвета, и когда я увидела на тумбочке у постели белого медвежонка, я решила, что это какая-то другая игрушка.

«Где мой зеленый мишка?» – без конца писала я, и всякий раз мне отвечали, что никакого зеленого мишки не было. Наверное, поначалу мишка показался мне зеленым из-за зеленых стен палаты интенсивной терапии, но я была не в состоянии это понять и находилась в полной растерянности.

Многие английские слова тоже никак не хотели вспоминаться. Однажды я написала медсестре записку с просьбой принести «провод почистить зубы». Я имела в виду зубную нить – мне казалось, в зубах у меня что-то застряло. На самом деле с моими зубами все было в порядке, а вот язык онемел и никак не желал меня слушаться. Единственным утешением мне служили посещения Реханны. Она читала молитвы об исцелении, и я начинала шевелить губами, а в конце молитв даже выдыхала «амин» (мусульманское «аминь»). Телевизор в палате постоянно был выключен. Правда, однажды мне позволили посмотреть «Мастер-шеф» – реалити-шоу, которое я смотрела в Мингоре и которое очень любила. Но никакого удовольствия это мне не доставило, так как изображение на экране расплывалось. Позднее я узнала, что доктора и медсестры намеренно избегали разговоров со мной и не приносили мне газеты, так как считали, что мне не следует волноваться.

А я с содроганием думала о том, что моего отца уже нет в живых. Наконец доктор Фиона показала мне пакистанскую газету недельной давности, где была напечатана фотография отца, разговаривающего с генералом Кайани. Рядом с отцом сидели

мой брат и женщина, с ног до головы закутанная в покрывало. Несмотря на то что лицо ее было закрыто, я сразу ее узнала.

– Это моя мама! – написала я на листе бумаги.

В тот же день ко мне пришел доктор Джавид с мобильным телефоном.

– Сейчас мы позвоним твоим родителям! – сказал он.

От радости у меня перехватило дыхание.

– Только постарайся обойтись без всхлипываний и рыданий, – предупредил он.

Голос его звучал грубовато, но я понимала, что он очень добрый человек, и чувствовала к нему такое доверие, словно знала его всю жизнь.

– Я дам тебе телефон, – сказал он. – Держись!

Он набрал номер, сказал в трубку несколько слов и передал телефон мне.

Я услышала голос отца. Говорить я не могла из-за трубки в горле. Но все равно слышать отцовский голос было невероятным счастьем. Я была не в состоянии даже улыбнуться, так как лицевые мускулы мне не подчинялись, но душа моя расплылась в улыбке.

– Я скоро к тебе приеду, – пообещал отец. – Через пару дней мы будем вместе. А сейчас отдыхай.

Позднее отец рассказал мне, что доктор Джавид предупредил его – плакать ни в коем случае нельзя, так как это меня расстроит. Доктор хотел, чтобы мы оба держали себя в руках. Разговор длился недолго, так как родители не хотели меня утомлять. Когда отец передал трубку маме, она сказала, что днем и ночью молится о моем выздоровлении.

Но я все равно считала, что родители не приехали вместе со мной, так как у них нет денег на мое лечение. Они остались в Пакистане, чтобы продать участок земли в деревне, а может быть, и школу. Но участок был совсем маленьким, школьное здание мы арендовали. Наверняка отец не сумеет выручить нужную сумму. Скорее всего, ему придется просить в долг у богатых людей.

Даже после телефонного разговора со мной родители не были уверены, что я жива и иду на поправку. Ведь они не слышали моего голоса и по-прежнему были отрезаны от внешнего мира. Люди, которые их навещали, приносили противоречивые известия. Один из посетителей, генерал Гулам Камар, возглавлявший военную операцию в долине Сват, сообщил родителям, что из Великобритании поступают хорошие новости.

– Мы счастливы, что наша дочь выжила, – сказал генерал, подчеркнув таким образом, что считает меня дочерью всей нации.

Генерал также сообщил отцу, что в долине Сват и на

границах ведутся поиски боевиков, стрелявших в меня. По его словам, они принадлежали к бандитской группировке, в которую входило двадцать два талиба. Члены той же банды два месяца назад стреляли в Захида Хана.

Отец ничего на это не сказал, хотя в душе у него все кипело от возмущения. Армейское руководство давным-давно заверяло, что талибов в Мингоре не осталось, что наша долина очищена от боевиков. Генералы утверждали, что покушение на Захида Хана не имело никакого отношения к Талибану и он пострадал в результате семейной вражды. А теперь выясняется, что я и Захид Хан стали жертвами одной и той же талибской банды. «В долине хозяйничают талибы, и вы знали об этом как минимум два месяца, – хотел сказать генералу отец. – Вы были осведомлены о том, что они хотят убить мою дочь. Почему вы их не остановили?» Но он молчал, так как сознавал, что от подобных вопросов не будет толку.

Генерал принес не только добрые вести. Он сообщил, что, хотя я пришла в сознание, у меня возникли проблемы со зрением. Отец мой был в полной растерянности. Он не мог понять, почему посторонний человек располагает информацией, неизвестной ему самому. С ужасом он думал о том, что я могу ослепнуть. Неужели глаза его любимой дочери навсегда погаснут и она будет жить в беспросветной темноте, постоянно спрашивая его: «Где я, аба?» Мысль об этом была для отца настолько невыносимой, что он не сказал матери о грозящей мне слепоте, хотя прежде никогда ничего от нее не скрывал.

– Господи, сохрани ей зрение, – молился он. – Пусть я ослепну, но она будет видеть.

Отец был готов отдать мне собственный глаз, но боялся, что глазное яблоко сорокатрехлетнего мужчины окажется неподходящим для трансплантации. Ночь он провел без сна, а на следующее утро попросил у начальника службы безопасности госпиталя телефон, чтобы позвонить полковнику Джунаиду.

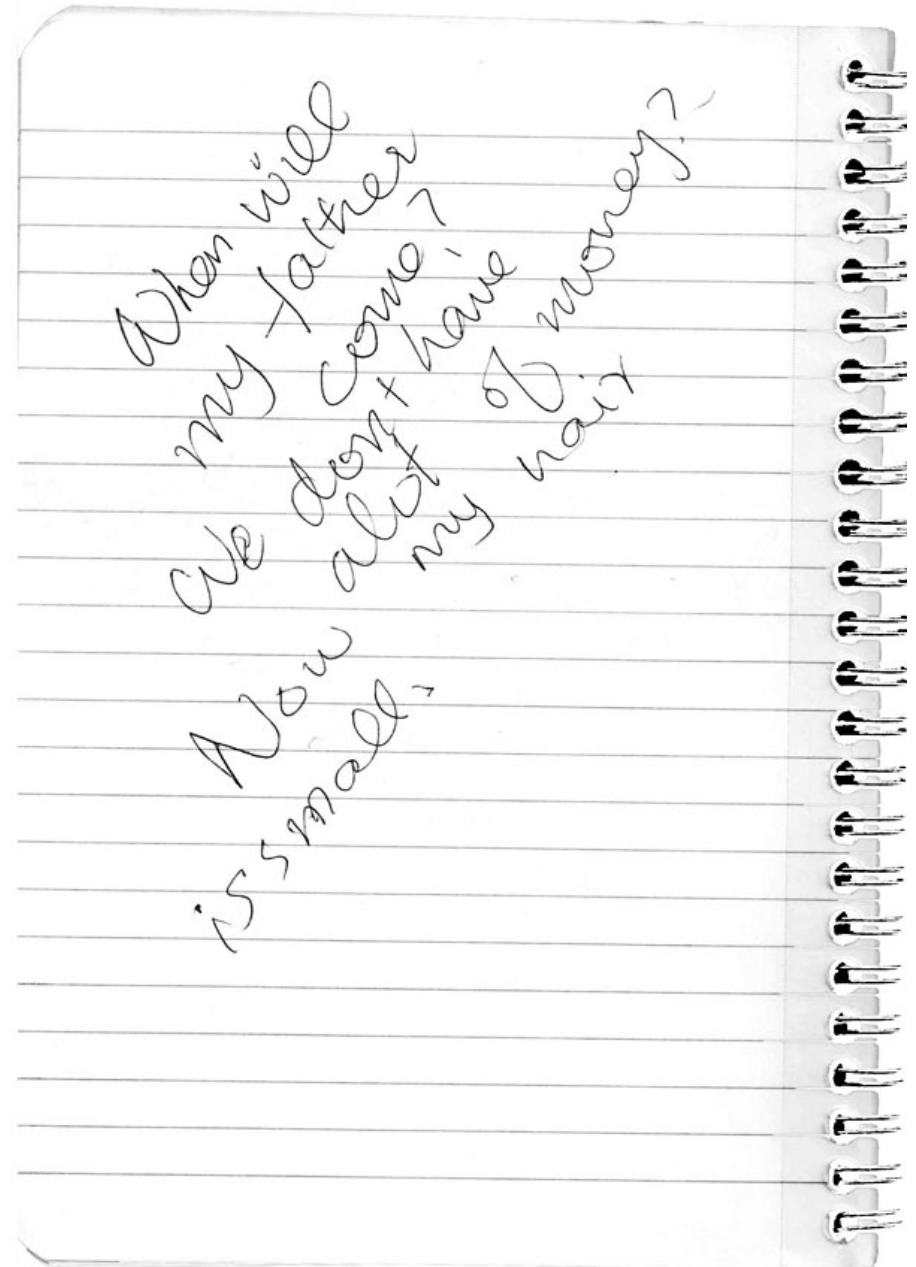
– Я узнал, что Малала ничего не видит, – дрожащим голосом сообщил он.

– Ерунда, – ответил доктор. – Если она может читать и писать, значит со зрением у нее все в порядке. Доктор Фиона держит меня в курсе событий. Как только Малала очнулась, она немедленно спросила о вас.

Тем временем в Бирмингеме я стала видеть настолько хорошо, что попросила принести мне зеркало, точнее, написала слово «зеркало» в своей розовой тетради. Мне хотелось посмотреть, как я выгляжу. Одна из медсестер принесла мне маленькое зеркальце в белой пластмассовой оправе, которое я

храню до сих пор. Увидев собственное отражение, я была ошеломлена. Мои длинные волосы, с которыми я так любила возиться, исчезли.

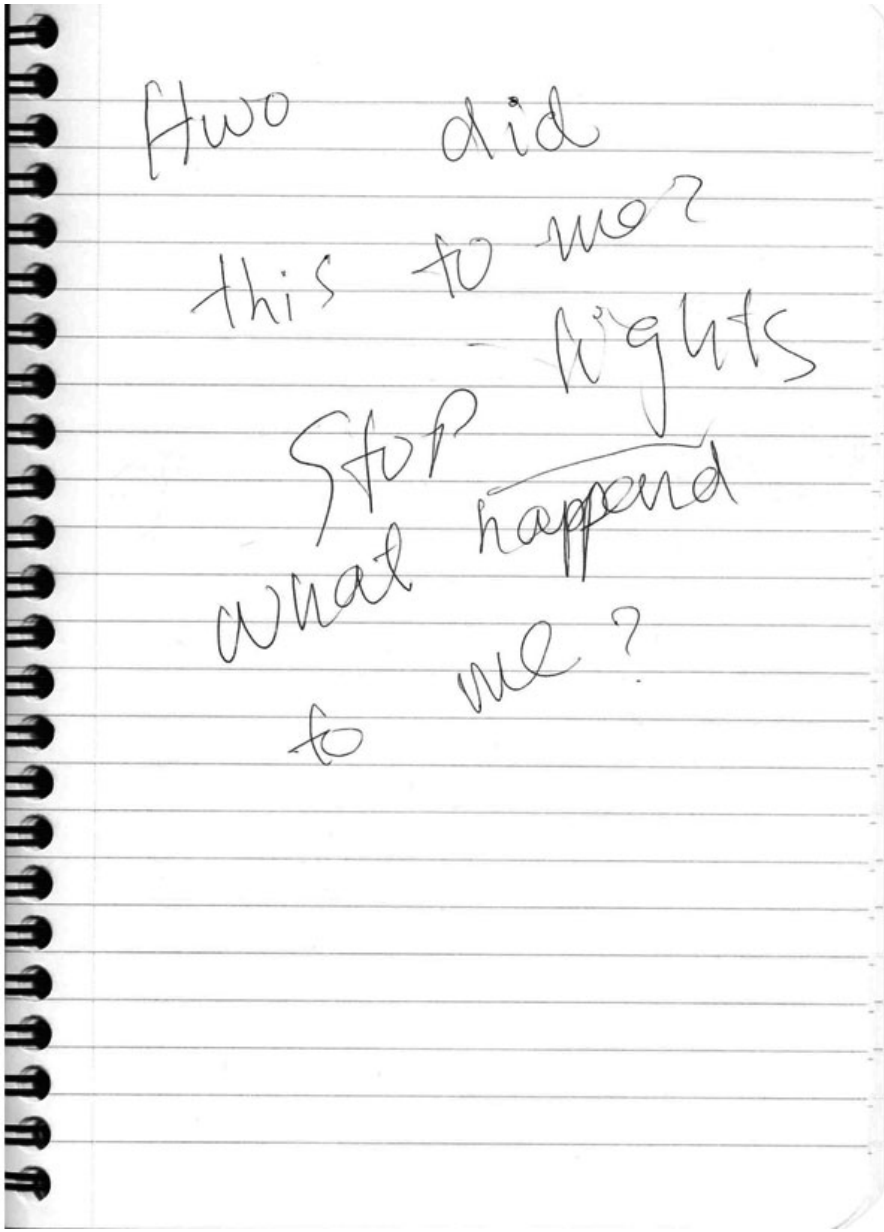
– Теперь у меня короткие волосы, – написала я в тетради.

Я решила, что волосы обрезали мне талибы. На самом деле меня безжалостно обрили в пакистанском госпитале. Лицо мое

было перекошено, над левым глазом – огромный шрам.

– Кто это сделал? – накорябала я в тетради. – Что со мной случилось?

Потом я приписала «выключите свет», потому что от слишком яркого света у меня разболелась голова.

– С тобой произошло несчастье, – ответила доктор Фиона.

– В меня стреляли? – написала я. – В моего отца стреляли

тоже?

Доктор Фиона рассказала, что на меня было совершено покушение, когда я возвращалась домой в школьном автобусе. Она сообщила, что вместе со мной были ранены еще две девочки, и назвала их имена, которые я не смогла вспомнить. Она объяснила также, что пуля вошла мне в лоб над левым глазом, где у меня остался шрам, проделала путь длиной сорок шесть сантиметров и застряла у меня в левом плече. Пуля могла войти мне в мозг или глаз, и мне крупно повезло, что этого не случилось. То, что я осталась жива, – настоящее чудо.

Но я вовсе не сознавала, что мне крупно повезло.

– Значит, они все-таки сделали это, – нацарапала я, чувствуя какое-то странное удовлетворение.

Мне было жаль, что я не успела поговорить с боевиками, совершившими покушение, объяснить им, насколько бессмысленно то, что они делают. Теперь они уже никогда меня не услышат. Никакой ненависти к ним я не ощущала, мысль о мести даже не приходила мне в голову. Все, что мне хотелось, – вернуться в долину Сват. Вернуться домой.

После этого разговора в моей памяти стали всплывать какие-то картины, но я не могла понять, принадлежат они реальности или воображению. Мои воспоминания о покушении существенно отличались от того, что мне рассказывали. Мне представлялось, что в автобусе, помимо меня и других девочек, находился мой отец. По пути домой автобус остановили два талибских боевика, с головы до ног одетые в черное. Один из них приставил к моей голове пистолет и выпустил пулю. Мне чудилось, что они выстрелили также в моего отца. Потом я проваливалась в темноту. Когда она немного рассеивалась, я лежала на носилках, а вокруг толпились какие-то незнакомые мне люди. Я искала глазами отца и наконец находила его. Но поговорить с ним мне не удавалось, потому что слова застревали у меня в горле. Иногда мне казалось, что в меня стреляли вовсе не в школьном автобусе, а в самых различных местах – на главной площади Исламабада, на Китайском базаре в Мингоре. Иногда я воображала, что доктора, которые меня лечат, – талибы.

Но постепенно память моя прояснялась. Мне хотелось узнать подробности покушения. Людям, приходящим в мою палату, запрещалось иметь при себе мобильные телефоны, но доктор Фиона, которую в любую минуту могли позвать к больному, никогда не расставалась со своим айфоном. Как-то раз она оставила его на тумбочке. Я тут же схватила его и попыталась набрать собственное имя в «Гугле». Увы, мне это не удалось. Перед глазами у меня все расплывалось, и я нажимала не на те

клавиши. Мне очень хотелось проверить свою электронную почту, но я забыла пароль.

Через пять дней после того, как я пришла в себя, дыхательную трубку вынули. Я смогла говорить, но не узнала собственного голоса – таким он был чужим и хриплым. Когда ко мне пришла Реханна, я сразу заговорила о покушении.

– В меня стреляли, – сказала я.

– Да, я об этом знаю, – кивнула она. – Многие люди в исламском мире не хотят верить, что мусульмане могли совершить подобное. Моя мама, например, говорит, что эти бандиты не были мусульманами. Некоторые называют себя мусульманами, но их дела противоречат исламу.

Мы поговорили о причинах трагедии, произошедшей со мной. Вся моя вина заключалась в том, что я выступала за право девочек на образование. На этом основании талибы объявили, что меня нельзя считать истинной мусульманкой. Меж тем ислам не имеет ничего против того, чтобы женщины учились наравне с мужчинами. Таким образом, я стала жертвой невежества.

После того как я начала говорить, доктор Джавид вновь принес мне мобильный телефон для разговора с родителями. Я боялась, что они испугаются, услышав мой охрипший голос.

– Ты узнаешь меня? – первым делом спросила я отца.

– Конечно, – ответил он. – Твой голос ничуть не изменился, разве что стал красивее. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – ответила я. – Только голова очень болит. Иногда боль просто невыносимая.

Услышав это, отец очень встревожился. Думаю, когда разговор закончился, голова у него болела сильнее, чем у меня. Все наши последующие телефонные разговоры он начинал с вопроса:

– Как твоя голова, не стала болеть меньше?

– Уже почти не болит, – неизменно отвечала я.

Мне не хотелось расстраивать отца, и я не жаловалась, хотя уколы в шею были очень болезненны.

– Когда ты приедешь? – задавала я вопрос, который волновал меня сильнее всего.

Но родители по-прежнему жили в гостинице при госпитале в Равалпинди. Никаких известий о том, когда им разрешат прилететь в Бирмингем, не поступало. Мама была в таком отчаянии, что даже собиралась объявить голодовку. Отец рассказал о ее намерении начальнику службы безопасности госпиталя. Тот понял, что это не пустые угрозы. В тот же день родителям сообщили, что они могут ехать в Исламабад.

– Ты молодчина! – сказал отец маме. – Я считал, что мы с

Малалой – опытные бойцы. Но ты лучше меня знаешь, как добиться результата!

В Исламабаде родители поселились в отеле «Кашмир», предназначенном для членов парламента. Там тоже соблюдались строжайшие меры безопасности. Когда отец захотел побриться и попросил пригласить парикмахера, ему сказали, что при бритье обязательно будет присутствовать полицейский. По всей вероятности, он должен был помешать парикмахеру перерезать своему клиенту глотку.

Но по крайней мере, теперь у родителей были мобильные телефоны, а значит, связь с миром. Доктор Джавид, пытаясь дозвониться отцу и сообщить, в какое время тот может поговорить со мной, часто слышал короткие гудки. Линия постоянно была занята, потому что отец разговаривал практически беспрерывно. Тогда я вспомнила мобильный номер мамы, состоявший из одиннадцати цифр. Доктор Джавид был поражен тем, что моя память так быстро восстановилась. Но когда мы наконец связались с родителями, выяснилось, что вопрос об их приезде по-прежнему остается открытым. Доктор Джавид никак не мог понять, в чем состоит загвоздка. Родители пребывали в полном неведении на этот счет. Доктор Джавид пытался пустить в ход свои связи, но ему объяснили, что решением этой проблемы занимается не военное, а гражданское руководство.

Позднее мы узнали всю подоплеку. Вместо того чтобы посадить родителей на первый самолет до Бирмингема, где их с нетерпением ждала больная дочь, министр внутренних дел Рехман Малик нарочно тянул время, рассчитывая полететь вместе с ними и дать пресс-конференцию в госпитале. Приготовления к такому событию занимали много времени. Кроме того, министр хотел убедиться, что родители не попросят в Великобритании политического убежища, поставив тем самым в неловкое положение правительство Пакистана. В конце концов он спросил у них напрямик, не имеют ли они подобного намерения. Подозрения министра были совершенно безосновательны. Мама понятия не имела, что такое политическое убежище, а отцу подобные мысли даже в голову не приходили.

В отеле «Кашмир» моих родителей навестила Сонья Шахид, мать Шизы, давнего друга нашей семьи, когда-то устроившего школьную поездку в Исламабад. Сонья была уверена, что родители давно находятся в Бирмингеме, рядом со мной. Узнав, что они до сих пор в Пакистане, она была поражена. Еще больше она удивилась, когда узнала, что родителям изо дня в день повторяют, что на рейс до Бирмингема нет билетов. Она принесла

им кое-какую одежду, так как все их вещи остались в Мингоре, и дала телефон офиса президента Зардари. Отец позвонил по этому номеру и оставил сообщение. Тем же вечером президент перезвонил ему и пообещал, что они смогут вылететь ко мне в самое ближайшее время.

– Я знаю, что это такое – жить в разлуке с детьми, – сказал он, намекая на годы, которые провел в тюремном заключении.

Когда отец сообщил мне, что через два дня они с мамой будут в Бирмингеме, я позволила себе одну лишь просьбу.

– Привезите мне сумку с учебниками, – взмолилась я. – Я понимаю, у вас нет времени ехать за ней в Сват. Но ты можешь купить мне новые учебники. Они мне очень нужны, ведь в марте в нашей школе будут экзамены.

Несмотря ни на что, я мечтала снова стать первой ученицей в классе. Больше всего я хотела получить учебники физики и математики, ведь эти предметы давались мне труднее всего, и мне не терпелось начать заниматься.

В ноябре я рассчитывала вернуться домой.

На самом деле родители прилетели не через два дня, как планировали, а через десять, которые показались мне целой вечностью. Я изнывала от скуки и не сводила глаз с часов, висевших на стене в палате. Только движение стрелок убеждало меня в том, что время не замерло и я по-прежнему жива. Я плохо спала и впервые в жизни стала просыпаться рано. Каждое утро я с нетерпением ждала, когда же настанет семь часов и придут медсестры. Медсестры и доктор Фиона играли со мной в электронные игры. Больше всего мне нравилась игра под названием «Connect 4». Доктора Фиону мне редко удавалось победить, но всех остальных я обыгрывала. Медсестры и прочие сотрудники госпиталя сочувствовали мне, ведь я оказалась вдали от родины совершенно одна. Все были очень ко мне добры, в особенности доктор Има Чудхари, всегда веселая и жизнерадостная, и старшая медсестра Джулия Трейси, которая часто сидела около меня и гладила мою руку.

Единственной вещью, прилетевшей со мной из Пакистана, была бежевая шаль, которую полковник Джунаид передал для меня доктору Фионе. Сотрудникам госпиталя пришлось купить мне одежду. Но они понятия не имели о том, что девочки в долине Сват одеваются совсем не так, как английские подростки. Поэтому они сходили в «Некст» и «Бритиш хоум» и принесли мне целую гору всякой всячины – футболок, пижам, носков и даже лифчиков. Има спросила меня, хочу ли я носить традиционный мусульманский наряд, шальвар-камиз. Я кивнула в знак согласия.

– А какой цвет ты больше всего любишь? – поинтересовалась она.

– Розовый, – без колебаний ответила я.

Медсестер и докторов волновало, что я почти ничего не ем. Но мне не нравилась больничная еда, к тому же я подозревала, что она не халяль, то есть не дозволена шариатом. Поэтому я поддерживала свои силы исключительно молочными коктейлями. Как-то раз Джулия угостила меня сырными палочками, которые мне очень понравились. С тех пор она приносила мне их постоянно.

– Что ты любишь из еды? – спрашивали все вокруг.

– Жареных цыплят, – ответила я.

Има узнала, что в районе Смолл Хит есть кафе KFC, где продают халяльных жареных цыплят, и каждый день ездила туда, чтобы покупать мне их и жареную картошку. Однажды она даже приготовила мне карри.

Чтобы я не скучала, в палату принесли DVD-плеер. Одним из первых фильмов, который я посмотрела, стал «Играй, как Бекхэм». Наверное, сотрудники госпиталя решили, что история девочки из провинции Синд, которая бросает вызов традиционным нормам поведения своего народа и начинает играть в футбол, придется мне по душе. Но я пришла в ужас, увидев на экране девочек, бегающих по полю в трусах и майках, и попросила сестру выключить кино. После этого мне приносили только мультики – и современные, и диснеевские. Я посмотрела все фильмы о Шреке и «Подводную братву». В левом глазу по-прежнему все расплывалось, так что я закрывала его, когда смотрела кино, а из левого уха постоянно текла кровь, поэтому приходилось затыкать его ватными тампонами. Однажды я спросила сестру:

– Что это за опухоль у меня здесь выросла? – и положила ее руку себе на живот.

Я чувствовала, что там, под кожей, есть что-то твердое.

– Это кусок твоего черепа, – ответила она.

Я была потрясена.

Вскоре после того, как ко мне вернулась речь, я поднялась с постели и попробовала ходить. Пока я лежала, мне казалось, мои руки и ноги в полном порядке. Только левая рука несколько онемела, ведь пуля застряла в моем левом плече. Я и подумать не могла, что у меня возникнут какие-то проблемы с ходьбой. Но, сделав первые несколько шагов, я так выбилась из сил, словно прошла сотню километров. Доктора убеждали меня, что вскоре я буду бегать, как прежде; физиотерапия поможет вернуть моим мускулам прежнюю подвижность, говорили они.

Как-то раз ко мне пришла еще одна Фиона – Фиона Александр. Она работала секретарем в пресс-центре госпиталя. Меня очень удивило, что здесь есть такая должность. В пакистанских госпиталях никаких пресс-центров не было, и мне трудно было представить, что они когда-нибудь появятся. До визита Фионы Александр я и подумать не могла, что моя судьба вызвала такой горячий интерес во всем мире. Когда меня отправляли за границу, решено было скрыть от средств массовой информации место моего пребывания. Но фотографии, сделанные в Пакистане перед моей отправкой в Великобританию, просочились в прессу, и журналисты выяснили, что я нахожусь в Бирмингеме. С тех пор вертолет компании «Скай ньюс» то и дело появлялся в небе над госпиталем, а пресс-центр буквально осаждали журналисты. Многие из них прибыли издалека – из Австралии и даже Японии. Фиона Александр работала журналистом в течение двадцати лет, она была редактором «Бирмингем пост» и сознавала, что ради информации журналисты готовы на все. Есть только один способ удержать их от самостоятельных расследований – предоставить им информацию, которую они жаждут получить. Поэтому пресс-центр начал ежедневно проводить брифинги, на которых сообщались последние новости о моем состоянии.

Множество людей хотели меня увидеть – министры, дипломаты, политики, даже представитель епископа Кентерберийского. Они приносили букеты цветов, иногда восхитительно красивые. Фиона Александр приносила мне горы визитных карточек, игрушек и открыток. Наступил Ид аль-Адха, Большой Ид, наш главный религиозный праздник, и я думала, что все это присылают мне мусульмане. Но потом, взглянув на даты, когда были отправлены открытки и подарки, я поняла, что они не имеют никакого отношения к празднику. Люди во всем мире, в первую очередь дети, как и я, ходившие в школу, желали мне скорейшего выздоровления. Я была ошеломлена и чрезвычайно тронута. Фиона рассмеялась, глядя на мое изумленное лицо.

– Ты видела только малую часть того, что тебе прислали, – сказала она.

Оказалось, что открыток накопилось уже несколько мешков – всего их было около 8000. На некоторых вместо адреса было написано «Малале, Бирмингемский госпиталь». На других – «Девочке, раненной в голову. Бирмингем». Тем не менее почта доставила все эти открытки по назначению. Авторы некоторых писем предлагали принять меня в свои семьи, словно я была сиротой. Встречались среди посланий и предложения руки и сердца.

Реханна рассказала мне, что миллионы людей во всем мире сочувствуют мне и молятся за меня. Я осознала, что поддержка и помощь, которую оказывали мне эти люди, спасли мою жизнь. Если я выжила, значит на это имелась веская причина. Помимо открыток, на мое имя присылали тонны шоколада и игрушечных мишек всех цветов и размеров. Но самый трогательный подарок сделали мне дети Беназир Бхутто, Билавал и Бахтавар. В посылке, которую они прислали, оказались две шали, принадлежавшие их покойной матери. Я прижалась к ним лицом, вдыхая запах ее духов. На одной из шалей я нашла длинный черный волос, что сделало подарок еще более ценным.

Благодаря пуле, пущенной талибами, моя правозащитная деятельность получила всемирный резонанс. В то время как я пластом лежала в постели, ожидая, когда мне разрешат встать, Гордон Браун, специальный посланник ООН по вопросам образования, в пошлом премьер-министр Великобритании, выпустил петицию под названием «Я – Малала». В этой петиции требовалось, чтобы в 2015 году все дети соответствующего возраста получили возможность ходить в школу. Мне приходили письма от глав правительств, министров и кинозвезд. Было среди них и письмо от внучки сэра Олафа Карое, последнего британского губернатора нашей провинции. Она писала, что, к стыду своему, не умеет ни говорить, ни читать на пушту, хотя ее дедушка свободно владел этим языком. Бейонсе прислала мне открытку и фото этой открытки выложила на «Фейсбук», Селена Гомес писала обо мне в «Твиттере», Мадонна посвятила мне песню. Было среди открыток и послание от моей любимой актрисы и общественной деятельницы Анджелины Джоли – мне не терпелось рассказать об этом Монибе.

Я и представить себе не могла, что мое возвращение домой будет отложено на неопределенное время.

24. Они украли ее улыбку

В день, когда мои родители прилетели в Бирмингем, меня перевели из отделения интенсивной терапии в обычную палату. Здесь были окна, и я впервые в жизни увидела Англию.

– Где же горы? – первым делом спросила я.

День стоял дождливый, туманный, и я решила, что горы скрыты в дымке и появятся завтра. Тогда я еще не знала, как редко в этой стране светит солнце. Из окна я видела только дома и улицы. Дома из красного кирпича казались одинаковыми. Все вокруг дышало покоем и порядком. Странно было видеть, что люди продолжают вести свою размеренную, хорошо организованную жизнь, словно ничего не произошло.

Доктор Джавид сообщил, что родители вот-вот придут. Я сидела в постели, не сводя глаз с двери. Сердце мое колотилось от волнения. Прошло шестнадцать дней с того утра, как я, торопясь в школу, выбежала из нашего дома в Мингоре. За это время я побывала в четырех госпиталях и преодолела расстояние в тысячи километров. Казалось, прошло не шестнадцать дней, а шестнадцать лет. Наконец дверь распахнулась, и я услышала слова «джани» и «пишо», произнесенные родными голосами. Родители бросились ко мне и, толкая друг друга, принялись целовать мои руки.

Я, не пытаясь сдерживаться, заревела в голос. Все эти дни, проведенные в госпитале в одиночестве, я ни разу не заплакала, даже когда мне снимали с головы скобы или делали уколы в шею. Но теперь я рыдала и никак не могла остановиться. Отец и мать тоже плакали. Я ощущала, как вместе со слезами из моего сердца уходит тяжесть. Теперь все будет замечательно, в этом я не сомневалась. Вместе с родителями ко мне пришли братья, и я была счастлива их увидеть, даже Хушаля, с которым мы постоянно ссорились и дрались.

– Мы скучали по тебе, Малала, – сказали братья, и я поняла, что тоже скучала по ним.

Впрочем, вскоре все их внимание поглотили присланные мне подарки и игрушки. Хушаль схватил мой ноутбук, и пришлось дать ему тумака.

Приглядевшись к родителям, я заметила, что они очень плохо выглядят. Длительный перелет из Пакистана утомил их, но дело было не только в этом. Отец и мама постарели, у обоих появились седые волосы. Они, похоже, тоже были расстроены тем, как выгляжу я, хотя и пытались это скрыть. Прежде чем они вошли в мою палату, доктор Джавид предупредил их:

– Девочка, которую вы увидите, поправилась только на 10 процентов. Предстоит еще 90.

Но все равно родители не были готовы к тому, что половина моего лица оказалась парализована и я не могла улыбаться. Волосы мои были коротко острижены, левый глаз выпучен, рот перекошен, и вместо улыбки у меня получалась гримаса. Создавалось впечатление, что мой мозг забыл про левую сторону лица. Я плохо слышала левым ухом и лепетала, как младенец.

Моих родителей поселили в университетском общежитии среди студентов. Руководство госпиталя решило, что, если разместить их в госпитальной гостинице, журналисты не дадут им покоя. У родителей почти не было багажа – только одежда, которая была на них, и те немногие вещи, которые принесла им Сонья, мать Шизы. Покидая Мингору 9 октября, они понятия не имели, что разлука с домом продлится так долго. Придя в свою комнату в общежитии, они залились слезам, словно дети. Я всегда была таким светлым и жизнерадостным ребенком. Отец хвастался перед друзьями моей «ангельской улыбкой и ангельским смехом». Теперь он говорил сквозь слезы:

– Как больно видеть ее милое личико перекошенным. Как больно видеть, что она утратила свой чудный смех и свою лучезарную улыбку. Эти проклятые талибы украли их. Можно отдать любимому человеку почку или глазное яблоко, но улыбку ему нельзя подарить, – с грустью добавил он.

Проблема состояла в том, что у меня был поврежден лицевой нерв. В то время доктора не могли сказать с уверенностью, сможет ли нерв восстановиться или же так и останется полностью атрофирован. Я утешала родителей, утверждая, что мне не важно, перекошено мое лицо или нет. Они не верили мне, так как знали, что я всегда переживала из-за собственной внешности и без конца возилась с волосами. Но после того, как посмотришь в глаза смерти, многое меняется.

– Какая разница, смогу ли я улыбаться или подмигивать или не смогу, – говорила я маме. – Я все равно ваша Малала. Бог сохранил мне жизнь, и это единственное, что имеет значение.

И все же каждый раз, когда я пыталась улыбнуться или засмеяться, на мамино лицо набегала тень. Это походило на злое волшебное зеркало – счастливое выражение моего лица, отражаясь на мамином, становилось несчастным.

Оставаясь наедине с отцом, мама устремляла на него вопросительный взгляд. «Почему Малала стала такой? Девочка, которую я родила, улыбалась все пятнадцать лет своей жизни», – словно говорили ее глаза.

Как-то раз отец спросил ее напрямик:

– Пекай, скажи мне откровенно, ты винишь меня за то, что произошло с Малалой?

– Нет, хайста, – ответила мама. – Ты не учил нашу дочь дурному, не посылал ее воровать и убивать. Она пострадала за правду.

И все же отец очень переживал, что моя перекошенная улыбка постоянно будет напоминать о покушении. Он заметил, что изменилась не только моя внешность, но и характер. Дома я была очень эмоциональной и впечатлительной девочкой, готовой по любому пустяку залиться слезами. Здесь, в Бирмингеме, я не плакала и не жаловалась, даже когда испытывала сильнейшую боль.

Никаких других посетителей, кроме отца и мамы, ко мне не пускали, несмотря на потоки просьб. Врачи полагали, что визиты посторонних людей могут помешать процессу реабилитации. Через четыре дня после приезда родителей в госпиталь прибыла группа политиков – представителей трех стран, оказавших мне помощь: Рехман Малик, пакистанский министр внутренних дел, Уильям Хейг, британский министр иностранных дел, и шейх Абдулла бен Заед, министр иностранных дел ОАЭ. Увидеться со мной им не разрешили, но они встретились с врачами и моим отцом. Разговор этот очень расстроил отца. Дело в том, что Рехман Малик сказал ему:

– Передайте Малале, что вся нация мечтает увидеть ее улыбку.

Он не знал, что с улыбкой у меня возникли серьезные проблемы.

Рехман Малик сообщил, что в меня стрелял талибский боевик по имени Атаулла Хан. В 2009 году во время военной операции в долине Сват он был арестован, но через три месяца выпущен на свободу. Согласно сведениям, сообщенным прессой, он являлся выпускником колледжа Джаханзеб. Малик утверждал, что план моего убийства был разработан в Афганистане. Он сообщил также, что за голову Атауллы назначена награда в миллион долларов, и пообещал, что в самом скором времени преступник будет схвачен. У нас имелись веские основания сомневаться в этом. Никакой кары за содеянное не понесли ни убийцы Беназир Бхутто, ни убийцы нашего первого премьер-министра Лиаката Али Хана, ни террористы, организовавшие авиакатастрофу, в которой погиб генерал Зия-уль-Хак. Все они так и не были арестованы.

После покушения на меня были арестованы два человека – школьный шофер Усман Бхай Джан и школьный бухгалтер, которому Усман Бхай Джан позвонил сразу после покушения и

рассказал о случившемся. Бухгалтера выпустили через несколько дней, но бедный Усман Бхай Джан по-прежнему оставался в заключении. Армейское руководство утверждало, что он необходим следствию как свидетель, могущий опознать преступников. Мы были очень расстроены этим обстоятельством. Всем нам хотелось, чтобы за решеткой оказался Атаулла, а не наш милый балагур Бхай Джан.

Организация Объединенных Наций сообщила, что объявляет 10 ноября – дату, когда с момента покушения прошел один месяц и один день, – Днем Малалы. Я не придала этому факту особого значения, так как готовилась к серьезной операции, которая должна была восстановить функции лицевого нерва. Нерв не реагировал на электрические импульсы, и врачи пришли к выводу, что он перебит пулей. Избавить меня от лицевого паралича могла только срочная операция. В госпитальном пресс-центре журналистам постоянно сообщали о ходе моего лечения, но готовящуюся операцию держали в секрете, чтобы не поднимать вокруг нее лишнего шума.

11 ноября меня повезли в операционную. Хирург по имени Ричард Ирвинг объяснил мне, что перебитый нерв управлял движениями левой части моего лица. Благодаря этому нерву я могла открывать и закрывать левый глаз, морщить нос, поднимать бровь, улыбаться. Восстановление нерва – это чрезвычайно сложная и тонкая работа. Операция длилась восемь с половиной часов. Прежде всего хирург прочистил ушной канал от осколков кости и кровяных сгустков и выяснил, что у меня повреждена левая барабанная перепонка. Потом доктор обнажил лицевой нерв, который тянется от височной до челюстной кости, и удалил многочисленные осколки кости, которые мешали мне двигать челюстью. Выяснилось, что фрагмент лицевого нерва длиной два сантиметра полностью разрушен. Для того чтобы компенсировать утраченный участок, хирург изменил расположение нерва, который проходит за ухом, и поместил его перед ухом.

Операция прошла удачно, но пришлось ждать три месяца, прежде чем левая часть моего лица начала понемногу оживать. Каждый день я делала перед маленьким зеркальцем специальные упражнения для лица. Доктор Ирвинг объяснил мне, что нерв восстановит свои функции через полгода, но мое лицо никогда не будет таким подвижным, как раньше.

Тем не менее, к своей великой радости и радости родителей, вскоре я смогла улыбаться и подмигивать. День ото дня моя мимика становилась все более разнообразной. Злое волшебное зеркало исчезло – теперь, когда я улыбалась, лица родителей

светлели. Наблюдая, как прежнее мое лицо возвращается ко мне, они чувствовали себя даже более счастливыми, чем я. Впоследствии доктор Ирвинг признался, что не рассчитывал на такой замечательный результат. За двадцать лет работы в лицевой хирургии он ни разу не видел, чтобы работа лицевого нерва восстановилась так полно, как у меня.

Операция способствовала также тому, что головные боли пошли на убыль и я наконец смогла читать. Начала я с «Волшебника страны Оз», одной из многочисленных книг, присланных мне Гордоном Брауном. Мне очень понравилась история девочки Дороти, которая, несмотря на свое горячее желание попасть домой, не побоялась потратить время на помощь тем, кто в ней нуждается. Дороти преодолела множество препятствий и добилась своего. Думаю, если человек действительно стремится к избранной цели, он способен свернуть горы на своем пути. Книга так меня увлекла, что я мигом проглотила ее от корки до корки и пересказала отцу. Он очень обрадовался, что я запомнила даже мельчайшие детали прочитанного. Это было убедительным доказательством того, что моя память восстанавливается.

Я знала, родители очень переживали из-за моих проблем с памятью: я ничего не помнила о покушении, забыла имена своих подруг. Отец не мог удержаться от того, чтобы не подвергать мою память постоянным проверкам. Как-то раз он спросил:

– Малала, а ты можешь спеть какую-нибудь пуштунскую тапу?

Я пропела куплет, который мы с отцом особенно любили:

Если ты начинаешь путь со змеиного хвоста,
Ты закончишь у ее головы, полной яду.

Мы вкладывали в эти строки особый смысл, подразумевая власти Пакистана, которые поначалу использовали боевиков, а потом оказались перед лицом неуправляемой жестокой стихии.

Спев, я сказала отцу:

– Знаешь, есть одна тапа, которую мне хотелось бы немного изменить.

Отец взглянул на меня с удивлением.

Тапы – это коллективная мудрость, которая накапливалась веками, и изменять их – по меньшей мере самонадеянно.

– Какую же? – спросил отец.

– Вот эту, – ответила я.

Если мужчины не могут выиграть битву, о, моя страна,

Женщины выступят вперед и принесут тебе славу.

که د زلمو نه پوره نه شوه
ګرانه وطنه جینکی به دې ګټی نه

Мне казалось, будет правильнее читать эти строки так:

Независимо от того, побеждают мужчины в битвах
или проигрывают, о, моя страна,
Женщины выступают вперед и приносят тебе славу.

که د زلمو نه شوه که نه شوه
ګرانه وطنه جینکی به دې ګټی نه

Выслушав меня, отец рассмеялся. После он, по своему обыкновению, рассказывал об этом всем и каждому.

Я каждый день занималась на тренажерах и проходила сеансы физиотерапии. Мои ноги и руки работали все лучше, и 6 декабря мне в первый раз позволили покинуть госпиталь. Я много рассказывала Име о своей любви к природе, и она устроила нам с мамой прогулку в Бирмингемском ботаническом саду, который находился неподалеку от госпиталя. Нас сопровождали двое сотрудников. Отцу не разрешили пойти с нами – вокруг госпиталя крутилось множество журналистов и его могли узнать. Несмотря на это, я была на седьмом небе от счастья. Впервые у меня появилась возможность увидеть неведомую заграницу не из окна больничной палаты.

К моей величайшей досаде, в машине меня посадили не у окна, а между двумя сотрудниками госпиталя. Я не понимала, что это делается для того, чтобы защитить мою голову от толчков и тряски. Когда мы вошли в оранжерею и я увидела зеленые растения, то сразу вспомнила о доме.

– Вот этот куст растет в нашей долине, – без конца повторяла я. – И такие цветы у нас тоже есть.

Странно было видеть в оранжерее других посетителей, для которых посещение Ботанического сада было самым обычным делом. Я же ощущала себя девочкой Дороти, вернувшейся наконец домой после долгого путешествия. Мама была так взволнована, что позвонила отцу.

– Впервые за два месяца я счастлива, – сказала она.

День был пронзительно-холодный, и мы зашли в кафе, где я с

наслаждением выпила чая со сливками и съела очень вкусное пирожное.

Два дня спустя ко мне впервые допустили гостя – им был президент Пакистана Асиф Зардари. Руководство госпиталя было против этого визита, неизбежно связанного с журналистской суматохой, но мой отец не мог отказать президенту. Зардари не просто был главой нашего государства, он обещал, что правительство оплатит мои медицинские счета, которые к тому времени составляли уже 200 000 фунтов. По распоряжению Зардари для моих родителей арендовали квартиру в центре Бирмингема, и они смогли переехать из студенческого общежития. Визит президента был назначен на субботу, 8 декабря.

Все происходило как в фильме про Джеймса Бонда. С утра вокруг госпиталя толпились журналисты, ожидающие прибытия президента. Но президент не приехал. Вместо этого я, закутанная в парку с капюшоном, выскользнула из госпиталя через служебный вход. Меня посадили в машину и отвезли в управление госпиталя. Выезжая из ворот, мы видели толпу журналистов, нетерпеливо переминавшихся с ноги на ногу у главного входа. Некоторые из них даже залезли на деревья, чтобы ничего не пропустить. Никто не обратил внимания на машину, в которой сидела я. В офисе мне пришлось довольно долго ждать. Я коротала время, играя с братом Аталом в компьютерную игру под названием «Эльф Боулинг». В эту игру я играла впервые, но все же постоянно обыгрывала Атала. Наконец прибыл президент и сопровождающие его лица. В комнату вместе с президентом вошли десять человек. Тут были и военный секретарь Зардари, и начальник его охраны, и посол Пакистана в Лондоне, который до прибытия моих родителей считался моим официальным опекуном, получив эти полномочия от доктора Фионы. С президентом приехала также его младшая дочь Асифа, которая была на несколько лет старше меня.

Доктора предупредили посетителей, что в разговоре не следует говорить о моем лице. Асифа преподнесла мне букет цветов. Президент, согласно традиции, положил руку мне на голову. Этот жест вызвал беспокойство моего отца – ведь у меня отсутствовал значительный участок черепа, и под платком, покрывающим мою голову, можно было нащупать вмятину. Президент с отцом долго беседовали. Нам очень повезло, что меня отправили в Англию.

– Возможно, она выжила бы и в Пакистане, – сказал отец. – Но там она не получила бы должного ухода, и ее лицо на всю жизнь осталось бы перекошенным. А здесь ей вернули улыбку.

По распоряжению президента Зардари отцу была предоставлена должность атташе по вопросам образования. Это давало ему не только зарплату, на которую мы могли жить, но и дипломатический паспорт. Теперь для того, чтобы остаться в Англии, ему не нужно было просить политического убежища. Это стало для отца большим облегчением, ведь он понятия не имел, где найти средства к существованию. Специальный посланник ООН по вопросам образования Гордон Браун предложил отцу неоплачиваемую должность своего советника. Президент Зардари ничего не имел против и сказал, что отец может занимать оба поста. После этой встречи президент заявил журналистам, что я «замечательная девочка, которой гордится Пакистан». Но не все в Пакистане разделяли его восхищение. Тогда отец скрывал от меня, но потом я узнала, что в нашей стране были люди, распространявшие самые нелепые слухи. Они утверждали, что отец стрелял в меня сам. Находились и такие, кто считал, что покушение на меня – не более чем инсценировка, которую мы разыграли, чтобы переехать за границу.

Так или иначе, Новый, 2013 год мы встретили в прекрасном настроении. В начале января меня выписали из госпиталя, и я поселилась со своей семьей. Правительство Пакистана арендовало для нас просторную меблированную квартиру в центре Бирмингема. Квартира располагалась на десятом этаже современного здания. Для всех нас, конечно, это было очень непривычно и даже пугающе. Когда-то мы жили в трехэтажном доме, но после землетрясения мама заявила, что больше не желает жить в высоких многоквартирных зданиях. Теперь ей приходилось подниматься на десятый этаж на лифте, которого она ужасно боялась. Отец рассказывал, что мама долго не хотела заходить в лифт, повторяя:

– Я умру от страха!

Мы были счастливы снова жить всей семьей. Правда, мой брат Хушаль, как всегда, был невыносим. В Англии, вдали от друзей и школы, мальчишки скучали, хотя их, конечно, поражало обилие нового и необычного. Я быстро смекнула, что теперь могу командовать ими, как мне вздумается, дразнить, когда захочу, и родители ничего мне не скажут. Зима была снежная, и я часто стояла у окна, смотрела на заснеженную улицу и мечтала поиграть в снежки. Но пока об этом нечего было и думать. Иногда мы выходили на прогулку, но я очень быстро уставала.

В одном из домов на площади, где мы жили, находилось кафе «Коста коффе» со стеклянной стеной. Выходя на прогулку, я смотрела на мужчин и женщин, сидевших за столиками и непринужденно болтавших. Когда я жила в долине Сват, мне

трудно было представить, что подобное возможно. Поблизости находилась Брод-стрит, знаменитая улица магазинов, ночных клубов и стриптиз-клубов. Иногда мы заходили в магазины, хотя я так и не стала любительницей шопинга. У нас глаза лезли на лоб при виде нарядов здешних женщин: посреди зимы они расхаживали в коротеньких шортиках, выставив на всеобщее обозрение обтянутые прозрачными колготками ноги. Поначалу маму это сильно шокировало.

– Видеть не могу этот срам! – жаловалась она и просила отца: – Переедем в Дубай! Я не хочу жить среди этих бесстыдниц!

Со временем она привыкла к английским модницам и даже стала над ними подшучивать:

– Наверное, ноги у них сделаны из железа, раз не чувствуют холода!

Нас предупредили, что вечерами выходных дней по Брод-стрит лучше не гулять, так как это может быть опасно. Нас подобное предупреждение только позабавило. Здешние опасности не шли ни в какое сравнение с теми, каким мы подвергались у себя на родине. Тот, кто жил бок о бок с талибами, отрубающими людям головы, вряд ли испугается стайки подвыпившей молодежи. Если я кого и побаивалась, так только людей с восточной внешностью. Всякий раз при встрече с таким человеком внутри у меня все сжималось. Мне казалось, он вот-вот выхватит пистолет.

Раз в неделю я общалась по скайпу со своими подругами в Мингоре. Они говорили, что мое место за школьным столом по-прежнему ждет меня. Учитель сообщил, что за работу по истории Пакистана, которую я сдала в день покушения, я набрала 75 баллов из 75. Но другие экзамены я сдала хуже, и первой ученицей в классе стала Малка-и-Нур. Конечно, в госпитале я пыталась заниматься, но за время моей болезни одноклассницы, разумеется, ушли далеко вперед. Теперь главной соперницей Малки стала Мониба.

– Мне тебя очень не хватает, – говорила Малка-и-Нур. – Когда рядом нет главного конкурента, хорошо учиться не так интересно.

День ото дня я становилась сильнее и крепче. Но предстояла еще одна операция – нужно был вернуть на место фрагмент черепа, находившийся у меня в животе. Докторов также беспокоило ухудшение моего слуха. На улице, среди людей, я не могла разобрать, что говорили мне родители. В левом ухе у меня постоянно звенело. 2 февраля, в субботу, я вернулась в госпиталь. На этот раз операцию делала женщина, доктор Энвин Вайт. Прежде всего она извлекла из живота фрагмент моего черепа, но,

взглянув на него, решила его не использовать. Кость сохранилась не лучшим образом, и доктор опасалась инфекции. Мне произвели так называемую титановую краниопластику (я теперь знаю множество медицинских терминов!). Проще говоря, в череп мне вживили титановую пластину и закрепили ее на восьми микроскопических болтах.

Пока я лежала на операционном столе, доктор Ирвинг, хирург, восстановивший мой лицевой нерв, решил проблему с поврежденной барабанной перепонкой. Он поместил внутри моего черепа поблизости от уха маленькое электронное устройство – «улитку». Через месяц, сказал он, еще одну часть этого устройства поместят мне за ухо, и левое ухо станет слышать. И действительно, когда через несколько недель за ухом у меня закрепили крохотный приемник, слух начал восстанавливаться. Поначалу все звуки казались мне искаженными, но постепенно все пришло в норму.

Мы, люди, не способны постичь все величие Господа. Он дарует нам пытливый ум и любящее сердце. Он дарует нам губы, чтобы мы могли говорить и выражать свои чувства, дарует нам глаза, чтобы мы могли наслаждаться красотой окружающего мира, нос, чтобы мы могли ощущать ароматы, и уши, чтобы мы могли слышать слова любви. Господь дарует нам ноги, чтобы мы могли идти путями, которыми ведет нас жизнь, и руки, чтобы мы могли работать. До тех пор, пока мы не потеряем какой-либо из этих органов, мы не в состоянии осознать, как он важен для нас. Я поняла это на собственном опыте, оглохнув на одно ухо.

Я благодарю Аллаха, пославшего мне умелых и опытных докторов. Благодарю за свое выздоровление и за то, что Он послал меня в этот мир, где всем нам приходится вести постоянную борьбу за выживание. В этом мире всем людям дается возможность выбрать свою дорогу. Кто-то идет путем добра, кто-то – путем зла. Один человек выпустил в меня пулю. За долю секунды эта пуля повредила мне мозг, перебила лицевой нерв и лишила слуха. После этого три миллиона людей молились за мое выздоровление, а замечательные доктора вернули меня к жизни.

Я всегда стремилась идти путем добра. В сердце моем неизменно живет стремление помогать людям. Я делаю это не ради наград или денег. Каждый день я молюсь Господу и прошу Его даровать мне сил на помощь всем, кто в этом нуждается.

Боевик Талибана с близкого расстояния стрелял в трех девочек, сидевших в школьном автобусе, и не убил ни одну из них. Это кажется невероятным. Мое выздоровление – это тоже чудо. Так или иначе, мы все живы. Моя подруга Шазия, которой досталась вторая пуля, зачислена в Атлантик-колледж в Уэльсе и

скоро приедет в Англию. Надеюсь, и Кайнат тоже.

Я знаю, что выжила только по воле Аллаха. Мне дарована вторая жизнь. Господь услышал молитвы о моем выздоровлении и оставил меня в живых, чтобы я до конца своих дней помогала людям. Когда я слышу разговоры о том, что случилось, мне кажется, речь идет не обо мне. Это история Малалы – «девочки, которая была ранена талибами».

Эпилог
Один ребенок, один учитель, один учебник, одна ручка…

Бирмингем, август 2013 года

В марте наша семья переехала из квартиры в центре Бирмингема в арендованный для нас особняк на тихой зеленой улице. Но все мы чувствуем, что это наше временное пристанище. Наш дом по-прежнему в долине Сват, там осталось все наше имущество. А здесь повсюду громоздятся картонные коробки с письмами и открытками, которые прислали мне добрые люди. В одной из комнат стоит пианино, на котором никто из нас не умеет играть. С потолка смотрят лепные херувимы, на стенах висят картины, изображающие греческих богов. Мама постоянно жалуется, что ей неуютно под их взглядами.

Наше нынешнее жилище кажется очень пустым и просторным. Дом стоит за высокой оградой с электрическими железными воротами. Иногда у меня возникает ощущение, что мы находимся под домашним арестом – в Пакистане такую меру применяют довольно часто. За домом раскинулся большой сад, где есть ровная зеленая лужайка для игры в крикет. Но у этого дома нет плоской крыши, на которой так здорово играть, по улицам не носятся дети со змеями, соседи не заглядывают к нам, чтобы попросить стакан рису или три помидора. Соседний дом совсем близко, но кажется, нас отделяет от него расстояние в несколько километров.

Мама большую часть времени проводит в саду. И сейчас она там, я вижу в окно, как она кормит птиц. Голова у нее, как всегда, покрыта платком. Похоже, она поет. Может быть, она поет свою любимую тапу:

> Никогда не убивай голубей в саду.
> Если ты убьешь одного, другие никогда не прилетят.

Мама скармливает птицам остатки нашего обеда, и на глаза у нее наворачиваются слезы. Здесь мы едим то же самое, что и дома, – мясо с рисом на обед и ужин, а на завтрак – яичницу, хлеб чапати и иногда тосты с медом. Обычай намазывать хлеб медом завел мой младший брат Атал, хотя больше всего ему нравятся бутерброды с ореховой пастой «Нутелла», которую он впервые попробовал в Англии. Каждый раз у нас остается лишняя еда, и

это очень расстраивает маму. Я знаю, она вспоминает о бедных детях, которых мы подкармливали в Мингоре, и думает о том, как они обходятся без нас.

В Мингоре, когда я возвращалась из школы, дом всегда был полон людей. Сейчас я с удивлением вспоминаю, что сердилась на постоянную толчею и шум, мечтала о нескольких часах тишины и уединения, чтобы спокойно сделать уроки. Здесь тишину нарушает только пение птиц и звуки компьютера, когда Хушаль играет в очередную стрелялку. Я сижу в своей комнате в полном одиночестве, складываю пазл и мечтаю о приходе гостей.

Наша семья никогда не жила богато. О том, что такое голод, родители знали не понаслышке. Тем не менее мама никому не отказывала в помощи. Однажды к нашим дверям подошла бедная женщина, голодная, измученная жарой и умирающая от жажды. Мама впустила ее в дом, напоила и накормила. Женщина была ей очень благодарна.

– Я стучалась во все двери в махалле, и только твоя дверь распахнулась передо мной, – сказала она. – Наверное, Бог научил тебя радушно принимать всех, кто постучит в твой дом.

Я знаю, мама чувствует себя в Англии очень одинокой. Она такая общительная – в Мингоре все соседки, переделав дневные дела, собирались на заднем крыльце нашего дома, чтобы отдохнуть и поболтать. Здесь маме не с кем поговорить, кроме нас, ведь она не знает ни слова по-английски. Домашняя работа занимает у нее намного меньше времени, чем прежде, – наше нынешнее жилище снабжено всеми современными удобствами и приспособлениями. Когда мы поселились здесь, мама смотрела на электрическую плиту и на посудомоечную машину, как на великое чудо, и долго не решалась ими пользоваться.

Отец в Англии не изменил своим привычкам и никогда не заходит в кухню. Иногда я его поддразниваю:

– Аба, ты борешься за права женщин, а в своей собственной семье откровенно их попираешь. Ты никогда не вымоешь за собой даже чашку!

По городу ходят автобусы, но мы побаиваемся на них ездить. Мама скучает по Китайскому базару, куда она так любила ходить за покупками. С тех пор как с нами поселился мой двоюродный брат Шах, ей стало немного веселее. У него есть машина, на которой он возит маму по магазинам. Но обновки не доставляют ей такой радости, как дома, ведь она не может похвастаться ими перед подругами и соседками.

Стоит двери громко хлопнуть, мама вздрагивает. Теперь она вздрагивает при каждом резком звуке. Она часто плачет, сжимая меня в объятиях.

– Какое счастье, что Малала жива, – повторяет она.

Она относится ко мне так, словно я – самая младшая из ее детей.

Отец тоже иногда плачет. Плачет, когда я зачесываю волосы набок и он видит шрам на моей голове. На глаза его наворачиваются слезы, когда, выйдя в сад, он слышит голоса своих детей и понимает, что один из этих голосов – мой. Некоторые люди обвиняют отца в том, что случилось со мной, и это ему хорошо известно. Он заставлял ребенка заниматься недетским делом, говорят недоброжелатели. Превратил девочку в общественную деятельницу, подставив ее под удар. Действовал в точности так, как родители, которые мечтают любой ценой вырастить из своих отпрысков спортсменов-чемпионов и не думают о том, хочется ли этого детям. Ради своих амбиций они лишают детей детства. Я знаю, как больно отцу слышать подобные упреки. Главное дело его жизни – школа, где учились более тысячи детей и работали семьдесят педагогов, – осталось на родине. Эту школу он, мальчик из глухой деревеньки в горном ущелье, создал фактически на пустом месте, положив на нее двадцать лет упорного труда. Конечно, он гордится тем, что добился успеха.

– Если ты посадил дерево и вырастил его, ты имеешь право отдохнуть в его тени, – часто говорит он.

Отец по-прежнему мечтает о том, что в нашей стране воцарятся мир и демократия, что в долине Сват откроется множество школ, где всякий сможет получить качественное образование. В Свате отец завоевал уважение и почет благодаря своей правозащитной деятельности и помощи, которую он оказывал людям. Он и не думал, что когда-нибудь окажется за границей. Есть люди, которые считают, что наша семья давно хотела переселиться в Великобританию. Но это неправда, и отец очень расстраивается, когда слышит это.

– Человека, который учился восемнадцать лет, человека, у которого было все – семья, любимое дело, положение в обществе, – выхватывают, как рыбу из воды, и бросают на другой берег! При этом единственная его вина – в том, что он отстаивал право девочек на образование! По-вашему, такой человек должен считать, что ему повезло? – возмущается он.

Отец говорит, что из внутренне перемещенных лиц мы превратились во внешне перемещенных. За обедом и ужином мы часто говорим о доме, вспоминаем всякие мелочи. Мы скучаем по всему, даже по вонючей реке.

– Если бы я знал, что расстаюсь с домом так надолго, я постарался бы унести в своем сердце все, как Пророк, да

пребудет с ним мир, когда он покидал Мекку, направляясь в Медину. Он много раз оглядывался, не в силах насмотреться вдоволь, – говорит отец.

Постепенно некоторые воспоминания о нашей жизни в долине Сват становятся далекими, словно истории, вычитанные в книгах.

Отец постоянно принимает участие в конференциях и симпозиумах, посвященных проблемам образования. Конечно, ему странно, что люди проявляют к нему интерес в первую очередь потому, что он мой отец. В Пакистане все было наоборот: я пользовалась известностью потому, что была его дочерью. Когда во Франции отец получал присужденную мне премию, он сказал в своем выступлении:

– В той части света, где я живу, отцам обычно приносят славу сыновья. Я – счастливое исключение, так как получил славу благодаря своей дочери.

В моем шкафу висит новая школьная форма. Она бутылочно-зеленого цвета и совсем не похожа на ту ярко-синюю, что я носила в Мингоре. Школа, в которую я хожу, тоже не походит на мою прежнюю школу. Здесь никто не боится, что школьное здание взлетит на воздух. Никто не боится схлопотать пулю в лоб лишь за то, что он хочет получить образование. К занятиям я приступила в апреле, когда достаточно окрепла. Это очень здорово – ходить в школу, ничего не опасаясь, не оглядываясь по сторонам, ожидая нападения талибов.

Школа очень хорошая. Некоторые предметы я изучала дома. Правда, здесь учителя пользуются на уроках компьютерами и Power Point, а не грифельными досками и мелом, как у нас. Среди школьных предметов есть такие, которые в моей прежней школе не изучали, – музыка, изобразительное искусство, информатика, труд (урок, на котором мы учимся готовить). Мы часто ставим опыты в лаборатории, что тоже для меня внове. Хотя на последнем экзамене по физике я набрала всего 40 баллов, физика по-прежнему остается моим любимым предметом. Мне нравится изучать законы и принципы, на которых зиждется мироздание.

Но как и моя мама, я чувствую себя одинокой. Для того чтобы найти хороших друзей, таких, какие были у меня дома, требуется время. К тому же девочки в этой школе относятся ко мне не так, как к другим. «О, это та самая Малала!» – говорят они. Они видят во мне «Малалу, борца за права девочек». В школе Хушаль я была просто Малалой, обычной девчонкой, которая любила рисовать, рассказывать смешные истории и разъяснять одноклассницам то, что они не поняли на уроках. Наверняка в моем новом классе, как и в любом другом, есть самая красивая девочка, самая умная или

даже гениальная девочка, самая богатая девочка, самая шумная девочка, самая застенчивая девочка… Но я пока держусь особняком и не слишком хорошо понимаю, кто есть кто.

Здесь мне не с кем обмениваться шутками, и я приберегаю их для разговоров с Монибой по скайпу. Первым делом я всегда задаю вопрос:

– Что новенького в школе?

Мне интересно, кто с кем подрался, кого учитель похвалил, кого отругал. По результатам последних экзаменов Мониба стала первой ученицей в классе. Мое место за школьным столом по-прежнему не занято. Над входом в школу для мальчиков господин Амджад повесил большой плакат с моим портретом. Он говорит, что здоровается со мной каждое утро.

Я рассказываю Монибе о жизни в Англии. Рассказываю про улицы, вдоль которых стоят одинаковые дома – совсем не так, как у нас, где каждый дом совершенно не похож на другой и глинобитная лачуга может притулиться под боком у настоящего дворца. Дома здесь надежные и крепкие, они наверняка могут выдержать и землетрясение, и наводнение, рассказываю я. Жаль только, что крыши у них не плоские и играть в крикет на них нельзя. Англия мне нравится, потому что люди здесь вежливые и соблюдают правила поведения, говорю я; они уважительно относятся к полиции и не мусорят на улицах. Все здесь совершается точно в назначенное время, без опозданий. Правительство выполняет свои обязанности, и мало кто из жителей страны знает имя командующего армией. Все женщины, которые хотят работать, работают, причем занимаются такими профессиями, о которых в Свате и помыслить нельзя. Здесь есть женщины-полисмены и женщины-охранники, женщины, которые руководят крупными компаниями и корпорациями. Все они одеваются так, как им нравится.

Я стараюсь поменьше думать о покушении, хотя каждый раз, глядя в зеркало, невольно вспоминаю о нем. Операция по восстановлению нерва помогла, но все же лицо мое теперь не совсем такое, как раньше. Я не могу как следует подмигнуть левым глазом, а когда говорю, он слегка закрывается. Хидаятулла, друг моего отца, говорит, что я должна гордиться следами, которые оставил талибский выстрел.

– Ты принесла себя в жертву, и потому лицо твое стало даже прекраснее, – говорит он.

До сих пор неизвестно, кто в меня стрелял, хотя человек по имени Атаулла Хан взял на себя ответственность за покушение. Полиция до сих пор не сумела его найти. Нам сообщают, что ведется следствие, которое нуждается в моих показаниях.

События того дня стерлись в моей памяти, но иногда воспоминания вспыхивают в моем сознании, словно кадры кинохроники. Происходит это всегда неожиданно. В июне этого года в Абу-Даби я испытала острый приступ паники. Мы приехали в Саудовскую Аравию, чтобы совершить умра, малое паломничество. Вместе с мамой мы отправились в торговый центр – она хотела купить паранджу для посещения Мекки. Я заявила, что обойдусь без паранджи и ограничусь хиджабом, мусульманским головным платком. В шариате отсутствует закон, согласно которому женщина должна непременно носить паранджу. Мы шли по торговому центру, когда мне вдруг показалось, что меня окружили боевики с пистолетами. Я похолодела от ужаса и едва удержалась от крика. «Малала, ты уже смотрела в лицо смерти, – сказала я себе. – Бог даровал тебе вторую жизнь. Ничего не бойся. Страх мешает двигаться вперед».

Мы верим, что Аллах исполнит заветные желания всякого, кто попросит об этом, стоя у Кааба[2] черного куба – главной святыни мусульманского мира. Молясь у Кааба, я просила Бога установить в Пакистане мир и дать всем девочкам возможность учиться. К собственному удивлению, я заметила, что по моему лицу текут слезы. Когда мы посещали другие святые места в пустыне вокруг Мекки, места, где жил и молился Пророк, да пребудет с ним мир, я была поражена, увидев множество мусора – бумажек, пустых бутылок, пакетов. Жаль, что люди относятся к своей истории так пренебрежительно. Полагаю, они забыли, что Пророк, да пребудет с ним мир, учил нас: чистота – это половина веры.

Теперь мой мир стал иным. Границы его раздвинулись. На полках в гостиной нашего дома в Англии стоят премии, присужденные мне в разных странах мира – в Америке, Индии, Франции, Испании, Италии, Австрии и многих других. Я даже стала самым молодым в истории номинантом на Нобелевскую премию мира. Я всегда радовалась, когда получала призы за отличную учебу. К этим премиям я отношусь иначе. Конечно, я очень признательна, что мне их присудили. Но они напоминают о том, как много еще предстоит сделать, чтобы все дети на планете имели возможность учиться. Я не хочу, чтобы меня считали «девочкой, которая была ранена талибами». Намного лучше быть «девочкой, которая борется за право детей на образование». Именно этой цели я хочу посвятить свою жизнь.

В свой шестнадцатый день рождения я выступала в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Говорить перед большой аудиторией в огромном зале, где выступали многие мировые лидеры, было страшновато, но я знала, что должна это сделать. «Это твой шанс,

Малала», – сказала я себе. В зале сидело около 400 человек, но я представила, что меня слушают миллионы. Когда я писала свою речь, я думала не только о политиках, которым предстояло меня слушать; я обращалась ко всем людям, способным изменить этот мир. Я хотела помочь тем, кто живет в бедности, тем, кто с ранних лет вынужден зарабатывать себе на пропитание, тем, кто страдает от невежества и терроризма. В глубине души я надеялась вселить мужество в детей, лишенных права на образование, доказать им, что борьба способна принести результаты.

Я надела наш национальный костюм шальвар-камиз своего любимого розового цвета и покрыла голову белой шалью Беназир Бхутто. Стоя перед мировыми лидерами, я призвала их обеспечить всем детям на земле возможность учиться.

– Дайте детям книги и ручки, – сказала я. – Это самое могущественное оружие на свете. Один ребенок, один учитель, один учебник и одна ручка способны изменить мир.

Я не знала, какой отклик находят мои слова у слушателей, до тех пор, пока они не встали и не устроили мне овацию. Мама при этом расплакалась, а отец сказал, что я стала дочерью всего мира.

В тот день произошло еще одно событие. Мама впервые позволила сфотографировать себя с открытым лицом. Для того чтобы на это решиться, ей пришлось сделать над собой большое усилие.

На следующий день, когда мы завтракали в отеле, мой младший брат Атал спросил:

– Малала, я не понимаю, почему ты такая знаменитая? Что ты такого особенного сделала?

Брату было не до моих выступлений – все его внимание поглощали статуя Свободы, Центральный парк и его любимая компьютерная игра «Beyblade».

После выступления в ООН я получила множество писем с выражением благодарности и поддержки. Письма приходили со всего мира, за исключением моей родной страны, Пакистана. Благодаря «Твиттеру» и «Фейсбуку» мы знали, что многие наши братья и сестры в Пакистане настроены против меня. Меня называли «девчонкой, жаждущей славы». «Она уже не думает ни об учебе, ни о чести родной страны, – утверждалось в одном из комментариев. – Все, что она хочет, – жить в роскоши за границей».

Я не хочу с этим спорить. Я знаю, жители нашей страны стали недоверчивыми и подозрительными, потому что они слишком часто сталкивались с политиками, не выполняющими свои обещания. Несмотря на все заверения государственных

деятелей, жизнь в Пакистане день ото дня становится хуже. Беспрестанные атаки террористов держат всю нацию в страхе. Люди привыкли никому не верить. Я надеюсь, со временем все жители моей страны убедятся в том, что я не ищу для себя никаких благ и искренне переживаю за дело мира и образования.

Самое поразительное письмо я получила от талибского полевого командира, недавно бежавшего из тюрьмы. Его зовут Аднан Рашид, прежде он служил в BBC Пакистана. С 2003 года он находился в тюрьме за попытку покушения на президента Мушаррафа. В письме говорилось, что движение Талибан приговорило меня к смерти вовсе не потому, что я боролась за право девочек учиться. Оказывается, я «препятствовала внедрению исламских законов», и поэтому меня решили уничтожить. Тем не менее автор письма признавался, что был потрясен, узнав о покушении, и сожалел о том, что не успел меня предупредить. Он сообщал, что правоверные мусульмане простят меня, если я вернусь в Пакистан, буду носить паранджу и учиться в медресе.

Журналисты уговаривали меня ответить ему. Но я подумала: «Кто дал этому человеку право говорить от лица всех правоверных мусульман?» Талибы – это преступники, а не правители нашей страны. Я сама способна решить, как мне поступать, и не собираюсь отчитываться перед Талибаном. Впоследствии журналист по имени Мухаммед Ханиф написал статью, в которой указал, что письмо талиба положительно повлияло на мою репутацию в Пакистане: благодаря признаниям боевика люди, считавшие, что никакого покушения не было, убедились в своей ошибке.

Я не сомневаюсь, что непременно вернусь на родину. Но всякий раз, когда я завариваю об этом с отцом, он находит предлог, чтобы отложить возвращение:

– Тебе надо продолжать лечение, джани, – говорит он.

Или же:

– Здесь такие хорошие школы. Если ты действительно хочешь стать политиком, ты должна остаться здесь и получить образование.

Он прав. Я знаю, что знание – это самое могущественное оружие. Я хочу быть хорошо вооружена. Тогда я смогу сражаться и побеждать.

Сегодня все понимают, что право на образование относится к числу основных прав человека. И не только на Западе; это право признает ислам. Согласно исламу, все дети, и мальчики, и девочки, должны ходить в школу. В Коране говорится, Бог хочет, чтобы люди обладали знаниями. Бог хочет, чтобы люди знали,

почему небо голубое, откуда берется вода в океане и почему сияют звезды. Но для того, чтобы всеобщее право на образование стало реальностью, нужно многое сделать: в мире 57 миллионов детей школьного возраста, которые не ходят в школу, 32 миллиона из них – девочки. Как это ни печально, моя родная страна, Пакистан, занимает одно из последних мест по уровню образования. Более пяти миллионов пакистанских детей не посещают даже начальную школу, хотя право на образование гарантировано нашей конституцией. В Пакистане 50 миллионов неграмотных взрослых, две трети из них – женщины, такие как моя мама.

Девочек, которые хотят учиться, по-прежнему убивают, школы взрывают. В марте этого года было совершено нападение на школу для девочек в Карачи, которую в свое время посещали мы с отцом. Перед началом церемонии вручения призов на школьную игровую площадку бросили несколько гранат. Был убит директор школы Абдур Рашид, ранено восемь детей в возрасте от пяти до десяти лет. Одна восьмилетняя девочка в результате ранений была полностью парализована. Когда моя мама услышала об этом, она разрыдалась.

– Когда наши дети спят, мы боимся коснуться даже волоска на их голове, – говорила она. – Но находятся люди, которые стреляют в детей и бросают в них гранаты. Люди, которым все равно, кого убивать, – детей или взрослых.

Один из самых кровавых терактов произошел в июне 2013 года в городе Кветта. Террорист-смертник взорвал школьный автобус, в котором ехали сорок детей. Четырнадцать из них были убиты. Боевики застрелили нескольких медсестер в госпитале, куда поместили раненых.

Детей убивают не только талибы. Дети погибают в результате войн и воздушных атак. Иногда детей убивает голод. Иногда – их собственные родственники. В июне в Гилгите были убиты две девочки моего возраста. Они выложили в Интернете видеоролик, в котором танцевали под дождем в традиционных длинных платьях и платках. Убийцей оказался их сводный брат.

Сегодня жизнь в долине Сват стала более спокойной, чем в других районах страны. Но хотя считается, что операция по очистке долины от талибов успешно завершилась четыре года назад, в Свате по-прежнему сохраняется полувоенный режим. Лидер Талибана Фазлулла разгуливает на свободе, а наш школьный водитель по-прежнему находится под домашним арестом. Долина Сват, прежде бывшая раем для туристов, ныне вызывает у них страх. Для того чтобы попасть в Сват, иностранцам необходимо получить в Исламабаде специальный

сертификат. Отели и магазины сувениров пустуют. Думаю, пройдет много времени, прежде чем туристы вновь появятся в Свате.

За последний год я повидала много красивых мест, но моя долина остается для меня самым прекрасным местом на земле. Не знаю, когда я увижу ее вновь, но не сомневаюсь в том, что это произойдет. Мне очень хочется узнать, выросло ли деревце из семечка манго, которое я посадила в нашем саду в Рамадан. Хорошо, если кто-то взял на себя труд поливать это деревце. Тогда будущие поколения детей смогут лакомиться его плодами.

Сегодня я взглянула на собственное отражение в зеркале и на секунду задумалась. Раньше я просила Аллаха прибавить мне хотя бы пять сантиметров роста. И я действительно выросла, хотя рост, который даровал мне Бог, невозможно измерить в сантиметрах. Я обещала, что, если подрасту хоть немного, сто раз вознесу раакат нафт, дополнительные молитвы. Настало время выполнить свое обещание.

Я люблю Аллаха. Я благодарна Ему за все. Я говорю с Ним каждый день. Его величие не знает границ. Но, сделав меня такой высокой, что я смогла дотянуться до людей, живущих в разных странах, Он возложил на меня особую ответственность. Мир в каждом доме, на каждой улице, в каждой деревне, в каждой стране – вот самая главная моя мечта. Еще я мечтаю о том, чтобы все мальчики и девочки в мире имели возможность учиться. Ходить в школу и читать книги – мое неотъемлемое право. Видеть на всех лицах всех людей счастливые улыбки – мое самое заветное желание.

Я – Малала. Мир, в котором я живу, изменился, но я осталась прежней.

Словарь

Аят – стих Священного Корана.

Аба – ласковое обращение к отцу, принятое у пуштунов.

Баба – ласковое обращение к дедушке или пожилому человеку.

Бадал – месть.

Бхаби – ласковое обращение на урду, дословно «жена моего брата».

Вали – должность в администрации исламских стран, соответствующая должности наместника провинции или другой административной единицы, на которые делится страна.

Дайна – автобус с небольшим открытым кузовом.

Джамаат-и-Ислами – Пакистанская консервативная исламская партия.

Джани – ласковое обращение, «дорогой» или «дорогая».

Джани мун – родная душа.

Джирга – собрание представителей племен.

Джихад – священная война за границей или внутри страны.

ДМК – движение Муттахида Кауми, *букв*. Объединенное национальное движение, первоначально опиралось на потомков мухаджиров – вынужденных мусульманских переселенцев в Пакистан из регионов с преобладавшим индуистским населением в результате раздела Британской Индии.

ДУИ – Джамаат уль-Улама-и-Ислам, *букв*. Общество мусульманских богословов, пакистанская консервативная партия, тесно связанная с афганским Талибаном, выступающим за неукоснительное соблюдение исламских законов.

Имам – местный проповедник.

Кафир – неверный.

Квами – национальный.

Лашкар – местная милиция.

ЛПВС – лица, перемещенные внутри страны (внутренне перемещенные лица), вынужденные бежать из своих домов в результате вооруженного конфликта, внутренней розни, систематических нарушений прав человека либо стихийных бедствий, но остающиеся при этом на территории собственной страны.

ЛТ – Лашкаре-Тайба, *букв*. армия Бога, одна из самых древних и самых могущественных военных группировок Пакистана, действующая в Кашмире и тесно связанная с Пакистанской межведомственной разведкой.

Маулана, муфтий – исламский богослов.

Медресе – исламская школа.

Мелмастия – гостеприимство.

Махалля – район города.

НПА – Национальная партия Авами, левая социалистическая партия в Пакистане.

Пир – святой.

Пишо – кошка.

Пурда – затворничество женщин; ношение паранджи.

ПМЛ – Пакистанская мусульманская лига, консервативная политическая партия, основанная в 1962 году и ставшая преемницей Мусульманской лиги, единственной влиятельной пакистанской партии в период раздела Британской Индии, которая в 1958 году была запрещена вместе с другими партиями.

ПМР – Пакистанская межведомственная разведка.

ПНП – Пакистанская народная партия, левоцентристская партия, основанная в 1967 году Зульфикаром Али Бхутто. Впоследствии партию возглавила его дочь Беназир. В настоящее время у партии два председателя – муж Беназир, Асиф Зардари, и их сын Билавал.

Пуштунвали – традиционный кодекс чести у пуштунов.

Сабар – терпение.

Сеид – почетный титул у мусульман для потомков пророка Мухаммеда.

Свара – практика, согласно которой одно племя дарит другому девушку или молодую женщину в знак прекращения вражды.

Сура – глава Священного Корана.

Талиб – учащийся духовной школы; ныне употребляется в значении – член военной группировки Талибан.

Тапа – традиционное пуштунское двустишие, первая строка которого содержит девять слогов, а вторая – тринадцать.

Тарбур – дословно «двоюродный брат»; иронически употребляется в значении «враг».

ТНШМ – Техрик-и-Нафаз-и-Шариат-и-Мохаммади, движение за соблюдение законов шариата, основанное в 1992 году Суфи Мухаммедом, позднее возглавленное его зятем мауланой Фазлуллой; также известно как Сватский Талибан.

ТТП – Техрик-и-Талибан-Пакистан, Пакистанский Талибан.

Умра – малое паломничество в Мекку, которое осуществляется не в месяц, предназначенный для хаджа, а в любое другое время года.

ФУПТ – Федерально управляемые племенные территории, район, расположенный на границе Пакистана и Афганистана, где действует система непрямого управления, учрежденная еще в

период британского владычества.

Хадис – предание о словах и деяниях Пророка, да пребудет с ним мир.

Халяль – разрешенное шариатом.

Хан – местный правитель.

Харам – запрещенное шариатом.

ХПК – Хайбер-Пахтунхва, *букв.* район пуштунов; одна из четырех провинций Пакистана, до 2010 года именовалась Северо-Западная Приграничная Провинция.

Худжра – в пуштунской традиции место, где собираются мужчины.

Чапати – плоские бездрожжевые лепешки из муки и воды.

Шальвар-камиз – традиционный костюм, состоящий из свободной туники и брюк; носится как мужчинами, так и женщинами.

Наиболее важные события в истории Пакистана и долины Сват

14 августа 1947 – Пакистан обретает независимость и объявляет себя первым в мире государством для мусульман; управляемая *вали* долина Сват присоединяется к Пакистану, но сохраняет особый статус.

1947 – первая индо-пакистанская война.

1948 – умирает основатель Пакистана Мухаммед Али Джинна.

1951 – убит первый премьер-министр Пакистана Лиакат Али Хан.

1958 – в Пакистане происходит первый военный переворот, в результате которого власть захватывает генерал Аюб Хан.

1965 – вторая индо-пакистанская война.

1969 – долина Сват становится частью Северо-Западной Приграничной Провинции.

1970 – в Пакистане проходят первые национальные выборы.

1971 – третья индо-пакистанская война. Восточный Пакистан получает независимость; образуется новое государство Бангладеш.

1971 – Зульфикар Али Бхутто становится первым премьер-министром, занявшим свой пост в результате выборов.

1977 – в стране происходит военный переворот, в результате которого власть захватывает генерал Зия-уль-Хак.

1979 – Зульфикар Али Бхутто казнен; Советский Союз вторгается в Афганистан.

1988 – генерал Зия-уль-Хак и несколько высших армейских чинов погибают в авиакатастрофе; Беназир Бхутто становится первой в исламском мире женщиной премьер-министром.

1989 – Советский Союз полностью выводит свои войска из Афганистана.

1990 – правительство Беназир Бхутто отправлено в отставку.

1991 – премьер-министром Пакистана становится Наваз Шариф.

1993 – под давлением армейского руководства Наваз Шариф вынужден уйти в отставку; формируется второе правительство Беназир Бхутто.

1996 – второе правительство Беназир Бхутто отправлено в отставку.

1997 – Наваз Шариф формирует второе правительство.

1998 – в Индии и Пакистане проходят испытания ядерного

оружия.

1999 – Беназир Бхутто и ее мужу Асифу Али Зардари предъявлено обвинение в коррупции; Беназир выслана из страны; Зардари заключен в тюрьму; генерал Первез Мушарраф захватывает власть путем военного переворота.

2001 – 11 сентября Аль-Каида совершает серию терактов, целью которых были здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне; США начинает бомбардировки Афганистана; режим Талибана в Афганистане прекращает свое существование; Усама бен Ладен находит убежище в Пакистане.

2004 – пакистанская армия начинает операцию по изгнанию боевиков из ФУПТ; беспилотные самолеты США впервые атакуют Пакистан; Асиф Зардари высылается за пределы страны.

2005 – маулана Фазлулла начинает радиовещание в долине Сват; более 70 000 жителей Пакистана погибают в результате мощного землетрясения.

2007 – армейские подразделения штурмуют Красную мечеть в Исламабаде; Беназир Бхутто возвращается в Пакистан; Фазлулла учреждает исламские суды; генерал Мушарраф посылает войска в долину Сват; в Пакистане возникает движение Талибан; Беназир Бхутто погибает в результате теракта.

2007–2009 – движение Талибан расширяет свое влияние в долине Сват.

2008 – Асиф Зардари становится президентом Пакистана; Мушарраф высылается за пределы страны.

15 января 2009 – Фазлулла объявляет о закрытии всех школ для девочек в долине Сват.

Февраль 2009 – пакистанское правительство заключает с движением Талибан мирное соглашение.

Апрель 2009 – Талибан нарушает условия соглашения и захватывает власть в долине Сват.

Май 2009 – пакистанская армия начинает операцию по изгнанию талибов из долины Сват.

Июль 2009 – правительство Пакистана объявляет, что долина Сват полностью освобождена от талибов.

Декабрь 2009 – президент Барак Обама дополнительно направляет в Афганистан армейские части численностью 33 000 человек; общая численность войск НАТО в Афганистане составила 1 400 000 человек.

2010 – 2000 жителей Пакистана становятся жертвами наводнения.

2011 – убит губернатор Пенджаба Салман Тасир; бен Ладен убит американскими военными в Абботтабаде; Малале присуждают пакистанскую Национальную премию мира.

9 октября 2012 – покушение на Малалу.

2013 – Мушарраф возвращается в Пакистан и подвергается аресту; несмотря на произвол движения Талибан, в стране проводятся выборы, в результате которых Наваз Шариф в третий раз получает пост премьер-министра.

12 июля 2013 – в день своего шестнадцатилетия Малала выступает в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке и требует предоставить всем детям, живущим на земле, возможность учиться.

Благодарности

В последний год я узнала, как велика любовь Господа; я узнала также, как безгранична человеческая любовь и как страшна человеческая ненависть. Мне помогало такое множество людей, что для того, чтобы перечислить их имена, потребовалась бы целая книга. Я хочу поблагодарить всех, кто молился за меня, в Пакистане и во всем мире, детей и взрослых, всех, чья поддержка помогла мне выжить. Я бесконечно признательна за каждый лепесток в присланных мне букетах, за каждую букву в письмах, которые я получила.

Мне выпало счастье быть дочерью замечательных родителей. Отец уважает мой образ мыслей и действий, он позволил мне с ранних лет стать его соратницей. Мама вдохновляет нас обоих в нашей правозащитной борьбе.

Господь даровал мне и замечательных учителей. Особенно я благодарна госпоже Ульфат, которая не только дала мне знания, но обучила терпению, толерантности и хорошим манерам.

За свое выздоровление, которое многие сочли чудом, я хочу поблагодарить докторов и медсестер из Центральной больницы долины Сват, Объединенного военного госпиталя в Пешаваре и госпиталя Института кардиологии в Равалпинди. В первую очередь я выражаю глубокую признательность своим спасителям – полковнику Джунаиду и доктору Мумтазу. Если бы не операция, которую сделали эти замечательные доктора, меня не было бы в живых. Отдельное спасибо доктору Асламу, следившему за моим состоянием после операции.

Я бесконечно признательна генералу Кайани, который принял в моей судьбе живейшее участие, и президенту Зардари и его семье, которые оказали мне неоценимое содействие и помощь. Моя особая благодарность – правительству ОАЭ и кронпринцу Мухаммеду бен Заеду за предоставленный самолет.

Доктор Джавид Кайани, который заставлял меня смеяться в минуты уныния, стал для меня вторым отцом. Благодаря ему процесс моего лечения и реабилитации в Великобритании прошел столь успешно. Доктор Фиона Рейнольдс утешала и поддерживала моих родителей в Пакистане, а меня – в Англии. Спасибо ей за то, что она нашла в себе мужество рассказать мне правду о покушении.

Все сотрудники госпиталя Королевы Елизаветы в Бирмингеме стали моими лучшими друзьями. Джулия и другие медсестры были ко мне бесконечно добры, а Бет и Кейт заботились обо мне, как родные. Я особенно признательна Име Чудхари, которая

следила за тем, чтобы у меня было все необходимое, включая еду из KFC.

Доктор Ричард Ирвинг заслуживает отдельного упоминания – проведенная им операция вернула мне улыбку. Настоящее чудо совершила и доктор Энвин Уайт, восстановившая мой череп.

Фиона Александр не только информировала журналистов о ходе моего лечения, но и содействовала в обустройстве нашей жизни в Англии. Именно она помогла мне и моим братьям поступить в школу. Улыбка, неизменно сияющая на ее лице, всегда приводит меня в восхищение.

Молитвы Реханны Садиг и беседы с ней не давали мне пасть духом и служили для меня источником силы и стойкости.

Я очень благодарна Шизе Шахид и ее семье за их доброту и помощь в создании «Фонда Малалы». Выражаю признательность компании «McKinsey & Company», в которой работает Шиза, за содействие в организации фонда. Спасибо всем замечательным людям и организациям, благодаря которым фонд был создан, в особенности Меган Смит, фонду ООН, «Vital Voices» и «BeeSpace». Отдельная благодарность Самар Миналле, которая приложила много усилий, чтобы «Фонд Малалы» стал реальностью.

Я бесконечно признательна всем сотрудникам фирмы «Edelman», в особенности Джейми Лунди и его коллеге Лоре Крукс. Без них мой отец просто сошел бы с ума.

Спасибо Гордону Брауну, благодаря которому наша правозащитная борьба приняла международный размах, и всем замечательным сотрудникам его офиса. Отдельная благодарность – Пан Ги Муну за постоянную поддержку.

Выражаю признательность бывшему послу Пакистана в Лондоне, Ваджиду Шамсулу Хасану, главе канцелярии посольства Афтабу Хасану Хану и его супруге, которые оказали нам неоценимую помощь. Благодаря им мы сумели устроиться в чужой стране, найти здесь жилье и средства к существованию. Спасибо и нашему шоферу Шахиду Хуссейну.

Что касается книги, то, разумеется, прежде всего я должна поблагодарить Кристину, которая помогла моим мечтам воплотиться в жизнь. Я и представить не могла, что человек, родившийся вдали от Пакистана, может питать к нашей стране такую безграничную любовь и так глубоко понимать наши проблемы.

Нам повезло и с превосходным литературным агентом Каролиной Саттон, которая вложила в реализацию нашего проекта все свои силы, и с восхитительной командой редакторов. Джуди Клейн и Арзу Тасин сделали все, чтобы моя история была рассказана как можно лучше.

Спасибо Абдулу Хай Какару, моему наставнику и большому другу моего отца, который прочел всю книгу от корки до корки и сделал множество ценных замечаний, и Инаму уль-Рахиму, тоже другу моего отца, сообщившему немало ценных сведений по истории нашего региона.

С особым чувством я благодарю Анджелину Джоли за ее щедрый вклад в «Фонд Малалы».

Спасибо всем учителям школы Хушаль, благодаря которым она продолжает работать в отсутствие моего отца.

Вся наша семья благословляет тот день, когда в двери нашего дома вошла женщина по имени Шахида Чудхари. Она стала для нашей семьи настоящим добрым ангелом. Познакомившись с ней, мы узнали, что это значит – быть волонтером.

И в самом конце, но не в последнюю очередь, я говорю спасибо Монибе, моей замечательной подруге, и моим братьям, Хушалю и Аталу, благодаря которым я до сих пор чувствую себя ребенком.

Малала Юсуфзай

Любой иностранец, которому выпало счастье побывать в долине Сват, знает, как гостеприимны местные жители. Я хочу поблагодарить всех, кто мне помогал, в особенности Мариам, а также учителей и учеников школы Хушаль, Ахмеда Шаха, познакомившего меня с Мингорой, и Султана Рома, показавшего мне Шанглу. Я признательна также генералу Асиму Баджва, полковнику Абиду Али Аскари, майору Тарику и пресс-службе Пакистанской межведомственной разведки, которые оказывали мне содействие на протяжении всего моего визита. Спасибо также Адаму Эллику, познакомившему меня со своими заметками.

Я бесконечно признательна сотрудникам госпиталя Королевы Елизаветы в Бирмингеме, которые делали все, чтобы мне помочь. Особое спасибо – Фионе Александр и доктору Кайани. Мой агент Давид Гудвин, как всегда, был великолепен, а получить таких редакторов, как Джуди Клейн и Арзу Тасин, – это большая удача. Я благодарна также Мартину Ивенсу, моему редактору в «Sunday Times», который предоставил мне свободное время для осуществления этого проекта. Эта книга захватила меня целиком, и я благодарна моему мужу Паоло и сыну Лоренцо за бесконечное понимание, которое они проявили.

И конечно, прежде всего я благодарна Малале и ее удивительной семье за то, что они поделились со мной своей историей.

Кристина Лэм

О «Фонде Малалы»

Когда я писала эту книгу, я ставила перед собой одну цель – поднять голос в защиту всех девочек в мире, лишенных права ходить в школу и возможности реализовать свой потенциал. Надеюсь, что моя история вселит в этих девочек уверенность и вдохновит их на борьбу за собственные права. Но моя миссия на этом не заканчивается. Моя миссия, наша миссия – всячески содействовать повсеместному внедрению образования для девочек. Только образование поможет им изменить свою жизнь и жизнь общества, к которому они принадлежат.

Именно поэтому я и организовала «Фонд Малалы».

Учредители фонда верят, что каждый ребенок, мальчик или девочка, способен изменить мир, если дать ему шанс. Для того чтобы дать детям этот шанс, фонд стремится изменять традиционные подходы, внедрять новаторские решения и содействовать широкому распространению не только грамотности, но знаний, умений и навыков, которые помогут детям создать лучшее будущее.

Я надеюсь, что вы присоединитесь к нам и совместными усилиями мы добьемся того, чтобы все дети на земле получили возможность учиться.

Жду вас!

Вы можете найти информацию о фонде на сайте malalafund.org.

Посетите нашу страницу на «Фейсбуке» Facebook.com/MalalaFund и подключайтесь к диалогу в «Твиттере» Twitter.com/MalalaFund/.

Интервью, которое Джуди Клейн взяла у Малалы Юсуфзай

Джуди: Как поживаешь, Малала? Я так рада слышать твой голос.

Малала: И я тоже рада слышать ваш голос.

Дж.: Как вообще твоя жизнь? Сейчас ведь опять Рамадан!

М.: Все замечательно. И Рамадан проходит чудесно.

Дж.: Прошел год с тех пор, как в разных странах вышла твоя книга. Можешь ли ты назвать свою нынешнюю жизнь упорядоченной?

М.: Пятница – последний день занятий, а потом начинаются летние каникулы. Пока же мой день ничем не отличается от дня других школьников. Мама или папа вынуждены будить меня по утрам. Я так и не научилась вставать самостоятельно! В школе ко мне относятся как к обычной девочке. Правда, у меня появилось множество друзей. Когда я прихожу из школы домой, люблю немного отдохнуть, поскольку потом обязательно будет интервью или участие в какой-то программе. Так протекает мой нормальный день. Если выпадают свободные минуты, я слушаю новости или музыку. А в остальное время делаю домашнее задание.

Дж.: Если оглянуться назад, что ты думаешь о том времени, когда ты участвовала в презентациях своей книги, выступала перед большими залами, давала интервью, встречалась с королевой и многими другими выдающимися людьми?

М.: Поначалу мне это очень нравилось, но, когда приходится снова и снова произносить одни и те же слова, становится скучновато. Но люди, с которыми я встречалась, были очень добры ко мне. Они дарили мне свою энергию, и я говорила все то, что хотела сказать, передавала послания, которыми хотела с ними поделиться. Люди всегда были рады меня увидеть и задать вопросы. Их любовь и воодушевление давали мне энергию и желание снова и снова делать то, что я делала.

Дж.: Расскажи о своих родителях. Как твоя мама? Как изменилась ее жизнь? Считаешь ли ты, что из всей вашей семьи ее жизнь изменилась сильнее всего?

М.: И поначалу, и даже сейчас ей довольно трудно жить на новом месте, которое полностью отличается от нашего привычного уклада. Она почти не говорит по-английски. Хотя мама и ходит за покупками, ей требуется помощь в разговоре с продавцами и даже в том, чтобы вызвать такси. Ее здешний круг

общения совсем невелик. В Пакистане соседи вам как братья и сестры. Они приходят к вам домой. Вы ходите к ним. В Англии все по-другому. Соседи здесь не ходят друг к другу домой. Здесь отсутствует дух общности.

Дж.: А как твои братья?

М.: Атал просто молодец. Он очень быстро привык к английской жизни. Приспособился к местным условиям легче, чем мы. Кушаль тоже приспосабливается, но ему требуется чуть больше времени. Во всем остальном мои братья ничуть не изменились и по-прежнему не прочь устроить со мной потасовку! Иногда я дерусь с ними. Я всегда думала: если на тебя нападают, нужно постоять за себя.

Дж.: Что в жизни на Западе, вдали от Пакистана, оказалось для тебя наиболее удивительным?

М.: Первое, о чем я сразу вспоминаю, когда мне задают такой вопрос… В Англии… не скажу, что во всех западных странах… люди соблюдают правила движения и не злоупотребляют звуковыми сигналами. Поэтому на улицах здесь так тихо и спокойно. Для меня было приятно и удивительно узнать о существовании страны, где каждый соблюдает дорожные правила.

Дж.: Как забавно. А чего тебе больше всего недостает по сравнению с твоей пакистанской жизнью?

М.: Очень многого. Я скучаю по своим подругам, по прежней школе. Мне жаль, что в день окончания школы я не смогу собраться с теми, с кем училась столько лет, и поговорить о прошлом. А это ведь так здорово – вспоминать совместно проведенные двенадцать или тринадцать лет. Они закончат школу без меня, и у меня никогда не будет возможности провести последние школьные минуты вместе с давними друзьями.

Дж.: Ты продолжаешь общаться со своей лучшей подругой Монибой?

М.: В бирмингемской школе, где я сейчас учусь, у меня постоянно появляются хорошие друзья, но никто из них не похож на Монибу. Разумеется, в характере Монибы есть хорошие и плохие стороны. Но ведь и у меня тоже хватает недостатков! Когда я жила на родине, мы с Монибой принимали друг друга такими, какие есть, и всегда были вместе. Ребята в новой школе настроены ко мне дружелюбно и готовы помочь, однако я считаю, что очень важно, когда у тебя есть друг или подруга, способные тебя поддержать в самых безнадежных ситуациях. Человек, рядом с которым тебе хорошо и в большой печали, и в большой радости.

Дж.: Монибе хотелось узнать подробности твоей встречи с английской королевой? Интересуют ли ее такие события твоей жизни? Обсуждаешь ли ты их с Монибой или нет?

М.: Мы не говорим о том, с кем я встречалась и какие разговоры вела. Иногда она сетует: «Малала, ты ничего не рассказываешь о таких вещах, и я вынуждена узнавать о них от других. Я же твоя подруга и потому должна была бы узнавать обо всем раньше остальных. Как после этого я могу говорить, что ты моя лучшая подруга?» Я ей отвечаю: «Ты моя лучшая подруга в том смысле, что я делюсь с тобой своими чувствами. Я рассказываю тебе много такого, чего не смогла бы рассказать больше никому. А что касается встреч вроде приема у королевы… вряд ли интересно об этом рассказывать. Потому я ничего тебе и не рассказываю».

Дж.: Когда ты думаешь обо всем, что случилось с тобой, о необходимости покинуть Пакистан и начать новую жизнь в Бирмингеме, о выходе книги, о создании «Фонда Малалы»… какие чувства ты испытываешь?

М.: Прежде всего я увидела любовь и поддержку со стороны незнакомых людей, и это меня искренне изумило. Я и представить не могла, что люди, просто глядя на меня, будут плакать. Реакции у всех разные. Кто-то говорил: «Малала, береги себя. Наслаждайся тем, что ты теперь живешь здесь». Другие говорили: «Малала, мы с тобой». А кто-то просто плакал, не в силах вымолвить ни слова. Они протягивали мне экземпляры книги и открытки для автографа, просили разрешения сфотографировать. Иные подходили ко мне и крепко обнимали. Иногда я думаю: «Почему люди так интересуются мной? Что такого я сделала, что вызывает их интерес? Действительно ли мои дела пошли во благо человечеству или мне нужно наращивать усилия? Чего ожидают от меня люди?» Все, что я делала в прошлом ради того, чтобы девочки смогли учиться, было лишь началом. Я ощущаю постоянную необходимость делать все больше и больше. Это главнейшая цель моей жизни. Но я не могу достичь ее в один прыжок. К таким целям идешь постепенно, шаг за шагом. Однако я намерена достичь поставленной цели. Поэтому, когда я вижу поддержку со стороны других людей, я испытываю не только настоящее счастье, но и чувствую свою ответственность. Люди чего-то ждут от меня и надеются, что я реализую их ожидания. Я тоже полна надежд, что у меня все получится… Совсем другой опыт мне принесли встречи с очень известными и интересными людьми. Я пережила немало волнующих моментов, поскольку у нас есть свои представления, как протекает жизнь знаменитостей. Мы думаем, что они не похожи на нас, что они не живут нормальной жизнью. А все эти знаменитости – кумиры шоу-бизнеса, политики, певцы и актрисы, – они такие же, как мы. Они – люди.

Дж.: Расскажи о своей поездке на сирийскую границу. Должно быть, это принесло тебе волнующие впечатления.

М.: В моей прежней жизни в Свате и моей нынешней английской жизни есть моменты, которые я никогда не забуду. Моя поездка в Иорданию была в высшей степени… даже не знаю, какими словами это описать. Но я никогда не забуду эту поездку, поскольку когда я ехала на иордано-сирийскую границу, то никак не ожидала увидеть огромную толпу людей, переправлявшихся из Сирии в Иорданию. Я не ожидала увидеть босоногих, скудно одетых женщин и детей. Эти беженцы совершенно не представляли, куда они идут, будет ли у них кров над головой и впоследствии – новое жилище. Они совершенно не представляли, могут ли рассчитывать на еду и питье. Приехав на границу, я увидела все это собственными глазами. Детей, женщин, мужчин, бездомных. Они не знали, куда им идти, поможет ли им кто-нибудь на иорданской стороне. Все, чего они хотели, – это поесть и почувствовать себя в безопасности. Я подумала о тех, кто живет в безопасности и не нуждается… Они должны материально помочь беженцам. Беженцам не нужна роскошь, они не хотят больших современных домов. Они всего-навсего хотят мира. Они всего-навсего хотят оказаться там, где с ними будут обращаться как с равными, где их накормят, где нет войны, где каждый день не наполнен страхами и где с неба не падают бомбы.

Дж.: Малала, ты ездила туда со своим отцом?

М.: Да, с отцом и со всей командой «Фонда Малалы».

Дж.: Как ты общалась с беженцами? Ты же говорила, что видела огромную толпу. Конечно же, все они знали, кто ты такая. Как протекало ваше общение?

М.: Мне удалось помочь нескольким женщинам. Они шли вместе с детьми и несли просто огромные мешки, набитые одеждой и другими необходимыми вещами. Дети тащили эти мешки наравне со взрослыми. Я не могла смотреть, как малыши сгибаются под такой тяжестью, и я забирала их ношу и несла сама. Я перезнакомилась со множеством малышей. Они не понимали, куда ведут их взрослые, и радовались возможности поиграть и побегать. Я говорила с ребятами постарше, спрашивала, как отразилась война на их занятиях. Они мне рассказали, что их учеба в школе оборвалась еще три года назад. В таком возрасте каждый год очень важен, а когда ты не учишься, потом это плохо отразится на твоей карьере. Поэтому сейчас очень важно возобновить обучение таких детей. Это насущная необходимость. Вот почему «Фонд Малалы» запустил проект, помогающий детям беженцев получить качественное образование.

Дж.: Ты тревожишься за свою безопасность? Насколько знаю,

ты всегда очень философски относилась к этому.

М. (смеется): Нет, о своей безопасности я не тревожусь. Честно говоря, меня куда больше заботит безопасность людей во всем мире, в особенности бедняков на Ближнем Востоке, потому что они находятся в крайне тяжелом положении. Их не тысячи, а миллионы. Миллионы бездомных, которых война вынудила бежать из родных стран и обрекла на страдания. Их положение меня очень тревожит. Я думаю, мы должны отстаивать их право на мирную жизнь и безопасность. Мы должны объединить усилия ради достижения этой цели. Очень важно, чтобы все мы думали о глобальных решениях этих проблем, поскольку любая страна без своего народа – пустое место. Что бы вы стали делать с безлюдными пространствами? Политики, президенты, правители должны думать о людях, живущих в их странах, поскольку именно эти люди их выбирают, рассчитывая, что власть позаботится о безопасности и справедливости и о том, чтобы никто не голодал.

Дж.: Каковы твои планы на будущий год? Каких целей ты хотела бы достичь?

М.: У меня огромное количество надежд и столько же грандиозных мечтаний. Я надеюсь, что с помощью «Фонда Малалы» мы осуществим больше проектов и распространим свое влияние на большее число страдающих стран, где дети лишены возможности учиться. Сюда входит работа непосредственно на местах и просветительская деятельность. Мы хотим донести до сознания жителей разных мест, как взрослых, так и детей, насколько важно получить образование; и в индивидуальном плане, и в плане жизни целого поколения. В работу на местах входит также строительство школ, поиск квалифицированных учителей и обеспечение учащихся всем необходимым для учебы. Вот такие у нас громадные замыслы, и мы надеемся их осуществить. Мы хотим работать в Индии, в ряде стран Ближнего Востока, где в лагерях беженцев много детей. Мы хотим продолжить работу в некоторых африканских странах, а также в Пакистане. Как видите, планов на будущий год у нас более чем достаточно.

Дж.: Это все большие планы. А какие планы у тебя самой? Что Малала хочет достичь для себя?

М.: Я надеюсь в будущем году сдать все экзамены, в том числе и экзамены повышенной сложности, и закончить школу с хорошими результатами.

Дж.: Можешь ли ты назвать какого-нибудь конкретного человека, чьи взгляды и деятельность оказали на тебя сильное влияние?

М.: Я встречала немало людей, вызывавших у меня искреннее восхищение, но назвать кого-то одного я не могу. Общаясь с людьми, я всегда стараюсь перенять у них то, что расширит мой кругозор и поможет мне стать смелее и заботливее. Встреча с каждым человеком меня чему-нибудь да учит. Я встречалась с Крейгом Кильбургером – основателем движения «Освободи детей». Меня просто потрясло, что свою организацию он создал в двенадцатилетнем возрасте, вместе с несколькими сверстниками, а теперь ее деятельность распространяется на весь мир. Мечта, возникшая у него в двенадцать лет, осуществляется. Он видит, как это происходит, и сам участвует в ее осуществлении. Значит, и мои мечты обязательно осуществятся, и я увижу массу девочек, ходящих в школу и получающих качественное образование. И массу мальчиков. Словом, массу детей, учащихся в школах. Это давало мне надежду. Я говорила себе: «У тебя это получится».

Дж.: Надежда очень важна. Я знаю, что ты по-прежнему мечтаешь вернуться в Пакистан. Это так?

М.: Да. Я тоскую по Пакистану, по своей родной стране. Это прекрасная страна. Я знаю: люди думают, что в Пакистане повсюду террористы и положение там крайне тяжелое. Не стану это отрицать. Но Пакистан – очень красивая страна. У нас есть все четыре времени года, горы, ледники, леса, холмы и пустыни. Пакистан – прекрасное место, и я надеюсь, что там наступит мир и я смогу вернуться на родину и продолжать свою работу уже там. Незадолго до того, как в меня стреляли, я стала задумываться о школьном образовании и о создании «Фонда Малалы». Я наблюдала окружающую жизнь и мечтала, что все дети, которые моют посуду и чистят одежду в чужих домах, будут ходить в школу. Я видела их с книжками в руках, за партами, в красивой форме. Такие были у меня мечты. И я надеюсь вернуться в Пакистан и сделать так, чтобы мечты начали превращаться в реальность.

Дж.: Как ты думаешь, твои братья хотят вернуться в Пакистан?

М.: Мы все хотим вернуться, но насчет младшего (Атала) я не особо уверена. Он будет полностью отличаться от нас. Иногда он говорит о родине, но мало. Надо учитывать его возраст. Из Свата его увезли совсем маленьким, и потому он легко приспособился к жизни в новой стране. Но хочется надеяться, что и он помнит красоты Пакистана.

Дж.: Есть ли пакистанские кушанья, по которым ты скучаешь?

М.: Я живу в хорошем месте. В Бирмингеме так много выходцев из Индии и Пакистана, что найти халяльную,

индийскую и пакистанскую еду не составляет труда. Но в Шангле, где мы жили, большинство домов – это глинобитные хижины, где нет ни природного газа, ни современных плит, отчего процесс приготовления пищи совсем другой. В Пакистане еду готовят на дровах. Сидеть принято не на стульях, а на подстилках, расстеленных на полу. Быт очень отличается от английского. Я прожила в том мире с рождения и успела привыкнуть. Приехав в Англию, мне пришлось учиться есть за обеденным столом, пользоваться вилкой и ножом и соблюдать определенные правила. Традиционная пакистанская трапеза мне как-то привычнее. Особенно это чувствуешь, когда ешь вилкой кушанья, которые на родине мы всегда ели руками. И конечно, есть такие кушанья, которые можно найти только в Пакистане.

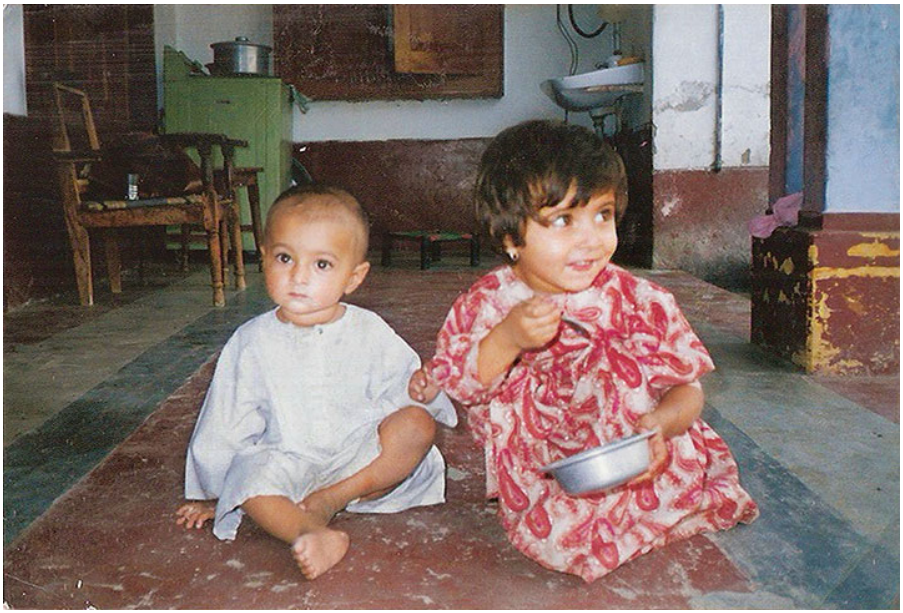
Дж.: Изменилось ли твое отношение к Талибану?

М.: Нет. Я никогда не думаю об этом в таком ключе. Когда я слышу разные истории… в том числе историю о девочке по имени Малала, в которую стреляли талибы… для меня это всего лишь история. Я никак не связываю свою жизнь с тем событием. Я осталась прежней. Прежними остались мои мечты и надежды. Я надеюсь, что сумею продолжить свое путешествие и заниматься тем, чем мне всегда хотелось заниматься: отправить каждого ребенка в школу. Я очень хочу, чтобы «Фонд Малалы» пополнялся новыми пожертвованиями. Даже если я сумею отправить в школу только одного ребенка, это будет большим достижением. Этот ребенок вырастет и потом поведет в школу своих детей. Если в перспективе нам удастся сделать так, чтобы в каждой семье хотя бы один ребенок учился в школе, это станет большим шагом вперед. Я буду делать все, что в моих силах, для блага моей родины.

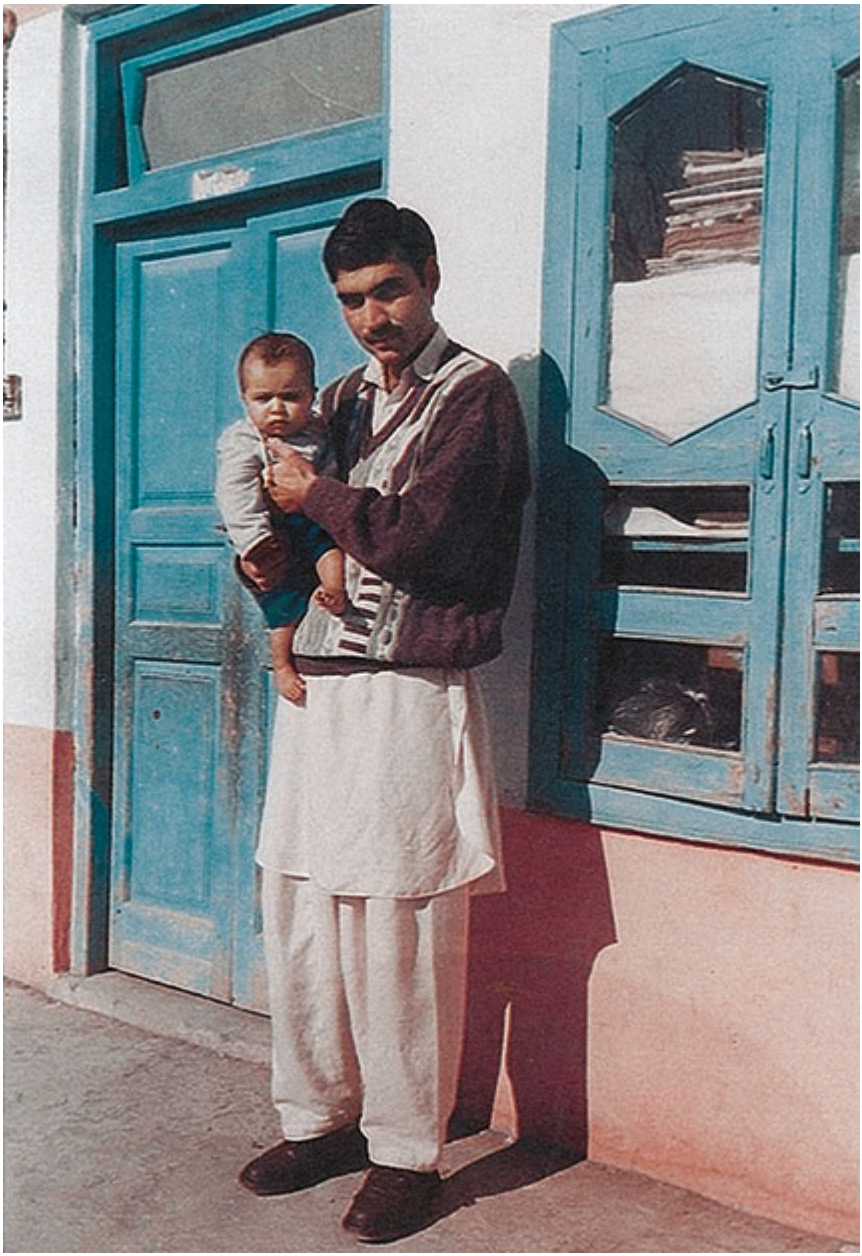
Вклейка

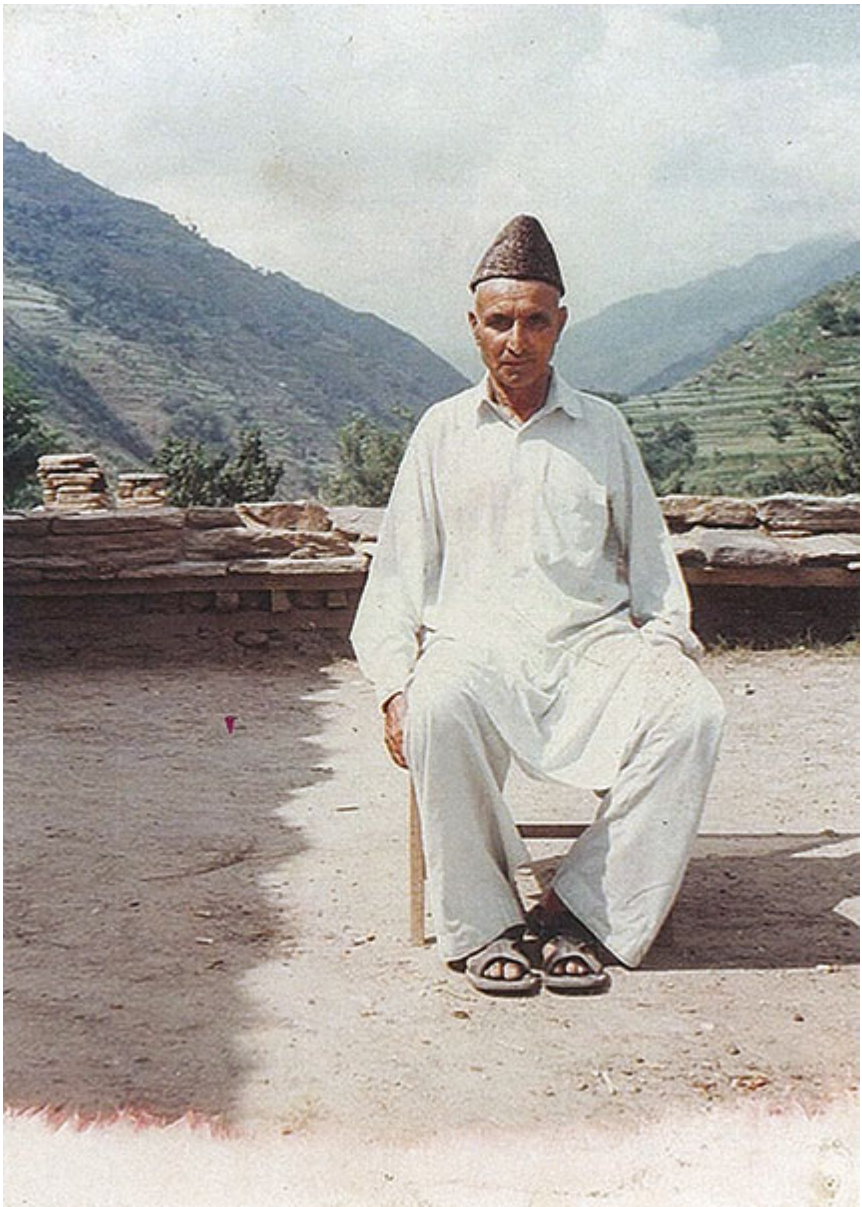
Я маленькая

Вместе с братом Хушалем в Мингоре

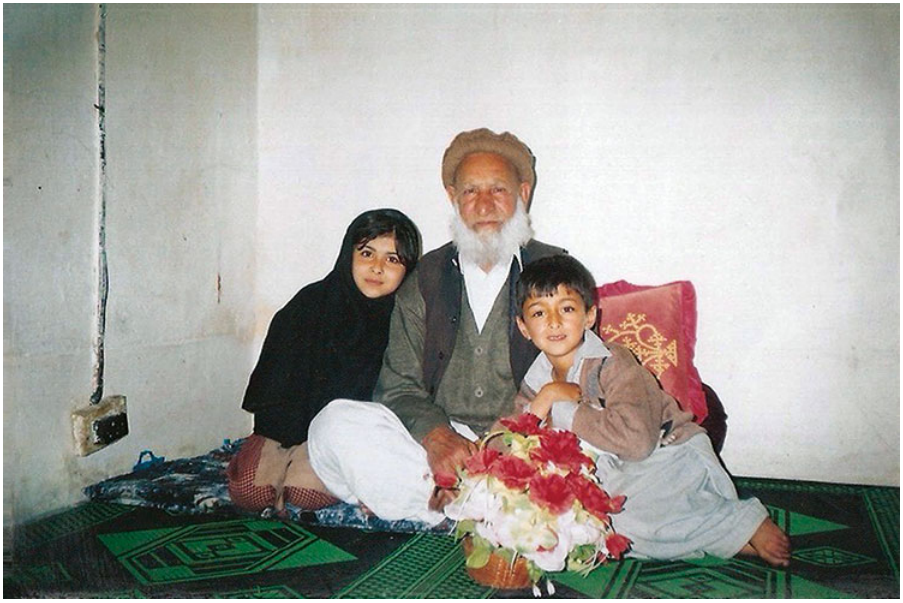
Хидаятулла, друг моего отца, держит меня на руках перед зданием нашей первой школы

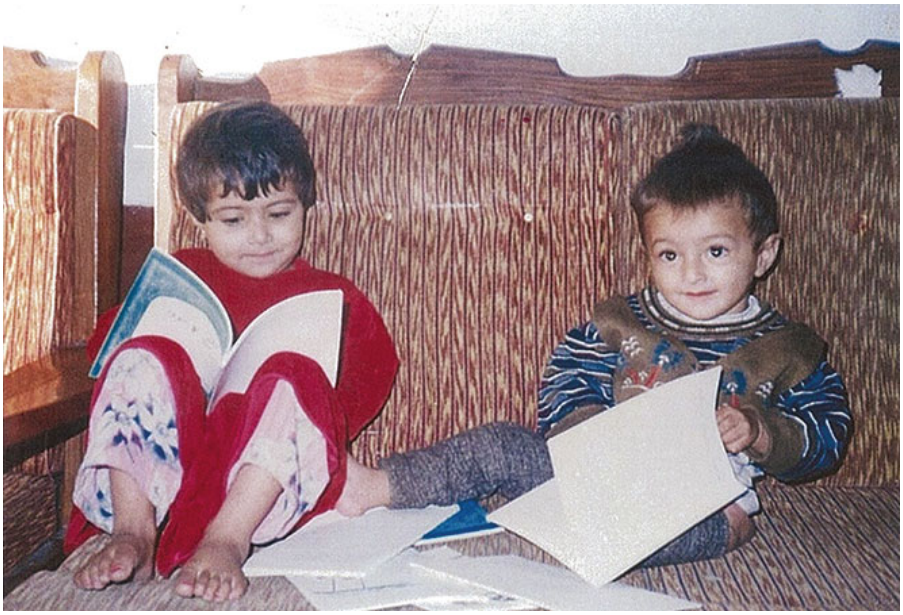
Малик Джансер Хан, дедушка по материнской линии, в Шангле

Дом, где провел детство мой отец

Баба, дедушка по отцовской линии, со мной и Хушалем в нашем доме в Мингоре

Читаем с братом Хушалем

Вместе с братом Хушалем прекрасно проводим время у водопада в Шангле

Школьный пикник

Совместная молитва в школе Хушаль

В начале люди жертвовали Фазлулле очень много денег

Представитель талибов проводит публичную порку

Выступаю с речью, чтобы почтить память людей, погибших во время теракта у школы Хаджи Баба

Участвую в школьном спектакле

Рисую в школе

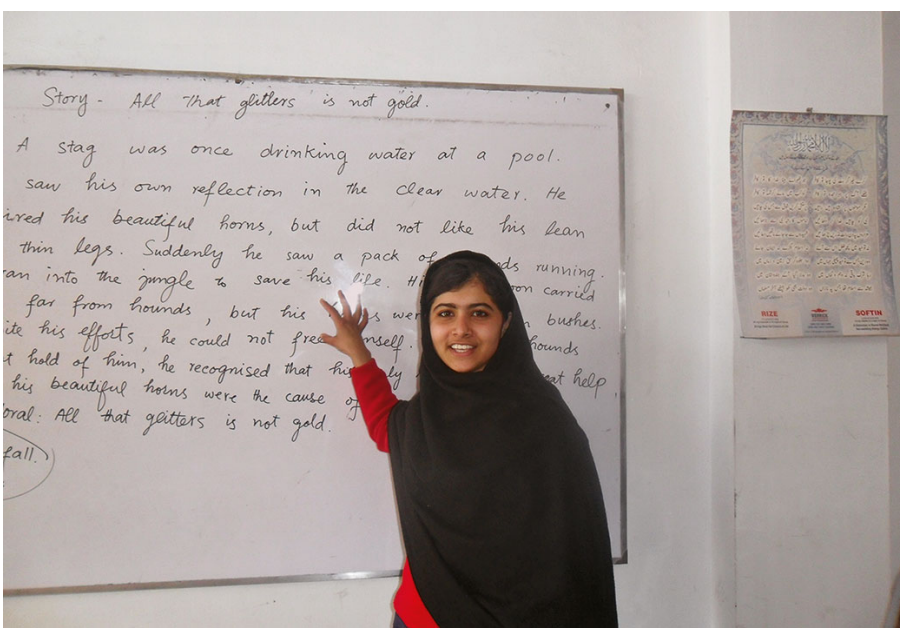
Картина, нарисованная мною в 12 лет, сразу после того, как мы вернулись домой после освобождения долины Сват от власти талибов. Нарисована мечта о межконфессиональной гармонии

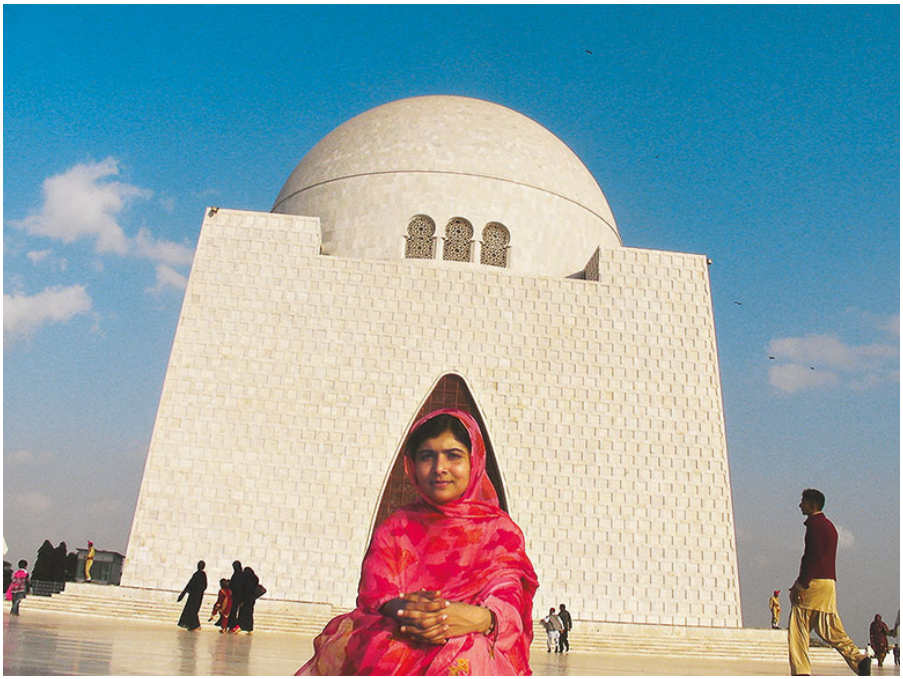
Лепим снеговика вместе с Аталом в нашем саду в Мингоре

Во время визита в Спал-Банди, где жил отец во время учебы

В школе читаю басню «Не все то золото, что блестит»

У гробницы Джинны, основателя Пакистана

Отец и старейшины Свата

Школа, пострадавшая от бомбежки
Copyright © Kh Awais

Автобус, в котором меня ранили
Copyright © Asad Hashim / Al Jazeera.
С любезного разрешения Al Jazeera English; AlJazeera.com

Доктор Фиона и доктор Джавид у моей постели

Copyright © University Hospitals Birmingham NHS Foundation Trust; с любезного разрешения администрации госпиталя Королевы Елизаветы в Бирмингеме

Первые дни в госпитале в Бирмингеме

Copyright © University Hospitals Birmingham NHS Foundation Trust; с любезного разрешения администрации госпиталя

Королевы Елизаветы в Бирмингеме

За чтением в госпитале

Copyright © University Hospitals Birmingham NHS Foundation Trust; с любезного разрешения администрации госпиталя Королевы Елизаветы в Бирмингеме

Директор нашей школы госпожа Мариам (слева) и Шазия, одна из девочек, которых ранили вместе со мной

Мои друзья сохранили мое место (крайнее справа) в классе

Сэр Амджад, директор школы для мальчиков, каждое утро здоровается с моим изображением на постере

Copyright © Justin Sutcliffe, 2013

Я в ООН с Пан Ги Муном, Гордоном Брауном, семьей и друзьями

Copyright © UN Photo / Eskinder Debebe; с любезного разрешения дирекции Фотоархива ООН

Выступление в ООН в день шестнадцатилетия

Copyright © UN Photo / Rick Bajornas; с любезного разрешения дирекции Фотоархива ООН

С мамой в Медине

Всей семьей около нашего нового дома в Бирмингеме
Copyright © Antonio Olmos

notes

Сноски

1

Фидаи, фидаины (буквально – человек, жертвующий собой во имя веры, идеи) – термин, обозначающий членов ряда революционных боевых партий, участников национально-освободительных движений, террористических организаций и групп.

2

Кааба – это постройка в форме куба, находящаяся в Мекке во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам (Заповедная мечеть).